

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 1
(25)

Москва
2013

ISSN 1681-1062

Научный журнал

*Основан в январе 2001 года
Выходит два раза в год*

Редакционная коллегия:

*А. М. Молдован (главный редактор), А. А. Алексеев, Х. Андерсен (США),
Ю. Д. Апресян, А. Богуславский (Польша), И. М. Богуславский, Д. Вайс (Швей-
цария), Ж. Ж. Варбот, А. Вержбицкая (Австралия), А. А. Гиптус, М. Ди Сальво
(Италия), Д. О. Добровольский, В. М. Живов, А. Ф. Журавлев, А. А. Зализняк,
Е. А. Земская, Х. Кайперт (Германия), Л. Л. Касаткин, Э. Кленин (США),
Л. П. Крысин, Р. Лясковский (Швеция), Х.-Р. Мелиг (Германия), И. Мельчук
(Канада), Н. Б. Мечковская (Беларусь), Е. В. Падучева, А. А. Пичхадзе (ответ-
ственный секретарь), В. А. Плунгян, Т. В. Рождественская, Д. В. Сичинава,
А. Тимберлейк (США), Х. Томмола (Финляндия), М. Флайер (США), А. Я. Шай-
кевич, А. Д. Шмелев*

Адрес редакции:

119019, Москва, ул. Волхонка 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова
РАН, Редакция журнала «Русский язык в научном освещении».
Тел.: (495) 637-79-92, факс: (495) 695-26-03, e-mail rusyaz@yandex.ru

Зав. редакцией М. С. Мушинская

Редакторы номера А. А. Пичхадзе, Е. И. Державина
Корректоры А. К. Петрова

Редакция журнала «Русский язык в научном освещении» просит авторов
присылать статьи в журнал на адрес rusyaz@yandex.ru.
Все публикации бесплатны.

Подписка на журнал оформляется в любом отделении связи
по Объединенному каталогу «Пресса России», индекс 44088.

© Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН, 2013
© Авторы, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Исследования

<i>Е. В. Рахилина, В. А. Плунгян.</i> Временные значения русских предлогов: границы метафоризации.....	5
<i>О. Ю. Инькова.</i> «А в остальном, прекрасная маркиза...»: о семантике <i>в остальном, в прочем и впрочем</i>	21
<i>Г. И. Кустова.</i> Системные связи и системные значения экспериенциальных прилагательных: предметные и пространственные контексты.....	41
<i>Л. Л. Касаткин.</i> Аканье и яканье в одном старообрядческом говоре и вопросы истории этих систем вокализма.....	70
<i>Д. М. Савинов.</i> О некоторых аспектах изучения русских говоров Северо-Запада (инструментально-фонетическое исследование системы гласных в одном идиолекте)	86
<i>С. К. Пожарицкая, Н. Л. Самсонова.</i> Некоторые наблюдения над структурой и семантикой наречий в одной диалектной системе (д. Деулино Рязанского р-на Рязанской обл.)	111
<i>В. Ю. Гусев.</i> История говорки (русского таймырского пиджина) по лингвистическим данным.....	135
<i>Е. А. Никишина.</i> Жанр «письмо в газету» в 20-е гг. XX века в советской России и в эмиграции (на материале писем-просьб)	158
<i>Т. В. Шалаева.</i> Об обозначении истины и истинности в русском языке: <i>подлинный</i> и <i>вся подноготная</i>	183
<i>Е. А. Власова.</i> Состав и распределение опорных предикатов при чужой речи в русской летописной традиции XI—XVI вв.	194
<i>С. М. Кусмауль.</i> Нормализация употребления дублетных букв по принципу антистиха в процессе книжной sprawy середины XVII века	223
<i>Б. А. Успенский.</i> Заумная речь у Сумарокова.....	244

Информационно-хроникальные материалы

Хроника II Международной научной конференции «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология» (Е. О. Борисова, В. С. Кучко).....	254
Хроника IV Международной научной конференции «Актуальные проблемы русской диалектологии» (А. В. Малышева).....	267
Отчеты о диалектологических экспедициях Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН в 2012 г. (под общ. ред. А. В. Тер-Аванесовой).....	272
Экспедиция в Ростовскую область (Л. Л. Касаткин).....	272
Экспедиция в село Роговатое Старооскольского района Белгородской области (С. В. Дьяченко, И. И. Исаев, А. В. Малышева, А. В. Тер-Аванесова).....	275
Экспедиция в село Краснолипые Репьёвского района Воронежской области (С. В. Дьяченко, И. И. Исаев, А. Д. Черенкова).....	285
Экспедиция в село Татарово Муромского района Владимирской области (С. В. Дьяченко, И. И. Исаев, А. В. Малышева).....	287
Экспедиция в Тарногский район Вологодской области (Л. Ю. Зорина, И. И. Исаев).....	292
Экспедиция в Верхнекамский район Кировской области (Т. Н. Коробейникова).....	295

Рецензии

Проспект Активного словаря русского языка / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М., 2010. (С. М. Толстая).....	301
А. П. М а й о р о в. Словарь русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье. М., 2011. (И. А. Корнилова).....	311

Обзоры

В. Л. В а с и л ь е в. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М., 2012 (А. Е. Аникин).....	317
---	-----

Е. В. РАХИЛИНА, В. А. ПЛУНГЯН

ВРЕМЕННЫЕ ЗНАЧЕНИЯ РУССКИХ ПРЕДЛОГОВ: ГРАНИЦЫ МЕТАФОРИЗАЦИИ¹

1. Введение

Предложные конструкции, о которых пойдет речь в этой статье, с традиционной точки зрения могли бы быть классической иллюстрацией к той общеизвестной метафоре, которая в формулировке [Lakoff & Johnson 1980 / 2003] выглядит как TIME IS SPACE. Представления, лежащие в основе этой концепции, сводятся к следующим основным положениям.

- Пространственные значения предлогов исходны по отношению к временным.
- Метафоризуясь, они трансформируются во временные за счет того, что временные концепты приобретают топологические характеристики пространственных предметов.
- Этот переход не сопровождается никакими другими семантическими процессами: когда время становится пространством, предлог автоматически «пересчитывает» свое значение с пространственного на временное.

Сказанное хорошо иллюстрируют следующие пары русских предложных конструкций с примерными толкованиями и описанием ожидаемого метафорического сдвига.

- (1) *Через лес* (забор, реку) = 'преодолев пространственное препятствие'
Через час (урок, столетие) = 'ПОСЛЕ временного промежутка или события'

Метафора: 'временной промежуток или событие как пространственное препятствие'.

Екатерина Владимировна Рахилина, Высшая школа экономики / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва); Владимир Александрович Плунгян, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва).

¹ В данной статье использованы результаты проекта, выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 г., а также Президиума РАН «Корпусная лингвистика».

(2) *Перед дверью* ⟨*зеркалом, лошадьё*⟩ = ‘близко от фасадной (повернутой к наблюдателю)² стороны предмета’

Перед обедом, началом, свадьбой = ‘ДО начала события’

Метафора: ‘начало (приближающегося) события как фасадная сторона предмета’.

Такого рода соотношение пространственных и временных контекстов можно было бы назвать «каноническим», или «прозрачным». Заметим, что в таком общем виде оно не противоречит ни одному из более современных теоретических подходов к определению метафоры — ни теории Blended Spaces [Fauconnier, Turner 2008], ни подходу У. Крофта [Croft 1993], который предпочитает опираться на понятие домена, ни подходу Д. Герартса [Peirsman, Geeraerts 2006], апеллирующему к более традиционной трактовке метафоры как сходства (в противоположность смежности), ни подходу Московской семантической школы [Падучева 2004; Кустова 2004], использующей для описания метафор понятие «тематического класса»: во всех перечисленных теориях именно такое представление о соотношении времени и пространства признано и «канонизировано».

Очевидно, однако, что оно реализуется далеко не всегда. С одной стороны, есть — и немало — пространственных предлогов, которые вовсе не развивают временных значений, как в русском *над, при, из-за, вдоль, поперек, напротив*, etc.³ С другой стороны, во многих парах пространственных и временных значений одного и того же предлога невозможно установить какой-нибудь параллелизм и даже просто обнаружить прямую метафору: предлог в них реализует принципиально разные значения, ср. ⟨*упал*⟩ *за диван* — ⟨*сделал*⟩ *за час* и др. под.

Ввиду этого возникает вопрос о том, в какой степени правомерен общий тезис TIME IS SPACE — иными словами, в какой степени время и пространство в предложных конструкциях оказываются семантически симметричны? И не может ли, несмотря на внешнее сходство, временная зона все-таки иметь свою, особую концептуализацию? (В более радикаль-

² Подробнее о признаке фасадности см. [Апресян 1974/1995: 101] со ссылкой на понятие ‘лица’ у Ч. Филлмора.

³ Было бы интересно выяснить, в какой степени этот запрет значим для языка в целом: типологическое исследование этой проблемы на достаточно представительном и разнородном языковом материале, насколько нам известно, не проводилось. Среди исследований пространственных предлогов «нижней» локализации в европейских языках встречаются как утверждения о сравнительно «прозрачном» соответствии между их пространственными и временными значениями (ср. [Boers 1996; Dendale, Van Grunderbeek 2000]), так и, напротив, утверждения о принципиальной неизоморфности пространственных и временных значений и «невыводимости» последних из первых [Franckel, Paillard 2007]. Ср. также наблюдения над несимметричностью пространственных и временных употреблений других русских предлогов в [Nesset 2004; 2011].

ном варианте этот вопрос можно задать так: не всегда ли это происходит в процессе использования пространственных предлогов во временных контекстах?)

Ответ на такой вопрос могло бы дать только корпусное исследование, пример которого мы и собираемся предложить в настоящей работе. Оно должно иметь две части, решающие разные подзадачи: описание «прозрачных» и «непрозрачных» с точки зрения исходной пространственной семантики временных контекстов. Соответственно, для каждого предлога и каждой локализации нужно было бы сделать следующее.

- Выбрать все такие типы парных употреблений, для которых утверждение TIME IS SPACE кажется правомерным, тщательно проверить соответствие пространственной и временной зон и причины, по которым они могут различаться.
- Рассмотреть случаи пространственных и временных употреблений за пределами «прозрачных зон» и понять, откуда, если не из пространственной метафоры, берется в них временной компонент.

Заметим, что важным залогом успеха этой работы служит качественное описание исходного пространственного «пула» предложных значений — только тогда можно понять, есть или нет среди них хорошие претенденты на соответствие временным.

По нашему мнению, во всех смыслах удобной экспериментальной площадкой для такого тестирования может служить русское *под*: во-первых, его прямые значения были не раз описаны, в том числе и на материале НКРЯ [Крейдлин 1997; Плунгян, Рахилина 2000; 2013], а во-вторых, *под* удобен в том отношении, что в круг его временных употреблений попадают и «прозрачные» и «непрозрачные» пространственно-временные соотношения.

В этой статье мы не будем разбирать их все (отсылая читателя к [Плунгян, Рахилина 2013]), а выберем в качестве иллюстрации общей идеи следующие типы временных употреблений этого предлога:

- *Под шум* — ярко выраженный «непрозрачный» контекст (раздел 3).
- *Под старость* — мы покажем, что соответствующее отношение также нельзя считать «прозрачной» метафорой (раздел 4).
- *Под утро* — типичный пример «прозрачного» соотношения между пространством и временем (раздел 5).

В разделе 2 мы дадим необходимые пояснения относительно семантики и структуры пространственных значений *под*.

2. О пространственных значениях ПОД

В прототипическом варианте (с непереходным глаголом) структуру пространственной конструкции с *под* можно представить в виде таблицы (1):

Таблица 1

X существительное	V глагол простр. локализации / позиции	ПОД	Y существительное, INSTR
<i>Документы</i>	<i>лежат</i>	<i>под</i>	<i>часами</i>

Из приведенной таблицы видно, что пространственная ситуация оформлена предикатом V с семантикой локализации (*быть, находиться, оказаться*) или позиции (*стоять, лежать, висеть*) [исходно подвижного] X, который служит фигурой — и неподвижным объектом-фоном Y и локативная роль которого в русском языке оформлена не свойственным ей в обычном случае творительным падежом⁴.

Данный конкретный (прототипический) вариант локализации можно описать таким образом: 'X находится ниже нижней поверхности Y', ср. *под часами, под кроватью, под снегом, под прессом...* (ср. то же отношение между объектом и локализацией при соответствующих каузативных глаголах типа *хранить, складывать, рассаживать* и т. п.: *мама хранила документы [X] под часами [Y]*).

Общее значение для всех разновидностей пространственных конструкций с ПОД, по нашему мнению, определяет идея доминанции фона над фигурой [Плунгян, Рахилина 2000]; доминанция может быть либо контактной — если есть контакт объекта-фигуры с нижней поверхностью объекта-фона (*под прессом, под стопкой газет...*), либо бесконтактной — если нижняя поверхность приподнята (*под столом, под крылом самолета...*).

Помимо стативного, для ПОД важен динамический, направительный вариант локализации — когда X-фигура не просто подвижна, но активна и движется, а пространство под нижней поверхностью Y (в Асс) является конечной точкой ее перемещения: *имель заполз под матрас, документы положили под часы*.

Активным, подвижным и динамичным может быть и Y — если он не просто находится над X, но, будучи функциональным объектом, еще и воздействует на него; это прежде всего инструменты, транспортные средства и их части, ср. *попал под колеса, под пером, топором, под руками* и др.

⁴ Современные употребления русского беспредложного творительного, в общем, довольно далеки от пространственной семантики (см. [Mrázek 1964; Wierzbicka 1980; Janda 1993]), за исключением довольно узкого класса употреблений со значением траектории движения (подробнее см. [Рахилина 2000: 79]): *идти лесом, кровь хлынула горлом*. Ясно, что такие контексты являются «осколками» более старой и цельной системы, в которой творительный имел локативное значение [Бернштейн 1958], по-видимому, близкое к неточной локализации — именно такие значения дают полисемии с переходом в инструментальные. Другим свидетельством существования такой уже разрушенной системы служат в современном русском сочетания творительного с узким классом пространственных предлогов, а именно: *за, перед, под, над*.

Как видим, не только идея доминанции, но и пространственное расположение X и Y относительно друг друга здесь полностью сохраняется, однако оно может и нарушаться, в первую очередь «по вине» Y-а, прежде всего ввиду его нестандартных пространственных (топологических) характеристик (а) или абстрактной, непредметной природы (б). Именно эти случаи будут важны для нас дальше, в связи с временными употреблениями ПОД — поэтому здесь мы кратко их опишем.

(а) *Нестандартная топология*

Как мы помним, в стандартном случае Y описывает «фоновый» предмет, который концептуализуется как имеющий нижнюю поверхность: как правило, это объекты типа «пластин» или «слоев», они горизонтальны. Конечно, нижняя поверхность есть и у вертикальных предметов (например, у «стен» или «колонн»), но у них она служит опорой и нефункциональна. Поэтому, «принимая» такие, с топологической точки зрения, нестандартные в данном случае вертикальные объекты в качестве Y, конструкция с ПОД как бы р е д у ц и р у е т их нижнюю поверхность, заменяя ее (метонимически) пространством вблизи нее — ближайшей, причем нижней, окрестностью объекта: *под стенами города, под горой, под колоннами Большого театра, под дверью* = ‘внизу рядом’; ср. также *жил под Москвой, бои под Минском, замок под Парижем* (метонимия ‘стены городских укреплений’ → ‘город’).

Интересно, что из всех разновидностей пространственных значений ПОД именно эта, по сути дела топологически «ущербная», с большим перевесом по отношению к остальным, отражается в метафорике этого предлога. Правда, как мы увидим из разделов 4-5, не всегда непосредственно.

(б) *Абстрактные Y*

В качестве Y могут выступать имена ситуаций, такие как *контроль, арест, защита* и мн. др. Понятно, что ситуации лишены формы и каких-либо топологических характеристик. С предметными такие употребления объединяет общая идея доминанции Y-а над X-м. Она реализуется в метафорах, которые мы условно назвали «охрана» и «агрессия» — соответственно, со статическим и функциональным Y-м как источником:

под крылом / под крыло → *под защитой/защиту* («охрана»);
под топором / под топор → *под арест/арестом, под воздействием/воздействием* («агрессия»).

Важно, что набор предикатов, которые встречаются при абстрактных именах, очень ограничен, — входящие в него предикаты описывают (абстрактную) локализацию субъекта (ср. *быть* ⟨*находиться, оказаться*⟩ *под следствием* ⟨*обстрелом*⟩ и под.) или ту же локализацию как конечный пункт: *идти под, попасть под, вернуться под арест, обстрел* и т. п.). Аналогично в каузативных контекстах, где локализуется объект воздействия,

ср. *оставить* ⟨*держат*⟩ *под судом* ⟨*следствием*⟩ и *подвести под следствие*, *послать под обстрел*, *отдать под суд*, *поместить под наблюдение*. Существенно, что во все такие предикаты встроена обязательная локативная переменная — она и обеспечивает таким контекстам устойчивую связь с абстрактным пространством и, в конечном счете, локативную семантику. А это значит, что теоретически абстрактные контексты можно было бы рассматривать как возможный источник для временной метафоры. Тем не менее, на практике, как мы увидим в следующем разделе, такая возможность не реализуется.

3. Временные контексты ПОД: ‘одновременность’ (*спал под шум дождя*)

Внешне, по своей поверхностной структуре, контексты типа *спал под шум дождя* очень похожи на только что рассмотренные типа *находился под арестом*: в обоих случаях Y — абстрактное имя, связанное с глаголом через посредство ПОД. Между тем значение у них разное: временное (‘одновременность’) полностью замещает абстрактные локализации (*находиться под «охраной»/«агрессией»*), характерные для обычных номинализаций. Разное в них и заполнение переменных: глагол во временной конструкции, скорее, непереходный и, что особенно важно, не имеющий обязательной валентности на имя, так что списки соответствующих предикатов практически не пересекаются, а имя обычно обозначает слуховые проявления некоторой ситуации — другими словами, звук. Сказанное по сути дела означает, что мы имеем дело с совершенно разными конструкциями.

Тем не менее между ними есть семантическая связь — она возникает за счет семантики звука. Дело в том, что такая фоновая ситуация, как звук, воздействует не на одного конкретного участника, а на окружающую среду в целом: шум — это событие, как бы покрывающее (как большая поверхность) ситуацию целиком. Отсюда значение одновременности, а также — через идею доминанции — единство с множеством других конструкций с ПОД.

Получается, что и связь с пространственным значением ПОД, и новое, временное значение конструкции обусловлены не семантикой предлога, а семантикой Y-а — дополнительным аргументом в пользу такой точки зрения служит и то, что значение одновременности и фоновости по отношению к основной ситуации возникает у таких имен и в контексте других предлогов, в том числе и пространственных, ср. *в шуме*, *из-за/от шума*, *при шуме* и т. д.

Семантическая специфика звукового фона, шума определяет и дальнейшее развитие этой особой, как мы видим, конструкции: звук, сопутствующий ситуации, может восприниматься и как «заглушающий» основное действие, т. е. как бы скрывающий его — ср. *казнь под звук моторов, чтобы заглушить выстрелы* (1924), и как организующий его, диктующий ему

свой ритм — ср. *танцы под музыку*. Эти две возможности — назовем их условно **пассивным** и **активным фоном**, «скрытые» в звуковой конструкции с ПОД и не противопоставленные внутри нее, становятся стимулами для дальнейшего развития семантики этой конструкции — уже за пределами собственно звука, а значит и временного значения ‘одновременности’. (Заметим, что такое независимое от абстрактной локализации семантическое развитие, конечно, тоже свидетельствует об обособленности временной конструкции.)

Идея **пассивного**, все заглушающего фона, хорошо просматривается в метафорическом *под сурдинку*⁵ или *под шумок* в значении ‘тихонько, незаметно, пока никто не обращает внимания, поскольку все заняты каким-то общим делом (как шумом, «перекрывающим» другие события)’, ср. *схватил шапку и под шумок ускользнул из квартиры* (Ф. М. Достоевский. 1846).

Между тем есть любопытный частный — и семантически очень узкий — класс расширений этих контекстов, он касается только еды и питья, которые следуют одновременно — как выпивка и закуска (так что, например, *молоко* или *хлеб* для них неестественны), ср. первый по НКРЯ пример такого рода: *Купишь осетра <...> икры <...> подсолишь да с лучком... Да ежели под коньячок ...* (В. Я. Шишков. 1913—1932). В таких контекстах выпивка и закуска могут меняться местами, однако сохраняется идея, что одно из них (и это, конечно, доминирующий Y) — фоновое, как бы «покрывающее» другое. В том же контексте застолья стоят и примеры типа *под сигареты и кофе* или *под разговоры, болтовня под вино* — в них часто используется и эвфемистический оборот *под это дело*. По той же модели — и часто с использованием того же оборота — строятся сочетания более широкой семантики ‘заодно с некоторым крупным мероприятием’; они возникают примерно в 80-е годы XX века, ср. из современного газетного корпуса НКРЯ: *под Олимпиаду строят горнолыжные комплексы*.

Активный звуковой фон, как мы уже говорили, до некоторой степени сам организует ту ситуацию, параллельно которой он существует. Если в исходных чисто-звуковых контекстах он может задавать ее общий ритм (как в *под музыку*), в производных влияние должно становиться глубже, но во всех наших примерах хорошо видна их преемственность от звуковых: идея звукового или зрительного образа Y, доминирующего над «основной» ситуацией X. Ср. прежде всего *писать под диктовку* и, как нам кажется, в том же ряду — (метонимически) *говорить под стенограмму / диктофон*, а также *двигаться под телекамеры* и др. Ср.: *<...> герои материала даже не боялись говорить под диктофон* (2002); *Беседовали под стенограмму о предстоящем полете* (1943—1946); *<...> президент бежит к батумскому пляжу, чтобы под телекамеры умыться черноморской водой* (2005) и др.

⁵ *Сурдинкой*, ср. фр. *sourdine*, ит. *sordina* (от лат. *surdus* ‘глухой’) называли приспособление в виде гребешка, надеваемое на струны, которое применялось при игре на музыкальных инструментах, когда требовалось п р и г л у ш и т ь их звучность.

4. Временные контексты ПОД: 'возраст' (*ему под 50*)

Анализ этой конструкции удобно начинать, рассматривая ее в контексте более широкого семантического сдвига, а именно возникновения параметрической конструкции. Действительно, в контексте любого параметрического имени можно с помощью ПОД задать приблизительную оценку размера (*под 2 метра ростом, прошел пешком под сотню километров*), скорости (*под 200 км/час*), веса (*под 100 пудов*), напряжения (*под 20 ампер*), объема файлов (*под 20 Мб*), мощности (*под 20 ватт пиковой мощности*) и т. д. — и в том числе такого временного параметра, как возраст (*ей под 30*). В этом смысле никакого особого перехода из зоны пространства в зону времени «возрастные» контексты не представляют: в целом у всех параметров в этой конструкции общие свойства.

Семантически параметрические контексты такого рода восходят к варианту пространственной конструкции с ПОД с нестандартной топологией (вертикальными объектами) и значением близкой окрестности по отношению к препятствию или рубежу. Важно, что в данном случае развитие получает динамическая, а не статичная разновидность локативной конструкции — т. е. та, которая использует не творительный, а винительный падеж и подразумевает приближение к ориентиру, ср. *под стены города*. Наследуя ее семантику, параметрические употребления приобретают следующие свойства.

1. «**Пограничность**», «рубежность» самого параметрического значения, которая восходит к пространственному «рубежу» или «границе». Поэтому в качестве Y-а годятся только маркированные, круглые значения: скорость может быть *под 200 км*, но не *под 221*, возраст *под 50*, но не *под 53*⁶.

2. Семантика **приближения** к значению Y как к максимуму: значение параметров описывается не как приблизительное, находящееся в близкой окрестности Y-а, а как чуть-чуть не достигшее максимального.

3. Малые, хотя и круглые значения в таких контекстах невозможны: не говорят ни **скорость машины под 10 км*, ни **рост под 100 см*, ни **(возраст) под 10 лет* и др. По той же причине в соответствующих ситуациях недопустимо употребление лексемы *еще*, семантика которой входит в противоречие с идеей максимума. Это замечание сделано в [Труб 1997] по поводу «человеческого» возраста (**ему еще под 30 / 40...*), для которого носитель параметра уже определен, в отличие от, скажем, скорости или температуры, а максимум не будет относительным, ср. разные максимумы для скорости пешехода и поезда, температуры человеческого тела и доменной печи.

⁶ В этом отношении параметрическая конструкция с *под* похожа на некоторые другие, ср., например: *свыше 50*, но *?свыше 53* — но, безусловно, нельзя сказать, что это ограничение свойственно абсолютно всем параметрическим или числовым контекстам, ср. приемлемость *ей меньше 53*, *скорость выше 62 км* и др.

4. Как правило, параметры, перевалившие за максимум, могут описываться — тоже как приблизительные, но, так сказать, с другой точки зрения — аккузативной конструкцией с предлогом *за*, ср. *скорость за 200*, о возрасте — *за 90* и т. д. Метафорическим источником здесь служит пространственная ситуация преодоления границы и локализации в ближней окрестности Y-а с наблюдателем «по ту сторону», ср. *под стеной* vs. *за стеной*.

Как видим, в контексте ПОД параметры демонстрируют единство — оно обеспечено преемственностью по отношению к исходной, пространственной конструкции.

Замечательно, однако, что из всех параметров именно возрастной имеет свои особенности, так что его языковое поведение в контексте ПОД существенно отличается от остальных.

Во-первых, обратим внимание на то, что при *под* как маркере количественной неопределенности обычно указан сам параметр — что именно (в нашем случае — приблизительно) измеряется, т. е. в предложении присутствуют слова типа *скорость, мощность, объем, срок* и под. Однако возраст, в отличие от других параметров, как раз наоборот, практически никогда поверхностно не выражен, ср.: *ростом под метр восемьдесят, со скоростью под 1000 км* — но **возрастом / с возрастом под 70 лет*.

Во-вторых, в нашей конструкции естественно опустить и единицы измерения возраста: мы легко говорим *ему под 30, 40, 90* — при том, что при других параметрах единицы измерения практически всегда присутствуют (ср. **ростом под два, *мощностью под триста* и др.)⁷.

Наконец, в-третьих: сочетания с ПОД со значением возраста, реализующие идею близкой окрестности, легко встраиваются в предикативную конструкцию с субъектом в дательном падеже: *ему под 80* (как *ему тяжело* ⟨холодно, больно⟩ и под.), отличную по своей структуре от обычной параметрической и воспроизводящую ту конструкцию, которая в русском языке описывает возраст вообще, ср. *Севе пять лет*. (Заметим, что так же ведут себя и симметричные им конструкции с ЗА: *ему за 80*.)

Все это — разные лингвистические свидетельства высокой антропоцентричности возраста как параметра. Возрастные значения затрагивают субъект так же, как физические и физиологические состояния (а также

⁷ Заметим, что первое из этих свойств проявляется здесь ввиду специфики имени *возраст*: само оно не употребляется и в других конструкциях, описывающих возраст человека, ср. *дама (*возрастом) шестидесяти лет*.

Параметр *лет* тоже в принципе может опускаться в таких контекстах, ср. *Ей уже 20 лет / Ей уже 20*; ср., однако, **дама шестидесяти*. Между тем корпусная статистика употреблений возрастных значений с выраженным и невыраженным параметром при ПОД достаточно показательна и составляет примерно 10:1, причем примеры с выраженным параметром относятся к XIX — началу XX вв. (ср.: *Да помилуйте, ведь мне под 60 лет!* А. А. Потехин. Брак по страсти (1860—1870)) и по большей части для современного русского языка малопримемлемы.

эмоции, ср. *ему противно* (*все равно*)...), и поэтому легко приравниваются к предикативам и маркируют вовлеченность субъекта нестандартным для других параметров дательным. А поскольку в этой конструкции возраст — единственное состояние, измеряемое численно, то и выражение параметра, и выражение единиц его измерения оказывается избыточным.

Нетривиальным является не только оформление параметра как возраста, но и сам выбор значений этого параметра.

Понятно, что объем значений для параметра *человеческого* возраста — в отличие от любого другого произвольного — очень ограничен, просто ввиду ограниченности человеческой жизни: это круглые числа первой сотни. Минимальным в этом ряду является, по нашим наблюдениям, 20 лет, но для того, чтобы этот возраст выглядел убедительно, т. е. воспринимался как возраст взрослого, пожившего уже человека, нужен специальный контекст, который формирует своего рода локальный (т. е. пригодный только для данной ситуации) возрастной максимум, ср. возраст, максимальный для замужества/женитьбы, учения, телесных наказаний etc., ср.:

- (3) *Из всей семьи Родион Потапыч любил только младшую дочь Федосью, которой уже было **под двадцать**, что по-балчуговски считалось уже девичьей старостью: как стукнет двадцать годков, так и перестарок* (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Золото (1892)).
- (4) *Ему **под двадцать лет**, да еще вдобавок он и офицер; как же могут мои люди его сечь?* (Д. Д. Благово. Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово (1877—1880)).
- (5) *В **четырнадцать лет** вообще привел домой женщину **лет под двадцать**, провел в свою комнату* (Л. Петрушевская. Шато (1997))⁸.

Конечно, примеров на 20 как возрастной максимум немного, и они не являются оценкой максимума по абсолютной возрастной шкале. Но и с остальными значениями картина не так проста, как может показаться на первый взгляд: дело в том, что они распределены не только не равномерно, но и не монотонно, т. е. не стремятся к абсолютному или среднему максимуму.

Мы провели примерное обследование корпуса — в упрощенном и достаточно суженном варианте поиска: *лет под Y* [прописью или числительным], без учета расстояний и инвертированного порядка слов. Соотношение (которое, тем не менее, в целом отражает более общее распределение) оказалось следующим:

Таблица 2

возраст	30	40	50	60	70	80	90	100
Число примеров по НКРЯ	48	88	51	30	13	4	5	4

⁸ Любопытно, что встретился один пример на «круглый» возраст с некруглым числом лет, и это 25: *Молодой парень, лет что-нибудь **под двадцать пять**. (...)* *Молодость* — это первое, чем веяло от Тегнеряднова (Д. А. Фурманов. Мятёж (1925)).

Как видим, максимальное число употреблений приходится вовсе не на пиковые значения возраста или ближайшие к ним (100, 90, 80...), а на средние (в нашем случае — 40), и это свидетельствует о том, что не только для 20 лет, но и для остальных возрастных значений в узусе идея максимума связана с конкретной прагматической ситуацией, относительно которой он и выбирается. В основном эти ситуации известны и фиксированы в нашей культуре и касаются прежде всего замужества/женитьбы, рождения детей, работы, проблем со здоровьем и т. д. Поэтому возрастной «максимум» и начинается так рано: пороговым значением для всех этих прагматических «рубежей» как раз и оказывается в жизни человека возраст вокруг 40 лет.

Вывод, который следует из нашего анализа возрастных контекстов с ПОД и их разнообразных и очень специфичных свойств, следующий. Возрастные значения — иные, нежели просто параметрические, их нужно рассматривать отдельно и трактовать как отдельную конструкцию: в отличие от обычных параметров, временное значение требует не простой и прозрачной метафоры, а семантико-синтаксической контаминации с антропоцентричной дативной конструкцией.

5. Временные контексты ПОД: обстоятельства времени (*заснул под утро*)

Временная окрестность реализуется в русском языке и за пределами значений возраста, как обычное обстоятельство времени — понятно, что из всех рассматриваемых контекстов с ПОД такая конструкция имеет самую прозрачную соотнесенность с временной зоной. Прямая связь с временной областью возникает благодаря семантике имени У, которое обозначает уже не численное значение, а просто некоторый период времени (*под утро, под вечер, под старость* и метонимически *под конец, под занавес, под закат перестройки*) или некоторую выделенную точку на временной оси (*под День Победы*, а также *под неделю* (т. е. воскресенье) *17-ю по Пятидесятнице, под неделю* (т. е. воскресенье) *4-ю по Пасхе*).

Одновременно здесь есть и прямая, даже прозрачная на первый взгляд связь с пространственным источником, которым, как и в только что разобранном случае с параметрами, служат употребления ПОД с вертикальными объектами со значением приближения к рубежу или преграде: *под стены* → *под утро*.

Правда, в буквальном смысле приближения во временном контексте как будто нет: если соответствующие пространственные употребления жестко противопоставляют статичное позиционное [*под стенами* — Instr] и направительное значения [*под стены* — Acc], то временное в каком-то смысле их совмещает. Действительно, временные обстоятельства типа *под утро* локализуют событие на определенном отрезке времени, но испол-

зуют для этого «не ту» конструкцию, кодируя Y-фон не творительным, а винительным. Это первое существенное отличие временных обстоятельств от пространственных, нарушающее «прозрачность» пространственно-временного отношения (тот же эффект асимметрии падежного маркирования для пространственных и временных конструкций, но на материале локативных предлогов *в* и *на* исследован в [Nesset 2004; 2011], а также [Makarova, Nesset 2013])⁹.

Второе отличие связано с семантикой самого Y-а.

На выбор временных периодов и точек, способных заполнять позицию Y, есть строгие ограничения, достаточно жестко лексикализованные, ср. недопустимость **под столетие* или **под месяц* (ни одного примера в НКРЯ) и крайнюю сомнительность ^{??}*под день*, — но они не случайны, а обусловлены свойствами конструкции и следуют в общем тем же принципам, которые мы только что изложили применительно к параметрическим контекстам.

Действительно, поскольку и здесь фрагмент с *под* имеет значение ‘в период, приближающийся к Y-у, но не переходящий в него’, то Y служит своеобразным рубежом. Именно поэтому Y «выбирает» здесь не любые, а только «рубежные» точки и отрезки, прежде всего *утро* или *вечер*. *Утро* воспринимается как граница ночи и дня, ср. *под утро столбик термометра сполз до отметки минус 32 градуса*, а *вечер* — как граница дня и ночи, ср. *На станцию Кострово поезд пришел под вечер*. Таким образом, сами *день* или *ночь*, поскольку границами они не являются, в конструкции с ПОД не используются: ^{??}*под день* / *под ночь*. Но если «превратить» их из периода времени в значимые, «рубежные» точки на временной оси, такие контексты станут совершенно приемлемыми, ср.: *под День строителя, под годовщину свадьбы; в ночь под Рождество / Ивана Купалу* и др. Точно так же устроено противопоставление дней недели: **под среду* / **четверг...* / **под будни* vs. *под воскресенье* / *под выходные* (см. [Крейдлин 1997: 149]; о лингвистической асимметрии праздников и буден см. еще [Haspelmath 1997: 115]).

З а м е ч а н и е

Отсюда — развитие особого временного значения у наречия *подчас*, которое в старом варианте имело раздельное написание *под час*, ср. контексты XVIII—XIX века с определениями: *под час досуга* (Капнист), *под час веселый* (Гнедич), *под час иной* (Полежаев). Поскольку, по условиям нашей конструкции, как мы видим, это не мог быть любой час, а только особый, то отсутствие определения в *под час* или

⁹ В статье [Зализняк, Шмелев 1997: 235] отмечается, что *под утро* «может локализовать события и процессы (*Гости разошлись/расходились под утро*), но не состояния (поскольку, как уже было сказано, *под утро* фиксирует внимание на предшествующем процессе): нельзя сказать **Под утро он был мрачен* (надо — *стал* или *сделался*)». Это наблюдение свидетельствует о «следах», которые оставили при метафорическом сдвиге во временную зону предикаты движения, определяющие динамическую, «направительную» составляющую данной конструкции и ее аккумулятивное маркирование.

подчас, т. е. «умолчание», означает ‘некоторый выделенный час’ — или, в его более архаичном значении, ‘выделенный момент времени’, ср. *час разлуки* как ‘момент разлуки’. Это значение и стало источником для результирующей семантики временной дистрибутивности (= ‘иногда’), свойственной этому наречию в современном языке.

Тем не менее статус, который получает временной рубеж в контексте обстоятельственной конструкции времени, иной, чем в исходной пространственной конструкции, а также других ее производных — параметрической и возрастной. Дело в том, что в нашем случае рубеж представляется (по крайней мере в современном русском языке) как непреодолимый, ср. *под стенами — за стенами, под колонны — за колонны, под 100 км — за 100 км, под 50 — за 50*, но: *под Рождество — *за Рождество, под вечер — *за вечер* (ср., однако, устаревшие или диалектные наречия *заутро, за полночь*, с одной стороны, и собственно временную конструкцию с предлогом *после* в *после Рождества*, но не **после вечера / *утра*, с другой). Иначе говоря, в этой разновидности временных конструкций в качестве *Y*-а выступает объект другой семантики — речь идет уже не о рубежах, а о границах.

Таким образом, данная конструкция может служить своеобразным маркером на релевантные, исторически закрепленные в русской лексике временные «границы», которых оказывается не так много: ведь они должны интерпретироваться как конечные области временного пространства. Ср. здесь [Крейдлин 1997: 149], а также [Крейдлин 1996] и в особенности [Зализняк, Шмелев 1997: 234—236]¹⁰. Поэтому в этом контексте так частотна *старость* — как временное пространство, близкое к границе жизни (355 вхождений в НКРЯ, ср. *под старость мне срамиться уж поздно*), а также *конец*, и в том же значении *занавес, закат* — т. е. конечные, но никогда не стартовые точки процессов: **под молодость, юность, *под начало, старт*. Отсюда следует, что суточный временной цикл с языковой точки зрения в данном случае «выглядит» так, что обе промежуточные границы (*утро* и *вечер*) могут представляться как за вершающие соответствующие периоды (соответственно, *ночь* и *день*).

Таким образом, мы видим, что метафорический перенос ‘пространство’ — ‘время’ в данном случае не полностью прозрачен: временное значение реинтерпретирует значение переменной *Y*, превращая ее из «рубежа» в «непреодолимую границу».

Любопытно, что это не единственный пример реинтерпретации при переходе от пространства к времени. По нашим наблюдениям, такая же реинтерпретация — но по другой модели — происходит и в конструкциях с

¹⁰ Ср. также замечание в словарной статье НОСС (РАНШЕ1 [Левонтина 2004: 942]) об актуальности конечного результата как свойства конструкции ПОД, отличающей ее от других квазисинонимов.

предлогом ЧЕРЕЗ, исходное пространственное значение которого описывает, кстати, тоже ‘преодоление препятствия’.

Как и обстоятельственное ПОД, *через* тоже создает иллюзию полной симметрии в пространственном и временном зонах, ср. *он живет через два дома от нас* (‘одиночный отрезок’) — *газеты вышли через два дня после переворота* (‘однократная ситуация’). Именно так это представлено в [Рахилина 2000]. Любопытно, однако, что во временных контекстах такого рода естественная метонимия типа ‘время’ ↔ ‘событие, происходящее в это время’ реализуется не с любыми, а только с непосредственно следующими друг за другом ситуациями, образующими серию: можно сказать *через два урока*, но плохо ^{??}*через две встречи*. Значит, если пространственное *через* действительно может описывать *один* отрезок пространства, имея в виду *статичную* единичную ситуацию, то производное от него *временное* предполагает итеративность, ориентируясь на модель движущегося *потока сходных событий*, — а следовательно, о полной симметрии в концептуализации пространства и времени говорить здесь не приходится, как и в случае с ПОД.

6. Заключение

Мы рассмотрели три класса временных употреблений ПОД в их отношении к исходному пространственному значению. Оказалось, что два случая из трех нужно рассматривать как отдельную конструкцию со своими особыми свойствами. В каждой из них временной компонент возникает не за счет ПОД, а за счет компонентов, не свойственных локативным контекстам. В первом случае это ‘одновременность’, которая порождается семантикой звука, сопровождающего ситуацию, а во втором это ‘возраст’, по многим лингвистическим свойствам резко противопоставленный близким ему параметрическим контекстам. Третий из рассмотренных случаев самый сложный — здесь действительно время и пространство так близки, что создается иллюзия полного изоморфизма между ними. Однако при ближайшем рассмотрении и здесь обнаруживаются причудливые несовпадения, связанные с дополнительными ограничениями на заполнение переменной во временном контексте по сравнению с такими же ограничениями — в пространственном.

Получается, что в зоне ПОД не только нет привычной связи между пространственной и временной зонами, но наоборот, на всех языковых уровнях наблюдается их отчетливое противопоставление.

Действительно, эти зоны противопоставлены грамматически: только пространственные, но не временные значения выбирают творительный — во всех рассмотренных нами (и оставшихся за пределами этой статьи, см. [Плунгян, Рахилина 2013]) временных употреблениях используется только аккумулятив.

У временных конструкций может быть другая структура (ср. предикативные контексты типа *ей под 80*), другие лексические и таксономические классы — в частности, числительные или имена периодов времени в позиции Y-а. Наконец, глаголы, которые в них участвуют, могут быть противопоставлены синтаксически: в одном случае Y оказывается обязательным аргументом, а в другом — очевидно факультативным.

Получается, что вместо того, чтобы сблизить, смешать, совместить пространство и время как понятийные области, в рассмотренных здесь конструкциях все возможные языковые средства направлены на то, чтобы, наоборот, как можно дальше развести их, еще и еще раз обратив внимание слушающего на то, что это — разное. TIME IS SPACE? TIME IS TIME!

Л и т е р а т у р а

Апресян 1974 / 1995 — Ю. Д. А п р е с я н. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. (2-е изд.) // Ю. Д. Апресян. Избранные труды. Т. I. М., 1995.

Бернштейн 1958 — С. Б. Б е р н ш т е й н (ред.). Творительный падеж в славянских языках. М., 1958.

Зализняк, Шмелев 1997 — Анна А. З а л и з н я к, А. Д. Ш м е л е в. Время суток и виды деятельности // Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко (ред.). Логический анализ языка: язык и время. М., 1997. С. 229—241.

Крейдлин 1996 — Г. Е. К р е й д л и н. Стереотипы возраста // Wiener slawistischer Almanach. Bd. 37. Wien, 1996. С. 207—218.

Крейдлин 1997 — Г. Е. К р е й д л и н. Время сквозь призму временных предлогов // Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко (ред.). Логический анализ языка: язык и время. М., 1997. С. 139—152.

Кустова 2004 — Г. И. К у с т о в а. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.

Левонтина 2004 — И. Б. Л е в о н т и н а. Раньше! (словарная статья) // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. (2-е изд.) / Под рук. Ю. Д. Апресяна. М., 2004.

Падучева 2004 — Е. В. П а д у ч е в а. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.

Плунгян, Рахилина 2000 — В. А. П л у н г я н, Е. В. Р а х и л и н а. По поводу локалистской концепции значения: предлог ПОД // Д. Пайар, О. Н. Селиверстова (ред.). Исследования по семантике предлогов. М., 2000. С. 115—133.

Плунгян, Рахилина 2013 — В. А. П л у н г я н, Е. В. Р а х и л и н а. Семантико-синтаксические свойства русских конструкций с предлогом ПОД: прямые (пространственные) и переносные (временные) употребления // Die Welt der Slaven. 2013 (в печати).

Рахилина 2000 — Е. В. Р а х и л и н а. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. (2-е изд.). М., 2010.

Рахилина 2010 — Лингвистика конструкций / Отв. ред. Е. В. Рахилина. М., 2010.

Труб 1997 — В. М. Т р у б. О семантической интерпретации высказываний с частицами *ещё, пока, уже* // Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко (ред.). Логический анализ языка: язык и время. М., 1997. С. 218—228.

- Boers 1996 — F. Boers. Spatial prepositions and metaphor. A cognitive semantic journey along the UP-DOWN and FRONT-BACK dimensions. Tübingen, 1996.
- Croft 1993 — W. Croft. The role of domains in the interpretation of metaphors and metonymy // *Cognitive Linguistics*. 4. 1993. P. 335—370.
- Dendale, Van Grunderbeek 2000 — P. Dendale, L. Van Grunderbeek. La préposition *sous*: traits linguistiques et fonctions communicatives // M. Coene et al. (éds.). Traiani Augusti vestigia pressa sequamur. *Studia linguistica in honorem Lilianae Tasmowski*. Padova, 2000. P. 683—703.
- Fauconnier, Turner 2008 — G. Fauconnier, M. Turner. Rethinking Metaphor // R. Gibbs (ed.). *Cambridge Handbook of Metaphor and Thought*. Cambridge University Press, 2008.
- Franckel, Paillard 2007 — J.-J. Franckel, D. Paillard. *Grammaire des prépositions: Tome 1*. Paris, 2007.
- Haspelmath 1997 — M. Haspelmath. From space to time: Temporal adverbials in the world's languages. München, 1997.
- Janda 1993 — L. Janda. A geography of case semantics: the Czech Dative and the Russian Instrumental. Berlin; New York, 1993.
- Lakoff & Johnson 1980 / 2003 — G. Lakoff, M. Johnson. *Metaphors we live by*. 2nd ed. Chicago, 1980. 2003.
- Makarova, Nessel 2013 — A. Makarova, T. Nessel. Space-time asymmetries: Russian *v* 'in(to)' and the North Slavic temporal adverbial continuum // *Russian Linguistics* (in press).
- Mrázek 1964 — R. Mrázek. Синтаксис русского творительного. Praha, 1964.
- Nessel 2004 — T. Nessel. Case assignment and image schemas: Russian temporal adverbials // *Studies in Language*. 28 (2). 2004. 285—320.
- Nessel 2011 — T. Nessel. Space-Time asymmetries in Russian prepositions: Preliminary analysis // *Poljarnyj Vestnik* (Полярный вестник). 14. 2011. 45—62.
- Peirsman, Geeraerts 2006 — Y. Peirsman, D. Geeraerts. Metonymy as a prototypical category // *Cognitive Linguistics*. 17(3). 2006. 269—316.
- Wierzbicka 1980 — A. Wierzbicka. The case for surface case. Ann Arbor, 1980.

EKATERINA V. RAKHILINA

(Higher School of Economics /

Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences)

VLADIMIR A. PLUNGIAN

(Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences)

**TEMPORAL MEANINGS OF RUSSIAN PREPOSITIONS:
THE LIMITS OF METAPHORIZATION**

The paper deals with Russian prepositional constructions with *POD* 'under': spatial (traditionally considered to be basic) and temporal (traditionally considered to be derived according to the familiar formula *TIME IS SPACE*). It is argued that a straightforward space-time metaphor can nevertheless not account for temporal contexts.

Keywords: prepositions, metaphor, space / time relations

О. Ю. ИНЬКОВА

**«А В ОСТАЛЬНОМ, ПРЕКРАСНАЯ МАРКИЗА...»:
О СЕМАНТИКЕ В ОСТАЛЬНОМ, В ПРОЧЕМ И ВПРОЧЕМ**

Работает он от утра до ночи, читает массу, отлично помнит все прочитанное — и в этом отношении он не человек, а золото; *в остальном же прочем* — это ломовой конь, или, как иначе говорят, ученый тупица.

А. Чехов. Скучная история

Я была ему благодарна и вообще разделяла симпатию к нему моих милых спутников, но считать его более крупным поэтом, чем Манделштам?! Нет уж, извините. *В остальном, впрочем*, Надежда Исааковна проявила вкус, радовавший мою душу.

Э. Герштейн. Перечень обид

1. Предварительные замечания

Предметом моего исследования являются три языковые единицы — *в остальном*, *в прочем* и *впрочем*, — выполняющие в тексте связующую функцию, но грамматический статус которых вызывает дискуссии. Первые две не фигурируют ни в «Толковом словаре служебных частей речи русского языка» под ред. Т. Е. Ефремовой [2004], ни в толковых словарях русского языка, ни в списке служебных слов, предлагаемых А. С. Цоем [Цой 2008]. *Впрочем* определяется как противительный союз [Ушаков; БАС] или, в зависимости от значения, как противительный союз — (1) и как вводное слово, выражающее «нерешительность, колебание, сомнение» [Ожегов; МАС; БАС²] — (2).

(1) Но их никто спрашивать не будет, как и меня, *впрочем*¹

(2) Лида, попроси отца... *впрочем* — нет, не надо!

Ольга Юрьевна Инькова, Женевский университет.

¹ Примеры, за исключением особо оговоренных случаев, заимствованы из НКРЯ [www.ruscorga.ru].

Русский язык в научном освещении. № 1 (25). 2013. С. 21—40.

Сразу замечу, что считать *впрочем* союзом неправомерно, поскольку, с синтаксической точки зрения, он ведет себя скорее не как союз, а как т. н. «аналог союза» (*впрочем* может сочетаться с другими союзами)² и/или как вводное или модальное слово (может занимать в предложении конечное или срединное положение, выделяясь запятыми)³. Вопрос о частеречной принадлежности *впрочем* не будут подробно обсуждаться в данной статье, в задачу которой входит в первую очередь описание его семантических свойств. Скажу только, что этот вопрос довольно часто возникает при описании языковых единиц, функция которых заключается в выражении того или иного отношения между ситуациями⁴. Что касается значения *впрочем*, то, как мы увидим, оба случая его употребления могут быть сведены к общей семантической константе. Близкую точку зрения высказывает и [РГ-80 II: 630], указывая, что противительные отношения, выражаемые *впрочем*, могут «осложняться субъективно-модальным значением колебания, нерешительности или предпочтительности того, о чем сообщается в последующей части». Необходимо, следовательно, определить те семантические условия, в которых возникает данное «осложнение».

Описание подобных единиц тесно связано с проблемами грамматикализации и ставит целый ряд теоретических и методологических вопросов. Необходимо определить, где проходит граница между употреблением данной лексемы как члена предложения, а где можно говорить о ней как о показателе определенных логико-семантических отношений, не забывая о том, что обе функции могут совмещаться [Inkova 2010]. Для ответа на этот общий вопрос нужно понять, какие из критериев (начальная позиция, пунктуация, изменение орфографии и значения и под.), позволяющих определить степень грамматикализации данной языковой единицы, являются значимыми и решающими при определении ее грамматического статуса и функции в высказывании.

Поводом для сопоставительного анализа *в остальном*, *в прочем* и *впрочем* явилась перифраза, которую автор одного из редких исследований, посвященных *впрочем*, предлагает для описания его значения: «принимая во внимание остальное» [Моро 1998: 256], следуя в этом за многими словарями, определяющими *прочее* через *остальное*, а *остальное* через *прочее* [Ушаков; Ожегов; МАС; БАС]. Попробуем разобраться, насколько *прочее* является *остальным*, а также — в том случае, если *в остальном*, *в прочем* и *впрочем* выполняют функцию показателя логико-семантических отношений между высказываниями или их частями, — в том, какой тип семантических отношений они устанавливают.

² «Аналогом союза» признается *впрочем* в [РГ-80 II: 630].

³ Таковым считает его Виноградов [1947: 739], уточняя, правда, что в структуре этого слова, как и некоторых других, модальное значение совмещается с союзным.

⁴ См. об этом на примере отношения противопоставления [Инькова-Манзотти 2001 гл. 1], а из недавних исследований [Апресян 2006а] — на примере уступительных отношений.

Исследование опирается на теоретические и методологические принципы, разработанные в трудах швейцарских лингвистов Э. Манзотти, А. Феррари, М. Де Чезаре на материале итальянского языка и развитые в применении к сопоставительному анализу русского и французского языков в Инькова-Манзотти [2001].

2. *Впрочем*: история вопроса

С. Моро [1998: 256] так толкует значение *впрочем*, опираясь на его этимологию:

«впрочем состоит из предлога *в* и прилагательного *прочее*. Древнерусское *прокъ* означало ‘остаток, остающийся’. *Прочее* предполагает, что один или несколько элементов x_i , x_j дополняют введенные ранее элементы y_i , y_j до некоторого целого. Априори единственное, что связывает x_i , x_j и y_i , y_j — это то, что, с некоторой точки зрения, они составляют это целое. *Впрочем* воспроизводит это отношение (дополнение до целого/целое) на уровне дискурсивной последовательности».

Определение довольно общее и применимое ко многим показателям присоединительных отношений, а, кроме того, никак не отражающее противительную семантику, приписываемую *впрочем* грамматиками и словарями. В нем мы действительно видим то, что является отличительной особенностью присоединительных отношений: независимость двух ситуаций, связанных *впрочем*. Трудно, однако, согласиться с тем, что *впрочем* сигнализирует только о том, что эти два положения вещей являются единым целым, и особенно трудно применить данное описание к употреблению *впрочем*, выражающему колебание (ср. (2) выше).

Не проясняет положения и предлагаемый автором «сценарий-схема», по которому действует *впрочем*:

«Впрочем **p** означает, что в связи с положением вещей **Z**, заданным ранее в контексте через **q**, вводится **p**, которое является установочной базой для **Z**; **p** отлично от **q**, и в то же время **p** дополняет **q** в том, что касается **Z**» [Моро 1998: 256].

Наконец, автор выделяет три «границы», на основании того, «какой из двух аспектов **p** более значим: либо в центре внимания находится **p** как относящееся непосредственно к **Z**, либо преобладает отношение **p** — **q**, а связь **p** с **Z** присутствует опосредованно» [Моро 1998: 256]. Однако, поскольку автор не предлагает критериев, позволяющих определить степень значимости компонентов, а следовательно, и различия между тремя границами, в разные рубрики попадают идентичные случаи употребления. Так, (3) попадает в А.3 (третья «деформация» первой границы: «обобщение, или ничего особенного»), а (4) в С.1.1 (первая «деформация» третьей границы: «неожиданное/непредвиденное обобщение»), причем различие между двумя

типами обобщения не вполне ясно. Моро [1998: 260] уточняет только, что для непредвиденного обобщения характерно присутствие в *q* частицы *и*, которая, заметим, однако, обусловлена здесь не столько *впрочем*, сколько *как*.

- (3) Руслан за что-то их ужасно корил, и пальцем в них тыкал, и гремел оглушающим, митинговым голосом, напоминавшим старые времена. *Впрочем*, всегда орал в споре.
- (4) Теперь я спокоен, как, *впрочем*, и всегда спокоен, когда вы здесь.

Главная трудность при описании показателей связи как раз и состоит в том, чтобы определить, какова роль маркера в выражении того или иного отношения, и какова роль контекста, в котором он употреблен. Именно поэтому подход, представленный в работе С. Моро и в котором роль, отводимая контекстным и ситуационным факторам, довольно велика, не позволяет дать удовлетворительного описания семантики и функционирования «дискурсивных слов».

Кроме того, в описании С. Моро не различается уровень (пропозиция, отношение говорящего, речевой акт и под.), на котором *впрочем* устанавливает отношение, которое, к тому же, никак не определяется. Именно это я и постараюсь сделать в данном исследовании.

2.1. Немного этимологии

Этимологическое значение, о котором говорит С. Моро, — дополнение до целого — присуще *в прочем* (в два слова):

- (5) Хотя в голосе двух трагических артистов было большое сходство, зато *в прочем* совершенная разница.

В прочем можно здесь понять как *в остальном*. «Противительная» семантика, о которой пишут грамматики и словари, возникает в силу того, что то, о чем говорится в первом компоненте, противопоставляется *прочему*, как другое, отличное от него⁵. Ср. также (6), датированный 1763 годом:

- (6) «По осмотру с плотничным мастером Арнальтом», — доносил 1 ноября Мичурин, — «оказалось как в стенах, полах, потолках, так и *в прочем* того дворца не малые худоба».

В прочем дополняет до целого перечисление частей дворца: стены, полы, потолки и *прочее*⁶. Можно также заметить, что *в прочем* синтаксически зависит от глагола и ставится в том падеже, который требует глагол или

⁵ Ср. в этой связи толкование *прочего* у Д. Н. Ушакова как «остальной, другой».

⁶ Напомню, однако, что *и прочее* употребляется для указания на то, что список может быть продолжен, не предполагая, что оставшиеся и не вошедшие в список элементы сделают его исчерпывающим, о чем сигнализировало бы *и остальное*. Поэтому говоря о «целом», следует иметь в виду, что *в прочем* на первый план выходит именно противопоставление сказанного другому, то есть (еще) не сказанному.

управляющее слово: сходство *в голосе* — разница *в прочем*; худоба *в стенах, полах* и *в прочем*.

Синтаксическая зависимость от глагола может, однако, ослабляться или исчезать вовсе:

- (7) Лишь бы фабрика шла как следует, а *в прочем* моему хозяину — все едино.
- (8) Ермолаю было приказано доставлять на господскую кухню раз в месяц пары две тетеревей и куропаток, а *в прочем* позволялось ему жить где хочет и чем хочет.

В (7) уже вряд ли можно говорить о том, что сказуемое «все едино» управляет *в прочем*, так же как и в (8) *в прочем* не зависит синтаксически от группы сказуемого «ему позволялось жить где хочет и чем хочет» по той простой причине, что его синтаксическое место обстоятельства уже занято. Ср. также (9), в котором автор описывает впечатление, произведенное на гостей красотой одной из приглашенных:

- (9) (...) я ощутил даже некое подобие гордости — особенно когда разглядывал вытянувшееся лицо моего приятеля Ила. А Ил разве только рот не разинул — а *в прочем* вел себя, как деревенский мальчик, которому на ярмарке показали гигантский леденец.

Несмотря на различия в позиции *в прочем* и на степень его синтаксической зависимости от предиката, во всех приведенных примерах *в прочем* сохраняет свою семантику дополнения до целого. Компонент q^7 , в котором находится *в прочем*, всегда содержит гипероним элементов, перечисленных в p , то есть наименование того целого, из которого эти компоненты исключены. Так, в (6) «дворец» в q — гипероним для «стен, полов и потолков» в p ; в (8) p — «жить где хочет и чем хочет» — может считаться гиперонимом для q «доставлять на кухню куропаток»; в (9) «раскрыть рот» возводится к гиперониму «вести себя как деревенский мальчик». Функцию обозначения целого может брать на себя и само *в прочем*, как в (5), где на основе элемента «в голосе», мы понимаем, что речь идет о (довольно большом) наборе «признаков», которые могут отличать двух артистов.

Замечу также, что употребление *в прочем* в контекстах слабого управления выдвигает его в начальную позицию и превращает в контрастную тему высказывания: тому, что было сказано в p , противопоставляется *прочее*. *В прочем* можно перефразировать здесь как *что касается остального*. Начальная позиция *в прочем*, его тематический статус и разрыв синтакси-

---

⁷ В отличие от С. Моро, я использую буквы для обозначения компонентов, связанных тем или иным показателем связи, в алфавитном порядке, что мне кажется более логичным: p для первого компонента, находящегося в левом по отношению к анализируемой языковой единице контексте, q для второго компонента, содержащего анализируемую единицу.

ческих связей способствуют тому, что *в прочем* расширяет свою сферу действия и превращается в рамочное выражение. Оно задает те пределы, в рамках которых пропозиция *q* является истинной (ср. схожие по своему функционированию выражения *с этой точки зрения, в этом отношении* и под.). На основании этих признаков подобные случаи употребления *в прочем* можно считать отчасти грамматикализованными.

2.2. В прочем и в остальном

Именно в этом значении *с в прочем* конкурирует в современном языке *в остальном*, являющимся более частотным: в НКРЯ для *в прочем* зарегистрировано 211 вхождений, для *в остальном* — 828. В подавляющем большинстве случаев *в остальном* употребляется в контекстах, описанных выше для *в прочем*. Так, в (10) интерпретация *в остальном* опирается на соотношение гипонима «корешок» и гиперонима «книга»; в (11) целое задается *в остальном* на основе противопоставления быта и всех других жизненных ситуаций:

- (10) Корешок в плохом состоянии, *в остальном* книга хорошо сохранилась.
 (11) В быту Люся казалась нормальной, а вот *в остальном*...

Как и *в прочем*, *в остальном* может выдвигаться в позицию тематического — часто контрастного, как в (12) и (13), — рамочного элемента, ограничивающего истинность пропозиции *q*.

- (12) Наше взаимопонимание в ЭТОМ ОТНОШЕНИИ полное; *В ОСТАЛЬНОМ ЖЕ* мы едва понимаем друг друга — я знаю лишь несколько слов по-немецки, а она ни слова по-русски.
 (13) Он по-прежнему выглядел шикарным спутником и в ЭТОМ СМЫСЛЕ ничуть не изменился. *А В ОСТАЛЬНОМ* Аля пока не могла понять, потому что все ее силы ушли на то, чтобы казаться спокойной...

В таких случаях *в остальном* утрачивает синтаксическую зависимость от предиката, и в сферу его действия попадает компонент *q* в целом. Особенно хорошо это видно в (14), где согласование субстантивированного прилагательного «остальной» с глаголом «вмешиваться» требовало бы формы винительного падежа «в остальное»:

- (14) Он только посидел с ребятами в Совете дела, подал идею превратить курс физики в набор вопросов и ответов, а *в остальном* решил не вмешиваться, и Елене Васильевне вмешиваться запретил.

Таким образом, *в остальном* действует как показатель исключения: он сигнализирует о том, что из некоторого целого, обозначенного в *q*, должен быть исключен элемент, описанный в *p*. Причем это отношение исключения может устанавливаться как на уровне пропозиционального содержания (отношением гиперонимии), так и на уровне пропозиционального отноше-

ния. В последнем случае *в остальном* ограничивает сферу истинности положения вещей, описанного в *q*. В (15), например:

- (15) Кстати говоря, за последние десять лет лишь два немецких автора лидировали в списках бестселлеров Германии по разряду «беллетристика». Это были (...) Бернхард Шлинк (...) и (...) Гюнтер Грасс (...). *В остальном* первые десять мест обычно оккупировали иностранные авторы,

в остальном указывает на то, что положение вещей *q* = «первые десять мест обычно оккупировали иностранные авторы» истинно, если говорящий исключит то, о чем было сказано в *p* = «за последние десять лет лишь два немецких автора лидировали в списках бестселлеров Германии по разряду «беллетристика». Это были (...) Бернхард Шлинк (...) и (...) Гюнтер Грасс (...)». При этом элементы, входящие в *p* и *q*, не должны больше находиться в отношении гипо-гиперонимии.

В остальном может выполнять и текстообразующую функцию, как в (16):

- (16) (...) Шурика не с кем оставить. Комнату нам дали хорошую, есть сарайка и огород, весной посадим; так что пусть бы мама приехала, я бы пошла и работать на прежнее место, в столовую. *В остальном* все пока живы и здоровы, передайте привет всей нашей деревне.

Здесь *в остальном*, по-прежнему благодаря своей семантике, отсылающей к целому (но это целое состоит из всей информации, которую собирается сообщить говорящий), сигнализирует переход к тому, о чем пока еще не было сказано.

Наконец, в (17), единственном такого типа в моем корпусе из 827 примеров:

- (17) Будущее покажет, что произойдет дальше из любви моей. Но по мне — необязательно любить, имея половые сношения с любимой девушкой. *А в остальном* я не доктор, как говорят некоторые,

в остальном приближается по функции к *впрочем*, действующем на уровне речевого акта — значение, о котором речь пойдет ниже.

2.3. *От* в прочем к *впрочем*

По данным НКРЯ, уже в начале XIX века можно встретить случаи употребления *в прочем*, которые очень напоминают сегодняшнее функционирование слова *впрочем*; ср. (18):

- (18) Ныне числится чиновником по Университетской типографии, где должности никакой не несет, а считается уже несколько лет единственно для получения награждения. Он также пожилых лет; вдов, имеет пятерых детей от двух жен, которые обе умерли. Состояние

имеет незначительное, но и не бедное; жизнь ведет скромную и трезвую; выездов частых и большого знакомства не имеет, но бывает в доме Шатрова. *В прочем* отзывы об нем вообще с выгодной стороны (1827).

В контексте, предшествующем *в прочем*, говорящий дает положительную характеристику человеку, которого он описывает. *В прочем* вводит высказывание, в котором не просто говорится о положительных отзывах о нем, но и обобщается данная положительная характеристика («вообще»). Вряд ли мы можем здесь понять *в прочем* как добавляющее что-то для составления целого, из которого исключается то, о чем сказано в предыдущем контексте. Компонент *q* является скорее добавочным замечанием, которое позволяет п о - д р у г о м у взглянуть на то, о чем говорится до этого.

Интересно, что в другом примере, чуть более раннем (1769), *в прочем* может быть понято двояко:

- (19) Я видал, как многие, *в прочем* разумные, люди, рассматривая разные вещи, русскими мастерами деланные, хулили их для того только, что они не иностранными деланы мастерами.

«*В прочем* разумные» может быть понято как «разумные в остальном», противопоставленное неразумным насмешкам над вещами, сделанными русскими мастерами, а также как *впрочем*, добавляющее оценку этих людей: люди, которые были разумными (= *причем* / и *это* были разумные люди).

С другой стороны, мы можем встретить и примеры, где *впрочем* в одно слово имеет еще значение ‘в том, что касается остального’ Ср. (20) из Пушкина и (21) из Салтыкова-Щедрина:

- (20) Петр писал Шафирову, что войска будут выведены, кроме 7000, ибо-де поляки зело сомневаются и опасаются, чтоб мы их не покинули; *впрочем* соображаться с обстоятельствами etc.
- (21) — Помилуйте, ваше высокородие, будьте без сумления-с... — Убийство, конечно, вещь обыкновенная, это, можно сказать, каждый день случиться может... а голова! Нет, ты пойми меня, ты вникни в мои усилия! Голова, братец, это, так сказать, центр, седалище... — Найдем-с, — отвечал Живоглот с некоторым ожесточением (...) — *Впрочем*, по уезду благополучно? — Благополучно, ваше высокородие, — ревет Живоглот, раз навсегда закаявшись докладывать его высокородию о чем бы то ни было неблагополучном.

Наконец, обращает на себя внимание тот факт, что в определенный момент *впрочем* начинает выделяться запятыми, которые говорят о полном разрыве синтаксических связей между лексемой и остальным предложением, хотя на первых порах довольно непоследовательно⁸, и не всегда можно

⁸ Наличие запятой может объясняться и правилами современной орфографии. Это касается, в первую очередь, примера 24 из Фонвизина.

однозначно сказать, особенно в (22), о каком именно употреблении *впрочем* идет речь.

- (22) Стены крепости находятся весьма в худом состоянии от небрежения правительства; *впрочем* они довольно высоки и хорошо построены; во многих местах перекладывали их снова (1804).
- (23) Мы видели куропаток необыкновенной величины; они *впрочем* похожи на тех, которые находятся на берегах Варварии (1804).
- (24) Он вынул было кошелек дать несколько денег людям, но они отозвались, что им весьма строго запрещено от помещицы брать с проезжих деньги и что, *впрочем*, не имеют в них никакой нужды, служа своей доброй госпоже (1783).

Вполне очевидно, однако, что в (24) речь идет уже о современном употреблении *впрочем*. Каково же это современное употребление?

3. *Впрочем*: семантика и условия употребления

Рассмотрим следующий пример, заимствованный из БАС:

- (25) Сам город не представляет собой ничего особенно выдающегося и очень похож на все уездные города; *впрочем*, он выгодно отличается от своих собратий удивительною чистотою улиц.

Первое положение дел (*p*) является независимым в том смысле, что описывает положение вещей, которое *априори* — ни семантически, ни синтаксически — не предусматривает никаких добавлений. Элемент (*q*), вводимый *впрочем*, добавляет новое положение вещей, которое заставляет пересмотреть то, что было сказано в *p*. Так, в рассматриваемом примере в *p* речь идет о городе Бельске, который похож на все уездные города — утверждение, на котором можно было бы остановиться. Однако это утверждение скорректировано вводимым *впрочем* компонентом *q* = «он отличается чистотой улиц». Именно это, по-видимому, имеется в виду под термином «ограничительное», при помощи которого БАС определяет данное употребление *впрочем*. Таким образом, характеризуя семантику *впрочем*, следует, на мой взгляд, говорить не о том, что две ситуации, соединенные *впрочем*, составляют единое целое, а о том, что ситуация, описанная в *p*, должна быть интерпретирована, принимая во внимание то, о чем говорится в *q*.

Заметим также, что *впрочем* в (25) и *в прочем* в (26), которое должно быть понято как *в остальном* (= «в том, что не касается того, что он сближает губернию с хлебородными уездами»), далеко не синонимичны, и заменить одну языковую единицу на другую без существенного изменения смысла невозможно. Причем не только по семантическим, но и по синтаксическим причинам. Для употребления *впрочем* необходимо, чтобы компоненты *p* и *q* представляли собою законченное сообщение: (27) отличает-

ся от (26) не только значением, но и синтаксической структурой второго компонента.

- (26) Меленки — городок, сближающий губернию с хлебородными низовыми уездами, *в прочем* сам по себе мало заслуживает внимания.
- (27) Меленки — городок, сближающий губернию с хлебородными низовыми уездами. *Впрочем*, сам по себе он мало заслуживает внимания.

Таким образом, именно это значение — пересмотр выше сказанного — отличает *впрочем* от других присоединительных коннекторов, к которым его можно отнести по целому ряду признаков. Ср. в этой связи неприемлемость в данном контексте *к тому же / кроме того*, которое просто добавляет еще одно положение вещей к тому, что уже было сказано, аргументируя в том же направлении:

- (28) Сам город не представляет собой ничего особенно выдающегося и очень похож на все уездные города; ^{??}*к тому же / кроме того*, он выгодно отличается от своих собратий удивительной чистотой улиц.

Предложенное толкование *впрочем*, которое следует рассматривать как семантическую константу, свойственную всем его употреблениям, требует, однако, некоторых уточнений относительно того, что именно и как пересматривает *впрочем*. Это во многом определяется семантическим наполнением связываемых им компонентов и тем речевым уровнем, на котором *впрочем* устанавливает отношения.

3.1. Типы семантических структур с *впрочем*

3.1.1. Компонент *q*, вводимый *впрочем*, заставляет пересмотреть то, что сказано в первом компоненте *p*, не опровергая его

(1) Типы отношений, которые устанавливаются на уровне ситуаций, описанных в соединяемых компонентах *p* и *q*

а) добавление

Дополнительный характер элемента, вводимого *впрочем*, может быть эксплицитно выражен лексическими единицами соответствующей семантики:

- (29) Все, что публикуется в электронном виде, доступно для всех заинтересованных пользователей литературного Интернета (КАК, *впрочем*, и для случайных странников по бесконечным сетевым пространствам).
- (30) Я не люблю, когда опаздывают к завтраку и к обеду, и из-за этого способна сделать бурную сцену. Это вам нужно заметить, потому что вы у нас будете завтракать и обедать каждый день!.. *Впрочем*, есть ЕЩЕ множество других пустяков, из-за которых я способна сделать сцену.

- (31) Иван Иванович хорошо знал отца Вахнова, который был в полном смысле слова зверь по свирепости и крутости нрава. Он славился на весь город этими своими качествами, НАРЯДУ, *впрочем*, И С ДРУГИМИ, признанными обществом: идеальной честностью и беззаветным мужеством.

В данных примерах *еще*, *как и*, *наряду с* указывают на то, что перечисленные в *p* элементы (или элемент), не исчерпывают множество, на которое распространяется приписанный им признак, а *впрочем* указывает на то, что сказанное в *p* должно быть пересмотрено с учетом новых элементов, введенных в *q*. Добавочный коммуникативный характер второго компонента регулярно находит свое выражение в выборе знаков препинания: скобки в (29), многоточие в (30), запятая в (31). Последний пример интересен во многих отношениях.

Как известно, ограничительно-выделительные обороты, к которым относится *наряду с*, выделяются запятыми «по условиям контекста» [Лопатин 2009: 220]. В (31) постановка запятой не может объясняться синтаксическими условиями: *наряду с* не расположено ни в абсолютном начале предложения, ни между подлежащим и сказуемым, ни между управляющим и управляемым словом. Постановка запятой может объясняться только смысловой законченностью части предложения, предшествующей *наряду с*. С другой стороны, если мы опустим *впрочем*, то нам придется опустить также частицу *и*, которая устанавливает аналогию двух ситуаций: той, что описана в *p* («Он славился на весь город этими своими качествами»), и той, что описана в *q* («он славился другими качествами»). Вариант (31) без запятой и без *впрочем* будет иметь не только другой смысл, но и другую коммуникативную структуру.

- (32) Иван Иванович хорошо знал отца Вахнова, который был в полном смысле слова зверь по свирепости и крутости нрава. Он славился на весь город этими своими качествами наряду с другими, признанными обществом: идеальной честностью и беззаветным мужеством.

Если в (31) качества «свирепость» и «крутость нрава» противопоставляются другим качествам, «признанным обществом», а именно «честности» и «мужеству», то в (32), напротив, «свирепость» и «крутость нрава» интерпретируются как качества, также признанные обществом. Кроме того, если в (31) «славился этими своими качествами» входит в рему высказывания, то в (32) этот сегмент входит в тему, а в рему входит «другие, признанные обществом качества», что и позволяет включить «свирепость» и «крутость нрава» в это общее множество.

Таким образом, сопоставление с другими лексемами, имеющими семантику добавления, подтверждает предлагаемое выше описание семантики *впрочем*: данная лексема вводит не однонаправленный с *p* аргумент, а аргумент, который заставляет сменить направление аргументации с учетом того, что говорится во вводимом им компоненте *q*.

б) обобщение

- (33) (...) там сидела высокая блондинка. Она нам казалась красавицей. *Впрочем*, все женщины тогда нам казались красавицами [Моро 1998].
- (34) Родился я в Киеве. Это сегодня не плюс. Другая страна. (...) А был же когда-то огромный Советский Союз!.. *Впрочем*, сейчас уже МНОГОЕ «было»...
- (35) Стоимость развлечений и ресторанных ужинов в Москве неоправданно высока в сравнении с Европой. *Впрочем*, это относится и **ВООБЩЕ** к московским ценам.

Если в примерах предыдущей группы пересмотр, на который указывает *впрочем*, того, о чем сказано в *p*, осуществляется на основании дополнительных элементов, описанных в *q*, то в данной группе примеров пересмотр *p* осуществляется на основе обобщения. Об этом свидетельствует присутствие в *q* таких лексем, как *многое*, *вообще*, универсальных квантификаторов *всегда*, *все* и под. Так, в (33) красавицей казалась не только высокая блондинка, но и «все женщины». К этому же типу относятся, на мой взгляд, в равной мере и (3)-(4) выше: «Руслан орал не только в данном разговоре, но и *всегда*, когда спорил»; «я спокоен не только теперь (когда вы здесь), но *всегда*, когда вы здесь».

в) пересмотр импликатуры

В некоторых случаях между содержанием компонентов *p* и *q* невозможно непосредственно установить отношения добавления или обобщения. В таких случаях *впрочем* устанавливает отношения на уровне импликатуры, связанной с *p*. Ср. (36):

- (36) У нас на удивление дружный женский коллектив, мы никогда не ссоримся, и такое слово, как «сплетни», нам неведомо. *Впрочем*, теперь все это в прошедшем времени.

На основании первого компонента можно предположить, что такая ситуация продолжается и сейчас, однако, во втором компоненте говорится, что это уже в прошлом. Таким образом, *впрочем q* заставляет пересмотреть импликацию, которая возникает на основании *p*. Ср. также пример, приводимый Моро [1998: 259] в группе значений «вопреки ожиданиям»:

- (37) Кузьмин, очень любивший жизнь, спросил у второго пилота: — Как техника-то работает? — А так работает, что без молитвы не включаем, — ответил второй пилот. (...) Долетели они, *впрочем*, без приключений.

Здесь *впрочем q* также указывает на то, что выводы, которые можно было бы сделать на основании *p*, преждевременны. Важно при этом заме-

тить, что понять, какой именно вывод из *p* подвергается пересмотру, становится возможным лишь на основании пропозиционального содержания *q*. Так, если бы в (37) в *q*, вместо «долетели они, впрочем, без приключений» было бы «нам, впрочем, обещали скоро прислать новую технику», импликатура, на которую опирается *впрочем q*, была бы иной.

Некоторые употребления *впрочем*, когда *p* и *q* связаны атрибутивными отношениями, схожи, на первый взгляд, с употреблением *но* и *только* «уточняющего ограничения» [РГ-80 II: 631], которые также соединяют компоненты разной аргументативной направленности. Ср. (38) и его трансформацию (39):

- (38) СПС открыто конкурирует с правым крылом «Единой России». *Впрочем*, не очень успешно.
 (39) СПС открыто конкурирует с правым крылом «Единой России». *Но/только* не очень успешно.

Однако между *впрочем* и *но/только*⁹ есть существенные различия. Прежде всего, в отличие от *впрочем*, *но* и *только* не заставляют пересмотреть сказанное в первом компоненте, а лишь указывают, что один из компонентов имеет большую аргументативную значимость. Так, в (40):

- (39) «Самойлов — гений. Вот *только* характер у него скверный», — сетовал он позднее

глобальная оценка Самойлова — в силу скверности его характера — будет скорее отрицательной¹⁰. Это не отрицает, однако, того, что он гений. Неестественность в данном контексте *впрочем*:

- (41) Самойлов — гений. ^{??}*Впрочем*, характер у него скверный

объясняется тем, что оно заставляет пересмотреть квалификацию «гений» на основе того, что сказано в *q* = «характер у него скверный», что довольно странно.

Второе отличие заключается в том, что последовательность *p*, *но/только q* составляет единый коммуникативный акт, тогда как в последовательности *p*, *впрочем*, *q* оба компонента являются коммуникативно самостоятельными. Поэтому замена *впрочем* на *только* и *но* тоже не всегда возможна. Ср. (42) и (43):

- (42) Это был очень невысокий, чопорный старичок, лет, *впрочем*, не более пятидесяти [Моро 1998].

⁹ О различиях между *но* и *только* см. Холодов [1975], Санников [1989: 179-180], Инькова-Манзотти [2001: 211-213].

¹⁰ О присущей некоторым высказываниям с *только* и *но* оценочной семантике (± желательное), а также о порядке следования компонентов см. Санников [1989: 179—180] и Апресян [2006б: 703—710].

- (43) Это был очень невысокий, чопорный старичок, **но!**только лет не более пятидесяти.

Компоненты *p* и *q* не могут составлять здесь единый коммуникативный акт, поскольку в таком случае противоположные качества («быть стариком» и «быть не таким уж стариком» = *лет не более пятидесяти*) приписывались бы одному человеку одним говорящим в рамках единого высказывания, тогда как вариант с *впрочем* воспринимается как коррекция сказанного в новом коммуникативном акте.

(2) Типы компонентов, вводимых *впрочем* и выражающих отношение говорящего к тому, что сказано в *p*

а) оценочный комментарий

В некоторых высказываниях компонент, вводимый *впрочем*, не столько заставляет пересмотреть вывод, который можно сделать на основании *p*, сколько вводит комментарий, содержащий оценку говорящим положения вещей, описанного в *p*: в (44) «слабость» оценивается как «маленькая», в (45) «вопрос» как «лежащий на поверхности»:

- (44) «Только у меня есть одна слабость, очень маленькая, *впрочем*», — продолжала хозяйка, пододвигая к гостю блюдо с котлетами и горчицу.
- (45) Ответ на этот вопрос, и без того, *впрочем*, лежащий на поверхности, сформулировали и подсказали тренеры-консультанты.

Связываемые *впрочем* компоненты не обязательно представляют собой предикативные структуры, и позиция *впрочем* здесь наиболее свободна: если в предыдущей группе употреблений *впрочем* находится, как правило, в начале высказывания, то *впрочем*, вводящее в *q* с семантикой оценки, может стоять как в начале *q*, так и в его конце, или разрывать его.

б) металингвистический комментарий

Комментарий говорящего может иметь металингвистический характер и касаться либо выбора языковых средств, которые использованы им для описания положения вещей *p* ((46) и (47)), либо того, как надо интерпретировать то или иное выбранное языковое средство (48).

- (46) Черный передел (название, *впрочем*, не особенно употребительное) по-прежнему составляет фокус всех деревенских желаний, дум и разговоров.
- (47) Звали его Сергей, но почему-то все вокруг называли его просто Сержик. Возможно, это проявление свойственного Руси уменьшительно-ласкательного обращения к юродивому. *Впрочем*, тут я не совсем правильно выразился.
- (48) Еще одна гарантия независимого правосудия — неприкосновенность судьбы. Это, *впрочем*, не означает его безнаказанности.

(3) Отношение, которое устанавливается на уровне речевого акта, осуществляемого в первом компоненте

В данной группе употреблений *впрочем q* сигнализирует о том, что одно из правил речевого общения (ср. постулаты успешности речевого общения П. Грайса) было нарушено. Так, в (49) «*впрочем, я отвлекся*» указывает на то, что в *p* нарушено правило отношения («Говори по теме!»); причем размер этого «отвлечения» может быть довольно значительным: в (49) весь текст в скобках, предшествующий *Но, впрочем*.

(49) Думается, что каждому читателю данного пособия доводилось сдавать какие-либо экзамены, и вы все более или менее представляете себе, что это такое. Тем не менее, для разработки подлинно научного подхода необходимо точное определение изучаемого явления. (Ничего себе стиль получается! Ставлю минимальную зарплату против стипендии, что вы думали, что в этом пособии приколом на приколе сидит и приколом погоняет. Как бы не так! Будь я министром образования, то во всех вузах ввел бы в обязательном порядке изучение методов отлынивания, технологии изготовления шпаргалок и искусства лить воду, причет с обязательным экзаменом! Вообразите отрадную картину: студент, изготавливающий шпоры на экзамен по шпаргалковедению! Но, *впрочем, я несколько отвлекся*. Вернемся к нашим баранам.)

В (50) нарушены условия, связанные с речевым актом совета:

(50) Возможно, надо было предоставить ему больше свободы, и он нашел бы себя хоть в чем-нибудь. *Впрочем, не мне давать советы воспитательного характера*.

Для того чтобы дать совет, говорящий должен быть «уполномочен» это сделать: например, пользоваться определенным авторитетом у слушающего или иметь достаточный житейский опыт. Именно на нарушение этого условия осуществления акта совета указывает *впрочем q*.

(4) Textoобразующая функция *впрочем*

Компонент, вводимый *впрочем*, может выполнять и текстообразующую функцию¹¹: *впрочем q* сигнализирует о том, что порядок изложения сейчас будет изменен и каким именно образом. Виноградов [1947: 740] определил такое употребление *впрочем* как указание «на внезапный излом в логическом движении речи».

(46) Внешний портрет ежа, как видно, не нуждается в детальных описаниях, но с внутренним содержанием нашего героя небезынтересно.

¹¹ «Обо всем по порядку» у Моро [1998], находящееся в той же «границе», что и «вопреки ожиданиям», о котором речь шла выше.

ресно коротко познакомиться. *Впрочем*, сначала немного о ежином племени вообще.

- (27) Играть могут от трех до шести человек (...). А вот с целевой аудиторией немного странно: по компонентам и правилам вроде сильно ориентирована на детей, но тематика и юмор не особо соответствуют... *Впрочем*, давайте посмотрим подробнее.
- (27) В почтовом ящике уже скопилось более десятка писем с просьбой устроить «разбор полетов» документальному фильму «Осторожно — еда!», который был показан по Первому каналу весной уходящего года. (...) Что я могу сказать уважаемому собранию? Ну, а что еще можно ожидать от авторов «Великой тайны воды» и «Плесени»? Упор в фильме сделан на дешевые «сенсации», на скандалы, всюду используется передергивание фактов и запугивание зрителей. Потрясающий подбор диагностических методик для проведения «эксперимента» и умопомрачительный подбор экспертов. *Впрочем*, давайте по порядку.
- (27) Из недавней истории вспоминается, пожалуй, только сосланный сюда Иосиф Сталин... При нем неугодных загоняли еще подальше — *впрочем*, довольно о печальном.

Так, в (51) говорящий сигнализирует о переходе от частного к общему, а в (52), наоборот, предлагает рассмотреть детали. В (53) говорящий отдает себе отчет в том, что он нарушил «логику изложения», а в (54) сигнализирует о смене темы. *Впрочем* всегда занимает в *q* начальную позицию.

3.1.2. Компонент *q*, вводимый *впрочем*, аннулирует то, что было сказано в первом компоненте *p*

Если в семантических структурах, описанных в 3.1.1, *впрочем* указывает на то, что интерпретация компонента *p* должна быть пересмотрена с учетом того, что говорится в *q*, то в высказываниях данной группы *впрочем q* аннулирует то, что было сказано в *p*. Такая интерпретация возникает тогда, когда в компоненте *q* отрицается то, что сказано в *p*: *p* *впрочем q*, где *q* = 'не *p*'. Такое отношение можно квалифицировать как *самокоррекцию*, поскольку *p* и 'не *p*' оба исходят от говорящего. Рассмотрим следующие примеры:

- (55) Мы совершаем одни и те же ошибки, снова и снова. Если бы мы все время помнили об этих ошибках... *впрочем*, мы бы все равно их совершали! Думаю, такова человеческая натура.
- (56) — Ты один приехал? *Впрочем*, нет, не хочу знать. Заедешь повидаваться?
- (57) Прощай, не торопись с ответом, *впрочем*, кажется, тебе нечего колебаться.
- (58) Читаю ваши комменты, и ощущение, что попал в обезьянник с макаками... *Впрочем*, нет — не хочу обижать животных, у них нет злобы (Интернет).

Как видно из примеров, опровержение того, что было сказано в первом компоненте, может осуществляться на разных коммуникативных уровнях.

- Самокоррекция может касаться ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ первого компонента, как в (55), который интересен также тем, что *впрочем* опровергает то, о чем говорится в отсутствующем, но легко восстановимом главном предложении условного периода («мы бы их не совершали»).
- Она может реализовываться НА УРОВНЕ РЕЧЕВОГО АКТА, который осуществляет первый компонент: вопрос в (56), где отрицается само желание получить информацию; аннулированная просьба в (2) выше; в (57) требование или совет («не торопиться», т. е. подумать), необходимость придерживаться которого тут же отрицается («тебе нечего колебаться», значит «тебе не нужно времени, чтобы подумать»).
- Наконец, в (58) автор корректирует выбор языковых средств («данное описание не подходит»), самокоррекция устанавливается, следовательно, НА УРОВНЕ ОЦЕНКИ ГОВОРЯЩИМ сказанного в *p*.

Вместо отрицания во втором компоненте может быть вопрос, в том числе риторический, выполняющий такую же функцию:

- (59) ... старика заставили лгать (*впрочем*, зачем лгать? Просто ему дали подписать раз навсегда выработанные формулы).
- (60) Я потянулся к клавиатуре, почти не думая ткнул пальцем в клавишу, и только увидев «НЕТ», высвеченное программой под вопросом о яблочном пироге, понял, что ошибся. *Впрочем*, ошибся ли?

или антоним (*иногда vs. часто*):

- (61) Иногда, а *впрочем*, довольно часто, этим трюком обманывают публику.

В данной семантической структуре *впрочем* всегда находится в начале *q*.

К высказываниям данной группы можно отнести и (2) выше, в котором *впрочем* определяется словарями и грамматиками как вводное слово, выражающее колебание или сомнение. Данное употребление сводимо, однако, к общей семантической константе, характеризующей все употребления *впрочем* и определенной выше как пересмотр сказанного ранее. Просто в этом случае пересмотр становится, если угодно, «радикальным», аннулирующим сказанное, но для возникновения такой интерпретации должны быть соблюдены строго заданные семантические условия, а именно: $q = \text{'не } p\text{'}$. При отсутствии этого условия мы будем иметь дело с базовым значением *впрочем*.

4. Заключение

Предлагаемое описание семантики *в остальном*, *в прочем* и *впрочем* позволяет, как мне кажется, убедиться в том, насколько важно при анализе функционирования показателей логико-семантических отношений между высказываниями учитывать тот речевой уровень, на котором эти отношения устанавливаются. Именно от этого зависят и возможные ограничения на семантическую и синтаксическую организацию высказывания, и, в конечном счете, его интерпретация. Так, мы смогли убедиться в том, что при установлении отношения на уровне пропозиционального содержания, компоненты *p* и *q*, соединяемые всеми тремя проанализированными единицами, должны содержать элементы, входящие в отношение «часть — целое», кодифицированные лексической системой языка (отношение гиперонимии). При переходе на другой уровень (акта речи или организации текста) это целое задается на иных основаниях, следовательно, иными будут и ограничения на семантическую и синтаксическую структуру соединяемых компонентов.

Проведенный анализ позволяет также сделать вывод о том, что если для *в прочем* и *в остальном* можно говорить о частичной грамматикализации этих языковых единиц (в связи с утратой в некоторых контекстах синтаксической связи с предикатом и расширенной сферой действия), то в случае *впрочем* процесс грамматикализации завершен окончательно. Об этом свидетельствуют изменение орфографии, полный разрыв синтаксических связей с предикатом, пунктуация, а также изменение значения данной единицы, которое не сводимо к значению составляющих ее элементов (*в и прочее*).

Какой же тип отношений устанавливают наши три лексемы? Отношение, выражаемое *в прочем* и *в остальном* можно охарактеризовать как отношение исключения: для интерпретации *q* необходимо исключить то, что говорится в *p*. Что касается *впрочем*, то проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что предложение, вводимое *впрочем*, представляется как добавление «в последнюю минуту», как некий комментарий к самостоятельному высказыванию. С этой точки зрения, *впрочем* выражает присоединительные отношения. Однако в отличие от других показателей присоединительных отношений (*кроме того*, *к тому же*, *да и* и под.), компонент *q*, в котором находится *впрочем*, имеет противоположную *p* аргументативную направленность. Он заставляет пересмотреть *p* (отрицая вывод, который можно сделать на основании *p*), а в некоторых случаях (когда *q* = «не *p*») даже аннулировать то, что сказано в *p*. Данный компонент значения *впрочем* должен быть определен как противительный¹². Исходя из этих соображений, отношения, устанавливаемые *впрочем*, можно, на мой взгляд, определить как противительно-присоединительные или, точнее, присоединительные с противительным оттенком.

---

¹² Об определении отношения противопоставления см. [Инькова-Манзотти 2001 гл. 2].

Л и т е р а т у р а

Апресян 2006а — В. Ю. А п р е с я н. Уступительность как системообразующий смысл // ВЯ, 2006, № 2. С. 85—110.

Апресян 2006б — В. Ю. А п р е с я н. «Уступительность в языке» // Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю. Д. А п р е с я н. М., 2006. С. 615—712.

БАС — Словарь современного русского литературного языка в 17 тт. / Отв. ред. В. И. Ч е р н ы ш е в. М.; Л. 1950—1965.

БАС² — Словарь современного русского литературного языка / Отв. ред. К. С. Г о р б а ч е в и ч. М., 1991—.

Виноградов 1947 — В. В. В и н о г р а д о в. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М., 1947.

Ефремова 2004 — Толковый словарь служебных частей речи / Отв. ред. Т. Н. Е ф р е м о в а. М., 2004.

Инькова-Манзотти 2001 — О. Ю. И н ь к о в а - М а н з о т т и. Коннекторы противопоставления во французском и русском языках. Сопоставительное исследование. М., 2001.

Лопатин 2009 — Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Отв. ред. В. В. Л о п а т и н. М., 2009.

МАС — Словарь русского языка в 4-х тт. / Отв. ред. А. П. Е в г е н ь е в а. М., 1957—1961 [1981].

Моро 1998 — С. М о р о. Впрочем // К. К и с е л е в а & Д. П а й а р (отв. ред.). Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. М., 1998. С. 256—262.

Ожегов — С. И. О ж е г о в. Словарь русского языка. М., 1949 [1990].

РГ-80 — Русская грамматика в 2 тт. / Отв. ред. Н. Ю. Ш в е д о в а. М., 1980.

Санников 1989 — В. З. С а н н и к о в. Русские сочинительные конструкции. Семантика. Прагматика. Синтаксис. М., 1989.

Ушаков — Толковый словарь русского языка / Отв. ред. Д. Н. У ш а к о в. М., 1935—1940 [2001].

Холодов 1970 — Н. Н. Х о л о д о в. Сложносочиненные предложения с союзом *только*, синонимичным союзу *но* // Русский язык в школе. 1970. № 6. С. 83—88.

Цой 2008 — А. С. Ц о й. Служебные слова как объект русской лексикографии. М., 2008.

Inkova 2010 — O. I n k o v a. De l'anaphore à la scalarité: de quelques expressions anaphoriques en russe // P. H a d e r m a n n & O. I n k o v a (éds.). Approches de la scalarité. Genève, 2010. P. 67—112.

OLGA Yu. INKOVA
(University of Geneva)

**«AS FOR THE REST, MADAM THE MARQUISE...»:
ABOUT THE SEMANTICS OF *V OSTAL'NOM*, *V PROČEM* AND *VPROČEM***

This study focuses on the three Russian items *v ostal'nom*, *v prochem*, *vpročem* in their function as markers of logical-semantic relations between sentences. The argument

is that the level on which these markers establish the relation — propositional content, attitude of the speaker, discursive act, text organization — is relevant and should be thoroughly specified. After defining the conditions of use of these three items, the author argues that the relation established by *v ostal'nom*, *v pročem* is one of 'exception', whereas the relation established by *vpročem* is one of 'opposite addition'.

Keywords: semantics, discourse marker, exception, addition, opposition, Russian, *v ostal'nom*, *v pročem*, *vpročem*

Г. И. КУСТОВА

**СИСТЕМНЫЕ СВЯЗИ И СИСТЕМНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ
ЭКСПЕРИЕНЦИАЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ:
ПРЕДМЕТНЫЕ И ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ КОНТЕКСТЫ ***

**1. Экспериментальные параметры
и экспериментальные прилагательные**

В данной работе речь пойдет об устройстве экспериментальных параметров и семантической специфике обслуживающих их прилагательных.

Экспериментальные параметры — СВЕТ (ОСВЕЩЕННОСТЬ), ТЕМПЕРАТУРА, ЗВУК, ЗАПАХ, ВКУС, ТЯЖЕСТЬ и т. д. — это такие характеристики окружающей среды или предметов, которые человек воспринимает экспериментально (в частности — органами чувств). Прилагательные, которые выражают значения экспериментальных параметров, — *светлый, холодный, громкий, горький* и под. — обычно называют перцептивными (ср., например, [Лаенко 2004]), поскольку они в своей семантике содержат указание на определенный канал восприятия: признак *громкий* воспринимается на слух, признак *горький* — на вкус и т. д. В данной работе эти прилагательные будут именоваться экспериментальными. Человек как пациент подвергается воздействию мира (как и другие физические тела), а как экспериментатор ощущает и осознает это воздействие. Если человека ударить, у него как у пациента останется материальный «след», например, синяк. А в качестве экспериментатора он почувствует боль. Если же ударить молотком по деревяшке, будет только вмятина как пациентное изменение. Экспериментальная сфера (см. [Кустова 2004]) шире, чем перцептивная. Например, человек чувствует тяжесть, когда несет что-то тяжелое, но прилагательное *тяжелый* не указывает ни на какой канал восприятия, — тяжесть ощущается всем телом и, что более важно, «всею душой».

Галина Ивановна Кустова, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва).

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 11-04-00223а.

Литературные примеры в основном извлечены из Национального корпуса русского языка (в работе используются сокращения НКРЯ и Корпус).

Русский язык в научном освещении. № 1 (25). 2013. С. 41—69.

Каждый экспериенциальный параметр принято описывать как нечто единое, однородное. Этому, в частности, способствует то, что параметры связаны с определенными классами прилагательных — прилагательными света (*светлый, темный, яркий, тусклый*), температуры (*жаркий, горячий, теплый, холодный*), звука (*громкий, тихий*), тяжести (*тяжелый, легкий*), вкуса (*сладкий, горький, кислый*), тактильных ощущений (*мягкий, гладкий, жесткий*). А эти классы, в свою очередь, ставятся в лингвистических классификациях в один ряд с другими хорошо выделяемыми классами прилагательных типа цветообозначений (*белый, синий, желтый*) или обозначений пространственных параметров (*высокий / низкий, широкий / узкий, глубокий / мелкий*). Но экспериенциальные параметры устроены сложнее, чем физические параметры типа ширины или высоты, — во-первых, потому, что кроме характеристики предмета они включают еще экспериенциальный коррелят (то, что ощущает человек), а во-вторых, потому, что человек может получать информацию о значении экспериенциального параметра разными способами.

Далее мы хотим показать, что экспериенциальный параметр, как правило, не является единым целым. В рамках такого параметра противопоставлены характеристики предмета и характеристики среды, которые представляют собой два разных, хотя обычно и одноименных признака.

Чтобы определить экспериенциальный признак предмета, надо попробовать: например, нужно попробовать конфету, чтобы определить, что она *сладкая*; пощупать ткань, чтобы определить, *мягкая* она или *жесткая*, и т. д. Чтобы определить характеристику среды, этого не требуется. Человек ощущает что-то просто потому, что находится в данном фрагменте пространства, в данной среде и подвергается ее воздействию, тем самым одновременно получая информацию о характеристиках этой среды. Например, *теплая комната* — это не то же, что *теплая батарея*. Чтобы сказать, что *батарея теплая*, ее нужно потрогать, а чтобы определить, *тепло* или *холодно* в комнате, не нужно трогать батарею, — человек это ощущает без всяких посредников и приспособлений. Более того, по тому, что он ощущает, он может определить, горячие батареи или нет.

Таким образом, у многих экспериенциальных параметров (хотя и не у всех) есть две разновидности, две ипостаси — предметная и пространственная. Далее мы будем для простоты говорить «предметный параметр» и «пространственный параметр». Надо заметить, что предметный и пространственный параметры иногда настолько отличаются, что их имеет смысл и называть по-разному. Каждому из параметров соответствует свой ряд (набор) экспериенциальных прилагательных. Значения предметных и пространственных параметров, выраженные прилагательными, мы будем называть «предметными признаками» и «пространственными признаками» соответственно.

Предметный признак, как следует из названия, является характеристикой предмета. При этом пространственный признак является характери-

стикой среды, заполняющей фрагмент пространства, и лишь метонимически он является характеристикой пространства. Среда — не то же самое, что пространство. Пространство по определению — пустое; это, так сказать, контейнер; среда же — это некоторое наполнение пространства. Например, когда мы говорим *теплая комната*, имеется в виду теплый воздух, наполняющий комнату. Хотя речь пойдет о характеристиках среды, мы вынуждены использовать термин «пространственный признак», поскольку прилагательное «средовой» мало распространено и непривычно.

Предметную и пространственную ипостаси экспериенциального параметра обычно не разграничивают, и есть целый ряд причин, почему это происходит.

Во-первых, у экспериенциального параметра есть физическое содержание, которое можно описать «объективно», а иногда даже измерить. Например, температуру можно измерить в градусах, вес — в килограммах, и т. д. При этом на уровне физического содержания предметные и пространственные признаки не различаются: и температура чая в чашке, и температура воздуха в комнате будет измеряться в градусах. Различаются они именно на экспериенциальном уровне — как разные способы, разные типы взаимодействия человека с предметами и со средой.

Во-вторых, не все экспериенциальные параметры имеют обе ипостаси, как температура. Некоторые параметры являются преимущественно пространственными, ср. освещенность, а некоторые — предметными, ср. вкус (об этом ниже).

В-третьих, существуют разные способы получения информации о предмете: предметные признаки могут восприниматься не только контактно, но и дистантно. Если вкус воспринимается контактно, то звук и запах — дистантно: человек получает информацию на расстоянии, не касаясь предмета, что делает звук и запах объективно похожими на пространственные признаки.

Звук всегда воспринимается дистантно, и в этом смысле любой звук «заполняет» пространство. Тем не менее можно различить звук как «предметный» и как пространственный признак. «Предметный» звук связан с предметом — движущимся (мотоцикл, водопад) или функционирующим (звонок, сирена, колокол, кларнет)¹. Что касается звука как характеристики пространства, то это скорее не звук, а уровень шума: пространственными характеристиками являются шум и тишина, т. е. наличие или отсутствие посторонних, неинформационных звуков.

---

¹ Вообще говоря, источником звука является не предмет, а ситуация, например движение или речь, поэтому *громкий / тихий* чаще сочетаются с названиями ситуаций: *громкий топот, тихое пение*. «Предметная» сочетаемость прилагательных *громкий / тихий* является результатом метонимического переноса от ситуации к предмету. При этом, хотя звук возникает в результате движения, он все равно связан с тем или иным предметом: у барабана один звук, у кларнета — другой, у мотоцикла — третий.

Запах, как и звук, тоже имеет предмет-источник, воспринимается дистантно и заполняет пространство. Запах — это двойственный параметр, имеющий и предметные и пространственные черты, однако эти черты не расходятся до полноценного противопоставления предметного и пространственного признаков со стандартными языковыми различиями в их выражении. Так, у запаха нет общих предикативов (аналогичных предикативам *светло / темно* или *тепло / холодно*), при этом есть безличная конструкция с глаголом *пахнуть*, которая в известной степени служит аналогом предикатива и связывает запах с пространственными параметрами. Но, поскольку запахи очень разные, в безличной конструкции имеется конкретизация в виде предмета-источника: *пахнет розами / лекарствами / сеном*². У запаха нет метонимического смещения на пространство, как у нормальных пространственных признаков: можно сказать *В комнате пахнет розами / лекарствами*, но не говорят **розовая комната*, **лекарственная комната* в значении наличия запаха (ср. *в комнате тепло* → *теплая комната*). С названиями природных пространств и помещений сочетаются, впрочем, оценочные прилагательные *вонючий* и *ароматный* (в НКРЯ встретились, например: *вонючая камера, квартира, вонючий коридор, подъезд, магазин* и *ароматный лес, луг, садик, уголок, ароматная степь*), однако такие сочетания можно интерпретировать не только как ‘наполненный приятным / неприятным запахом’, но и как ‘издающий соответствующий запах’.

Параметр «запах» далее рассматриваться не будет.

Таким образом, есть целый ряд объективных причин, почему противопоставленность предметных и пространственных признаков не всегда очевидна.

С другой стороны, как уже было сказано, есть целый ряд языковых свидетельств того, что пространственные признаки отличаются от предметных и имеют свой собственный набор языковых свойств и проявлений, а также свой собственный набор прилагательных, ср. *горячий асфальт* vs. *жаркий день*; *громкий барабан* vs. *шумный пляж*.

Ниже перечислим особенности пространственных параметров и признаков в сопоставлении с предметными (раздел 2), а затем более подробно рассмотрим основные пространственные параметры — освещенность, температуру (тепло) и звук (шум) (раздел 3).

2. Предметные и пространственные параметры и признаки

1. Адъективная vs. предикативная (КС) репрезентация

Предметные и пространственные параметры имеют разные языковые репрезентации. Поскольку предметный параметр связан с предметом, его

² В разговорной речи есть конструкция без творительного падежа: *Пойдем отсюда. Здесь пахнет; От него пахнет; Мясо уже пахнет* — но не в значении наличия запаха, а в значении плохого запаха (*От него пахнет* — также ‘пахнет спиртным’).

значение и выражается прилагательным, т. е. основная репрезентация предметного параметра — адъективная: *сладкий сок, горячий суп, теплая батарея, мягкий шарф*.

Пространственный параметр характеризует среду в целом, поэтому главным средством выражения его значений в русском языке является предикатив, или категория состояния (КС), — что существенно упрощает задачу разграничения предметных и пространственных признаков на русском материале. Чтобы не пользоваться неоднозначным термином «предикативная репрезентация» («предикативный» в первую очередь понимается как прилагательное от «предикат», а не от «предикатив»), мы будем говорить «КС-репрезентация» (от «категория состояния»). КС-репрезентация для пространственных признаков является исходной: *В комнате темно / тепло / тихо*, при этом возможна и адъективная репрезентация — как результат метонимического смещения характеристики среды на пространство: *темный погреб, теплая комната, тихий двор* (этот тип перехода от КС к прилагательному описан в [Кустова 2002] применительно к паре *тяжело / тяжелый*; в [Рахилина и др. 2010: 423—424] к переносам типа КС → прилагательное, наречие → прилагательное применяется термин «транскатегориальная метонимия»). Метонимическое смещение выявляется при толковании, которое неизбежно приводит нас обратно к предикативу: *теплая комната* — ‘в которой тепло’.

2. Предметная vs. пространственная сочетаемость

Предметные признаки выступают только в контексте названий предметов (*сладкая конфета, теплая батарея*). Пространственные признаки в наиболее типичном и распространенном случае сочетаются с названиями пространств: *светлый зал, темный переулок, теплая комната, шумный пляж, тихий двор*. Наряду с этим они также имеют вполне регулярную предметную сочетаемость — если предмет является источником пространственного признака: *жаркое солнце*. Подобные предметы-источники нередко могут выступать в двух ипостасях — как носитель предметного признака (*горячая печь*) и как источник пространственного признака (*жаркая печь*), см. ниже.

3. Метонимический перенос на время

Только у пространственных признаков бывает метонимический перенос на время: *светлое время суток, темная ночь* (или *светлая ночь*, если светит луна); *холодные месяцы, теплые месяцы; теплый день, теплый вечер, теплая зима* (положительные температуры), *холодное лето* (температура ниже обычной); *тихое утро; тихий день* (*Я живу у моря, и там вечно шумят волны, а в тихие дни шелестит галька*. Б. Левин. Иностранное тело (1965—1994)); *шумный день* (*Когда для смертного умолкнет шумный день...* А. С. Пушкин; *Окончен праздный, шумный день; Людская жизнь, умолкнув, дремлет*. А. Голенищев-Кутузов); *шумный вечер* (*Этот шум-*

ный майский вечер *закружит* меня. Из песни); *шумное утро* (заголовок твита). Переносы же предметных признаков на время — типа *сладкий миг*, *горячее время* — являются метафорическими и не сохраняют исходных экспериенциальных значений.

4. Системные противопоставления в классе экспериенциальных прилагательных: предметные vs. пространственные ряды

Предметный и пространственный признаки обозначаются разными рядами прилагательных (если, конечно, противопоставление предметного и пространственного параметра вообще имеется). Эти ряды обычно смешиваются, рассматриваются как одна группа — потому что они частично совпадают. Но совпадают они только потому, что одно и то же прилагательное может выступать в двух разных качествах — предметном и пространственном. При этом, однако, оно имеет разную интерпретацию.

Например, традиционно выделяется группа температурных прилагательных ([Шрамм 1979]), где в одном ряду оказываются *жаркая пустыня*, *горячий песок*, *теплый суп*, *теплая одежда*, *горячая ванна*, *холодный сок* (при этом отмечается, что признаки *горячий* и *жаркий* воспринимаются по-разному, см. [Копчевская-Тамм, Рахилина 1999; Рахилина 2000: 215]). В действительности, температурные прилагательные включают два разных ряда: *горячий / теплый / холодный* [предметные] vs. *жаркий / теплый / холодный* [пространственные], — и на примере противопоставления *горячий* vs. *жаркий* это хорошо видно. В случае *теплый* это не очевидно (здесь необходимо привлекать контексты и анализировать системные связи), но все равно *теплый суп* и *теплый день* — это разные *теплый*: одно из них соответствует *горячему*, другое — *жаркому*. Ср.: *горячий суп* vs. *жаркий день*, *теплый суп* vs. *теплый день*, аналогично *холодный суп* vs. *холодный день*.

Поскольку системы восприятия человека (зрение, слух, обоняние и др.) устроены по-разному, экспериенциальные параметры также сильно различаются, — поэтому неудивительно, что и в устройстве языковых средств их выражения особой симметрии не прослеживается. Но, хотя противопоставление «предметное» vs. «пространственное» на материале экспериенциальных прилагательных не всегда выглядит симметрично, оно, несомненно, является системным.

У параметра не всегда есть два варианта — предметный и пространственный. Так, температура имеет и предметную (*горячий асфальт*), и пространственную (*жаркие улицы*) ипостась. А бывают параметры только пространственные или только предметные. Например, освещенность — преимущественно характеристика среды. Хотя предметы тоже могут быть освещенными (если на них падает свет, ср. *светлые пятна*) и неосвещенными (если на них не падает свет, ср. *темные фигуры*), чаще всего прилагательные *светлый* и *темный* в сочетании с предметами обозначают не освещенность, а цвет (ср. *светлое пальто*, *темная машина*). С другой сторо-

ны, вкус — предметный параметр (всегда надо пробовать), который не имеет пространственного коррелята³.

Парадоксальным образом устроены тяжесть и мягкость.

Вес как физическая характеристика является предметным параметром: *тяжелый чемодан* ('большой вес') — *легкая сумка* ('небольшой вес'). При этом вес как тяжесть (экспериенциальный коррелят большого веса⁴) во многом устроен как пространственный параметр. Хотя тяжелый предмет находится в контакте с человеком, человек его не «пробует», а подвергается действию его тяжести: когда вы несете тяжелый предмет, вам тяжело, т. е. вы теряете силы — как если бы весь мир давил на вас. Это ощущение тяжести — потери и нехватки сил — возникает не только при переноске тяжелых предметов, но и в результате физических нагрузок (например, при подъеме в гору), и вообще при выполнении физической работы (которая из-за этого ощущения и называется тяжелой). Собственно, переноска тяжестей тоже есть разновидность деятельности. У *тяжелый* нет «пространственной» сочетаемости, т. е. сочетаемости с пространственными существительными. Вместо этого предикатив *тяжело* сочетается с видами деятельности, которые вызывают ощущение тяжести: *тяжело нести чемодан, тяжело подниматься в гору*. Таким образом, ощущение тяжести «всеохватно», в этом смысле тяжесть можно считать аналогом среды, которая воздействует на человека (как жара или темнота), или, иначе, условиями (в данном случае — неблагоприятными), в которых находится человек. Сам параметр поэтому должен называться по-разному: применительно к предметам — вес, применительно к деятельности человека по перемещению грузов — тяжесть.

Аналогичная ситуация с параметром, который обслуживается прилагательными *мягкий / жесткий*. Применительно к предметам, которые человек трогает, ощупывает, гладит (рукой), носит (*мягкая шерсть, мягкие волосы, мягкий свитер*), речь должна идти о тактильных ощущениях; применительно же к предметам, на которые человек опирается (*мягкий / жесткий диван, мягкий / жесткий стул, мягкая подушка*), этот параметр правильнее было бы назвать «комфорт» или «комфортность», имея в виду, что у него есть два значения — не только «комфорт», но и «дискомфорт». Кажется, что если *мягкий диван* — предмет и *мягкий свитер* — тоже предмет, то речь идет об одном и том же признаке *мягкий*. Но это не так. *Мягкий* или *жесткий диван* — это характеристика условий, в которых человек спит, сидит, лежит (проводит время), а *мягкий свитер* (или *колючий свитер*) просто создает приятное (или неприятное) ощущение. Поэтому *мягкий диван* — это диван, на котором *мягко спать* или *мягко сидеть*, а *мягкий сви-*

³ У прилагательных вкуса есть КС-репрезентация (*Ой, горько; Во рту сладко*), но она характеризует состояние человека, а не состояние окружающей среды; кроме того, «вкусовые» предикативы чаще употребляются в эмоциональном и ментальном значении (ср. *горько сознавать*).

⁴ Мы не останавливаемся на разграничении веса и тяжести, об этом подробно сказано в другой работе — см. [Кустова 2004].

тер — это не свитер, который *мягко носить (интересно, что *мягкие тапочки* — это не тапочки, приятные на ощупь, а тапочки, которые удобно (комфортно) носить, т. е. они входят в класс подушек и диванов, а не в класс шарфов и свитеров). Аналогично тяжести (*тяжело нести*) параметр «комфортность» характеризует условия, в которых находится человек, и в этом смысле он приближается к пространственной характеристике.

Кстати, температуру как пространственный параметр тоже лучше называть иначе, чем «предметный параметр», — а именно, существительным *тепло*, — потому что в рамках пространственного параметра человека интересует, есть ли тепло и достаточно ли его. Соответственно, наличие посторонних звуков как характеристику пространства, т. е. как пространственный параметр, следует называть не «звук», а «шум».

Соотношение предметных и пространственных параметров можно представить в виде таблицы на с. 49 (несимметричность расположения разных типов признаков в этой таблице отражает разное устройство шкалы параметра, см. следующий пункт).

5. Устройство шкалы

Шкала «обычного», например параметрического, прилагательного, как показал Ю. Д. Апресян, развивая идеи Э. Сэпира (см. [Сэпир 1944 / 1985]), устроена так:

малый полюс	норма	большой полюс
<i>узкий</i>	—	<i>широкий</i>
<i>низкий</i>	—	<i>высокий</i>

Значение параметра типа высоты, ширины и под. для конкретного объекта устанавливается исходя из нормы (среднего значения параметра для данного класса объектов): *высокий* — ‘больше нормы высоты’; *узкий* — ‘меньше нормы ширины’ (см. [Апресян 1974: 74; 91]). На шкале параметрического прилагательного норма — это среднее между большим и маленьким. Среднее значение параметра никак не обозначается, как бы «не замечается» говорящими: для него нет специальных прилагательных, — обозначается только то, что отклоняется от среднего.

Предметные признаки типа *горячий / холодный* или *громкий / тихий* устроены примерно так же (правда, на температурной шкале есть еще признаки *теплый* и *прохладный*; мы сейчас не можем вдаваться в особенности устройства температурной шкалы, детальный анализ температурных прилагательных дан в [Копчевская-Тамм, Рахилина 1999; Рахилина 2000]):

<i>холодный</i>	—	<i>горячий</i>
<i>тихий</i>	—	<i>громкий</i>

Однако так устроена только шкала предметного признака, но не пространственного.

Пространственные признаки отличаются от предметных тем, что среда, в которой находится человек, должна отвечать определенным требованиям.

ОСВЕЩЕННОСТЬ:			
ПРЕДМ	СВЕТЛЫЙ		ТЕМНЫЙ
ПРОСТР		СВЕТЛО / СВЕТЛЫЙ	ТЕМНО / ТЕМНЫЙ
ТЕМПЕРАТУРА / ТЕПЛО:			
температура ПРЕДМ	ГОРЯЧИЙ	ТЕПЛЫЙ	ХОЛОДНЫЙ
тепло ПРОСТР	ЖАРКО / ЖАРКИЙ	ТЕПЛО / ТЕПЛЫЙ	ХОЛОДНО / ХОЛОДНЫЙ
ЗВУК / ШУМ:			
звук ПРЕДМ	ГРОМКИЙ		ТИХИЙ
шум / тишина ПРОСТР	ШУМНО / ШУМНЫЙ	ТИХО / ТИХИЙ	
ВЕС / ТЯЖЕСТЬ:			
вес ПРЕДМ	ТЯЖЕЛЫЙ		ЛЕГКИЙ
тяжесть УСЛОВИЯ	ТЯЖЕЛО / ТЯЖЕЛЫЙ	ЛЕГКО / ЛЕГКИЙ	
КОМФОРТ:			
тактильн. оощ. ПРЕДМ	ЖЕСТКИЙ, КОЛЮЧИЙ		МЯГКИЙ, ГЛАДКИЙ
комфорт УСЛОВИЯ	ЖЕСТКО / ЖЕСТКИЙ	МЯГКО / МЯГКИЙ	
ВКУС:			
ПРЕДМ	ГОРЬКИЙ		СЛАДКИЙ

Примечание. *Сладкий* и *горький*, конечно, два отдельных (независимых) признака, но в языковом сознании они объединяются в антонимическую пару и осмысливаются как два противоположных полюса одной шкалы, в которую другие вкусовые ощущения (*соленый, кислый*) не вписываются.

Пространственные признаки имеют зону (интервал), где человек может существовать нормально. Тем самым эта зона и является нормой. Выход за ее пределы влечет сначала дискомфорт, затем — ущерб здоровью (иногда непоправимый), затем — смерть. Можно сказать, что экспериенциальная норма тоже «не замечается», — однако только в том случае, если значение параметра соответствует норме. Как только происходит отклонение от нормы, человек не просто это замечает, но и стремится эту норму восстановить (если холодно — согреться, если темно — осветить и т. д.).

На шкале освещенности экспериенциальная норма = СВЕТЛО. Человек не видит в темноте, поэтому, с точки зрения природных циклов (которые, конечно, нарушаются работой по сменам, искусственным освещением и т. п.), когда темно (т. е. ночью), человек должен спать, когда светло (т. е. днем) —

функционировать. Выход за пределы нормы вреден в обе стороны: если все время темно, человек не сможет жить (так как не сможет обеспечивать свое существование); с другой стороны, слишком яркий, слепящий свет — это тоже плохо (поскольку нет КС *ослепительно*, у шкалы освещенности не оказалось «левого крыла», но сама идея *слепящего света* в языке легко выражается).

Для температуры экспериенциальная норма = ТЕПЛО. И именно от этого состояния «отсчитывается», определяется, что такое «жарко» и что такое «холодно». ЖАРКО — это избыточно тепло, это лишает сил, изнуряет (а усиление жары приводит к тепловому удару); ХОЛОДНО — это недостаточно тепло, и при усилении холода до определенных значений можно замерзнуть насмерть.

ШУМНО — это ненужные, неинформационные (часто — мешающие) звуки (не путать с шумом листьев, водопада и т. п.: такой шум — это особое качество звука, в отличие, например, от скрипа или свиста; а экспериенциальный признак «шум» — это то, что вы не хотите слышать). Соответственно, экспериенциальной нормой является ТИХО — отсутствие шума, т. е. мешающих, отвлекающих, неинформационных звуков.

Предметные признаки *громкий / тихий* и пространственные признаки *шумный / тихий* устроены по-разному даже с точки зрения физического содержания. В предметных контекстах (*громкий барабан, тихая скрипка*) *громкий* — это звук, и *тихий* — это тоже звук. А в пространственном значении *шумно* значит 'есть (неинформационные) звуки' (*шумные улицы*), а *тихо* значит 'нет звуков' (*В лесу / в погребке тихо*), — либо звуки такие слабые, что не мешают, не отвлекают и не замечаются экспериенцером (*тихий двор*).

Зона дискомфорта или ущерба	Зона нормы / комфорта	Зона дискомфорта или ущерба
(слепящий свет)	светло	темно
жарко	тепло	холодно
шумно	тихо	

Таким образом, для нормального (комфортного) функционирования человека должно быть светло, тепло и тихо.

5. Оценка

Предметные признаки (*громкий / тихий, горячий / холодный*) не имеют определенной, заранее заданной оценки, а их прагматическая оценка зависит от ситуации. Например, признаки *громкий* и *тихий* сами по себе не оцениваются как «хорошо» или «плохо». Если вы плохо слышите чью-то речь, вы просите говорить *погромче*, тогда *громко* — это «хорошо»; а если чей-то разговор вам мешает, вы просите говорить *потихше*, тогда *громко* — это «плохо». Пространственный признак устроен иначе: *шумно* — это «плохо», а *тихо* — это, по меньшей мере, нормально, а скорее даже — «хорошо», т. е. пространственные признаки и связанные с ними экспериенциальные состояния человека, как правило, оцениваются.

Норма, т. е. нормальная характеристика пространства, среды, одновременно является зоной комфорта для человека, а потому имеет положительную оценку. Отклонения от нормы (которые мы назвали зонами дискомфорта) имеют имплицитную отрицательную оценку, что проявляется в языковом поведении экспериенциальных предикативов. В «положительном» вопросе употребляются все предикативы: *Тебе тепло? / холодно? / темно? / светло?* При этом в вопросах с отрицанием естественны не любые предикативы, а только те, которые имеют исходную отрицательную оценку. Нормально спросить: *Тебе не темно? / Тебе не холодно?* — так как вопросы с отрицанием исходят из предположения, что, скорее всего, имеет место ситуация, которая человека не устраивает (в продолжение таких вопросов часто следует предложение изменить условия: *Тебе не темно? Может, свет включить?*). Но обычно не говорят: **Тебе не светло?; *Тебе не тепло?* — поскольку *светло* и *тепло* — это норма, и странно предполагать, что она не устраивает (разумеется, в специальных прагматически отмеченных ситуациях так спросить можно, если свет или тепло почему-либо мешают или если речь идет об иронии: например, вопрос *Тебе не тепло?* в ироническом смысле ('тебе не жарко?') можно задать в ситуации, когда человек необъяснимо тепло оделся в теплую погоду).

Наличие оценки в обозначениях зоны комфорта и зоны дискомфорта особенно ярко проявляется в соответствующих метафорах, ср. *теплый прием, теплые воспоминания* vs. *холодный прием, холодный тон; светлые помыслы, мечты, надежды* vs. *темные мысли, делишки, темное прошлое*. *Тяжелый* в переносных значениях — это практически синоним *плохо*: *тяжелый характер, тяжелый разговор, тяжелая жизнь, тяжелые условия*. *Жесткие требования* — недружелюбные, некомфортные, не щадящие. *Жесткие сроки* говорят тогда, когда тот, кто их ставит, не идет вам навстречу, не учитывает ваших трудностей, не проявляет снисходительности. Например, про банк обычно не говорят «*жесткие сроки* погашения кредита» — потому что человек добровольно заключает договор на определенный срок и выбирает этот срок. А *жесткие сроки* ставит кто-то извне, например начальство.

‘ХОРОШО’	‘ПЛОХО’
<i>тепло</i>	<i>холодно, жарко</i>
<i>светло</i>	<i>темно</i>
<i>легко</i>	<i>тяжело</i>
<i>тихо</i>	<i>шумно</i>
<i>мягко</i>	<i>жестко</i>

Примечание. Разумеется, оценка может относиться не только к пространственным характеристикам, но и к предметным (так, вкусовые признаки *сладкий* и *горький*, скорее всего, имеют оценку уже в исходном значении и заведомо оценочны в метафорических употреблениях, ср. *сладкая жизнь, горький опыт*), — нам важно подчеркнуть, что для пространственных признаков и их экспериенциальных коррелятов оценочный компонент является системным.

6. Природная vs. искусственная среда.

Предметы-источники (каузаторы)

Среда, которая характеризуется пространственными признаками, может быть природной или искусственной. В природной среде значения экспериментальных параметров связаны с природными процессами и циклами, а также с природными источниками: солнце — источник и тепла, и света; луна и звезды — только света. Источником шума является, в первую очередь, движение, деятельность человека (также связанная с движением или с речью), работающие механизмы.

Характеристики природной среды имеют некоторые ожидаемые значения (летом — тепло, зимой — холодно; днем — светло, ночью — темно), хотя эти ожидания могут корректироваться или нарушаться: бывает *жаркое солнце*, но бывает и *холодное солнце* — зимой солнце не греет, не дает тепла; бывает *темная ночь*, но бывает и *светлая ночь* — если светит луна; ср. также *холодное лето*; *теплая зима*.

Поскольку человек может существовать не в любых условиях и поскольку у него есть определенные требования, которым не всегда отвечает природная среда, человек создает искусственную среду, в которой он может нормально существовать: он создает специальные пространства (помещения) и специальные приспособления (осветительные и обогревательные приборы — свечу, лампу, костер, печку, батарею, одежду, звукоизоляцию), которые каузируют и/или поддерживают приемлемые значения параметров среды.

Хотя искусственные источники света и тепла создаются, чтобы освещать и обогревать пространство, каузируемый ими признак не распространяется на все пространство: признак имеет максимальное значение рядом с источником: *светлый фонарь* — хорошо освещено пространство вблизи фонаря (ср. шутивное выражение *искать под фонарем*), *жаркая печь* — от нее идет «жар», — однако по мере удаления от источника признак ослабевает.

Источники пространственных признаков (не только искусственные, но и естественные) допускают КС-репрезентацию пространственного признака в особой каузативной конструкции «Р от Х-а»: *На улице было светло от фонарей и от фейерверков*. Т. Тронина. *Никогда не говори «навсегда»* (2004); *Тут было очень светло от солнца, совершенно пусто и пахло завромом*. И. А. Бунин. *На даче* (1895); *В помещении было жарко от печки*. Г. Владимов. *Три минуты молчания* (1969); *За окном — снега, мороз, а здесь сквозь стекло жарко от солнца*. Г. Я. Бакланов. *Жизнь, подаренная дважды* (1999). Источником шума как нежелательного признака, как уже говорилось, является движение, деятельность человека и работа механизмов. Источники шума тоже участвуют в конструкции «Р от Х-а»: *В бункере будет тесно от людей, душно от тысяч включенных ламп, шумно от сельсинов и реле*. В. Корнилов. *Демобилизация* (1969—1971); *Там было пестро и шумно от народа*. А. Н. Толстой. *Детство Никиты* (1919—1922). Вообще, поскольку эта конструкция имеет каузативную семантику, в ней участвуют и случайные каузаторы пространственных признаков: *Пес залял, как на луну, потом*

чихнул — на чердаке было пыльно и жарко от раскаленной железной крыши. Е. и В. Гордеевы. Не все мы умрем (2002), — при этом, однако, адекватная репрезентация пространственного признака, какая встречается у «настоящих» предметов-источников, здесь не допускается, ср. *жаркая крыша.

Поскольку предметы-каузаторы создаются специально для того, чтобы каузировать некоторый признак в пространстве, где находится человек — потребитель этого признака, человека в первую очередь интересует их рабочее, активное состояние, и именно оно характеризуется прилагательными: например, характеристика *светлая лампа* применяется к функционирующему источнику света. В отличие от сочетаний *светлая лампа*, *светлый фонарь*, немногочисленных, но все-таки представленных в Корпусе, сочетания *темная лампа* (как осветительный прибор), *темный фонарь* ни в значении ‘дающий мало света’, ни в значении ‘в выключенном состоянии, не горящий’ в НКРЯ не встретились. Не встретилось также *темное солнце* в собственном смысле — только как метафора (*Темное солнце качается на невидимой паутине*. А. Мариенгоф. Бритый человек (1929)) и как астрономический термин (...*Два солнца — темное и светлое — составляют двойную звезду, планета вращается вокруг светлого солнца*. «Техника — молодежи», 1974). Что касается значения ‘в выключенном состоянии, не горящий’, то лампы, фонари и т. п. являются источниками света, а не источниками темноты, поэтому в выключенном состоянии они вообще перестают быть осветительными приборами и, возможно, поэтому не получают соответствующих световых характеристик. Что же касается признака ‘дающий много / мало света’, здесь неохотное использование прилагательных ряда *светлый / темный* объясняется, скорее всего, тем, что у осветительных приборов, как и у естественных источников света (а также у самого света), есть собственная серия прилагательных — *яркий* (⇒ ‘хорошо освещает’) и *тусклый* (⇒ ‘плохо освещает’): *яркая / тусклая лампа*, *яркие / тусклые свечи*, *яркие / тусклые фонари*, ср. также *яркое / тусклое солнце*, *яркая / тусклая луна*, *яркие / тусклые звезды*.

Искусственные источники тепла имеют, так сказать, двойственную природу (носитель предметного признака и каузатор пространственного признака) и часто могут получать обе характеристики: в качестве предмета они могут сочетаться с предметным признаком, в качестве источника состояния среды — с пространственным, ср. *горячая печь* (печь как физический предмет имеет предметную характеристику) vs. *жаркая печь* (печь как источник тепла имеет пространственную характеристику); *горячая батарея* vs. *жаркая батарея* (подробнее см. следующий раздел).

Природные источники тоже могут вести себя двойственно, но это, скорее, исключение. Например, солнце как источник тепла может быть не только *жарким*, но и *горячим*. Сочетания типа *горячее солнце* или *горячие лучи* объясняются тем, что, подвергаясь действию прямых солнечных лучей, человек как бы приходит с ними в контакт, в соприкосновение, и они обжигают, «горячат» кожу подобно горячим предметам.

7. Аспектуальная характеристика экспериенциальных прилагательных

Еще одна важная особенность экспериенциального прилагательного — своего рода аспектуальная характеристика. Экспериенциальные прилагательные (прежде всего, в роли пространственных признаков) во многом ведут себя как глаголы (что неудивительно, поскольку их исходной формой является предикатив и поскольку они нередко предполагают наличие наблюдателя) — в частности, они имеют актуальное значение и узуальное значение (см. ниже)⁵.

3. Пространственный аспект экспериенциальных параметров

В этом разделе мы рассмотрим три основных пространственных параметра — освещенность, тепло и шум.

ОСВЕЩЕННОСТЬ

Характеристика пространства по освещенности связана с временем суток (днем светло, ночью темно), т. е. с солнцем, а также с наличием другого источника света, кроме солнца (природного или искусственного).

ПРИРОДНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Сочетания *светлого* с природными пространствами (*светлые поля, светлые поляны, светлый луг*) означают ‘освещенные солнцем’ (т. е. наблюдение происходит в дневное время), реже — ‘освещенные луной’; соответственно, *темный луг, темная поляна* имплицитно означает ночное время (ср.: *Понемногу темный луг с его кострами, вполне горящими фарами, приглушенными разговорами и маячащими силуэтами многих людей стал походить на былой бивак накануне парадной битвы.* А. Дмитриев. *Закрытая книга* (1999)). Названия массивов деревьев ведут себя иначе: *светлая роща, светлый сосновый бор* — это ‘день’ плюс дополнительная информация ‘деревья растут редко и пропускают много света’, тогда как *темный лес, темная аллея* — это либо ‘ночь’, либо день, но ‘частота деревьев и густота листьев такова, что они не пропускают солнечные лучи’.

ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

*Светлый город обычно не говорят (возможно, потому, что это пространство несоразмерно человеку), хотя «физически» это абсолютно правильно — если солнце взошло, то в городе светло, т. е. город светлый (*Светлый город*, впрочем, употребляется как имя собственное). А *темный город* встречается: *Санки мчались по темному городу.* М. Шишкин. *Всех ожидает одна ночь* (1993—2003); *Юра сидел на первом сиденье, смотрел в лобовое стекло. Зловеще молчащий, совершенно темный город.* А. Берсе-

⁵ Предметные экспериенциальные признаки тоже могут иметь актуальную и узуальную интерпретацию, но этой проблемы мы здесь касаться не будем.

нева. Возраст третьей любви (2005) — и это значит ‘ночь, и на улицах не горят фонари’. Поскольку городское пространство искусственно освещается, *светлая улица* — это не обязательно день, но и улица, освещенная фонарями: *Из этой фразы родились наши спокойные вечера при удобном и мягком свете, наши светлые ночные улицы, видные, как рассказывают космонавты, даже из кабины космического корабля.* В. П. Карцев. Приключения великих уравнений (1970); *темная улица* значит ‘ночь’.

АКТУАЛЬНОЕ vs. УЗУАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Для прилагательных типа *широкий / узкий* наличие актуальной и узуальной интерпретации не характерно⁶. А у экспериенциальных прилагательных, напротив, возможна как актуальная, так и узуальная интерпретация, поскольку они связаны с экспериенцером-наблюдателем. *Светлые / темные улицы* — это актуальная характеристика: в момент наблюдения светло / темно, ср. «Зима обозначается», — хрипло сказал Марей, высовывая голову из низкой двери темных сеней на *светлую улицу*. И. А. Бунин. Игнат (1912); *Потом он оказался внизу, на широкой светлой улице, полной веселых и беззаботных людей, и даже не сразу сообразил, что дело происходит ночью, а светло вокруг от фонарей и витрин.* В. Пелевин. День бульдозериста (1991); *Он догнал Валеру, и они пошли вместе по тёмным улицам посёлка.* В. Аксенов. Пора, мой друг, пора (1963). При этом *светлое место / темное место* — это постоянная (уззуальная) характеристика: *На хорошо увлажненных и светлых местах соцветие может быть крупнее.* «Сад своими руками», 2003.07.15; *Летом (растение) любит полутень, а зимой — светлое место.* «Сельская новь», 2003.11.11; *Хранить в темном месте.*

Светлые улицы, как ни странно, тоже могут быть уззуальной характеристикой: *Кадис отличается от всех городов Испании: красивые здания, светлые улицы, удивительная чистота домов, их ослепительно белый цвет, наконец, совершенное отсутствие в архитектуре феодального и мавританского характера.* В. П. Боткин. Письма об Испании (1847) — имеется в виду, что если улицы очень узкие, то туда не попадает солнце, поэтому там темно даже днем, а если улицы широкие, они тем самым светлые.

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО: ЖИЛЫЕ И РАБОЧИЕ ПОМЕЩЕНИЯ

Функциональные пространства (специально созданные и/или приспособленные для жизни человека), в первую очередь жилые помещения — комната, квартира, — устроены не так, как природные и городские пространства.

АКТУАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Поскольку комната — это пространство, как и улица, у соответствующих сочетаний есть «физическое», тривиальное значение — ‘темно / светло в момент наблюдения’.

⁶ Впрочем, для них возможна прагматическая интерпретация в специальных конструкциях типа *Лиджак ему узок / широк* (см., например, [Кустова 2005]).

Темная комната — ‘нет света’: либо ночь, либо окна чем-то закрыты, ср. *В окно темной комнаты пробивался отсвет уличного фонаря, в бликах которого угадывался журнальный столик.* С. Данилюк. Бизнес-класс (2003); *Христо вошёл в тёмную комнату: одно маленькое окошко и то рядом завешено.* Б. С. Житков. Элчан-Кайя (1926); *Дождалась, когда же-на Ильи выйдет в коридор, шурясь после темной комнаты.* Г. Щербакова. Армия любовников (1997)⁷.

Светлая комната — ‘есть свет’: либо день, либо есть искусственное освещение, ср. *В большой светлой комнате с ярко пылавшим очагом сидело несколько мужчин.* Ф. Искандер. Святое озеро (1969); *Теперь она пятлась в коридор, казавшийся из светлой комнаты черной дырой, а капитан наступал на нее.* Т. Устинова. Большое зло и мелкие пакости (2003).

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ (ПРАГМАТИЧЕСКОЕ) ЗНАЧЕНИЕ

Кроме того, у сочетаний «*светлый / темный* + жилое помещение» есть функциональное (прагматическое) значение. В контексте названий функциональных пространств световые прилагательные интерпретируются иначе, чем в контексте физических пространств. Функциональное значение — это аналог узувального значения у других типов пространств, поскольку оно является постоянной характеристикой помещения, независимой от актуального наблюдателя. Это значение можно назвать функциональным, поскольку оно возникает в контексте функциональных пространств. Но его можно назвать и прагматическим, так как оно прагматически ориентировано на человека-пользователя. В функциональном значении и *светлая комната*, и *темная комната* — это дневная характеристика комнаты. Ночью у комнаты как жилого помещения вообще нет такой функциональной характеристики, как освещенность: ночью человек спит (должен спать), поэтому ночью свет не нужен, и не важно, темная комната или светлая (в то время как актуальная характеристика «освещенность» есть в любое время суток, так как она устанавливается наблюдателем).

Светлая комната = ‘хорошая освещенность днем; достаточно света для работы, для функционирования человека’ (практически это обычно означает, что окна в этой комнате большие и/или выходят на южную сторону и/или их не загораживают дома или деревья).

Темная комната = ‘плохая освещенность днем, недостаточно света для нормальной работы, для нормальной активной жизни человека’⁸. *Неболь-*

⁷ Бывает также *темная комната* как постоянный признак — комната без окон, кладовка (это устойчивая номинация, где *темная* — практически относительное прилагательное): *В торце прихожей отгородили темную комнату, или кладовку, что также явилось данью традициям.* «Биржа плюс свой дом» (Н. Новгород), 2002.03.11.

⁸ Применительно к недостаточности искусственного (например, электрического) освещения тоже, вероятно, можно сказать *темная комната* (ср. *Вообще, в этой тёмной комнате, где горел только верхний зелёный свет и тускло поблескивали*

шая **светлая комната** с одним, но широким окном; *Напротив входа два больших окна, выходящих на юго-запад, очень светлая комната*; *Месяц я прожил в темной комнате-чулане с приходившими в гости крысами и черными тараканами*. Е. Весник. Дарю, что помню (1997); *Всё бы отда-ла, если б где-нибудь в нищей, тёмной комнате с низким потолком её об-няли бы руки ребёнка*. В. Гроссман. Жизнь и судьба (1960); *В Харитоньев-ском, в паршивенькой тёмной комнате Павлика, где всегда пахло едой, борцом, Глебов испытал первые приступы неуверенности в себе*. Юрий Трифонов. Дом на набережной (1976); *Цвета холодных тонов рекоменду-ются для отделки хорошо освещенных комнат, выходящих окнами на юг. Темные комнаты следует оклеивать светлыми обоями теплых тонов*. (<http://tvoydom.info/archives/>). Аналогично для рабочих помещений: *свет-лый / темный кабинет*; *светлая / темная аудитория*.

Таким образом, в актуальном смысле *темная комната* = ‘нет света’, а в функциональном смысле *темная комната* = ‘есть свет, но недостаточно; такая освещенность не устраивает человека’.

Пр и м е ч а н и е 1. Прагматическое значение ‘недостаточно света’ может выражаться и предикативом, в том числе — в ситуации актуального наблюдения: *Как темно! Читать невозможно* (днем); *Темновато у тебя*. Но предикатив, как и прилагательное в предикативной функции, имеет другие свойства, чем прилагательное в атрибутивной функции. Этой проблемы мы здесь не касаемся.

Пр и м е ч а н и е 2. *Улица*, вообще говоря, тоже могла бы рассматриваться как функциональное пространство, однако прилагательные *светлый / темный* в кон-тексте *улицы* ведут себя не так, как в контексте помещений. Днем улица, в отличие от комнаты, не может быть названа *темной*, даже если солнце закрывают тучи (при этом предикатив *темно* возможен: *Солнце спряталось за тучу, и стало тем-но*). Ночью улица может быть названа *светлой*, если светит луна или горят фонари, и *темной* — если нет освещения. При этом улицу можно назвать *темной*, даже е-сли есть свет луны или фонарей, но он тусклый, — что, в принципе, похоже на функциональную интерпретацию (‘света недостаточно’): *Шел по темной улице, едва освещаемой тусклыми фонарями*. В действительности, функциональная ин-терпретация будет относиться к фонарям: *тусклые*, т. е. как бы «темные», значит ‘почти не светят, не освещают’, — а *темная улица* будет оставаться актуальной характеристикой.

АТРИБУТИВНАЯ И ПРЕДИКАТИВНАЯ КОНСТРУКЦИИ

Еще одно важное отличие функционального и актуального значений касается их поведения в атрибутивной и предикативной конструкции. Кажется, что всегда можно перенести прилагательное из атрибутивной пози-ции в предикативную: *деревянный стол* — *стол деревянный, горячий чай* — *чай горячий*. На самом деле — не всегда. В сфере пространственных признаков из атрибутивной позиции в предикативную переносится только

дубовые шкафы, было неестественно тихо и мертво. Ю. О. Домбровский. Обезья-на приходит за своим черепом (1943—1958)), но более ожидаемым было бы что-нибудь вроде *плохо освещенная, с тусклой лампой*.

прилагательное в функциональном (т. е. узуальном) значении, ср. *Огромная светлая комната на Медведково, проживание без хозяев* (объявление) и *Сдается комната в двухкомнатной квартире. Комната светлая, уютная*. А при переносе актуального значения в позицию сказуемого прилагательное «превращается» в предикатив. Не говорят *Он вошел в комнату*. **Комната была светлая, и после темного коридора он на минуту зажмурился*; надо *В комнате было светло, и после темного коридора он на минуту зажмурился*.

ТЕПЛО

Тепло устроено примерно так же, как освещенность, но у этого параметра три основных значения: тепло — жарко — холодно, поэтому картина несколько сложнее.

УСЛОВНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Человек не может чувствовать температуру в разных точках страны или города, поскольку он живет не во всей стране и не во всем городе, а в определенном месте. Поэтому страна, край, город — это условные пространства, которые не соотносятся прямо с состоянием человека. *Теплый город, теплые края, теплые страны* — находятся на юге. Это не значит, что там всегда тепло, и зимой и летом, — зимой все равно холоднее, чем летом; и это не значит, что человеку там тепло, — там может быть и холодно; просто в теплых странах зимой нет или мало снега, редко бывает отрицательная температура, растут вечнозеленые растения. Соответственно, в *холодных странах* для зимы типичны снег и морозы.

Поскольку условные пространства фактически противопоставлены по признаку «юг vs. север», для них различается не три, а два температурных значения: *жаркие / теплые страны vs. холодные страны*. Впрочем, можно принять и более дробную классификацию и считать, что *теплые страны* (относительно России) — это юг Европы (соответственно, юг европейской части России будет называться *теплые края*), а *жаркие страны* — это страны тропического пояса (Центральная Африка, Индия и т. п.). В любом случае и *теплые*, и *жаркие страны* — это страны, где нет полноценной (в нашем смысле) зимы.

ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Бывают *теплые, холодные* и *жаркие улицы* (все контексты представлены в Корпусе) — это метонимический перенос от погоды (*тепло, холодно*), связанной с временем года (*жаркие* — ‘теплый сезон’, *холодные* — ‘холодный сезон’). Температурные прилагательные в данном контексте имеют актуальное значение, т. е. обозначают признак, актуально фиксируемый наблюдателем: *Она вышла из комнаты и как призрак побежала по пустынь, холодным улицам, сквозь ветер и тьму*. М. П. Арцыбашев. Смерть Ланде (1904); *Шаг за шагом плетусь по потемневшей, теплой улице. Вспыхивают в полусвете белой ночи огоньки папирос у гуляющих*.

С. А. Семенов. Голод (1920—1929); *И он вышел, и пошел по летним улицам Москвы, которых не видал столько лет, по жарким июльским улицам и бульварам...* С. Аллилуева. Двадцать писем другу (1963); ср. также в единственном числе: *На узенькой, жаркой улице, — единственном месте встреч и гулянья, — с утра толкались русские.* А. Н. Толстой. Похождения Невзорова, или Ибикус (1924). Узуального значения у температурных прилагательных в контексте городских пространств нет, потому что сезоны чередуются, и не может быть все время тепло или все время холодно.

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО: ЖИЛЫЕ И РАБОЧИЕ ПОМЕЩЕНИЯ

АКТУАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Поскольку жилое помещение — не только функциональное, но и физическое пространство, сочетания *теплая / холодная комната (квартира)* могут иметь актуальную интерпретацию: *Вошел с улицы в теплую комнату* = на улице холодно, в комнате тепло (в момент наблюдения); *На другой день в холодной, нетопленной квартире сидела Маша на подоконнике, не обращая внимания на то, что от окна дуло чувствительным холодом.* В. В. Крестовский. Петербургские трущобы (1864). В Корпусе встретилось также сочетание *жаркая комната* в актуальном значении: *Стало душно лежать здесь, в жаркой комнате, в чужом доме, у незнакомого и перепуганного попа.* Б. В. Савинков (В. Ропшин). Конь вороной (1923—1924)).

Что касается нежилых помещений, то сочетания типа *теплый сарай* тоже могут иметь актуальную интерпретацию: *Вошел в теплый / холодный сарай* ('тепло / холодно в момент наблюдения'), — а кроме того, *теплый гараж, теплый сарай, теплый ангар* — это цельная номинация, терминологическое обозначение специального вида сооружения, которое утепляется или отапливается и в котором зимой поэтому теплее, чем на улице (ср. также *холодные сени* (в деревенском доме) — 'неотапливаемые').

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ сочетаний типа *теплая / холодная комната (квартира)* определяется не вообще, а для зимы (и шире — для холодного сезона), так же как *светлая / темная комната* в функциональном смысле бывает не вообще, а днем, в светлое время суток. Жилье — это место, где поддерживается температура, приемлемая, подходящая, комфортная для жизни (это состояние определяется предикативом *тепло*). Поскольку летом и так тепло, речь идет о том, что в жилых помещениях должно быть тепло в холодное время года, когда на улице холодно (для этого их отапливают или хотя бы утепляют): *теплая квартира* = 'тепло, когда на улице холодно; хорошо отапливается в холодное время года'; *холодная квартира* = 'мало тепла, недостаточно тепло для нормального, комфортного существования; плохо отапливается'.

Функциональные *теплая* и *холодная квартира* демонстрируют тот же парадокс, что и функциональные *темная* и *светлая комната*. На *холодной улице* действительно холодно, может быть, даже морозно; а в *холодной*

квартире, по сравнению с зимней улицей, конечно, тепло, но она все равно характеризуется как *холодная*, потому что человека такая степень нагретости не устраивает. Иными словами, так же, как в *темной комнате* есть свет (но его недостаточно), в *холодной квартире* есть тепло (но его недостаточно).

Аналогично для рабочих помещений: *теплый / холодный кабинет; теплая / холодная аудитория*. Показательно, что выражения *сидеть в теплом кабинете (в теплой аудитории)* связаны с идеей комфортной жизни, отсутствия трудностей и испытаний, ср.: *Всю жизнь просидел в теплом кабинете; Вместо теплых аудиторий юношу ждет холодная бескрайняя пустыня, которую он должен пересечь в гонке на собачьих упряжках* (<http://www.best-hits.net/filmy/zheleznaya-volya-iron-will>).

Жаркий в системе функциональных значений практически не участвует, что имеет очевидное объяснение для зимы: если в квартире *жарко* (т. е. избыточно тепло) зимой, это легко устранить, открыв форточку и впусив холодный воздух с улицы. Для лета характеристика *жаркая квартира* (в смысле 'некомфортная, не спасающая от уличного зноя') была бы более ожидаемой, однако эта характеристика не является распространенной (вероятно, потому, что для большей части территории России жара летом менее актуальна, чем холод зимой): в Корпусе *жаркая квартира* не встретилась (встретилась *жаркая комната*, но не ясно, о каком времени года идет речь: *Проблема жилищная разрешится для нас малюсенькой, жаркой комнатой на окраине Москвы*. Г. С. Эфрон. Дневники (1940)); в Интернете встретился заголовок «*Жаркая» квартира (жаркая — в кавычках — как показатель непривычности, неосвоенности этого выражения)*, в тексте речь шла о защите от солнца в квартирах с окнами на юг.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОБЪЕКТЫ

ОДЕЖДА И ОБУВЬ

Среди предметов — источников тепла особого внимания заслуживает одежда. Осветительные приборы, как мы помним, плохо сочетались с основными световыми прилагательными: контекстов типа *светлая лампа, светлый фонарь* в Корпусе встретилось мало, а контекстов типа *темная лампа, темный фонарь* вообще не встретилось.

Названия одежды как функционального «обогревателя», напротив, легко сочетаются с температурными прилагательными, но имеют разную интерпретацию.

Теплая одежда предназначена для холодного времени (в частности — для холодного сезона), и ее функция, как и у отопительных приборов или функциональных пространств, состоит в том, чтобы «греть» — согреть человека, не давая ему замерзнуть.

Выражение *теплая одежда (и теплая обувь)* может функционировать как устойчивая номинация (ср. *легкая атлетика* или *горячее копчение*); *теплый* в составе такой номинации — относительное прилагательное. *Теп-*

лая одежда — это вид одежды (как *речная рыба* — это вид рыбы, ср. [Павлов 1960; Панов 1999: 135—136]), она предназначена «для тепла», для согревания (как *детская одежда* предназначена для детей). При этом *теплая одежда* не означает, что в ней обязательно тепло (напротив, в теплой куртке может быть холодно, см. ниже). Вообще, *теплая одежда* (в значении ‘для холодного времени года’) является синонимом не-летней одежды и может вступать в корреляцию с *летней одеждой* (при этом коррелята *холодная одежда* у номинации *теплая одежда* нет). Поскольку *теплая одежда* — это относительное значение *теплого*, для него нерелевантно противопоставление актуального / узуального. В более широком смысле *теплая одежда*, *теплые вещи* не связаны с холодным сезоном (ср. *теплые носки*, *теплый свитер*), — это просто вещи, которые греют. Здесь возможны степени сравнения: *Возьмите с собой самую теплую одежду, какая у вас есть*.

Конкретные виды одежды с точки зрения температурных прилагательных устроены по-другому.

Сочетания типа *теплая куртка* (*теплое пальто*, *теплые ботинки* и т. п.) имеют два значения: (1) ‘зимняя (не летняя)’ — относительное значение; и (2) ‘в ней тепло, она хорошо греет’ — функциональное значение (она выполняет свое предназначение, обеспечивая состояние ‘тепло’). Поскольку *теплая куртка* обычно употребляется и понимается как вид одежды (относительное значение), чтобы актуализировать второе значение, прилагательное желателно употребить в предикативной позиции: *Ну, как куртка? Не замерз? — Нет, куртка теплая* — или с интенсификатором: *довольно теплая куртка*. При этом *холодная куртка* не имеет двух значений: *холодная куртка* не значит ‘куртка для лета’, *холодная куртка* — это ‘теплая куртка (т. е. куртка для холодного времени), в которой холодно, которая не греет или греет недостаточно’ (функциональное значение), ср. *холодная квартира* или *темная комната* в функциональном значении.

Наконец, *жаркие ботинки* — это актуальное значение: в них жарко в момент наблюдения: *Я больше не спрашивал, пусть вода стечет, и прел в жарких ботинках, следил, когда освободится туалет*. А. Терехов. Каменный мост (1997—2008).

Хотя одежда — это не пространство, а предмет, в сочетании с одеждой температурные прилагательные ведут себя как пространственные, да и сама одежда в известном смысле устроена как пространство. *Теплое пальто* создает среду, в которой человеку тепло, когда на улице холодно. Это такое специальное пространство, такая искусственная переносная «комната», которую человек надевает на себя, чтобы не замерзнуть на улице. Т. е. сочетания *теплое пальто* или *холодная куртка* ведут себя не как *горячий / холодный чай*, а как *теплая / холодная квартира*: функция «преодолевает», подавляет предметность. Конечно, поскольку пальто — это предмет, мы можем положить его на батарею и нагреть. И тогда это будет *теплое пальто* или даже *горячее пальто* на ощупь. При этом все равно нельзя ска-

зять **Надень горячее пальто* (*горячий* можно употребить только в предикативной позиции, в которой ограничения снимаются: *Попробуй, пальто аж горячее*). т. е. возможность тривиальной (предметной) интерпретации, вообще говоря, остается, но основным является пространственное значение.

ОТОПИТЕЛЬНЫЕ «ПРИБОРЫ»

Интересно, что отопительные «приборы» и приспособления — *печь, батарея, костер* и т. п. — по языковой сочетаемости с температурными прилагательными ведут себя не как специальные функциональные (т. е. обогревающие) объекты (каковыми они, безусловно, являются), а просто как источники тепла: только одно прилагательное — *жаркий* — имеет в таком контексте пространственное значение, да и то довольно неполноценное. Это тем более парадоксально, что одежда ведет себя во многом как «отопительный прибор» и навязывает температурным прилагательным пространственную интерпретацию. Можно сказать *жаркий костер, жаркая печь, жаркая батарея* в значении ‘от X-а идет жар, рядом с X-ом экспериенцер ощущает жар’ — в случае, если экспериенцер находится именно рядом с костром, батареей, печью (или лежит на печи, что для жителей городских квартир является достаточно умозрительной ситуацией), ср.: *В конце концов нас могли и не впустить, а впустив, выдворить, но мы остались, и место возле жаркой батареи словно специально было забронировано для нас и наших тюков с будущим шевро*. Б. Окуджава. Искусство кройки и житья (1985); *Вообще цикламен — растение капризное, не любит слишком жаркой батареи под подоконником* (т. е. рядом). «Вечерняя Москва», 2002.12.19. Такой эффект «близости к источнику» возникает по той же причине, что и у осветительных приборов: удаляясь от искусственного источника тепла, человек перестает чувствовать жар (в отличие от естественного источника — солнца, от которого, впрочем, нельзя «удалиться», а можно спрятаться, например в тень). Таким образом, *жаркий* в данном случае — это актуальный (и локальный!) признак⁹.

Еще более парадоксально, что *теплая печь, теплая батарея* не имеют вообще никакого пространственного значения — это только предметная характеристика, — т. е. выражения *теплая печь, теплая батарея* не означают ‘возле них тепло’, а означают только ‘они теплые на ощупь’ (вопреки ожиданию — ведь *светлая лампа* имплицитно подразумевает, что возле нее светло).

Есть целый ряд причин, почему характеристика отопительного прибора не переносится прямо на помещение. И рядом с теплой батареей, и в удалении от нее человек чувствует не тепло от самой батареи (в отличие от жара рядом с батареей), а тепло в комнате; наличие теплых (или даже горячих) батарей не гарантирует тепло в помещении (например, бывает, что

⁹ *Жаркая печь* может, конечно, означать и температуру внутреннего пространства, где готовится пища: *Шампиньоны переложить в каменный горшок, поставить в духовую жаркую печь на 6 часов*. Елена Молоховец. Запасы из грибов (1875—1900).

батареи горячие, а в комнате холодно, потому что дует в оконные щели); печь и батарея сами по себе не являются источниками тепла, их нагретость — результат: печь надо топить, а батарею наполнять горячей водой; кроме того, тепло в отапливаемом помещении сохраняется за счет его закрытости, за счет замкнутости пространства (именно поэтому батареи могут отапливать квартиру, а костер не может отапливать лес). В результате в русском языке, чтобы передать мысль ‘в квартире зимой тепло’, говорят *⟨У нас⟩ хорошо топят* (о деревенской избе — *У нас всегда натоплено*), а не *У нас теплые батареи*.

Холодная печь и *холодная батарея* тоже являются только предметными характеристиками — это холодные предметы (на ощупь). В предикативной позиции *холодный* может означать ‘недостаточно горячий’: *Печь почти холодная; Ты смотри, батареи совсем холодные* (во время отопительного сезона) — однако эта прагматическая характеристика тоже является предметной (они на ощупь недостаточно горячие; такая характеристика может возникать и в других ситуациях: можно сказать *Чай холодный, я такой не пью* — когда чай еще теплый). Конечно, можно сделать вывод, что «раз батареи почти холодные, то и в квартире не тепло», но это никак не дает *холодной батарее* пространственную интерпретацию.

ШУМ / ТИШИНА

Прилагательные звуковой характеристики среды *тихий / шумный* в контексте названий природных пространств, конечно, встречаются, особенно *тихий*, ср. *тихий лес, тихая поляна, тихий берег* (характеристика *шумный* часто связана с присутствием людей, ср.: *Драпанул, прощя говоря, от шумного берега, от звонких баб да невидимых мужиков, укрылся в лесах, затаился и — как не было*. Б. Васильев. А зори здесь тихие (1969); *По шумному лесу неслась облетевшая с деревьев листва* (там проходят военные учения). М. Бубеннов. Белая береза (1942—1952)). Однако это актуальные и в известной степени случайные характеристики. Речь не идет о постоянных свойствах. Системное противопоставление *тихий vs. шумный* релевантно в первую очередь для городской среды, помещений и механизмов.

ПРОСТРАНСТВО ВНЕ ДОМА

Тихая vs. шумная улица = ‘где нет интенсивного движения транспорта, и потому мало шума’ vs. ‘где много транспорта (или есть другие источники шума)’. Это постоянная характеристика, т. е. узуальное значение; но бывает и актуальное: *Они долго шли по тихим улицам* — например, вечером или ночью (а днем это могли быть и шумные улицы); *Потом мы все вместе шли пешком по бестолково шумной улице*. М. П. Арцыбашев. Жена (1905); ср. также: *Шел по тихому двору* (детей на детской площадке еще не было).

Если человек живет в данном месте, то *тихий / шумный* может быть функциональной характеристикой, релевантной для дневного времени (потому что ночью и так тихо, во всяком случае тише, чем днем).

Тихий двор — ‘в нем тихо днем, когда на улице шумно’ (эта информация часто включается в объявления о продаже квартиры как характеристика жилья: ‘квартира в тихом месте’).

Тихая улица — ‘на ней тихо днем, когда ездят машины и на других улицах шумно’.

Теоретически характеристика типа *тихая улица* могла бы быть важна и для работы (в связи с расположением учреждений или офисных помещений), однако типичными контекстами для этой характеристики являются названия жилых помещений или мест отдыха и досуга, ср. *Мини-отель «Ярославль-Экстер» расположен на тихой улице в центре города; Гостиница расположена на тихой улице Суворовская, где нет шума городского общественного транспорта, что обеспечивает постояльцам комфортное пребывание; Продается дом в центре города на тихой улице; В центре Москвы по соседству с деловыми учреждениями и офисами на тихой улице работает ресторан «Фаворит»; Уютный ресторан Аркадия Новикова на тихой Малой Бронной*. Выражения типа *Я работаю на тихой улице*, вероятно, не исключены, однако нам не удалось обнаружить подобных выражений ни в Корпусе, ни в Интернете; а там, где *тихая улица* встречается вместе с названиями учреждений, она не является функциональной характеристикой, важной именно для работы, ср.: *Хамовнический отдел ЗАГС Центрального округа Москвы основан в 1918 году. С 1980 года он располагается вблизи тихой улицы Плющиха в живописном месте в излучине Москвы-реки*. Другое дело, что для работы важна тишина в самом рабочем помещении (см. ниже).

Тихий X может означать не только ‘где нет городского или другого шума’, но и ‘где нет или мало людей’, поскольку люди своей деятельностью также производят шум, ср. выражение *Тихо, как на кладбище*: физически какие-то звуки на кладбище, конечно, есть (шум деревьев, пение птиц), но концептуально там тихо, поскольку некому шуметь. Ср. также *тихое кафе* — ‘где нет громкой музыки или где мало посетителей’.

Многие сочетания «шумный / тихий + пространственный объект» имеют две интерпретации. *Шумный пляж* — узуально: ‘где бывает много людей’, ср. *Не любил этот шумный пляж*; актуально: ‘где много людей в момент наблюдения’, ср. *Шел по непривычно шумному пляжу*. *Тихий пляж* — узуально: ‘где бывает мало людей’, ср. *Любил этот тихий пляж*; актуально: ‘где нет или мало людей в момент наблюдения’, ср. *Медленно шел по тихому вечернему пляжу* (отдыхающие разошлись). Интересно, что *тихая школа* — это только актуальное значение: *Он шел по тихой школе* — ‘в момент наблюдения никто не шумит, дети ушли домой или сидят на занятиях’. Не может быть узуально *тихой школы*, потому что в школе, по определению, есть дети, и они хотя бы иногда шумят, т. е. можно сказать *Мы живем на тихой улице*, но нельзя сказать *У нас ребенок ходит в тихую школу* (выражения типа *У нас школа довольно тихая* имеют не звуковую, а социальную интерпретацию).

ЖИЛЬЕ

Выражения «*тихий / шумный* + название жилья» могут иметь все три интерпретации — и актуальную, и узуальную, и функциональную. Интересно, однако, что за разные интерпретации отвечают разные типы наблюдателей. В актуальном значении встретилось только *тихий X*: *Не спалось Борису Тимофеичу: блуждал старик в пестрой ситцевой рубашке по тихому дому*. Н. С. Лесков. Леди Макбет Мценского уезда (1865) — ‘тихо в момент наблюдения’. В данном случае наблюдатель находится внутри дома, но это не важно: он мог бы стоять на улице под окнами; в актуальном значении важна сама идея ‘в доме тихо’. *Шумный X* в актуальном значении в Корпусе не встретилось; вообще, выражение ‘*Он вошел в шумную комнату*’ (адъективная репрезентация) звучит неестественно, — в отличие от совершенно нормальной КС-репрезентации: *В комнате было шумно* (при этом *Он шел по шумным коридорам школы*, т. е. о нежилых помещениях, — совершенно нормально).

В узуальном значении *тихий / шумный X* значит, что не шумят или шумят сами жильцы, т. е. в доме тихие / шумные жильцы. Устанавливает эту характеристику внешний наблюдатель, причем если характеристику дает жилец, он тоже выступает как внешний наблюдатель, с точки зрения постороннего: *Через три дня Кучновы переехали в тихий дом на тихой мещанской улочке*. Б. Васильев. Дом, который построил Дед (1990—2000); *В этой тесной комнате сейчас ему было лучше, чем в своей просторной и тихой квартире*. Г. Е. Николаева. Битва в пути (1959) — характеристика *тихая* принадлежит повествователю, а не персонажу; про себя человек не может сказать *Я живу в тихой квартире* в значении ‘я тихий, нешумный жилец’. *Мне нравился ее веселый, шумный дом, вся эта необычная обстановка, забавляли темпераментные, громкие разговоры самой хозяйки*. Н. М. Гершензон-Чегодаева. Воспоминания дочери (1952—1971) — заметим, что *шумный* в таких контекстах (будучи результатом активности, следствием многолюдности или присутствия детей) не является отрицательной характеристикой.

Наконец, *тихий / шумный X* как функциональная характеристика жилья устанавливается самим жильцом (или с точки зрения жильца) относительно шума извне и означает ‘в помещении жить комфортно из-за отсутствия шума / некомфортно из-за шума с улицы’: *Штерер отыскал в одном из переулков, пересекающих окраинную Хатиловку, достаточно изолированную и тихую квартиру*. С. Д. Кржижановский. Воспоминания о будущем (1929); *Комната вовсе не была тихой: дом стоял прямо у Хорошевского шоссе, по которому с грохотом и воем мчались машины...* И. Полянская. Тихая комната (1994); *Вечерами он уходил на реку. У нас была шумная квартира. Транспортный грохот, бытовая суета раздражали его*. В. Н. Кононыхина-Семина. «Чтобы слышны были все голоса...» // «Звезда», 2002; кроме того, указанием на наличие / отсутствие внешнего шума могут служить выражения типа *У нас шумные / тихие соседи*.

РАБОЧИЕ ПОМЕЩЕНИЯ

В рабочем помещении, как и в жилом, может быть актуально тихо и актуально шумно. Кроме того, рабочие помещения могут быть узуально тихими или узуально шумными, ср., с одной стороны, выражения типа *тихие кабинеты* как в буквальном смысле (*Эти беседы велись у нас с отцом в его тихом кабинете*. А. А. Игнатъев. Пятьдесят лет в строю (1947—1953)), так и в обобщенном смысле (*Вопрос решался в тихих кабинетах и в рамках веймарской легальности*. Н. В. Устрялов. Германский национал-социализм (1933)), а с другой стороны, выражения типа *шумные цеха* (*Дым городов, работа в шумных цехах, повсеместный алкоголь, кошмар телевизора, дикие искусственные скорости, постоянная спешка, гонка, нервы, а отсюда — болезни и болезни...* В. А. Солоухин. Смех за левым плечом (1989)). Для кабинета естественна характеристика *тихий*, т. к. там сидит один человек. Что касается офиса, то он может быть и узуально тихим, и узуально шумным, причем по-разному — с точки зрения разных наблюдателей. Во-первых, офис может быть *шумным* или *тихим* с точки зрения самих работников. Поскольку офис — помещение для работы, а не для отдыха, там работает хотя бы небольшой коллектив, туда приходят посетители, то для офиса вполне естественно быть *шумным*: *Что вызывает у вас стресс? Длительная поездка на работу, тесный и шумный офис; Казалось бы, шумный офис больше всего должен действовать на нервы малообщительным и замкнутым сотрудникам* (в данном случае *шумный* имплицитно еще и ‘многолюдный’). В то же время *тихий офис* (т. е. минимум мешающего шума) — не только желательная, но и достижимая характеристика: *Тихий офис — реальность. Можно измерять мешающий трудовому процессу шум в офисе. При максимальном звукопоглощающем решении потолок, ковер, стены, шкафы покрываются высокопоглощающими материалами* — здесь речь идет о минимизации шума в самом офисе; возможно также, что нет шума с улицы: *Уютный тихий офис внутри двора. Жилой дом. Отдельный вход*. Объявление об аренде.

С другой стороны, *шумным* может быть назван офис, мешающий людям вне офиса шумом от своего функционирования: *Шумный офис под жилым помещением. Я живу на первом этаже многоэтажного дома. На цокольном этаже расположен офис жилищного управления. И вот деятельность этого офиса круглосуточно производит шум. Очень хорошо слышны шаги, стук каблучков посетителей. К входным дверям приделаны пружины, чтобы двери захлопывались сами*.

На фоне таких употреблений сформировалось устойчивое выражение *тихий офис* (где *тихий* — относительное прилагательное) — подразумевается, что работа офиса не предполагает шума и большого потока посетителей: *Вашему вниманию предлагается офисное помещение под тихий офис; Если даже Вы планируете сдавать квартиру под малопосещаемый «тихий» офис, который не будет мешать соседям, само помещение обя-*

зательно должно быть переведено в нежилой фонд. Таким образом, *шумный / тихий офис* имеет два узуальных значения — (1) ‘в котором есть шум / в котором мало шума, мешающего самим работникам’, т. е. ‘шумно / тихо внутри’ (это похоже на функционально *шумную / тихую квартиру*, только там речь шла о мешающем шуме с улицы) и (2) ‘который мешает / не мешает своим шумом другим людям’, т. е. он сам «шумит» или «не шумит» (это похоже на квазифункциональное значение *шумного / тихого* у бытовой техники, ср. ниже *шумный / тихий холодильник*).

МЕХАНИЗМЫ: КВАЗИФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Характеристика *тихий / шумный* распространяется и на предметы.

Те предметы, которые специально созданы, чтобы издавать звуки, т. е. звуки которых информационны, описываются по шкале *громкий / тихий*: *громкий звонок* (в значении предмета: *Купили новый, громкий звонок*), *громкий будильник, громкий барабан, тихая скрипка*. Те, которые созданы для выполнения других функций, а шум — это побочный продукт их работы, описываются в терминах *шумный / тихий* (поскольку для человека это значимый параметр): *шумный холодильник, шумный принтер* — ‘сильно шумит при работе’. При этом выражения типа *тихий холодильник, тихий пылесос* (как положительно оцениваемое прагматическое качество бытовых приборов) имеют функциональную интерпретацию. *Тихий холодильник* не значит ‘не работает, «молчит», выключен’, а значит ‘не сильно шумит во время работы, не беспокоит, не отвлекает’, т. е. не создает дискомфорта, ср. *Очень тихий холодильник, практически не слышно; Сплю на кухне, очень важен тихий холодильник* (Интернет-форум).

Пр и м е ч а н и е. *Тихий холодильник*, конечно, не соотносится с исходным предикативом, как *тихий двор* (‘во дворе тихо’), а является трансформацией исходного наречия (*тихо* работает); тем не менее имплицативная связь с категорией состояния здесь все-таки есть: если холодильник (и т. п.) тихий, т. е. ‘тихо работает’, значит, и в помещении не шумно.

Таким образом, параметр шум как характеристика пространства в сравнении со светом и теплом устроен противоположным образом: если у света и тепла положительной характеристикой считалось наличие признака, то у шума желательным и комфортным для человека состоянием является отсутствие признака.

Итак, с одной стороны, пространственные (особенно функциональные) характеристики важны, и человек специально создает объекты с заданными параметрами, чтобы жить в нормальных, а еще лучше комфортных, условиях. С другой стороны, раз создав эти условия, человек перестает их замечать, они становятся фоном его существования. Это еще одна из причин того, почему пространственные признаки оказались в тени предметных.

Заключение

Подводя итог обзору экспериенциальных прилагательных, можно сделать несколько выводов.

Во-первых, экспериенциальные параметры устроены сложным образом: внутри большинства из них есть два кластера контекстов, в которых противопоставляются предметные и пространственные значения, и это противопоставление имеет вполне регулярный и системный характер.

Во-вторых, предметные признаки являются, так сказать, исходно адъективными, в то время как адъективная репрезентация пространственных признаков является результатом метонимического смещения с одновременной заменой исходного предикатива на прилагательное (*во дворе тихо* → *тихий двор*).

В-третьих, физические и функциональные пространства устроены по-разному, и интерпретация экспериенциальных признаков у них различается. *Темная улица* можно сказать только в ситуации, когда темно, а *темная комната* можно сказать и в ситуации, когда света нет, т. е. освещенность нулевая (комната как физическое пространство), и в ситуации, когда свет есть, но он не устраивает человека-пользователя, т. е. освещенность недостаточная (комната как функциональное пространство). Аналогичным образом различаются *холодная улица* и *холодная квартира*.

В-четвертых, функциональные предметы, которые создаются и используются как источники (каузаторы) определенного состояния среды, часто ведут себя не как предметы, а как пространства, т. е. в контексте предметов-каузаторов экспериенциальные прилагательные имеют пространственную интерпретацию.

Литература

- Апресян 1974 — Ю. Д. А п р е с я н. Лексическая семантика. М., 1974.
- Копчевская-Тамм, Рахилина 1999 — М. К о п ч е в с к а я - Т а м м, Е. В. Р а х и л и н а. «С самыми теплыми чувствами» (по горячим следам Стокгольмской экспедиции) // Типология и теория языка: От описания к объяснению. Сб. к 60-летию А. Е. Кибрика. М., 1999. С. 462—487.
- Кустова 2002 — Г. И. К у с т о в а. Экспериенциальная сфера и концепт тяжести в русском языке // Семиотика и информатика. Вып. 37. М., 2002. С. 116—146.
- Кустова 2004 — Г. И. К у с т о в а. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.
- Кустова 2005 — Г. И. К у с т о в а. Ситуативная норма в значении прилагательных, наречий, предикативов: семантика и конструкции // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог-2005». М., 2005. С. 316—320.
- Лаенко 2004 — Л. В. Л а е н к о. Перцептивный признак как объект номинации // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия «Филология. Журналистика». 2004, № 2. С. 71—78.

Павлов 1960 — В. М. П а в л о в. О разрядах имен прилагательных в русском языке // Вопросы языкознания. 1960. № 2. С. 65—69.

Панов 1999 — М. В. П а н о в. Позиционная морфология русского языка. М., 1999.

Рахилина 2000 — Е. В. Р а х и л и н а. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000.

Рахилина и др. 2010 — Е. В. Р а х и л и н а, Т. И. Р е з н и к о в а, О. С. К а р - п о в а. Семантические переходы в атрибутивных конструкциях: метафора, метонимия и ребрендинг // Лингвистика конструкций / Отв. ред. Е. В. Рахилина. М., 2010. С. 396—455.

Сэпир 1944 / 1985 — Э. С э п и р. Градуирование // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985. С. 43—78 (рус. перевод работы: Е. Sapir. Grading, a study in semantics // Philosophy of Science. Vol. 11. 1944, № 2. P. 93—116).

Шрамм 1979 — А. Н. Ш р а м м. Очерки по семантике качественных прилагательных. Л., 1979.

GALINA I. KUSTOVA

(Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences)

**SYSTEMIC RELATIONS AND SYSTEMIC MEANINGS
OF EXPERIENTIAL ADJECTIVES IN PHYSICAL AND SPATIAL CONTEXTS**

The paper considers two types of experiential parameters: physical (*hot water, a loud alarm clock*) and spatial (*a hot day, a noisy street*). Adjectives describing spatial meanings receive different interpretations for physical as opposed to functional spaces: *dark street* = 'night, no light', *a dark room* = 'day, insufficient light'.

Keywords: experiential parameters, experiential adjectives, physical and functional spaces

Л. Л. КАСАТКИН

АКАНЬЕ И ЯКАНЬЕ В ОДНОМ СТАРООБРЯДЧЕСКОМ ГОВОРЕ И ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ЭТИХ СИСТЕМ ВОКАЛИЗМА

1. При изучении говоров старообрядцев мы ставим перед собой пять главных задач: 1) детальное описание языковых черт, на основании которого следует 2) выявить, каким регионам соответствует этот набор черт, и, следовательно, откуда переселились старообрядцы; 3) установить, какие черты, имеющиеся в говоре старообрядцев, отсутствуют в современных говорах этих регионов и, таким образом, выявить более древнее состояние этих говоров и процессы, прошедшие в них; 4) среди выявленных языковых черт установить а) те, которые известны и в других русских говорах; б) те, у которых обнаруживаются новые, неизвестные ранее особенности; в) те, которые не были ранее известны в русских говорах; г) те, которые позволяют по-новому объяснить их происхождение; д) те, которые возникли под влиянием окружающих других русских говоров или другого языка; 5) записать рассказы старообрядцев о их жизни, обычаях, истории.

Говор села Пилипы-Хребтиевские Ново-Ушицкого района Хмельницкой области Украины был обследован мною вместе с ещё двумя сотрудниками отдела диалектологии Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН в 2005 г. На магнитофоны было записано от десяти пожилых местных жителей 18 часов 30 минут звучащей диалектной речи — весьма представительный корпус, позволяющий решить некоторые из указанных выше задач. Здесь рассмотрены только те, которые связаны с проблемами аканья и яканья. Приводимые ниже данные получены мною при многократных прослушиваниях записей и их анализе с помощью компьютерной программы Praat.

2. Ударный вокализм этого говора включает 5 гласных фонем: /и/, /у/, /е/, /о/, /а/; исконные /е/ и /ѣ/ совпали в /е/, исконные /о/ и /ѡ/ совпали в /о/.

Предударный вокализм после твёрдых согласных — диссимилятивное аканье жидринского (белорусского) типа: произношение на месте гласных фонем неверхнего подъёма в 1-м предударном слоге звука [а] перед всеми ударными гласными, кроме [а], и звука [э] перед слогом с ударным [а].

Леонид Леонидович Касаткин, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва).

Об этом типе аканья свидетельствуют многочисленные примеры: *атэ-рв́алэ руку́, атрэ́батэул'и, дэ́вал, кэмб́айн, крэ́сав'ица, нэ́жал'и, нэ́ кáж-дэм, нэ́ кл'ámэч'ку, нэр'áдныи, нэч'áл'н'икэм, пэ́клáла, прэ́шла, пр'икэ́зал, скэ́зат', стэ́нках, хэ́з'áйства*; — *драб'ина, вайны́, па́двыс'ил, таку́йу, да-во́л'ны, зако́н'ч'ил, малóд'ин'кы, украд'оши, пáјэхэл'и, сас'этк'и, кан'éшнэ* и т. п.

Такой вокализм характерен для Юго-Западной диалектной зоны России и для Северо-Восточной диалектной зоны Белоруссии [ДАРЯ 1986, карты 1, 2; ДАБМ, карта 1; Нарысы: 43—45]. Однако в говоре Пилипов-Хребтиевских отсутствуют типичные черты, характерные для белорусских говоров Северо-Восточной зоны, и есть много таких черт, которые типичны для русских говоров Юго-Западной зоны, что свидетельствует о происхождении предков современных жителей Пилипов-Хребтиевских именно из этих мест.

При возможных отклонениях принцип диссимиляции, проявляющийся в 1-м предударном слоге, наблюдается во многих примерах и в других предударных слогах: произношение [а] перед следующим слогом с гласными верхнего подъёма и перед [э] и произношение [э] перед следующим слогом с [а]. Так во 2-м предударном слоге: *васкр'ис'én'а, нан'имáл'и, нат'ир'эт', пал'ит'эл, пас'ид'элк'и, ражд'иство́, стар'ик'и́, закрыва́л'и, пакрышы́ла, пражыва́л, дакум'энты, палуч'áл, разува́ца, раскула́ч'ивэл'и*; — *валнэ́валс'а, дабэ́вл'áт', зауэ́таўл'иул'и, зарэ́батэ́выт', калэ́нтайцы, назэ́ващиэ, пакэр'áтца, палэ́тна, памэ́уáт', паткэ́ч'áлэ, пахэ́валэ, пахэ́та, праде́лжáлэс', разува́р'иул, раскэ́зат', сарэ́фан, спалэ́скáл'и, танце́ват', фатэ́ура́ф'иу; — үэ́вар'ит', дэ́рау́ой, дрэ́уаце́нныи, зэ́б'ар'ом, зэ́раб'ит', мэ́ладыи, мэ́лакó, нэ́вар'илэ, нэ́дајэ́ла, нэ́ рабо́ту, пэ́жан'ила, пэ́кажу́, рэ́зашл'ис', рэ́зуан'у́, смэ́лат'ит', сэ́б'ар'ом', хэ́рашо́* и т. п. В других предударных слогах: *заин'т'ир'исо́вэныи, зар'иу'истр'ируит', блау́дар'ил, парэ́схад'ил'ис'а, пат'ир'аб'ила, разр'ишано́, — пэ́нау́ч'илэ́с'а, пэ́расп'и-хáлэ, пэ́зарэ́батул'и, пэ́раскэ́даим, прэ́далуэ́ватэ́й.*

Из такого распределения предударных [а] и [э] есть много исключений, связанных с чисто фонетическими условиями, не всегда очевидными: темпом речи, степенью напряжённости органов речи и интенсивности речевых сегментов, в частности с громкостью и др. Так, [а] или [а́] может произноситься и перед слогом с [а], а [э] перед слогом с другими гласными, в том числе и перед [э]. Например: перед ударным [а] — [а]: *вайна́, врау́а, да-ва́т', даждáл'ис'а, забрáл'и, за да́вн'иш'и д'ила́, ис карма́на, пакла́л, паши́ла, пэ́лтара́, сказа́т', уража́й, хара́кт'ир*; [а́]: *в на́ска́х, ура́бл'ám'и, да́вал, за́кан'ч'ивыт', ка́мб́айн, ла́пáтый, на́жал'и, на́ч'áл'н'ик, па́пáл, па́ста-в'ил'и, ра́ска́жу, с'ира́та, сна́пам'и, та́да, ха́з'аина*; [а] перед безударным [а]: *барана́, барану́, үара́жы́, на́пр'ажэ́н'иа, па́ дама́м, пакало́л'и, па-сач'у́ствэл, патаму́, сатаны́; па ка́б'ин'этэ́х, [э] перед [э]: абрэ́зэва́н'и́иа, а́сва́бэ́ждáл'и, үэ́лэ́сэ́вал'и, зэ́рэба́туул'и, мэ́лада́йа, пэ́звэл'áи, пэмэ́уáит', пэ́рэска́жэ́т', рэ́скэ́зáл'и, нэмэ́лат'ил'и, рэ́спрэ́стрэ́н'áл'ис'а; [э] перед другими гласными: нэ́н'имáл'и, нэ́ч'инáщица, нэ́зыва́л'и, сэ́бл'удáл'и* и т. п.

Гласные в этом случае при одном и том же тембре могут различаться длительностью: *назв'ан'а* — [a] 53 мс, [á] 101 мс; *дажд'ал'ис'а* — [a] 115 мс, [á] 161 мс; *наст'аг'ила* — [a] 78 мс, [á] 131 мс; *пам'ау'ал'и* — [a]₁ 55 мс, [a]₂ 35 мс, [á] 109 мс; *пахав'ал'и* — [a]₁ 72 мс, [a]₂ 33 мс, [á] 118 мс; *пахав'ал'и* — [a]₁ 85 мс, [a]₂ 55 мс, [á] 147 мс; *васал'ал'и* — [a]₁ (на месте [ы]) 85 мс, [a]₂ (на месте [ы]) 67 мс, [á] 113 мс; *дэст'эв'ал'эс'* — [э]₁ 72 мс, [э]₂ 62 мс, [á] 114 мс; *пэс'эл'ал'и* [э]₁ 60 мс, [э]₂ (на месте [ы]) 49 мс, [á] 129 мс. Гласный 1-го предударного слога в этих примерах короче не только следующего ударного гласного, но и предыдущего предударного, что характеризует волнообразную ритмику слова, свойственную говорам с диссимилятивным аканьем; см. [Касаткин 2010: 88—91].

Таким образом, **произношение на месте /o/ и /a/ в предударных слогах звука [э] перед слогом с [a] и звука [a] перед слогом с другими гласными характерно для диссимилятивного аканья, но оно никогда не является единственно возможным в говоре. «Чистота» диссимилятивного типа аканья всегда относительна.**

На месте предударных [a] и [э] в некоторых случаях произносится звук [э] среднего подъёма, несколько более передний, чем [э]. Этот звук выявлен мною при многократных его прослушиваниях и анализе формантной структуры. Почти во всех отмеченных мною примерах он произносится перед слогом с [e] (и может быть результатом ассимиляции) и/или перед мягким согласным: *нэ'эты маш'ынк'и*, *нэ'ч'эт'в'ира*, *эткрэв'энна*, *ч'илав'экум*; *вавэз'ит'*, *самэл'отэм*, *самэл'от'и*, *прэт'ану*, но встречается и вне этих условий: *кэлэра'цкы* (колорадский).

В заударных слогах выступает следующая закономерность. В неконечных и конечном закрытом слоге никогда не произносится [a], а обычно [э], иногда наблюдается ещё большая степень редукции, в результате которой возникает нуль звука: *выр'эсл'и*, *зап'ис'эвал'и*, *у'орэда*, *д'элэл'и*, *я'блэк'и*, *к'омнэта*, *п'исэны*, *раб'отэл'и*, *т'амэтка*; *атр'эзэл*, *ваз'м'ожнэс'т'*, *д'элэт'*, *з'арэс*, *м'ортвэм*, *нэч'ал'н'икэм*, *облэс'т'*, *палуч'ылэс'*, *раб'отэл*, *с'орэк*, *транспэрт*, *цэркэу'*, *ч'асэм*; — *аднак'омн(а)тнэя*, *з'д'эл:(а)на*, *зэраб'от(а)ны*, *кар'ов(а)м'и*, *нап'ис(а)ныи*, *п'ох(о)рэны*, *сат'уд(о)ва* (оттуда); *з'д'эл:(а)л* и т. п. Гораздо реже встречается произношение кратких гласных верхнего подъёма [ы]: *вып'лыч'иши*, *выр'ысл'и*, *на пр'оймыч'кых*, *сэхран'ылыс'а*; *банык*, *выбрыт'*, *закан'ч'ивыт'*, *лап'атый*, *мамый*, *пэ найм'итых*, *на р'азных раб'отых*, *с'апый*, *с'отык*, *ф хатэч'кых*; [у]: *вызуф*, *фс'энушыи*, *ч'илав'экум* и др.

Конечный открытый слог часто более полновесный, чем в других акающих говорах, здесь нередко произносится [a] не только в конце фонетической синтагмы, но и в её середине: *вайны'т'ока н'и был'о*, *вну'ч'ка жэта*, *у'ор'ушка м'ин'э*, *два пл'им'ан'ника в Маскв'э*, *д'ив'иноста рубл'эй*, *д'ома жыл*, *д'об'ка р'об'ит'*, *эта т'эла*, *за эта ув'эч'ие*, *зн'ач'ица вот*, *жайч'ка куп'ит'*, *йэта'так'ой*, *к м'эру у'орэда хад'ила* и..., *к'омнэта б'аб'ина мар'ус':на*, *лу'ч'ива н'и буд'ит'*, *мно'уа у'ор'а*, *мно'уа л'эт*, *м'ожна жылт'*, *нада раб'оч'у с'илу*, *на топл'ива н'и ма'им*, *н'и зэраб'отэла йа ст'ока д'эн'их*, *папа*

жывой, плакала и прас'ила, сал'арка дэрэуайэ, скол'ка мох, с Томска пр'ишол, хвал'итца так'им и т. п. Во многих других говорах и в литературном языке в этой позиции закономерен [а] или [э] в конце фонетической синтагмы и [э] в её середине.

Таким образом, **общая закономерность, явно просматриваемая во многих примерах, — чередование сильных и слабых слогов, реализующееся в более и менее длительных гласных.**

Такая система была характерна для древнерусского языка, ср. известное чередование сильного редуцированного гласного [ъ], [ь] перед слабым редуцированным и слабого редуцированного перед сильным и гласным полного образования. Об этом свидетельствует и установленное А. А. Зализняком правило места второстепенного ударения в слове в древнерусском языке: «Выбор слога или слогов, на которые падает второстепенное ударение, определяется несколькими факторами. Основной из них — ритмический: второстепенное ударение падает через слог вправо от главного, затем ещё одно через слог от этого второстепенного и т. д.» [Зализняк 1985: 179]. Система диссимилятивного аканья, реализующаяся не только в 1-м предупредительном слоге, но и в других безударных слогах, — результат сохранения древнейшей ритмической структуры слова; подробнее см. [Касаткин 2010: 88—91].

Эта ритмическая структура слова существовала и существует в некоторых русских говорах лишь как общая тенденция и может нарушаться при конкретных произнесениях слов под влиянием дополнительных фонетических факторов: темпа речи и увеличения относительной длительности звукового сегмента, напряжённости речи и увеличения интенсивности этого сегмента и др.

Белорусские фонетисты ввели понятие и термин «полное аканье» в соответствии с «полным оканьем» для характеристики системы, обнаруженной при сборе материалов для Дыялекталагічнага атласа беларускай мовы и отражённой в ДАБМ [Вайтовіч 1968: 117, 171]. Эта система предполагает произношение [а] на месте /о/ и /а/ во всех безударных слогах.

Однако Н. Т. Войтович допускает, что составители ответов на программу ДАБМ могли не замечать в говорах разницы между тем редуцированным [а], который произносится перед [а], и тем гласным полного образования [а], который произносится перед другими гласными [Вайтовіч 1968: 18—22]. По устным высказываниям В. Н. Чекмана, он также считал, что эти эксплораторы ДАБМ не отмечали диссимилятивного аканья на большей части территории Белоруссии в силу того, что им самим было свойственно такое произношение; он неоднократно в своих диалектологических экспедициях фиксировал диссимилятивное аканье там, где в ДАБМ было отмечено сильное аканье. А. И. Подлужный отмечал широкое распространение диссимилятивного аканья среди белорусской интеллигенции, хотя и указывал, что диссимилятивность при этом не так ярко выражена, как в северо-восточных говорах [Фанетыка беларускай літаратурнай мовы 1989: 320].

Таким образом, можно думать, что диссимилятивное аканье в белорусских говорах распространено гораздо шире, чем его отмечает ДАБМ.

Произношение открытого [а] во 2-м и 3-м предударных слогах, в том числе и перед безударным [а], и в безударном конечном открытом слоге обычно для русских говоров с диссимилятивным аканьем. **Скорее всего, «полное аканье» и диссимилятивное аканье представляют одну и ту же диалектную систему и отражают разные подходы к диалектному материалу, собранному в одних и тех же говорах. Диалектологи, говорящие о диссимилятивном аканье говора, опираются на одну часть этого материала, а диалектологи, говорящие о «полном аканье» — на другую.**

Так, например, в комментариях к карте № 8 «Галосны на месцы “о” ў другім складзе перад націскам пасля цвёрдых зычных» Дыялекталагічнага атласа беларускай мовы [ДАБМ] приведены собранные материалы по некоторым населённым пунктам. На карте № 8 поставлен основной знак произношения [а] в этой позиции и дополнительный знак (*), свидетельствующий, что возможны и другие варианты гласного — другие звуки — на основании и таких, в частности, примеров:

509 дырау́ша, хэрашо́, дэражэй́, дэктаро́ў, дэрау́аа, дэрау́аа, уава-ры́ц', кэчыру́а, хэрашэ́нка, дэу́ын'ац', кэлу́пац', рызырва́ў, дажыв'о́м, уэлава́, хэлас'у́ак, ба́рав'ик, мэ́хав'ик, мэ́лакa, пэ́н'асу́ц', пы́л'ац'эў, паў-л'аз'и́, пэ́пэла́м, па́в'ал'и́, кэ́жух'и́, кэ́жухо́ў, кэ́жухо́м, уэ́лубо́й; у другім складзе вымаўляюцца аслабленыя гук'і [э], [ы], [я], а таксама [а] і [ы]. — Здесь только в слове *уавары́ц'* произносится [а] перед слогом с [а];

708 кан'ушы́на, халаднó, уалава́, нэ́чавал'и́, сэ́б'арэ́ш, пэ́талок, палу-ча́йу, паўтарá, пал'уб'и́ц'. — Здесь только 3 примера из 9 с произношением [а] перед слогом с [а];

821 саб'ира́ц', сэ́б'ира́ц', суб'ира́ц', та́парá, тэ́парá, сэ́лаз'и́ц', уэ́лава́, уалава́, уэ́дава́ц', уа́дава́ц', ба́рав'ик, ба́рада́, ма́лада́, мэ́лада́, ма́лако́, мэ́лако́, па́саз'и́ц', па́пала́м, пэ́пала́м, пэ́пэла́м, успам'ина́ц', па́в'ел'и́, уалу-бо́ў, кэ́жухо́ў, пал'уб'и́ц'. — Здесь только 9 примеров из 25 с произношением [а] перед слогом с [а];

909 сэ́б'ира́ц', уэ́дава́ц', ба́рада́, мэ́лако́, па́в'ал'и́, уэ́лубо́ў, тэ́пэ́ра, па-лучы́ла, пэ́ул'аз'э́ц', ма́лаз'о́ж, уа́элас'и́сты, пэ́рэ́с'а́тэм, ма́лаз'и́ца, па́элав'и́на, па́экам'а́чыла. — Здесь только 4 примера из 18 с произношением [а] перед слогом с [а].

Белорусские акающие говоры, в которых установлена система «полного аканья» на основании материалов ДАБМ, должны быть вновь обследованы с применением современных методов записи и анализа звучащей речи для уточнения системы предударного и заударного вокализма.

3.1. После мягких согласных в 1-м предударном слоге на месте фонем неверхнего подъёма в говоре Пилипов-Хребтиевских наблюдается мосальский (витебский) тип диссимилятивного яканья: произношение звука [а]

или его варианта [е] перед слогом с ударными гласными верхнего подъёма [и], [ы], [у] и среднего подъёма [о] и звука [и] перед слогом с ударными [е] и [а]. Так, в корнях произносятся:

— перед [и] — [а]: *абйас'н'ит'*, *б'ир'а'у'и'*, *бл'из'н'ач'к'и'*, *в'анк'и'*, *в'и-с'ал'ил'ис'*, *в'ич'ар'инкэ*, *д'ат'ину*, *ул'ад'им*, *з'амл'и'*, *з'ат'ји'*, *јад'инств'и-нэй*, *јайч'ка*, *йайч'к'и'*, *йайи'н'у*, *л'а'ул'и'*, *л'ан'ивыи*, *л'ат'ит'*, *м'ас'ил'и'*, *м'ас'истэа*, *м'ирзл'ак'и'*, *н'иш'асл'ивы*, *нэр'ад'ил'и'*, *эбјас'н'ит'*, *п'акл'и'*, *п'ат'и'*, *пат'ир'аб'ила*, *п'ир'ин'асл'и'*, *п'јан'иц*, *пэјав'ил'ис'а*, *пэјас'н'ит'*, *пэс'ал'ил'*, *пр'ив'ад'и'*, *пр'ив'аз'л'и'*, *прцл'ат'ит'*, *прр'ин'асл'и'*, *р'атк'и'*, *рэз'-д'ал'ит'*, *с'в'ат'ил'и'*, *с'т'ир'а'у'и'*; — [ѣ]: *м'ѣс'ил'и'*, *ув'ѣзл'и'*; — [е]: *аб-м'ертв'ил'*, *б'ер'и'*, *б'ер'ит'а*, *в'езл'и'*, *в'ес'т'и'*, *зэв'езл'и'*, *зэм'ес'ил'и'*, *зэ-пр'ет'ит'*, *з'емл'и'*, *к'ип'ет'и'*, *кр'ес'т'ил'и'*, *м'ес'ил'и'*, *пав'ел'ил'и'*, *пас'е-л'ил'*, *пэв'ер'н'ис'а*, *п'екл'и'*, *раз'д'ел'ит'*, *рэз'д'ел'ит'*, *раз'д'ел'ил'и'*, *рэз'-д'ел'ил'и'*, *сп'ек'и'*, *Хм'ел'н'ицкэм*;

— перед [ы] — [а]: *б'ажыт'*, *бл'из'н'ацы*, *в'анцы*, *д'ады*, *д'аржы*, *јады*, *кэч'аны*, *л'ажыт'*, *л'ажы*, *эте'ажыс'*, *этр'азныи*, *пасэт'аны*, *пэл'ажыиш*, *рэзр'ашыл'и'*, *с'ад'мым*, *с'астры*, *с'в'атыйа*, *цв'аты*, *ч'атыр'и'*; — [е]: *ат-р'езныи*, *бл'из'н'ецы*, *зэв'ершыла*, *этр'ешыл'и'*, *разр'ешыл'и'*;

— перед [у] — [а]: *б'аду*, *б'ажу*, *б'арут'*, *в'анцу*, *в'арнулсэ*, *в'арнулэс'*, *ѣт'аку*, *ул'ажу*, *д'аржу*, *д'јакуит'*, *з'амл'у*, *зэб'арут'*, *зэхл'абнулс'а*, *јаду*, *јаму*, *йаму*, *к'исл'аку*, *к (Д)н'астру*, *л'ат'у*, *эте'арнулсэ*, *нэл'аку*, *п'акут'*, *п'акутца*, *п'аску*, *пэв'азу*, *пэ'ул'ажу*, *пэ'с'н'а'уу*, *пэ'с'н'а'ху*, *пр'аду*, *пр'ив'а-зут'*, *пр'ин'асут'*, *пр'ис'в'ату'йу*, *пр'ит'анут'*, *с'ам'ју*, *св'акрухэ*, *сл'ану'йу*, *сэб'арутца*, *сп'аку*, *уб'арут'*, *йт'аку*, *фс'аму*; — [ѣ]: *ут'ѣку*; — [е]: *бр'ех-н'у*, *в'ернулэ*, *йему*, *нав'ер'ху*, *с'естру*, *сэб'ерут'*, *уб'ерут'*;

— перед [о] — [а]: *б'адóвы*, *бэс'акóм*, *в'адрó*, *в'анóк*, *в'аснóй*, *вз'алó*, *Дн'астрó*, *з'арнó*, *з'имл'анóй*, *јафó*, *йавó*, *јавó*, *йавó*, *йавó*, *куп'ит' йéвó*, *јайцó*, *јарóк*, *к'исл'акóм*, *м'ассó*, *м'астóу*, *м'атрó*, *мэч'аһóну*, *н'ич'авó*, *н'ич'аó*, *п'асóк*, *п'аскóм*, *П'атрó*, *п'ат'сóт*, *п'ацсóт*, *п'ашкóм*, *р'адóч'ик*, *р'адóч'ка*, *р'аткóм*, *р'аткóу*, *с'адлóм*, *с'ад'мóй*, *с'алó*, *с'алóм*, *с'арпóм*, *с'астрóй*, *с'в'атóй*, *сл'апóй*, *цв'атóу*, *ц'в'атóч'к'и'*, *ч'авó*, *ч'асów*, *ч'ир'а-пóч'ик*; — [е]: *д'екóм* (дьяком), *йевó*, *за'евó*, *н'ич'еó*, *п'ецóт*, *п'ешкóм*, *пэд'ешóу'к'и'*, *св'екрóу'йа*, *с'ед'мóва*, *с'ел'скóй*, *с'емсóт*, *т'ежóлэ*;

— перед [ʔо] — [а]: *б'ар'óс*, *б'ар'óс'с'а*, *б'ар'óт'*, *д'ат'óнэк*, *з'ал'óнэй*, *з'ал'óны*, *з'ал'óным'и'*, *з'амл'óй*, *зэб'ар'óш*, *зэб'ар'óт'*, *зэб'ар'óм*, *л'ап'óш-к'и'*, *н'ас'óм*, *эбд'ар'óт'*, *п'ак'óтца*, *п'ат'óрку*, *пр'ад'óтца*, *пр'ив'аз'óш*, *пр'ив'аз'óт'*, *с'ам'јóй*, *с'ар'óт*, *с'ар'óтк'и'*, *сэб'ар'óт'*, *т'ак'óт'*, *т'ал'óн-ка*, *фп'ар'óт*, *цв'ат'óт'*; — [е]: *б'ел'јó*, *в'ед'óт'*, *вп'ер'óт*, *д'ет'óнкэ*, *д'ет'óнку*, *д'эфч'óнкэ*, *д'евч'óнк'и'*, *д'еу'ч'óнк'и'*, *д'эфч'óнк'и'*, *д'эфч'óнэк*, *з'ел'óну'йу*, *з'ел'óныи*, *кр'еш'óнэйэ*, *кр'еш'и'ш'óны*, *п'ек'óт'*, *п'ет'óрк'и'*, *пр'ед'óш*, *пр'ед'óтца*, *пр'ив'ез'óш*, *пр'ив'ез'óт'*, *пр'ив'ез'óм*, *ч'ет'в'óртэй*; — [и]: *в'ирн'óш*, *д'ит'ó*, *з'ил'óн'ин'ка*, *л'ип'óшк'и'*, *пл'ич'ó*, *пэл'ир'óк*, *р'иб'óнэк*, *р'иб'óнкэ*, *р'иб'óнку*, *рэзв'ид'óш*, *т'ил'óнка*; а также *м'ишóч'ик*, *ч'и'жóлы*, *ч'и'жóлэй* с [ш], [ж] из прежних [ш'], [ж'].

— перед [e] из /Ъ/ — [и]: аз'ил'ин'эн'е, в'ис'ил'эй, үл'ид'эт', үр'ум'эм', үр'ум'элэ, л'ит'эм', нав'ид'эн'ие, нэдл'ит'эл, н'ив'эска, н'ив'эстк'и, н'ив'эсту, н'ив'эсты, н'ид'эл'у, н'ид'эл', т'ирп'эла, т'ирп'эл'и, пал'ит'эл, п'ир'ит'ирп'эл'и; м'ин'э, к т'иб'э, с'иб'э; ф кэч'ин'э, в м'итр'э, w П'ирм'э; — [а]: в с'ал'э, ф с'ал'э (встретилось много раз, у разных информантов), в с'ам'э, нэ з'амл'э, нэ пл'ат'н'э, ф с'ин'т'абр'э, в нэй'абр'э;

— перед [e] из /e/ — [и]: в'из'д'э, в'ич'эрн'и, д'ит'эй, д'ир'эв'а, д'ишэв'и, зэивл'эн'и, ин'т'ир'эсна, Лил'энэ, јич'м'эн', йич'м'эн', нат'ир'эм', пад'ишэвиэ, пр'из'ид'энтэм, св'иш'эн'ик, с'им'эим'и (семьями), с'т'ир'эч', т'ин'эр', т'ин'эр'ич'е, у м'ин'э, т'иб'э, у с'иб'э, ч'ижэл'и;

— перед [а] — [и]: абв'ин'ч'ат', абв'ин'ч'ал'ис'а, абв'ин'ч'аны, ад'иваицэ, ад'ијал, ам'ир'иканцы, ап'ирац'иә, ап'ирац'иш, ап'ич'атэныш, апр'ид'ил'айу, б'ил'ја, ваивал'и, вас'имнацэт', в'изат', в'изал, в'изала, в'изал'и, в'ин'ч'аны, в'ир'ха, в'ис'ил'атцэ, вэиват', выр'изал'и, выт'иуайу, выт'иуайут', у'иктарэ, у'ирман'иш, у'ирманск'и, дасп'иваит', дв'инацэтэуа, дв'инацто, д'ив'атэя, д'ив'аты, д'ика (дыяка), д'ила, д'ин'уам'и, д'иржэл, д'иржэла, д'ир'ив'анный, д'ир'ив'аннэ, д'ир'ив'анныш, д'ит'а, д'ит'ам, д'ит'ам'и, жэл'из'ак'и, зал'ипл'ала, зан'ила, зан'исла, зэпр'иуайут', зб'иуал'и, з'имл'а, из'д'ивал'ис', ич'м'ин'а, лау'ир'а, л'ижэл, мат'ир'јал, м'ин'а, м'ин'ал'и, м'ишии(т), нап'икла, напл'ич'ах, н'идавэнэ, нэв'иш'иш'ал'и, нэт'иуайит', пам'ила, панэр'ижэла, п'ид'ис'ат, п'иис'ат, п'икла, п'итнацэт', п'ич'атэвыш (от печатать), п'ич'атул'и, пап'ич'атылныш, пл'им'ан'ик, пл'им'ан'икэ, пэв'ин'ч'ат', пр'ишж'аит', пр'ишж'ал, пр'ишж'ала, пр'ишж'ал'и, пр'ин'исла, пр'исв'итайа, пр'иц'с'идатэл'им, прэл'ижэл, разв'ила, разр'ишайут', рэзр'ишиал, рэзйишж'айут', р'идна, св'ин'ам, с'ила, с'им'ина, с'им'ан, с'им'ја, с'ин'т'ибр'а, с'истра, сл'ипайа, см'ијалэс'а, см'итана, см'итаны, ср'итка, ср'ицтвам'и, стр'ила, т'ил'иураму, уд'ивл'айус'а, уижэлэ, ум'ирла, ф кэч'инах, фс'ијакэва, ч'ирдак, Шв'ийцар'иә; — [ø]: д'ир'(е)в'анныш.

Из этого позиционного распределения звуков возможны исключения.

Так, [и] на месте обычного [а] в корнях произносится в следующих группах слов и морфем:

— в приставках, предлогах и частице не: б'изв'иннэ, н'ич'истый, п'ир'ишл'и, п'ир'ишл'и, п'ир'ин'ос; п'ир'ид бóһэм; н'и в'ид'ила, н'и в'ижу, н'и б'ыл'и, н'и в'иплыч'иш, н'и ж'ыл, н'и б'уду, н'и б'уд'ит', н'и д'ужа, н'и д'умэлэ, н'и л'уч'и (лучше), н'и у'од'ин, н'и у'одна, н'и м'ожу, н'и пл'охэ, н'и п'омн'у, н'и п'омн'ит', н'и см'ожы, н'и р'одны, н'и сх'оч'у, н'и т'ол'к'и, н'и х'оч'у, н'и х'оч'иш, н'и х'оч'ут'; так же произносятся эти морфемы и перед ударными [e], [а]: аб'исп'эч'ит', б'иссэнэ (бесценно), п'ир'ив'эс'т', пр'исл'эдэвэл'и; н'ил'з'а, н'и(ль)з'а, н'имá; н'и в'эс'илэ, н'и д'эн'ис'а, н'и д'эн'имс'а, н'и д'эржу, н'и вз'ат', н'и д'ай б'ох, н'и д'ал, н'и знайу, н'и кáждэму, н'и мáйу, н'и мáиш, н'и мáим, н'и нáда;

— в словах, заимствованных из литературного языка или испытавших его влияние: б'ин'з'ин, зар'иу'истр'ирут', знам'ин'итый, т'ил'ив'изэр,

*t'ixn'ič'iskýj; in't'ir'isuc'a, p'ижьму, с'икунды; заин't'ir'исо-
вэньи, пр'истол'ный, р'имонт, с'изон; ф Хм'ил'н'ицк'и, ф Х'ирсон'и;*

— в числительных, где [и] также, вероятно, возник под влиянием лите-
ратурного языка: *д'ив'иноста, с'ид'моо, ч'итыр'и, ч'итырнэцэт', ч'ит'-
в'ортэвэ;*

— в местоимениях *мэиму', пач'иму', н'ич'ио'*;

— в неприкрытом первом слоге слова после выпавшего [j]: *уэвар'ит
иму, дал'и иму, ий'о, иш'о.*

Произношение предударного звука [и] в приставках и *не* независимо от
следующего ударного гласного произошло в результате нефонетического
обобщения этого [и], связанного с устранением чередования в этих морфемах,
воспринимаемого говорящими как чередования фонем. Звук [и] в заимст-
вованных словах воспринимался говорящими как представитель фонемы /и/.

В говоре в этих позициях противопоставлены звуки [и] — не-[и], таким
образом [а] и [е] представляют одну фонологическую единицу.

3.2. Л. Л. Васильев на основании этнографических материалов (свадеб-
ных и хороводных песен, пословиц, загадок, образцов простонародных
разговоров, примет и предрассудков, сказок, рассказов, анекдотов, прибау-
ток и детских песенок), собранных этнографом А. С. Машкиным в Обоян-
ском уезде Курской губернии, описал тип яканья с предударным [и] на
месте гласных неверхнего подъёма перед ударными гласными среднего и
нижнего подъёмов [Васильев 1904], названный позднее обоянским типом.
Н. Н. Дурново на основании записей песен и духовных стихов, сделанных
В. И. Тростянским в Землянском и Задонском уездах Воронежской губер-
нии, установил задонский тип диссимилятивного яканья, отличающийся от
обоянского произношением предударного [е] (наряду с [и]) на месте [и] в
тех же позициях [Дурново 1917—1918, вып. 1: 40—54]. Оба эти типа были
названы архаическим типом диссимилятивного яканья, сохранившим наи-
более древнее состояние. Остальные типы диссимилятивного яканья воз-
никли, по мнению диалектологов и историков русского языка, в результате
позднейшей трансформации архаического типа [Дурново 1917—1918,
вып. 2: 64—66; Аванесов 1952: 38—39; Кузнецов 1960: 66; Захарова 1971:
6; Хабургаев 1980: 146; Иванов 1990: 206—207]. Высказано было также
мнение, что «типы диссимилятивного яканья образовались в результате
одного и того же процесса, но он имел место в говорах, отличавшихся по
системе своего ударенного вокализма, чем и объясняются его нетождест-
венные результаты» [Аванесов 1952: 38].

В таблице 1 на с. 78 во всех типах яканья отмечено произношение со-
временного предударного гласного, и можно видеть, что он находится в
диссимилятивной зависимости с ударным гласным: он либо более высокого,
либо более низкого подъёма, чем ударный. У А. А. Шахматова, Н. Н. Дур-
ново и других диалектологов были веские основания называть эти типы
типами диссимилятивного яканья. Однако таблица отражает произноше-

Таблица 1

Типы диссимилятивного яканья

Гласный 1-го предударного слога на месте /e/, /ѣ/, /o/, /a/ после мягких согласных							Ударный гласный
жизд- ринский	суджан- ский	мосаль- ский	щигров- ский	обоян- ский	дмитри- евский	донской	
а	а	а	а	а	а	а	и, ы, у
а	а	а	а	а	а	и	ӯо — /ω/
а	а	а	а	и	и	и	о
а	и	а	и	и	и	и	'о из е
а	и	и	а	а	и	и	йе — /ѣ/
а	и	и	и	и	и	и	е
и	и	и	и	и	и	и	а

Следует учитывать, что в этой таблице представлены этимологические ударные гласные, различие /o/ и /ω/, /e/ и /ѣ/ во многих современных говорах утрачено, большинство типов диссимилятивного яканья были сформированы уже после утраты этого различия.

ние предударных гласных XIX—XXI вв., а известно, что предударный [и] в этих типах возник на месте более раннего [е]; см. [Касаткин 2010: 92—93]. С учётом этого изменения таблица должна иметь следующий вид.

Таблица 2

Типы диссимилятивного яканья до изменения [е] > [и]

Гласный 1-го предударного слога на месте /e/, /ѣ/, /o/, /a/ после мягких согласных							Ударный гласный
жизд- ринский	суджан- ский	мосаль- ский	щигров- ский	обоян- ский	дмитри- евский	донской	
а	а	а	а	а	а	а	и, ы, у
а	а	а	а	а	а	е	ӯо — /ω/
а	а	а	а	е	е	е	о
а	е	а	е	е	е	е	'о из е
а	е	е	а	а	е	е	йе — /ѣ/
а	е	е	е	е	е	е	е
е	е	е	е	е	е	е	а

По этой таблице видно, что диссимилятивная зависимость в подъёмах между предударным и ударным гласными наблюдается у всех типов только в первой и последней строчках таблицы — перед ударными гласными верхнего и нижнего подъёмов. Перед ударным [е] во всех типах, кроме

жиздринского, произносился тоже [e], здесь нет диссимильтивной зависимости, а есть зависимость ассимильтивная.

Можно считать, что эти типы яканья возникли в результате ассимильтации предударного гласного [a] ударному гласному [e]. Следствием этой ассимильтации и было изменение предударного [a] в [e], позднее изменившегося в [и]. Произношение перед [o] гласного того же подъёма [e] тоже не может считаться диссимильтацией, а в изменении предударного [a] > [e] перед [o] также следует видеть ассимильтацию. Поэтому все эти типы закономерно называть типами ассимильтивно-диссимильтивного яканья; см. [Касаткин 2010: 93—94].

Произношение [e] перед /ω/ и /ъ/ следует расценивать как свидетельство утраты различения /o/ и /ω/, /e/ и /ъ/ и произношение на их месте звуков [o] и [e].

Единственный тип, где не было такой ассимильтации, — жиздринский, только его следует называть типом диссимильтивного яканья и можно считать прототипом всех типов ассимильтивно-диссимильтивного яканья.

Возникает два вопроса: 1) почему возникла ассимильтация предударного [a] ударным [e] и [o] и 2) почему этой ассимильтации не было в жиздринском типе?

1) Результаты ассимильтации [a] > [e] обнаруживаются в литературном языке и в разных русских говорах [Касаткин 2010: 93—95]. Широта распространения в этой позиции уподобления звука [a] звуку [e], что известно большей части говоров Южного наречия, связана, очевидно, с тем, что ассимилирующим звуком является ударный гласный, артикуляция которого наиболее близка к нейтральному укладу органов речи: звук [e] — среднего подъёма, тогда как [a] нижнего подъёма и артикуляционно дальше отстоит от точки речевой позы (паузы), для которой характерен звук среднего подъёма.

Изменение предударного [a] > [e] перед ударным [e] приводило к ослаблению напряжённости артикуляции, что соответствовало общей тенденции, действующей в русском языке с древнейшего периода и связанной с изменением артикуляционной базы. Похожее воздействие, хотя и в меньшей степени, на предударный [a] мог оказывать и ударный [o]; см. [Касаткин 1999: 131—139].

2) Н. Н. Дурново писал: «Диссим(ильтивное) яканье Жиздринского типа возникло в белорусской области» [Дурново 1917—1918, вып. 2: 64]. Говоры с этим типом яканья [см. ДАРЯ 1986, карта 8] отнесены к белорусскому языку на составленной Н. Н. Дурново и Н. Н. Соколовым Диалектологической карте русского языка в Европе [Опыт 1915] и на составленной Е. Ф. Карским Этнографической карте белорусского племени [Карский 1917]. Территория этих говоров до начала XVI в. относилась к Великому княжеству Литовскому, говоры к западу и к востоку от этой государственной границы развивались в отрыве друг от друга [Хабургаев 1980: 155, 165—167]. В связи с этим ассимильтация предударного [a] после мягких согласных ударному [e] возникла и распространилась в южнорусских говорах к востоку от этой границы, но не затронула более западные говоры.

3.3. Мосальский тип, как пишет К. Ф. Захарова в комментариях к карте 8 [ДАРЯ 1986], «в чистом виде почти не отмечается», а, как правило, в существовании с суджанским или жиздринским. В ДАРЯ он показан всего в 11 русских говорах на территориях распространения жиздринского типа и в меньшей степени суджанского типа, и только в соседних говорах Витебской области Белоруссии он образует два небольших компактных ареала, в связи с чем белорусские диалектологи называют его витебским типом [ДАРЯ 1986, карта 8; ДАБМ, карта 4; Нарысы 1964: 57, 60—62].

Мосальский тип яканья отличается от суджанского произношением звука [а] в мосальском типе и [и] в суджанском перед слогом с [’о] после мягкого согласного: *б’ал’jó, т’ал’ónэк, в’ас’óлыи, б’ар’óт’* и т. п. — *б’ил’jó, т’ил’ónэк, в’ис’óлыи, б’ир’óт’* и т. п. В Пилипах-Хребтиевских мосальский тип, как и в других русских говорах, тоже не «чистый», но примеров с [а] и [е] перед слогом с [’о] несравненно больше, чем с [и] в этой позиции.

Очевидно, что суджанский тип (как и другие типы ассимилятивно-диссимилятивного яканья, кроме мосальского) возник до перехода ударного [е] в [’о], поэтому произношение предударного [и] в этих типах наблюдается и перед слогом с ударным [е], и перед слогом с ударным [’о] из [е]. А мосальский тип мог формироваться двумя путями.

Он мог возникнуть из жиздринского типа после перехода ударного [’е] в [’о], и поэтому в предударном слоге перед ударным [’о] сохранялся прежний [а], а переход предударного [а] в [е] произошёл только перед слогом с ударным [е]. Это был чисто фонетический путь формирования мосальского типа.

Этот тип мог возникнуть и из суджанского в результате обобщения в позиции перед новым ударным [’о] из [е] предударного [а], произносившегося перед слогом с ударным [о] после твёрдого согласного. Это было изменение по аналогии, формирование мосальского типа нефонетическим путём. Вполне возможно, что на современной территории распространения жиздринского типа мосальский тип возник первым путём, а на территории распространения суджанского типа — вторым.

По-видимому, у предков жителей Пилипов-Хребтиевских мосальский тип яканья формировался вторым, нефонетическим путём. Этим объясняется наличие колебаний в позиции перед [’о] — примеров не только с предударным [а], но и с [и] (см. выше). Это значит, что предки жителей Пилипов-Хребтиевских бежали на Украину с территории современного распространения говоров с суджанским типом яканья.

3.4. Позиция перед ударным [е] мною выше разделена на две: перед [е] из бывшей /ѣ/ и [е] из /е/ в связи с исключениями, встречающимися в первой из них. В формах существительных предложного падежа перед [е] из /ѣ/ часто произносится не [и], как в остальных случаях, а [а]: *в с’ал’э, ф с’ал’э* (встретилось много раз, у всех информантов), *в с’амј’э, нэ з’амл’э, нэ пл’ат’н’э, ф с’ин’т’абр’э, в нэйабр’э*.

Отклонение от обычного произношения предударного [и] в этой позиции и произношение [а] в аналогичных примерах нередко отмечается в говорах с подобными системами. Так, в д. Стайки Сурожского р-на Витебской обл. при мосальском типе яканья отмечено: *пац'имн'эла, пас'в'итл'эла, кр'ипчэй, пал'иц'эл'и, паб'ил'эў, б'ис'эда, м'уз'в'эц', м'идв'эжэй, ц'ипл'эй, н'уз'эл'и, н'ив'эстка, б'ил'эй, у б'ис'эз'и, с'м'ил'эй, л'ихчэй, үл'уз'эл'и, па(ү)л'уз'эц', үл'уз'эла, паүл'уз'эў; — аб'в'ас'н'э, на м'атл'э, у ц'апл'э, у б'аз'э, на з'амл'э, на п'ац'э; на м'ин'э* [ДАБМ, карта 4, нас. п. 125].

К. Ф. Захарова, описав подобное распределение в говорах с ассимилятивно-диссимилятивным (точнее, ассимилятивно-сильным, см. [Касаткин 2010: 95]) яканьем, предположила, что [а] перед слогом с ударным [е] в формах существительных возникло в этих говорах в результате выравнивания основы по аналогии с другими формами: «Так, независимо от “типа” ассимилятивно-диссимилятивного яканья в основах существительных ж. р. на *a* дат.-предл. п. произносится *a*, которое произносится в основе большинства форм парадигмы: *с'а)стрá, с'а)стрóй, с'а)стру́ — с'а)стрé*» [Захарова 1975: 36, 40]. Позднее это объяснение К. Ф. Захарова отнесла не только к говорам с ассимилятивно-диссимилятивным яканьем, но и к говорам с суджанским типом диссимилятивного яканья, где «в словах, в парадигме изменения которых имеются разные ударенные гласные, (...) вместо закономерного чередования предударных [а] и [и] могло произойти обобщение основ слов с одним предударным гласным (например, [с'а]лó — в [с'и]лэ > [с'а]лó — в [с'а]лэ)» [ДАРЯ 1986, карта 8 (комментарии): 102].

Однако суджанский тип, как и мосальский и другие типы диссимилятивного (ассимилятивно-диссимилятивного) яканья, имеют важное отличие, с точки зрения данного вопроса, от типов ассимилятивно-диссимилятивного (ассимилятивно-сильного) яканья: в позиции перед слогом с ударным [а] при ассимилятивно-диссимилятивном яканье произносится [а], а при диссимилятивном — [и].

В говоре Пилипов-Хребтиевских произносится *з'имл'á, с'им'já, с'истрá, стр'илá, с'илá* только с предударным [и], никаких отклонений не зафиксировано. Примеры типа *з'амл'и, с'ам'ју, с'астрý, с'астрóй, стр'алу, с'алó, с'алóm* и др. не оказали никакого влияния на корневой гласный в формах этих слов с ударным [а]. Следовательно, и в форме предложного падежа с ударным [е] из /ѣ/ предударный [а] возник не в результате выравнивания основы, которое в первую очередь должно было бы исходить из формы именительного падежа единственного числа. Причину следует видеть в другом.

Примеры с [а] перед слогом с [е] из /ѣ/ встречаются только в словах с ударным гласным в конечном открытом слоге¹. Этот слог в русских гово-

¹ Примеры с [и] *ф кэч'ин'э* (от *качан*, о кукурузе), *в м'итр'э, в П'ирм'э* (от названия города *Пермь*) не в счёт: слова эти заимствованные, носители говора должны были воспринимать в них [и] в корне как фонему /и/; ср. *за П'ир'мо́й*. Формы дат.-предл. падежей *м'ин'э, т'иб'э, с'иб'э* произносятся так и в говорах с другими

рах и в литературном языке отличается повышенной длительностью по сравнению со слогами в начале и середине слова (см. [Касаткин 2008а: 65]), а в говоре Пилипов-Хребтиевских значительно повышенной, в связи с чем тут на месте /o/ и /a/ обычно произносится безударный [a] в конце слова (см. выше). В заударном конечном открытом слоге слова обычно произносится [a] и на месте буквы *e* — представителя /'o/ и /e|o|a/: *такóйе уóр'а случ'илэс'а, мór'а нарóду, уч'эн'а майó; двóйа д'ит'эй, дара уóйа, мала-дóйа, такóйа уóр'ушка, ч'ужóйа с'алó; в'ид'ит'а, думáит'а, уд'е жы-в'от'а, зайд'от'а, зап'исывáит'а, знáит'а, капáит'а, пэн'имáит'а, нас-мóтр'ит'а как, пр'ид'от'а, пр'ишж'áит'а, в'ёр'т'а, пр'им'ёт'т'а, с'и-д'ит'а*. Такое произношение, широко распространённое на территории Южного наречия и части среднерусских говоров (см. [ДАРЯ 1986, карты 30, 31]), также указывает на особую выделенность этой позиции.

Мне неоднократно приходилось наблюдать в разных говорах произношение особых звуков на месте /ѣ/ и /ѡ/ лишь в сильных фразовых позициях или при эмфазе, медленном проговаривании слова, в то время как в слабых фразовых позициях произносятся те же звуки, что и на месте /e/ и /o/ [Касаткин 1999: 370, 379—381, 385—388; 2008б: 51; см. также: Дурново 1917—1918, вып. 2: 53—55; Гецова 1959: 113—117; Высотский 1975: 9; Пауфошима 1983: 7, 62]. Конечный открытый слог слова в говоре Пилипов-Хребтиевских сравним с сильной фразовой позицией, в нём произношение особого звука на месте /ѣ/ могло сохраняться дольше, чем в других позициях в слове.

Формирование мосальского типа яканья в говоре предков жителей Пилипов-Хребтиевских, следовательно, происходило в эпоху, когда /ѣ/ в середине слова уже совпала с /e/, а в конечном открытом слоге ещё могла реализоваться особым звуком. Разница в произношении предударных звуков перед конечным и неконечным в слове ударным [e] из /ѣ/ — свидетельство этого этапа в истории /ѣ/.

Об отражении такого этапа истории /ѣ/ в памятниках письменности XVII в. писал С. И. Котков: «В ряде памятников с запада южновеликорусской территории тенденция к устранению буквы ѣ в известной степени бывает ограничена сохранением ѣ по преимуществу во флексиях. Так, в жалобе путивльцев 1626 г. (...) взамен буквы ѣ — обыкновенно *e* в ударяемом и безударном положении: *бедность, вечна, зверь, извесна, местъ, проездъ; двенатцати, известит, секут, стрелцы, утесненъ* и т. д. В основах слов представлено до сорока подобных случаев и всего лишь семь случаев сохранения буквы ѣ; во флексиях, напротив, иное соотношение: на десяток написаний *e* вместо ѣ вдвое больше фактов сохранения буквы ѣ: *на стенъ, по старинъ, по цанъ, на корауль, в Путивль* и т. д. Сохранение ѣ преимущественно во флексиях наблюдаем и в других памятниках южновеликорусского Запада» [Котков 1963: 47—48].

типами яканья, [и] здесь — результат краткого произношения этих словоформ в связи с их высокой частотностью; см. [Дурново 1924/2000: 183/193; Касаткин 2012: 393].

Как известно, основные источники истории русского языка — памятники письменности и современные диалекты. На основе изучения письменных памятников Л. Л. Васильев установил два этапа в истории /ѣ/ — утрату её различия и совпадение с /е/ сначала в безударных слогах и лишь позднее под ударением [Васильев 1906]. Современные говоры позволяют установить и другие два этапа в истории /ѣ/ — утрату её различия и совпадение с /е/ в ударном слоге сначала в середине слова и позднее в конечном открытом слоге в западных южнорусских говорах.

Произношение [а] перед слогом с ударным [е] из /ѣ/ в щигровском типе яканья (при [и] перед слогом с ударным [е] из /е/) свидетельствует о том, что этот тип возник в тех говорах, где он встречается, ещё тогда, когда /ѣ/ в этих говорах сохранялась и в середине, и в конце слов. Поэтому либо следует считать, что щигровский тип более древний, чем суджанский и мосальский, либо, скорее всего, утрата /ѣ/ и совпадение её с /е/ на разных русских территориях происходила в разное время: на территории распространения суджанского типа она произошла ранее всего, в говорах с мосальским типом несколько позднее, а на территории распространения щигровского типа ещё позднее.

Такое решение подтверждается и территориальным распространением этих типов. Самый западный тип — жиздринский, где не возникла ассимиляция предударного [а] после мягких согласных ударному [е]. Восточнее него расположена территория суджанского типа, ещё восточнее — щигровского, а к востоку от него находятся говоры с так называемым архаическим типом, в которых и до настоящего времени встречается различие /е/ и /ѣ/. Таким образом, утрата различия /е/ и /ѣ/ в южнорусских говорах возникла на крайнем западе, в говорах к востоку от них — позднее, а ещё восточнее — ещё позднее.

По данным письменных памятников, судьба /ѣ/ на русском юго-западе выглядит следующим образом. В. В. Колесов пишет, что «в смоленско-полоцких говорах сразу же после утраты ⟨ъ, ь⟩ в XIII в. происходит совпадение ⟨ê⟩ с ⟨е⟩ (...), т. е. фонема ⟨ê⟩ устраняется из системы вокализма» [Колесов 1980: 183]. По данным Е. А. Галинской, «в начале XVII в. произношение [е] на месте *ѣ в смоленских говорах уже имелось. Однако замена ⟨ѣ⟩ на ⟨е⟩ не была, по-видимому, стопроцентной». В первой половине XVII в. в курском диалекте и в XVII в. в брянском диалекте и новосильских говорах «фонема ⟨ѣ⟩ полностью совпала с ⟨е⟩». К востоку от этих территорий в XVII в. /ѣ/ ещё сохранялась [Галинская 2002: 173, 200—201, 228, 229, 255—256].

3.5. И ещё один вывод можно сделать из особенностей рассмотренных типов яканья. Произношение [а] в предударном слоге перед слогом с ударным [о] из /о/ и из /ω/ в этих типах может свидетельствовать о том, что в эпоху их формирования фонемы /о/ и /ω/ уже не различались в этих говорах, в противном случае перед /ω/ произносился бы [а], а перед /о/ — [и]; ср. [Дурново 1924/2000: 192/182].

Литература

- Аванесов 1952 — Р. И. Аванесов. Лингвистическая география и история русского языка // Вопросы языкознания, 1952, №6. С. 25—47.
- Вайтовіч 1968 — Н. Т. Вайтовіч. Ненаціскны вакалізм народных гаворак Беларусі. Мінск: Навука і тэхніка, 1968.
- Васильев 1904 — Л. Л. Васильев. Гласные в слогe под ударением в момент возникновения аканья в обоянском говоре // Изв. ОРЯС, т. IX, 1904, кн. 1. С. 336—355.
- Васильев 1905 — Л. Л. Васильев. К истории звука ъ в московском говоре в XIV—XVII веках // Изв. ОРЯС, т. X, 1905, кн. 2. С. 177—227.
- Высотский 1975 — С. С. Высокский. К проблеме изучения вокализма южнорусских говоров // Русские говоры: К изучению фонетики, грамматики, лексики / Отв. ред. Е. В. Немченко. М., 1975. С. 3—19.
- Галинская 2002 — Е. А. Галинская. Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. М.: Изд-во МГУ, 2002.
- Гецова 1959 — О. Г. Гецова. О произношении ударного *o* разного происхождения в говоре с. Катагощи Захаровского района Рязанской области // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Т. 1 / Отв. ред. Р. И. Аванесов, В. Г. Орлова. М., 1959. С. 105—118.
- ДАБМ — Дыялекталагічны атлас беларускай мовы / Пад рэд. Р. І. Аванесава, К. К. Крапівы, Ю. Ф. Мацкевіч. Мінск, 1963.
- ДАРЯ 1986 — Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР. Вып. I / Под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. М.: Наука, 1986.
- Дурново 1917—1918 — Н. Н. Дурново. Диалектологические разыскания в области великорусских говоров. Ч. I. Южновеликорусское наречие. Вып. 1. М., 1917; Вып. 2. Типография Шамординской женской пустыни Калужской губ., 1918.
- Дурново 1924/2000 — Н. Н. Дурново. Очерк истории русского языка. М.; Л., 1924 / Очерк истории русского языка // Избранные работы по истории русского языка. М., 2000.
- Зализняк 1985 — А. А. Зализняк. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- Захарова 1971 — К. Ф. Захарова. Типы диссимилятивного яканья в русских говорах: (Лексико-морфонологическая характеристика) // Вопросы языкознания, 1971, №2. С. 3—18.
- Захарова 1975 — К. Ф. Захарова. Ассимилятивно-диссимилятивное яканье по данным «Атласа русских говоров к югу от Москвы» // Русские говоры: К изучению фонетики, грамматики, лексики / Отв. ред. Е. В. Немченко. М.: Наука, 1975. С. 19—40.
- Иванов 1990 — В. В. Иванов. Историческая грамматика русского языка. 3-е изд. М., 1990.
- Карский 1917 — Е. Ф. Карский. Этнографическая карта белорусского племени. Петроград, 1917.
- Касаткин 1999 — Л. Л. Касаткин. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.
- Касаткин 2008a — Л. Л. Касаткин. Современный русский язык: Фонетика. 2-е изд. М., 2008.
- Касаткин 2008b — Л. Л. Касаткин. Фонемы /ɔ/, /ω/, /a/ в слободских говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии. III (IX) / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 2008. С. 50—67.

Касаткин 2010 — Л. Л. К а с а т к и н. Из истории аканья — яканья в русском языке // Русский язык в научном освещении. № 2 (20). М., 2010. С. 77—102.

Касаткин 2012 — Л. Л. К а с а т к и н. Трансформация яканья в говоре с. Куничи Флорештского района Молдавии // Współczesne badania nad kulturą, literaturą i językiem gosijskim / Pod red. Doroty Paško-Konecniak. Toruń, 2012. С. 387—401.

Колесов 1980 — В. В. К о л е с о в. Историческая фонетика русского языка. М., 1980.

Котков 1963 — С. И. К о т к о в. Южновеликорусское наречие в XVII столетии: (фонетика и морфология). М., 1963.

Кузнецов 1960 — П. С. К у з н е ц о в. Русская диалектология. 3-е изд. М., 1960.

Нарысы 1964 — Нарысы па беларускай дыялекталогіі / Пад рэд. Р. І. Аванесавы. Мінск, 1964.

Опыт 1915 — Н. Н. Д у р н о в о, Н. Н. С о к о л о в, Д. Н. У ш а к о в. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением Очерка русской диалектологии. М., 1915.

Пауфошима 1983 — Р. Ф. П а у ф о ш и м а. Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М., 1983.

Фанетыка беларускай літаратурнай мовы 1989 — Фанетыка беларускай літаратурнай мовы / В. Р. Бурлыка, Л. Ц. Выгонная, Г. В. Лосік, А. І. Падлужны; Рэд. А. І. Падлужны. Мінск, 1989.

Хабургаев 1980 — Г. А. Х а б у р г а е в. Становление русского языка: (пособие по исторической грамматике). М., 1980.

LEONID L. KASATKIN

(Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences)

**AKANYE AND JAKANYE IN ONE OLD BELIEVERS DIALECT
AND THE HISTORICAL ISSUES OF THESE VOCALISM SYSTEMS**

The pronunciation of [ə] before an [a] syllable and [a] before other syllables indicates dissimilative akanye of the Zhizdrinsky (Belarussian) type in the dialect under study. This phenomenon is typical for all pretonic syllables and shows that word rhythm as an alternation of long and short syllables. There are exceptions to the distribution of pretonic [a] and [ə], depending on the speech tempo, the intensity of speech segments, their volume, etc. The “purity” of the dissimilative akanye is always relative.

The dialect features the Mosalskoe jakanye type characterized by the pronunciation of [i] before [e] from /ɤ/ in the middle of the word and [a] in word-final position. These traits point to the two periods in the history of /ɤ/ in southwestern Russian dialects: its coalescence with /e/ started in the middle of the word and spread later to the end of the word. The pronunciation of pretonic vowels in different types of jakanye indicates that the coalescence of /ɤ/ and /e/ started in the outermost southwest Russian dialects and spread progressively to eastern dialects.

Keywords: Old Believers, Russian dialects, akanye, jakanye, history of /ɤ/

Д. М. САВИНОВ

**О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИЗУЧЕНИЯ
РУССКИХ ГОВОРОВ СЕВЕРО-ЗАПАДА
(ИНСТРУМЕНТАЛЬНО-ФОНЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
СИСТЕМЫ ГЛАСНЫХ В ОДНОМ ИДИОЛЕКТЕ)**

1. Русские говоры Северо-Запада по праву можно назвать уникальным лингвистическим ландшафтом. Факты истории (распространение в прошлом на этой территории кривичей и словен), культуры (появление в конце XVII в. конфессиональной дифференциации на православных и староверов), языковой интерференции с неславянским населением обусловили диалектную пестроту, свойственную говорам Северо-Запада, а также определили исключительную насыщенность данной территории изоглоссами различных по своей основной локализации языковых явлений [Строганова 1970: 392].

В рамках северо-западного ареала выделяется особая переходная зона говоров, расположенных вокруг Чудского озера. Эта естественная граница способствовала формированию двух диалектных объединений — Западного и Восточного Причудья, говоры которых противопоставлены друг другу по ряду важных фонетических, грамматических и лексических особенностей: типу предударного вокализма, различению/неразличению аффрикат, наличию/отсутствию конечного /t/ в системе личных форм глагола, специфике сельскохозяйственной терминологии [ДАРЯ 1986: карты 1, 3, 47; ДАРЯ 1989: карты 80, 81; ДАРЯ 1997: карты 16, 39, 50; Ровнова 2007: 182—191; Рихтер 1976: 58—65]. Всесторонний анализ этих диалектных комплексов имеет принципиальное значение для решения вопросов их генезиса, а также для выявления характера протекания языковых контактов на исследуемой территории.

В частности, диалектные данные, собранные в Причудье, дают богатый материал для изучения путей развития поздних процессов аканья в русских диалектных системах. Как известно, говоры, распространенные вокруг Чудского озера, характеризуются совмещением переходных типов окающего вокализма с сильным (недиссимилятивным) аканьем и яканьем.

Дмитрий Михайлович Савинов, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва).

Русский язык в научном освещении. № 1 (25). 2013. С. 86—110.

Так, диалектным системам Восточного Причудья свойственны полновская и гдовская модели предударного вокализма, сохраняющие частичное различие /o/, /a/, /e/ в 1-м предударном слоге (см. таблицу 1), в говорах Западного Причудья распространены сильное аканье и сильное яканье, то есть отмечается полное совпадение гласных фонем неверхнего подъема в безударной позиции. При этом вопрос о механизмах, лежащих в основе модификации: полное оканье → неполное оканье → сильное аканье, и основных этапах структурных преобразований остается открытым.

Таблица 1

Типы предударного вокализма с элементами различия /o/, /e/, /a/ в 1-м предударном слоге (неполное оканье)

Типы предударного вокализма	Владимирско-Поволжский			Полновский			Гдовский		
Гласные 1-го предударного слога	а	о	е / ъ	а	о	е	а	о	е
Ударные гласные	Реализации этимологических гласных в 1-м предударном слоге								
Верхнего подъема (<i>и, ы, у</i>)	а	о	о / е	а			а		
Среднего подъема (<i>е, о</i>)	а	о	о / е	а	о	е (и)	а	о	е (и)
Нижнего подъема (<i>а</i>)	а	о	о / е	а	о	е (и)	а		

2. В памятниках псковской письменности примеры, отражающие аканье, фиксируются с XIV—XV веков [Каринский 1909: 150—152]. Незначительное количество подобных примеров затрудняет их интерпретацию и сопоставление с данными современных псковских говоров, хотя Л. И. Царева обратила внимание на то, что «в памятниках XV—XVI вв. наибольшее число примеров аканья и яканья отмечено в случаях, когда под ударением *а*, а также гласные верхнего подъема *и, ы, у*», что характерно именно для гдовского типа вокализма [Царева 1962: 75].

По данным Е. А. Галинской, исследовавшей псковские памятники письменности первой половины XVII века, «в диалекте Пскова и его окрестностей имел место гдовский тип вокализма (<...>). Более того, есть основания заключить, что в рассматриваемый период этот тип вокализма характеризовал говоры, локализовавшиеся значительно южнее Пскова» [Галинская 1997: 88; 2002: 92]. Однако В. Н. Чекмонас считает выводы Е. А. Галинской недостаточно обоснованными, «несмотря на всю свою привлекательность». Проанализировав материалы разговорника Томаса Фенне, на которые ссылается Е. А. Галинская, В. Н. Чекмонас пришел к выводу, что интерпретация случаев аканья «должна быть более осторожной, и они вряд ли позволяют делать какие-либо категорические утверждения о типе ака-

нья ⟨...⟩. В то же время нельзя и недооценивать факта *преобладания* в записях Т. Фенне примеров аканья, согласующихся с принципами гдовского вокализма» [Чекмонас 1999: 140].

В. А. Ковпик обнаружил в отказной книге Пскова начала XVII века всего около тридцати примеров, которые отражают нарушения последовательного различия /o/ и /a/ в 1-м предударном слоге. Автор обращает внимание на то, что написания, отражающие аканье, «встречаются лишь при ударных гласных верхнего или нижнего подъема». На этом основании В. А. Ковпик предположил, что «псковским говорам начала XVII века была известна система гдовского вокализма после парных твердых согласных в первом предударном слоге» [Ковпик 2005: 92—93].

Распространение на Псковщине элементов неразличия /o/ и /a/ в 1-м предударном слоге, а также других явлений южнорусской локализации произошло вследствие усиления влияния на местные говоры со стороны диалектов более южных территорий. «После отделения Псковской земли от Новгородской в 1348 г. определяющими для ее дальнейшего языкового развития становятся существовавшие и ранее контакты с более южными говорами» [Строганова 1970: 451]. Гдовский вокализм, «сформировавшись некогда на границе оканья и аканья (-яканья)», со временем распространился «в более северных говорах как сложившийся вид предударного вокализма ⟨...⟩. Относительной древностью этой системы хорошо объясняется многочисленность ее вариантов, а также наличие ее реликтов далеко к югу от ее современной границы» [Чекмонас 1998: 119], о рефлексах гдовского аканья в юго-западных говорах Псковской обл. см. [Царева 1962: 66].

Становление сильного аканья и сильного яканья в псковских говорах происходило в результате распространения «второй волны аканья-яканья» [Чекмонас 1999: 133]. Так же, как и системы гдовского типа, эти модели вокализма утвердились намного раньше на юге Псковщины, чем в ее центральных и северных частях. Например, в говорах великолукского ареала уже к XVII веку сформировались сильное аканье и сильное яканье [Галинская 2002: 118—122], тогда как вероятность того, что «сильное аканье-яканье в средней части Псковской области существовало уже к середине XVIII в., является невысокой» [Морозова, Чекмонас 2007: 65].

3. Говоры Восточного Причудья составляют особую Гдовскую группу западных среднерусских окающих говоров; основной комплекс языковых черт, присущих этому диалектному объединению, в основном сформировался к началу XVIII века [Строганова 1970: 451]. Старожильческие говоры Западного Причудья относятся к Псковской группе западных среднерусских окающих говоров, однако их носители — староверы — появились здесь не ранее конца XVII — начала XVIII веков. Географический ареал исхода местного населения до сих пор документально не установлен [Рихтер 1976: 13—27]; в работах историков, этнографов, лингвистов обычно присутствуют лишь общие указания на то, что западный берег Чудского

озера был колонизирован по преимуществу выходцами из Псковских земель. Неопределенность в локализации языковой прародины староверов затрудняет диахроническую интерпретацию сильного аканья и сильного яканья в местной диалектной системе, прежде всего это касается определения времени (соответственно, и места) их формирования.

Необходимо обратить внимание на несколько важных фактов, делающих сомнительным предположение, что указанные вокалические модели распространялись в старообрядческих говорах сравнительно поздно, то есть уже на современной территории проживания их носителей. Во-первых, Западное Причудье — дальняя периферия не только Псковской группы, но и среднерусских говоров в целом. На периферии ареала инновация (в данном случае тенденция к неразличению в безударном положении фонем неверхнего подъема) обычно проявляется менее последовательно: ее реализация может быть связана с некоторыми дополнительными условиями и ограничениями, о чем свидетельствуют современные гдовские говоры, так и не развившие сильного аканья-яканья.

Во-вторых, в говоре староверов отсутствуют следы так называемого «неполного аканья», то есть сохранения /o/ в безударном конечном открытом слоге. Это явление, широко распространенное между Островом — Новоржевом — Великими Луками, «свидетельствует об относительно позднем распространении аканья в средней части Псковской области» [Морозова, Чекмонас 2007: 65; ДАРЯ 1986: карта 18; Царева 1962: 73].

Наконец, на территорию Эстонии бежали не только псковичи, но и новгородцы (например, первые федосеевцы), а также жители более северных губерний, которые были носителями окающих диалектов. Однако аканье, по всей видимости, изначально было одной из важнейших черт местного старообрядческого произношения, которую перенимали поздние переселенцы; за всю историю изучения старожильческих говоров Прибалтики не было обнаружено ни одного окающего старообрядца ни в Литве, ни в Латвии, ни в Эстонии [Морозова, Чекмонас 2007: 63].

Некоторые лингвистические и этнографические данные указывают на то, что основная часть старообрядческого населения Западного Причудья пришла сюда с южных окраин Псковщины. Так, некоторые особенности местной сельскохозяйственной терминологии, а также отдельные элементы материальной культуры связывают изучаемый ареал с юго-восточными и частично юго-западными районами Псковской области: названия цепа, некоторых частей сохи, малых укладок снопов зерновых культур, основы под стог, специфический покроей повойника¹ [Рихтер 1976: 58—65, 61, 177].

Где-то здесь, на южной окраине псковских земель, находился первичный центр старообрядческого населения, именно отсюда в конце XVII—XVIII веках происходила миграция староверов в Западное Причудье. Пе-

---

¹ В Западном Причудье повойник перестали носить уже к началу XX века [Рихтер 1976: 145].

реселенцы принесли с собой не только свои традиции, культуру, веру, но и уникальный комплекс языковых черт, присущих южным псковским говорам, в том числе сильное аканье и яканье, которые противопоставляли их диалект речи жителей восточного берега Чудского озера.

4. Поскольку в псковских по происхождению памятниках письменности рефлекс аканья отражаются довольно поздно и не всегда последовательно, большое значение для истории аканья приобретают данные современных говоров Псковщины с их разнообразием типов предударного вокализма. Изучение ареальной и типологической специфики этих вокалических моделей позволяет расширить и уточнить наши представления о путях развития аканья в говорах Северо-Запада, а также дает возможность определить основные этапы и механизмы их эволюции. В процессе развития диалектных фонетических систем полное оканье на исследуемой территории исчезает, заменяясь вокализмом смешанного типа с частичным различием /o/, /a/ и /e/ в 1-м предударном слоге; позднее здесь утверждается сильное аканье — типичная и устойчивая черта большинства псковских говоров.

В этом аспекте наибольший интерес представляет говор острова Пийриссаар (Эстония), расположенного в Чудском озере и имевшего в прошлом тесные связи как с Западным, так и с Восточным Причудьем. Формирование этого говора происходило в результате междиалектной интерференции, вызванной взаимодействием западной (русские говоры Эстонии) и восточной (гдовской) систем. Первым русским поселением на острове стала деревня Желáчек, жители которой пришли сюда с реки Желчи, впадающей в Чудское озеро с востока (территория современного Гдовского р-на Псковской обл.). Появление второй деревни, получившей название Межá, связано с переселением в Западное Причудье старообрядцев, этот колонизационный поток датируется XVII—XVIII веками [Мурникова 1962: 346—347].

В результате на Пийриссааре сложилась уникальная диалектная система, включавшая элементы двух разных языковых ареалов: Западного и Восточного Причудья (иначе севера и юга Псковщины). Неполное оканье гдовского (или полновского) типа, проникшее в материковые говоры Восточного Причудья не позднее XVIII века, функционировало в местном говоре наряду с сильным аканьем на протяжении значительного времени и окончательно «растворилось» в последнем только в середине XX века [Мурникова 1962: 349].

Длительное сосуществование аканья и оканья на небольшой территории острова было обусловлено особенностями этноконфессиональной структуры местного населения: сильное аканье было характерно для говора староверов, а неполное оканье — для говора православных. Сохранение системы частичного различия /o/ и /a/ в 1-м предударном слоге, вероятно, поддерживалось не только относительной непроницаемостью этих эт-

ноконфессиональных групп, но и тесными связями острова с прибрежными гдовскими деревнями, о чем постоянно упоминают информанты с Пийриссаара.

Процесс перехода от частичного различения фонем /o/ и /a/ в 1-м предупредительном слоге к их нейтрализации во всех безударных позициях должен подчиняться некоторым закономерностям, общим принципам динамики вокалических систем. Для их выявления необходимо проследить, как акающая система вокализма влияет на говор с неполным оканьем, какие структурные элементы заимствуются активнее и легче, а какие обладают большей устойчивостью, на каких основаниях происходит стабилизация системы вокализма при нарушении традиционной фонетической модели слова.

5. Обследования говора старожильского населения Пийриссаара, выполненные в 2004 и 2008 годах сотрудниками Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН и Тартуского университета, не выявили на острове ни гдовского, ни полновского типов вокализма. Однако в 2009 году экспедиция Тартуского университета обнаружила следы неполного оканья у одного из информантов — Анны Павловны Фокиной, которая родилась в дер. Каменная Стража Гдовского района в 1922 году и более 50 лет живет на Пийриссааре в дер. Желачек. В 2010 г. мы вместе с И. П. Кюльмоя, О. Н. Паликовой и О. Г. Ровновой побывали на острове и сделали дополнительные записи речи А. П. Фокиной, что дало нам возможность проследить динамику предупредительного вокализма, имеющего гдовскую основу, под влиянием инодиалектного акающего окружения.

В речи А. П. Фокиной отмечены следующие примеры: **после твердых согласных:**

пол[а]в[и]ть, зв[а]н[и]ть, позв[а]н[и]л, н[а]н[и]лся, ст[а]н[и]т), не х[а]д[и], пр[а]б[и]л, угов[а]р[и]л, [а]д[и]н, [а]н[и], н[а]ш[и]л[и], нен[а]в[и]жу, р[а]д[и]вши, т[а]к[и]е, дор[а]г[и]е, во дв[а]р[и], б[а]л[и]ш[и]м, [а]т[ж]и[л]а, н[а]ж[и]ла, со вт[а]р[и]м, н[а]б[ы]л, з[а]б[ы]ла, в[а]й[н]ы, ут[а]н[у]л, вт[а]р[у]ю, з[а]д[у], в м[а]скву, н[а] у[л]ице, н[а]й[д]у, раскр[а]д[у]т), н[а]д[у]май, н[а]д[р]уги, в[а]з[ь]му, пок[а]жу, не х[а]чу, б[а]юся, с[а]юзу;

х[о]р[о]шая, на б[о]л[и]ш[о]й, вт[о]р[о]м, вт[о]р[о]й, в[о]с[ь]м[о]й, мол[о]д[о]й, вых[о]д[н]ой, в[о]с[ь]м[о]м, пл[о]х[о]го, д[о]бр[о], д[о]м[о]й, [о]б[о]рты, к[о]т[о]р[ы]й, н[о]к[о]йница, н[о]з[о]лила, н[о] в[о]семьдесят, пом[о]л[о]же, гол[о]д[о]вка, д[о]в[о]льно, св[о]б[о]нно (свободно), с[о] Пск[о]ва, с[о] шк[о]лы, р[о]с[т]р[о]енный, с т[у]б[о]й (с тобой); в[э]с[ь]м[о]й, д[э]р[о]ге, д[э]в[о]льно, н[э]др[о]стки, гор[э]дск[о]й, в[э]с[ь]м[о]го, м[а]л[о]д[е]нька, зд[а]р[о]вый, вт[а]р[о]й, н[а]стр[о]ивши, н[а]стр[о]или, хор[а]ш[о], ост[а]р[о]жно, д[а]р[о]га, д[а]м[о]й, д[а]м[о]в, б[а]л[и]ш[о]й, сп[а]к[о]йно, н[а]л[о]жу(т), х[а]р[о]ший, зд[а]р[о]вый, н[а] Гд[о]в, д[а]в[н]о, незн[а]к[о]мый, т[а]к[о]й, на н[а]р[о]ме, в к[а]нт[о]ры, в[а]г[о]н, з[а]в[о]т, к[а]рд[о]н, н[а]р[о]т; в[о]й[д]е[ш]ь, в[о]з[ь]м[е]т), м[о]ё, н[о]ё[т]ся; раз[э]ш[е]лся, раз[э]б[е]те, н[э]ш[е]л, поп[а]д[е]т), н[а]м[е]риш, мол[а]д[е]жь;

п[о]эхали, х[о]тэла, х[о]тэл, [о]тэц, чел[о]вэк, чел[о]вэка, р[о]змер, к[о]нэчно, к[о] мнэ, п[о] дэсят, в[о] время, [о]т жэничины, п[о]нэй, пр[о]грэсса, пос[у]ветовала, [у]слэпла, к[э]нэшно, п[э]эдем, п[э]эду, с[э]-gréла, с[э]вэтских, в[э]эный, в р[э]ссэю, стар[а]вэры, чел[а]вэк, в [а]прэле, в[а]эных, х[а]тэла, посм[а]трэла, сг[а]рэли, ст[а]э (стоит), п[а]эду, п[а]лэгше, поч[а]стэньку, к[а] мнэ, сын[а]вэй;

дор[о]гáя, вт[о]рáя, мол[о]дáя, уг[о]вáривала, м[о]я, [о]нна (одна), т[о]гá, к[о]гá, [о]на, пр[о]дáть, к[о]пáть, п[о]шла, раз[о]шлáсь, п[о]-знáлся, п[о]стáвить, [о]стáлися, без[о]брáзие, д[о]мáм, к[о]тá, [о]пáть, х[о]зяевья, самот[о]ятельный, г[о]р[э] (горести), [у]тп[р]áвила; р[л]сскáзывал, [л]стáвить, [л]стáвши, в[л]йá-то, в[л]дá, д[л]чкá, мол[л]дáя, [л]нá, пр[л]дáй, дор[э]гáя, зар[э]бáтывали, м[э]я, т[э]скáть, з[э]шла, на кр[э]вáть, прав[э]слáвная, д[э]мáм, в[э]дá, ск[э]зáла, п[э]кáзывае(т), б[э]гá-тые, б[э]лшиáя, п[э]дáрки, с[э]бáка, ст[э]яли, н[а]жрáлся, н[а]шла, обр[а]щáлись, ост[а]лáся, т[а]кáя, з[а]пáсы, кр[а]сáвица, с[а]рáй, г[а]рáж, [а]нá, в[а]йá, т[а]вáрищу, м[а]я, в[а]дýнкой, обр[а]щáлась, б[а]лнá.

После мягких согласных:

зав[’а]ли, перев[’а]ли, в[’а]дите, прив[’а]зли, перем[’а]нили, кр[’а]стила, бер[’а]гли, с[’а]рдился, л[’а]сник, р[’а]бина, м[’а]шки, пер[’а]жила, пер[’а]-жить, пер[’а]писывались, л[’а]жит, приб[’а]жит, на в[’а]снó, д[’а]журный, п[’а]чурки, л[’а]жó, н[’а] будешь, с[’е]ржуся, н[’и] буду;

в[’е]сно́й, кузн[’е]цóв, разв[’е]лóся, [йе]гó, мо[йе]гó, в н[’е]гó (у него), с [йо]вóнной, л[’е]дóчек, п[’е]ш(к)óм, н[’е] в тóм, н[’и] мóг, п[’и]тровó день, пр[’и]стóльный; нап[’а]кё(т), прин[’а]сё(т); д[’е]вчонка, ч[’е]твёртый, р[’е]бёнок, с р[’е]бёнком, с с[’е]мьёй; погл[’а]дэла, с[’е]бэ, н[’е]дэлы, м[’е]двэдев, гл[’е]дэла, б[’е]лёт (билет), н[’е] эдь (не ездí), т[’е]пэря, д[’е]-рэктор, д[’е]тэй, д[’е]рэвню, к т[’е^н]бэ, т[’е^н]пэря, пер[’е^н]мэшка, в[’е^н]-зде, в д[’и]рэвне, пер[’и]эхали, н[’и] вэчер;

бер[’æ]глá, вос[’æ]мнáтцати, пер[’ε]п[р]áва-то, с[’ε]мнáдцать, н[’ε] знáла, м[’ε]шáть, у[йе]зжáть, уб[’е]гáли, поб[’е]жáл, см[’ε]яться, при-н[’ε]слá, дев[’ε]тнáдцатого, вос[’ε]мнáдцать, м[’ε]нjá, л[’ε]снáя, с[’ε]стрá, вс[’ε]гá, с[’ε]ржáнтом, п[’ε]кáрни, предс[’ε]дáтель, н[’ε] плáкать, н[’ε] стáла, н[’ε] лáд’у (не лажу), пл[’ε]мjáнник, пл[’ε]мjáнникова, н[’ε]лзjá, дер[’ε]внjá, прин[’э]слá, н[’и]дáвно, м[’и]нjá, т[’и]бjá, н[’и] знáю, л[’и]кáрство.

В. Н. Чекмонас, обследовавший говор Каменной Стражи в 1993 году, писал: «В д. Каменная Стража проживает несколько человек, среди них нет автохтонов. Полновский характер ее вокализма определен нами на основании косвенных данных и в дальнейшем может быть оспорен» [Чекмонас 1998: 130]. Идиолект А. П. Фокиной, родившейся и более двадцати лет прожившей в этой деревне, подтверждает предположение В. Н. Чекмонаса: в речи информанта отчетливо прослеживается позиционная зависимость различения/неразличения гласных 1-го предударного слога от подъема ударного гласного, характерная для полновского типа вокализма. Гласный [а] независимо от этимологии произносится перед гласными *и, ы, у;* перед

всеми остальными ударными гласными противопоставление [o] и [a] сохраняется, хотя уже и не совсем последовательно.

Несколько иная закономерность отмечается после мягких согласных: перед верхними гласными последовательно проведена система сильного яканья, а для всех остальных позиций характерно сильное еканье с единичными случаями произношения [ʔo] в соответствии с этимологическим *e* (с [йо]вóнной, прин[ʔэ]слá), [a] в соответствии с этимологическим *'a* (пол[ʔa]дéла, но также гл[ʔe]дéла, дев[ʔe]тнáдцатого) и [и] перед ударными гласными среднего и нижнего подъёмов: в д[ʔи]рéвне, пер[ʔи]éхали, н[ʔи]дáвно, м[ʔи]ня́.

Т. Ю. Строганова отмечала, что полновский тип вокализма после твердых согласных обычно сочетается с параллельной моделью после мягких: перед *и, ы, у* — [a]; в остальных позициях на месте *e и *ʔ произносится [e], на месте *'a* — [a]: н'ел'з'á, н'ьт'д'ес'áт, т'ер'áфшы, сн'ек'ó, л'еп'óшк'ьй, д'ер'эвн'á, но н'игл'ад'éла, п'в'аз'эл'и (по вязкому месту), св'аз'óм (свяжем) [Строганова 1962: 107]. Строго говоря, полного параллелизма развития аканья и яканья в говорах с полновским типом оканья нет, поскольку позиции различения и совпадения предударных гласных после твердых и мягких согласных не идентичны. После мягких согласных процессы унификации развиваются быстрее и в звукотипе [e] независимо от позиции совпадают *e и *ʔ.

Как известно, для подавляющего большинства русских говоров характерно ослабление функциональной нагрузки гласных, упрощение системы вокализма. В результате действия этой тенденции уменьшается количество звукотипов: в 1-м предударном слоге после мягких согласных происходит нейтрализация фонем /a/, /o/, /e/ (/ʔ/). С одной стороны, наличие в 1-м предударном слоге гласного [e] на месте *e и *ʔ обуславливает появление в 1-м предударном слоге [e] и на месте *'a* (дев[ʔe]тнáдцатого, гл[ʔe]дéла), что связано со значительным преобладанием в этой позиции гласного [e] (в соответствии с *e и *ʔ).

С другой стороны, противопоставление [e] ~ [и] малоконстрастно и менее устойчиво, чем [a] ~ [и]. Неслучайно в идиолекте информанта развивается и другая тенденция — к понижению подъема гласных, реализующих фонемы /o/, /e/ (/ʔ/) в 1-м предударном слоге после мягких согласных. В этой позиции становятся возможными гласные средне-нижнего подъема, которые наиболее часто отмечаются перед ударным [a]: бер[ʔæ]гlá, вос[ʔæ]мнáтцати, пер[ʔε]п'рáва-то, с[ʔε]мнáдцать, н[ʔε]знáла, эти звуки не достигают тембра [a] и имеют более высокочастотную область F₁, чем [e]: от 640 до 750 Гц. Появление в 1-м предударном слоге перед ударными гласными неверхнего подъема звука [ʔa] поддерживается действием морфологических факторов: нап[ʔa]кё, прин[ʔa]сё — по аналогии с закономерными нап[ʔa]кú, прин[ʔa]сú.

Гласные пониженного подъема отмечаются в 1-м предударном слоге также на месте /o/ после твердых согласных, этот слаболабиализованный

гласный имеет F_1 в области 640—680 Гц и F_2 — 1,1—1,3 кГц, то есть образуется в зоне средне-нижнего подъема заднего ряда. В случае утраты лабиализации гласный переходит в более передний ряд и несколько понижает подъем, что наблюдается главным образом перед /a/, среднее значение F_1 гласного [a] составляет 680—750 Гц, F_2 — 1,3—1,5 кГц.

Для среднерусских акающих говоров характерно регулярное понижение у гласного [a] в 1-м предударном слоге верхней границы F_1 , то есть повышение подъема, по сравнению с ударным звукотипом [Альмухамедова, Кульшарипова 1980: 15]. Эта особенность наблюдается и в идиолекте А. П. Фокиной: если ударный [a] имеет F_1 в области 780—1000 Гц, то предударный [a] — в области 650—950 Гц, и образуется в зоне повышено нижнего или средне-нижнего подъема. Особенно часто гласный [a] встречается на месте /o/ и /a/ перед ударным [a], а также на месте /o/ перед ударным [o]. Наличие в 1-м предударном слоге на месте /o/ звукотипов [ɔ] и [ʌ], артикуляционно близких аллофонам фонемы /a/, способствует развитию нейтрализации этих фонем; в речи информанта отмечается множество примеров, свидетельствующих о постепенном переходе к полному неразличению /o/ и /a/ в безударной позиции.

Как известно, сохранению противопоставления фонем /o/ и /a/ в 1-м предударном слоге способствует усиление лабиализации гласного [o], его переход в зону верхнего подъема. Эта черта, которую в диалектологической литературе иногда называют «уканьем», характерна для северной периферии гдовских говоров [Царева 1962: 60; Чекмонас 1998: 62, 68]. В речи А. П. Фокиной подобные примеры единичны: *с т[у]бо́й; пос[у]вѣтовала*, [у]слѣ́ла; [у]тп́равила. Чаше гласный [у] на месте /o/ произносится во 2-м предударном слоге в абсолютном начале слова, реже — после губных согласных; подобное произношение стабильно отмечается в ограниченной группе слов и может быть признано лексикализированным: [у]сто́рожно, [у]ткрыва́я, [у]ткр[у]ва́йте, [у]тбира́ю (отбирают), [у]браца́лись, [у]браца́лась, [у]бошла́, [у]строво́в, [у]строва́, [у]бнима́ла, [у]стала́ся, п[у]совета́вала, п[у]ча́стеньку.

6. Т. Ю. Строганова, исследовавшая полновское оканье, сделала предположение, что этот тип вокализма образовался благодаря развитию в говорах качественной диссимилиации. В говоре д. Лядинки² Изборского р-на Псковской обл. она отметила систему полновского оканья, при которой различение /o/ и /a/ в позиции перед ударным /a/ реализуется противопоставлением [o] и [ɔ] соответственно: *мои́а, отца́, тоуда́, пошла́, мьлода́йя, н'ь могла́, вода́, но ъддѣла́, ость'вл'аши, пѣхат', кѣкрас, н'и дѣвала*,

² В статье 1962 года допущена явная ошибка в названии пункта, обследованного Т. Ю. Строгановой, и в его локализации. В более поздней работе Т. Ю. Строгановой [1970: 423] этот населенный пункт упомянут уже как д. Чухнова Лядинка Гдовского р-на, подробнее см. [Чекмонас 1998: 71].

прѣпѣшиійа, нѣ^аграда и т. д. Т. Ю. Строганова делает вывод: произношение [а] перед ударным *a* невозможно, то есть в этой системе обнаруживаются закономерности, характерные для диссимилятивного вокализма жиздринского типа.

В положении перед ударными гласными среднего подъема фонемы /o/ и /a/ представлены своими основными аллофонами [o] и [a]. По мнению исследователя, это свидетельствует о том, что ударный [o] в момент образования полновского типа был «пониженно среднего подъема», соответственно предупредительный [o] в этой позиции мог сохраниться только в том случае, если был более высокого подъема, чем «обычное o». Однако новая диссимилятивная тенденция сделала невозможным сохранение [o] «более высокого подъема» перед ударными гласными верхнего подъема и обусловила его замену более низким звуком [a]. Т. Ю. Строганова делает вывод, что тип, отмеченный в д. Лядинки, можно назвать наиболее архаической формой полновской модели [Строганова 1962: 108—110].

В. Н. Чекмонас, описавший различные говоры полновского ареала, отметил: «Что касается рассмотренных нами “полновских” говоров, опубликованных данных и известных нам непосредственно говоров с гдовским вокализмом, никаких явлений, которые могут быть обусловлены диссимиляцией ⟨...⟩, в них не обнаружено». При этом ни определить местонахождение говора, описанного Т. Ю. Строгановой, «ни подтвердить факта существования “чухново-лядинского вокализма” в других говорах в настоящее время мы не можем» [Чекмонас 1998: 121].

Результаты инструментального анализа системы вокализма, представленной в идиолекте А. П. Фокиной, так же, как и данные В. Н. Чекмонаса, противоречат основным выводам Т. Ю. Строгановой. В частности, вызывает сомнение ее утверждение, что ударный [o] в момент образования полновского типа был средне-нижнего подъема. Так, фонема /o/ в речи информанта реализуется целым рядом различных звуков: от гласных верхне-среднего подъема с сильной лабиализацией до слаболабиализованных гласных средне-нижнего подъема (значение F_1 у аллофонов /o/ варьирует от 390 до 700 Гц). Появление того или иного звукотипа не зависит от позиционных условий (этимологии гласного, консонантного окружения или просодических характеристик), то есть [o], [o], [ɔ]. являются факультативными вариантами фонемы /o/ и находятся в отношениях свободного варьирования.

Следует заметить, что закрытый гласный верхне-среднего подъема встречается значительно чаще, чем соответствующий открытый гласный средне-нижнего подъема; в соответствии с *o: *мол[ɔ]денька, помол[ɔ]же, поб[ɔ]льше, ф[ɔ]кин, в восьм[ɔ]м, выс[ɔ]кая, б[ɔ]льше, друг[ɔ]го, дом[ɔ]в, на Г[ɔ]в, зав[ɔ]т, хорош[ɔ]*; в соответствии с *o: *больш[ɔ]й* (м. р.), *гр[ɔ]б, г[ɔ]да, пятис[ɔ]тки, городск[ɔ]й* (м. р.), *круж[ɔ]м, друг[ɔ]й, д[ɔ]м, как[ɔ]й г[ɔ]сть*; в новых словах: *в кард[ɔ]не, ваг[ɔ]н, телеф[ɔ]нка* ‘телефонный завод’. Таким образом, фонему /o/ репрезентуют следующие звукотипы (в порядке частотности): среднего, верхне-среднего и средне-нижнего подъемов, и нет

никаких оснований предполагать, что ранее в этой позиции произносился исключительно гласный средне-нижнего подъема [ɔ], как предполагала Т. Ю. Строганова.

Гласный [ə] в речи А. П. Фокиной возможен перед всеми гласными верхнего подъема и обычно отмечается на месте /o/, в единичных случаях — на месте /a/ (только перед ударным [a]). Это свидетельствует, с одной стороны, о сохранении противопоставления [o] и [a], а с другой — о постепенном смещении звукотипа, реализующего в 1-м предударном слоге фонему /o/, в зону среднего ряда.

7. Одна особенность, отмеченная у А. П. Фокиной, действительно сближает идиолект информанта с говорами, которым свойственна диссимилятивная организация системы вокализма. Речь идет об особой ритмической модели слова, которая предполагает варьирование долготных характеристик гласных 1-го предударного слога: чем ниже подъем ударного гласного, тем более короткие и менее интенсивные гласные произносятся перед ними. Приведем некоторые примеры соотношения гласных акцентного ядра слова (цифра после гласного обозначает его длительность в мсек):

па₁₃₂шл'й₈₉, н'ина₁₃₄в'й₁₃₃жу, ра₁₂₇д'й₁₃₁фшы, угов_{а127}р'й₈₆л, а₈₃н'й₇₁, та₇₁к'й₅₉х, вэ два₁₃₁р'й₉₂, зва₇₆н'й₁₀₅т', зва₉₄н'й₈₉т, пр'ив'а₁₅₁л'й₁₂₂, ла₁₄₈-в'й₁₅₂л'и, н'и ха₁₁₇д'й₁₁₁, ха₈₉д'й₆₁т', ха₁₀₄д'й₈₂л; ча₁₀₅ты₈₂р'и, ва₁₅₈йны₁₂₂, за₁₁₄бы₁₂₉ла, па₁₀₁бы₁₂₅л, а₇₇джы₅₂лэ, в гэра₁₅₀жы₁₃₀, п'е''р'а₁₀₀жы₁₁₁лэ; ута₁₄₂ну₁₇₃л, ута₁₂₄ну₁₃₀л, в ма₁₂₂скв'у₅₆, га₁₂₅д'у₁₂₀, н'и ха₉₆ч'у₉₁, гл'а₁₃₂ж'у₇₀, па₁₁₄д'у₇₉мэй, на₁₁₀ у₁₁₃л'ицы, па₁₀₁мр'у₁₀₈, рэскра₁₀₁д'у₁₀₈, пэка₁₀₅ж'у₆₇, са₁₁₈л'у₁₀₄зу;

плэ₅₀х'о₅₈вэ, о₈₈б'о₁₂₄рты, бо₈₀л'ш'о₁₂₁й, бо₇₄л'ш'о₅₇й, во₆₈с'м'о₉₅й, во₈₆с'-м'о₁₁₁й, во₇₀с'м'о₇₄м, в(ы)х'о₈₅дн'о₁₀₉й, пэ₈₁в'о₉₄с'имд'ис'ит, пэмэ₁₀₅л'о₁₄₂жэ, по₇₃ш'о₈₂л, во₈₉з'м'о₁₀₂, пэ₈₀йд'о₇₄м, гэрэ₁₀₂цк'о₁₀₀й, ва₁₀₇г'о₁₀₆н, за₈₃в'о₁₀₁т, на₁₁₂р'о₇₃т, ф ка₈₉нт'о₁₄₇ры, ра₉₄б'о₈₈тэт', ка₁₀₅рд'о₇₈н, да₁₃₀вн'о₉₅, н'изна₇₆к'о₁₆₃-мый, та₅₄к'о₈₃й, па₈₄стр'о₁₃₂ил'и, ма₈₂л'о₇₅д'ин'кэ, па₈₁ло₁₂₅жу, ба₇₆л'ш'о₁₂₆й, фта₈₂р'о₉₀й, ха₁₀₂р'о₁₃₆шый, ха₇₀р'о₁₀₀шый-та, хэра₁₂₃ш'о₂₂₀, спа₈₄к'о₁₈₀йна, па₁₀₂б'о₁₂₉л'шы, зда₇₀р'о₁₃₇вэй, пэпа₇₁д'о₈₂, куз'н'е₁₁₂ц'о₁₂₅ф, в'е₁₀₁сн'о₁₄₉й, в'е₈₅сн'о₁₂₇й, л'е₁₀₄д'о₁₆₂чэк, йе₇₈в'о₉₂, п'е₁₀₂ш'о₉₀м, не₅₂м'о₉₅к, н'е''₈₁х'о₈₄ча, с'е₆₁м'о₈₄й, с р'е₁₁₂б'о₁₅₂нкэм;

вэ₈₁вр'е₇₆м'э, хэ₆₇ц'е₇₇ла, эд₈₆ж'э₉₃н'ш'ины, чэлэ₈₂в'е₁₂₄ка, пэ₆₅п'е₁₂₇й, прэ₇₁гр'е₁₁₅са, ко₆₁н'е₉₂шна, ко₅₈мн'е₅₃, о₁₁₁ц'е₁₄₃ц, по₇₂ж'е₁₄₅хэл'и, в рэ₈₂-с'е₁₃₄йу, вэ₄₀э'е₈₅нэй, сэ₇₀в'е₁₁₃цкый, чэлэ₇₈в'е₁₃₀к, из гэ₉₉с'т'е₂₀₀й, кэ₅₂-н'е₉₅шна, сэ₈₄гр'е₁₅₀ла, ста₁₂₇ж'е₇₇, цэна₁₀₅в'е₁₈₀й, па₇₈л'е₁₁₃кшэ, ха₇₉ц'е₈₅ла, на₇₇в'е₁₀₁рнэ, ва₆₉ж'е₇₆ных, пучэ₉₀с'ц'е₈₆н'ку, н'е₈₁ж'е₆₇ц' (не едь), д'е₁₂₂-р'е₁₂₅вн'и, д'е₈₆р'е₁₀₆вн'и, в'е''₁₀₁з'д'е₉₈, ч'е''₇₃п'е₁₅₀р'а, п'ир'е''₇₃м'е₉₅шка;

то₇₂г'д'а₂₂₀, то₅₀г'д'а₁₆₁, гэ₉₅р'а₁₀₄, ко₅₈т'а₁₀₂, по₇₂ст'а₁₄₄в'ит', по₇₉шл'а₁₇₁, по₇₉ж'а₁₅₀рна, малло₈₃д'а₁₂₀е, малл'а₈₇д'а₁₀₀йе, кэ₇₀г'д'а₉₅, о₇₃ст'а₁₂₅л'ис'а, л₄₁н'а₈₂, л₈₄ст'а₁₀₈в'ит', л₅₅ст'а₁₄₀фшы, вл₆₀йн'а₁₃₁, вл₇₆д'а₁₅₆, дл₁₀₈чк'а₂₀₀, н'и рл₆₇ск'а₈₇-зэвэл, прл₉₇д'а₉₃й, тэ₈₀ск'а₁₁₂т', сэ₈₆л'д'а₁₄₁тэх, сэ₈₂б'а₁₃₈ка, нэ крэ₁₄₀в'а₁₇₁т',

пə₈₃знá₁₆₁лс'а, вə₈₂дá₁₈₆, зз₈₀шлá₁₂₄, тз₇₄скá₈₆т', гəвa₈₀р'á₁₁₁ (говорят), ус-
та₄₄лá₁₂₀с'а, кра₈₆сá₂₁₀(в)ица, на₁₁₃шлá₁₉₀, та₇₂кá₁₂₄æ, та₅₉кá₁₁₁йа, на₆₆-
жрá₁₄₅лсə, дэста₆₉л'á₁₁₁ε (доставляет), са₁₀₂рá₂₃₀й, за₇₅пá₉₉сə, фча₉₁рá₉₉с', к
та₆₉вá₁₁₂р'ишу, та₁₀₀вá₁₃₂р'ишу, мала₁₀₁дá₁₄₃йа, вáй₃₉нá₉₅, пр'ин'ə₇₆слá₈₇,
с'ε₆₁мнá₁₃₃цэт', д'ив'ε₇₆тнá₁₂₅ц'тəвa, ф п'ε₆₃кá₁₀₉рн'ε, д'ив'ε₆₇тнá₁₀₈цэтəэ,
л'ε₁₀₃сá₁₄₀, н'ε₅₂ знá₉₄ла, н'ε₇₀ лá₁₄₃д'у, п'ир'ε₈₀прá₁₃₁вə-та, н'ε₇₁л'з'á₁₁₇.

8. Ритмический контур слова в большинстве среднерусских говоров может быть определен как «сильный центр и слабая периферия». Он предполагает, что гласный 1-го предударного слога вместе с ударным гласным составляют акцентное ядро слова, противопоставленное остальным безударным гласным [Касаткина 1997: 86; Касаткина 1996: 222—235]. По соотношению длительности и интенсивности гласных акцентного ядра говора Псковщины неоднородны. В. Н. Чекмонас выделяет три основные модификации указанной просодической структуры: **гиперфонию** (удлинение предударных гласных, когда по длительности они равны или превосходят ударные), **олофонию** (отсутствие заметного сокращения предударных гласных) и **плерофонию** (некоторое сокращение длительности предударных гласных без модификации их качества) [Чекмонас 1998: 62; Чекмонас 1999: 101]. Для «протополновских» говоров с неполным оканьем владимирско-поволжского типа характерна гиперфония; для говоров с неполным оканьем полновского типа — гиперфония и ее ослабленный вариант — олофония; для говоров с сильным аканьем — плерофония.

В идиолекте А. П. Фокиной присутствуют все три динамические модели, их употребление позиционно ограничено. Гиперфония (с элементами олофонии) отмечается перед ударными гласными верхнего подъема, олофония (с элементами плерофонии) — перед ударными гласными среднего подъема; плерофония, сочетающаяся с особой моделью, которая предполагает значительное сокращение предударных гласных, а также их факультативную централизацию, — перед ударными гласными нижнего подъема. Так, звук [а] в 1-м предударном слоге обычно несколько превосходит по количественным характеристикам ударные [и], [ы], [у]; его длительность в среднем составляет 111% длительности этих ударных гласных. Однако предударный [а] (независимо от этимологии) значительно уступает по количественным характеристикам ударному гласному нижнего подъема и составляет в среднем 59% его длительности.

Представленные соотношения средней длительности гласных в речи информанта нельзя считать абсолютными, неизменными показателями, характеризующими какой-то конкретный говор или диалектную группу в целом. Трудности в определении количественной характеристики гласных связаны не только с проблемами сегментации, то есть с установлением физических границ отрезков речи. Количественные признаки гласных заметно варьируют в зависимости от условий произнесения: просодической позиции, темпа или стиля речи, а также могут обуславливаться индивидуаль-

ными особенностями диктора — всё это затрудняет поиск их объективных количественных показателей. Однако даже при некоторой относительности представленных данных важен сам факт определенного соотношения длительности и интенсивности, присущих гласным акцентного ядра слова в определенных позициях.

Ритмическая структура слова в говорах с последовательным различением /a/ и /o/ в 1-м предударном слоге, на основе которых сформировались полновские говоры, характеризовалась гиперфонией, в подобной системе гласный 1-го предударного слога обычно равен или превосходит по длительности ударный гласный, что считается архаичной диалектной чертой. Так, В. Н. Чекмонас зафиксировал «выразительную гиперфонию» с неполным оканьем владимирско-поволжского типа в д. Обод Стругокрасненского р-на Псковской области. Проанализировав различные явления безударного вокализма, автор обращает внимание на «удивительную близость и подобие этого говора и (...) полновских говоров. Можно утверждать, что он является полновским — но без полновского аканья-яканья (и это касается не только его фонетики, но и целого ряда других особенностей (...))» [Чекмонас 1998: 122—125].

Г. П. Слесарева, исследовавшая ритмико-динамические структуры типологически различных говоров, отметила в говорах с неполным оканьем и сильным аканьем в предударных позициях «двуступенчатость в количественной редукции по длительности и интенсивности». При этом «в говоре с неполным оканьем двуступенчатость выражена более ярко», поскольку гласный 1-го предударного слога «обладает большей длительностью и интенсивностью», чем в говоре с сильным аканьем [Слесарева 1982: 118]. На большую длительность и силу гласного 1-го предударного слога в окружающих среднерусских говорах по сравнению с акающими указывают З. М. Альмухамедова и Р. Э. Кульшарипова [1980: 70].

Очевидно, что развитие нейтрализации фонем /o/ и /a/ в 1-м предударном слоге напрямую связано с модификацией старой просодической модели, с формированием новых отношений между гласными акцентного ядра слова. Ритмическая структура становится «более “эластичной”, “подвижной”, более чутко реагирующей на интонационные факторы», что свойственно говорам Гдовщины [Чекмонас 1998: 115]. В результате складывается более сложная просодическая система с распределением нескольких вариантов, представляющих собой позиционные модификации единой ритмической модели «сильный центр и слабая периферия». Высокая длительность и интенсивность гласного 1-го предударного слога (гиперфония) теперь характеризуют только некоторые позиции, тогда как в других позициях могут наблюдаться иные варианты ритмического оформления слова (олофония и плерофония, по В. Н. Чекмонасу).

Практически во всех говорах с полновским типом вокализма гиперфония отмечается перед ударными гласными верхнего подъема: «предударные /e, o, a/ часто не уступают по длительности последующим ударным, и

часто превосходят их, особенно /е, о, а/ перед последующими ударными гласными верхнего подъема» [Чекмонас 1998: 112, также 73, 78, 79, 92, 104]. Иногда гласный 1-го предударного слога в этой позиции настолько усиливается, что возникает перцептивный эффект переноса ударения на 1-й предударный слог. Так, Р. Ф. Касаткина отмечает, что при прослушивании записей из Гдовского р-на «в целом ряде случаев возникали затруднения с определением места ударения», и приводит следующие примеры: «бригади́р, тяну́ли, су́шили, ни о́дного (ни одного), у́бью́, ма́шина, ма́шин (автомобиль), ря́дам, ряпу́шку, ка́пусту, ма́як, та́ких, пла́тили, на́йду́, зе́рно́, гря́ду» [Касаткина 1997: 85—86]. Совершенно очевидно, что неопределенность в локализации места ударения в подавляющем большинстве случаев отмечается при ударных гласных верхнего подъема. Звук [а] перед ударным гласным нижнего подъема удлинняется реже, в некоторых говорах с полновским типом вокализма в этой позиции происходит ослабление предударного [а], который «на слух кажется несколько более кратким, и его можно было бы транскрибировать как /ǎ/» [Чекмонас 1998: 74 и сл.].

Количественная редукция, особенно ярко проявляющаяся в речи А. П. Фокиной перед ударным [а], может сопровождаться тенденцией к централизации гласного 1-го предударного слога: наблюдается регулярное понижение верхней границы F_1 перед гласными среднего и нижнего подъемов. Так, область усиленных частот звука [а] перед ударными [и], [ы], [у] отмечается в диапазоне 700—950 Гц, перед ударными [е] и [о] — 650—900 Гц, перед ударным [а] — 650—800 Гц.

Подвижность ритмической структуры слова проявляется в ее относительной зависимости от просодических факторов. Так, под фразовым ударением отмечается значительное усиление гласных акцентного ядра слова, в том числе ударных гласных верхнего подъема, что прежде всего выражается в значительном увеличении их длительности. В этом случае «выделенность» гласного [а] в 1-м предударном слоге перед ударными [и], [ы], [у] достигается за счет его большей интенсивности (силы) и напряженности, по этим показателям предударный [а] практически всегда превосходит ударные гласные верхнего подъема.

Соотношение различных гласных акцентного ядра слова можно видеть на рис. 1—6, где представлены осциллограммы, спектрограммы, а также огибающие интенсивности форм *во дв[а]ри́*, *з[а]кры́л*, *кр[о]ва́тка*, *д[л]чка́*, *н[а]шла́*, *с[’ε]мна́дцать* (см. также графики слов *х[а]ди́*, *п[о]шла́*, *в[э]да́*, *з[а]на́сы*, приведенные в [Савинов 2012: 93—94]). На рисунках отчетливо прослеживается позиционная зависимость ряда характеристик гласных 1-го предударного слога от ударных гласных верхнего и нижнего подъемов. Графики наглядно демонстрируют, что любой предударный гласный значительно уступает ударному [а] по интенсивности и длительности. Наиболее кратким в этой позиции оказываются гласные [е], [о], [ɔ].

На рис. 7—10 представлены осциллограммы, спектрограммы, а также огибающие интенсивности словоформ *посм[л]трéть*, *сын[а]вéй*, *п[ɔ]вó-*

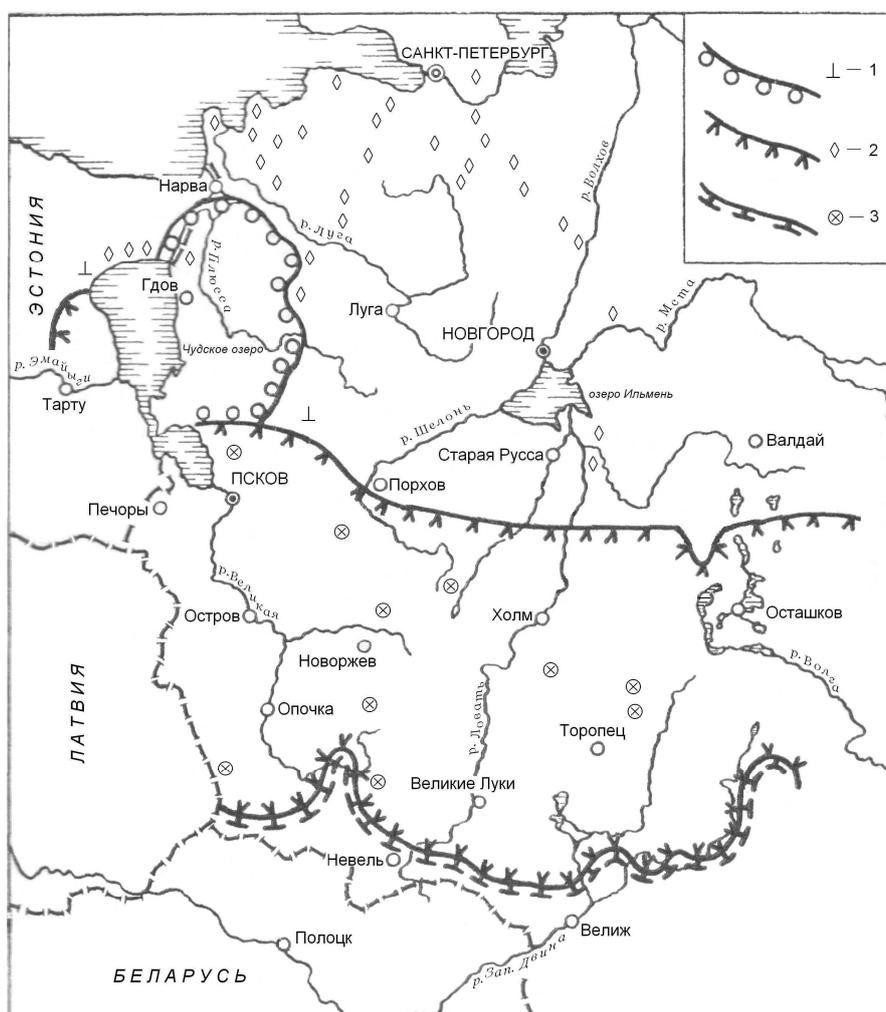
семьдесят, незн[а]кóмый. На графиках видно, что различные гласные 1-го предударного слога, как правило, уступают по своим количественным характеристикам ударным [е] и [о], хотя и не так сильно, как ударному [а], при этом по интенсивности они могут превосходить ударные гласные среднего подъема, прежде всего ударный [о].

9. Таким образом, в речи А. П. Фокиной отчетливо прослеживается следующая тенденция: с понижением подъема ударного гласного длительность и интенсивность гласного 1-го предударного слога уменьшается, что характерно для диссимилятивно акающих говоров с количественными отношениями между гласными акцентного ядра слова. Разумеется, было бы некорректно приписывать эту особенность говору Каменной Стражи в целом, тем более экстраполировать ее на весь гдовский диалектный ареал. Однако развитие подобных «диссимилятивных» отношений в идиолекте информанта, имеющем ярко выраженную севернорусскую основу, само по себе примечательно, а вопрос о причинах появления количественной диссимиляции требует ответа.

По мнению Т. Ю. Строгановой, формирование полновского и гдовского типов вокализма происходило «на основе включения в систему различения этимологических гласных в безударном положении диссимилятивного принципа — неразличения этимологических гласных в безударном положении» [Строганова 1970: 451]. Исследовательница полагает, что диссимилятивный принцип, определяющий развитие говоров с гдовским и полновским типами вокализма, существует «не в абстрактном виде», а в форме диссимилятивного аканья жиздринского типа, когда перед ударными гласными верхнего и среднего подъемов произносится [а], перед ударным [а] — гласный среднего подъема [э] [Строганова 1962: 109].

В. Н. Чекмонас возражает против этого утверждения: «Очевидно, что сам по себе “диссимилятивный принцип” в систему включиться не может; должно было возникнуть какое-то явление, отражающее этот принцип, который состоит в том, что в предударном слоге перед последующим ударным /а/ или другими гласными неверхнего подъема не может находиться /а/ и этимологические гласные неверхнего подъема /е, о, а/ представлены в позиции звуками типа /ъ, и/» [Чекмонас 1998: 121]. Действительно, причиной появления и развития типов предударного вокализма, подобных гдовскому и полновскому, не может быть диссимиляция, то есть стремление говорящих расподобить подъемы гласных. Диссимиляция — это «лишь результат фонетических процессов, происходящих в определенных позициях, но она никогда не является их причиной» [Касаткин 2010: 82]. Кроме того, изоглоссы типов предударного вокализма, представленных в русских говорах Северо-Запада, также свидетельствуют против генетической и ареальной близости гдовской (полновской) разновидности неполного аканья и диссимилятивных моделей аканья-яканья (см. карту 1, составленную на основе [ДАРЯ 1986: карта 1], а также работы [Строганова 1970]).

Как известно, гдовские говоры имеют севернорусскую основу, что в частности, проявляется в частичном сохранении этимологических гласных неверхнего подъема в 1-м предударном слоге. Однако в этих говорах сформировано «сильное ядро слова», то есть ярко выражен контраст между гласным 1-го предударного слога и другими безударными гласными, что свойственно южнорусским, а также большинству среднерусских говоров. То есть здесь «наблюдается некоторое противоречие между характером сегментной и суперсегментной фонетической системы» [Касаткина 1997: 82].

Карта 1. Типы предударного вокализма в говорах Северо-Запада
 Условные обозначения: 1. Гдовский или полновский типы неполного оканья;
 2. Сильное аканье; 3. Диссимилятивное аканье жиздринской разновидности

Развитие новых отношений между ударным гласным и гласным 1-го предударного слога обусловлено модификацией ритмической структуры слова. Выделение просодического ядра и его противопоставление всем другим гласным слова, что характерно для говоров с неполным оканьем, привело к формированию той динамической модели, которую В. Н. Чекмонас называет гиперфонией. Усиление нейтрализации гласных неверхнего подъема в 1-м предударном слоге за счет увеличения числа позиций неразличения связано с появлением новых связей между гласными акцентного ядра, с распространением новой динамической модели — плерофонии, которая отличается от гиперфонии некоторым сокращением длительности предударного гласного при отсутствии его качественной редукции.

Устранение гиперфонии происходит постепенно, и дольше всего она сохраняется перед ударными гласными верхнего подъема. Именно эта особенность, а также более быстрое распространение плерофонии в позиции перед ударным [а] типологически (но не генетически) сближает переходные гдовские говоры с юго-западными русскими и северо-восточными белорусскими говорами, которым присуще диссимилятивное аканье жиздринского типа. Именно в этом смысле можно говорить о том, что «гиперфония и олофония имеет отдаленное отношение к системе диссимилятивного аканья, при котором предударный в слоге перед ударными гласными верхнего подъема бывает удлинённым» [Чекмонас 1998: 112].

10. В псковских говорах распространение сильного аканья за счет неполного оканья гдовского и полновского типов происходило на протяжении длительного времени. Переход от оканья к аканью обусловлен не столько большей структурной простотой последнего, как считают некоторые исследователи, сколько особенностями ритмико-просодической организации слова в псковских говорах. Сформированный ритмический контур «сильный центр и слабая периферия» способствует усилению и «выделению» гласных неверхнего подъема в 1-м предударном слоге, а также минимизирует вариативность их количественных и качественных показателей. В результате происходит, во-первых, распространение единого звукотипа [а], реализующего фонемы неверхнего подъема, и, во-вторых, унификация его характеристик, прежде всего долготы и интенсивности (в системе неполного оканья звук [о] в 1-м предударном слоге имеет меньшую среднюю длительность, чем [а]). В этих говорах нет предпосылок для появления принципиально иного ритмического контура, предполагающего сложную систему соотношений между гласными акцентного ядра слова, что свойственно говорам с диссимилятивным вокализмом.

Развитие указанной тенденции приводит к формированию сильного аканья, которое широко распространено на Псковщине. В. Н. Чекмонас показал, что в подобной системе количественные характеристики предударного [а] практически не зависят от качества гласного в ударном слоге [Чекмонас 2001: 57]. Сокращение разницы между гласным 1-го предудар-

ного слога [а] и ударным [а] происходит отчасти за счет увеличения длительности первого, а отчасти за счет сокращения длительности последнего. Так, средняя длительность ударного [а] в идиолекте А. П. Фокиной, характеризующемся неполным оканьем, в среднем более чем на 20 мсек превосходит соответствующий показатель ударного [а] в говоре с сильным аканьем.

Краткость предударного [е] в некоторых позициях способствует появлению на его месте гласного [и], например, в предложениях, частицах и отрицаниях: *пер[’и]éхали, н[’и] вéчер, н[’и] мóg, н[’и]дáвно, н[’и] знáю*, а также в отдельных словах: *м[’и]ня́, т[’и]бя́, л[’и]ка́рство, пр[’и]сто́льный*. Именно так на основе гдовского типа вокализма после мягких согласных формировался бельский тип вокализма с произношением [а] перед /и/, /у/, /а/, и [и] — перед /е/, /о/, который можно признать особой моделью ассимилятивно-диссимилятивного яканья.

Иными словами, отмеченная в речи А. П. Фокиной зависимость длительности и интенсивности гласного 1-го предударного слога от качества ударного гласного — это лишь один из закономерных этапов общего развития системы вокализма (полновское оканье → сильное аканье), но не конечный результат этих изменений. То есть подобие между диссимилятивным аканьем жиздринского типа и неполным оканьем полновского типа, о котором пишет Т. Ю. Строганова, может быть только внешним и временным, поскольку формирование этих типов вокализма обусловлено действием принципиально разных механизмов, а их дальнейшее развитие ведет к становлению моделей, обладающих уникальными структурными характеристиками.

В заключение следует отметить, что новые данные, собранные на острове Пийриссаар, существенно уточняют историю появления и развития неразличения предударных гласных в псковских говорах, а также представляют большой интерес для понимания путей развития поздних процессов аканья.

Л и т е р а т у р а

Альмухамедова, Кульшарипова 1980 — З. М. А л ь м у х а м е д о в а, Р. Э. К у л ь ш а р и п о в а. Редукция гласных и просодия слова в окающих русских говорах. Казань, 1980.

ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР / Под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. Вып. I. Фонетика. М., 1986; Вып. II. Морфология. М., 1989; Вып. III (Ч. 1). Лексика. Карты. М., 1997.

Галинская 1997 — Е. А. Г а л и н с к а я. Из исторической фонетики псковских говоров // Вопросы русского языкознания. Вып. VII. Русские диалекты: история и современность / Отв. ред. К. В. Горшкова, М. Л. Ремнёва. М., 1997. С. 67—119.

Галинская 2002 — Е. А. Г а л и н с к а я. Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. М., 2002.

Каринский 1909 — Н. М. К а р и н с к и й. Язык Пскова и его области в XV веке. СПб., 1909.

- Касаткин 2010 — Л. Л. К а с а т к и н. Из истории аканья — яканья в русском языке // Русск. яз. в науч. осв. № 2 (20). С. 77—102.
- Касаткина 1996 — Р. Ф. К а с а т к и н а. Среднерусские говоры и ритмика слова // Просодический строй русской речи / Отв. ред. Т. М. Николаева. М., 1996. С. 222—235.
- Касаткина 1997 — Р. Ф. К а с а т к и н а. Некоторые наблюдения над ударением в говорах Гдовского района Псковской области // Псковские говоры. История и диалектология русского языка / Под ред. Я. И. Бьёрнфлатена. Oslo, 1997. С. 82—94.
- Ковпик 2005 — В. А. К о в п и к. Из истории безударного вокализма псковских говоров // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 1 (19), 2005. С. 92—95.
- Морозова, Чекмонас 2007 — Н. М о р о з о в а, В. Ч е к м о н а с. Говоры старообрядцев Литвы: особенности и проблемы происхождения // Фольклор старообрядцев Литвы: Тексты и исследование. Т. 1. Сказки. Пословицы. Загадки. Вильнюс, 2007. С. 51—72.
- Мурникова 1962 — Т. Ф. М у р н и к о в а. Описание русского говора острова Пийрисаара // Ученые записки Тартуского гос. университета. Вып. 119. Труды по русской и славянской филологии. V. Тарту, 1962. С. 345—363.
- Рихтер 1976 — Е. В. Р и х т е р. Русское население Западного Причудья. Таллин, 1976.
- Ровнова 2007 — О. Г. Р о в н о в а. Говоры староверов Западного Причудья по материалам 1946 г. и 2003—2007 гг. // Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. II / Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту, 2007. С. 176—198.
- Савинов 2012 — Д. М. С а в и н о в. О переходе от окаящего предупредного вокализма к акающему в идиолекте информанта с острова Пийрисаар // Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. III. [Acta Slavica Estonia. I.] / Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту, 2012. С. 84—94.
- Слесарева 1982 — Г. П. С л е с а р е в а. Сравнительная характеристика ритмодинамических структур слова в русских говорах. Дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1982.
- Строганова 1962 — Т. Г. С т р о г а н о в а. О предупредном вокализме говоров северо-запада Псковской области // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. III / Отв. ред. В. Г. Орлова. М., 1962. С. 101—111.
- Строганова 1970 — Т. Ю. С т р о г а н о в а. Западные среднерусские говоры // Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров / Отв. ред. В. Г. Орлова. М., 1970. С. 392—452.
- Царева 1962 — Л. И. Ц а р е в а. Аканье и яканье в говорах юго-западной части Псковской области // Псковские говоры. I. Труды первой псковской диалектологической конференции 1960 года / Отв. ред. Б. А. Ларин. Псков, 1962. С. 58—76.
- Чекмонас 1998 — В. Ч е к м о н а с. Аканье и оканье в северной части Псковской области (полновские говоры) // Kalbotyra 47 (2). Slavistica Vilnensis, 1998. С. 57—132.
- Чекмонас 1999 — В. Ч е к м о н а с. Аканье и яканье в говорах Псковского района (современное состояние и проблемы истории) // Kalbotyra 48 (2). Slavistica Vilnensis, 1999. С. 89—146.
- Чекмонас 2001 — В. Ч е к м о н а с. К изучению вокализма говоров Псковщины (ритмическая структура слова и акустические особенности реализации гласных в говоре д. Тешевицы Псковского района) // Вопросы русского языкознания. Вып. IX. Диалектная фонетика русского языка в диахронном и синхронном аспектах / Отв. ред. К. В. Горшкова, М. Л. Ремнёва. М., 2001. С. 43—85.

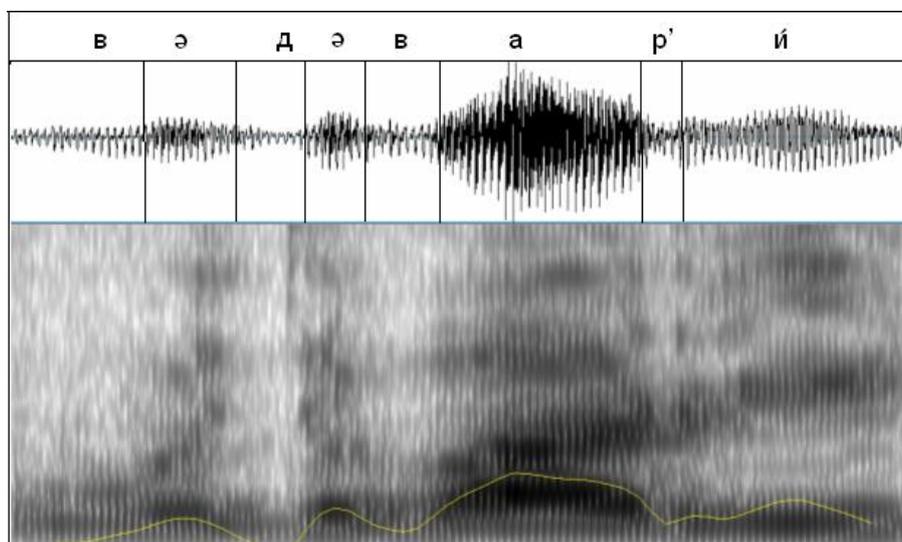

Рис. 1. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *во дв[а]ри* (во дворе)

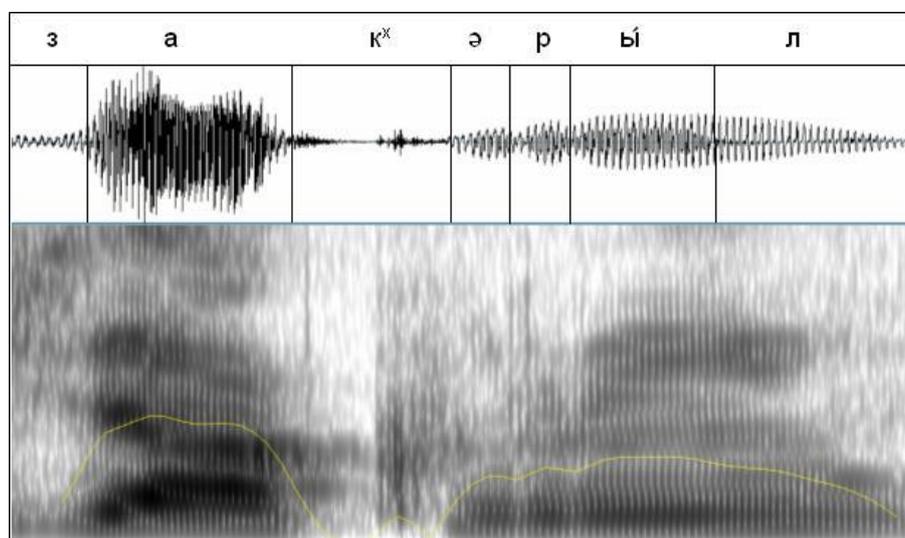

Рис. 2. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *з[а]крыл*

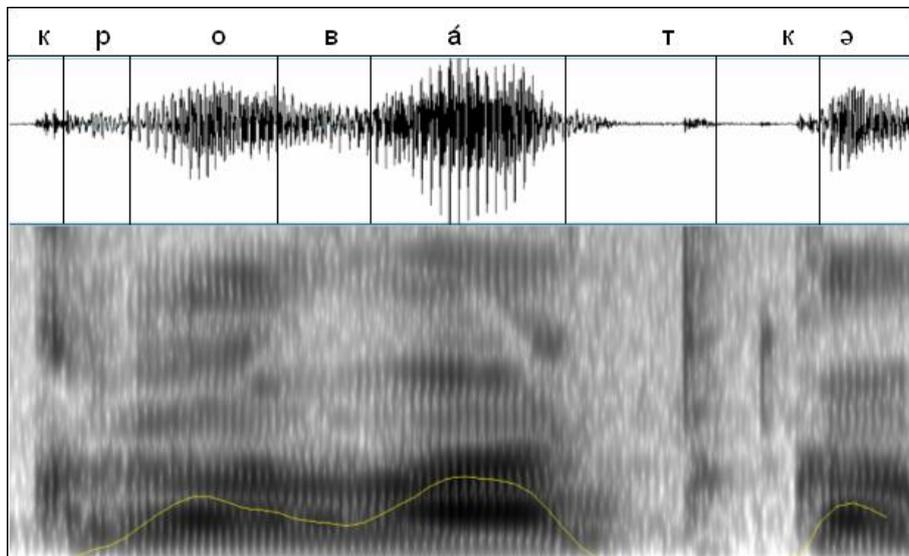

Рис. 3. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *kr[о]vátka*

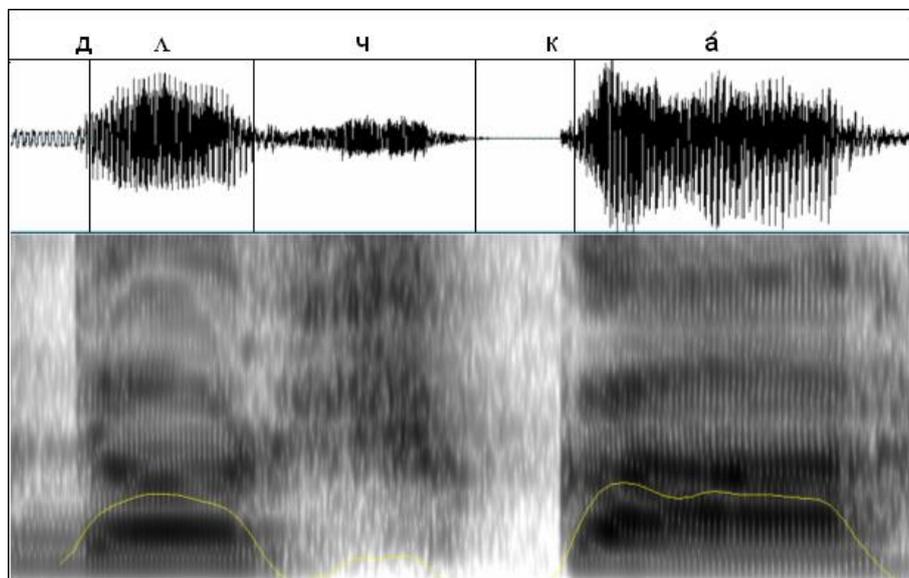

Рис. 4. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *d[л]чká*

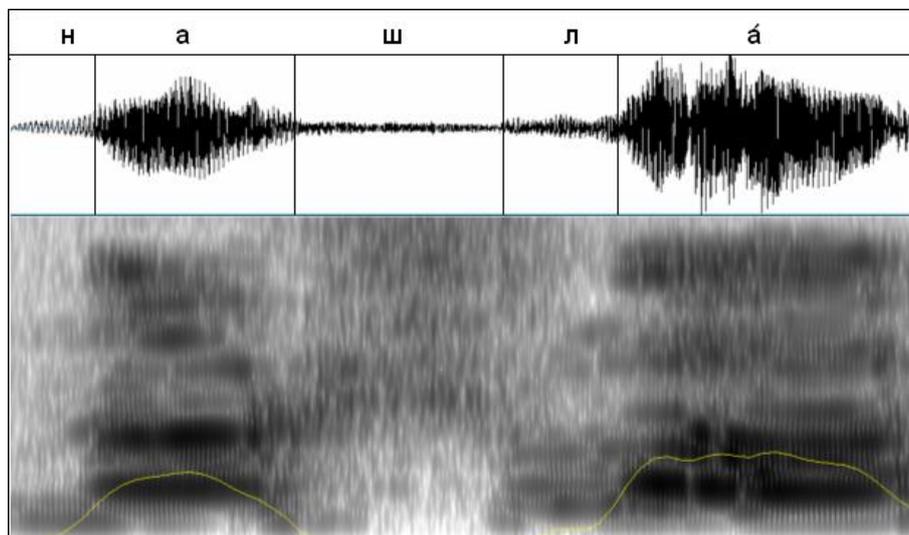

Рис. 5. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *н[а]шл́а*

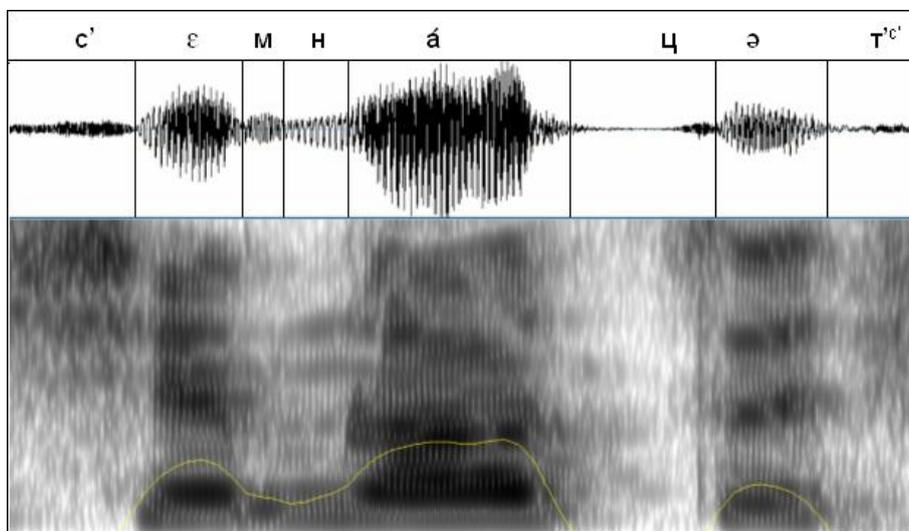

Рис. 6. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *с[ε]мн́адцать*

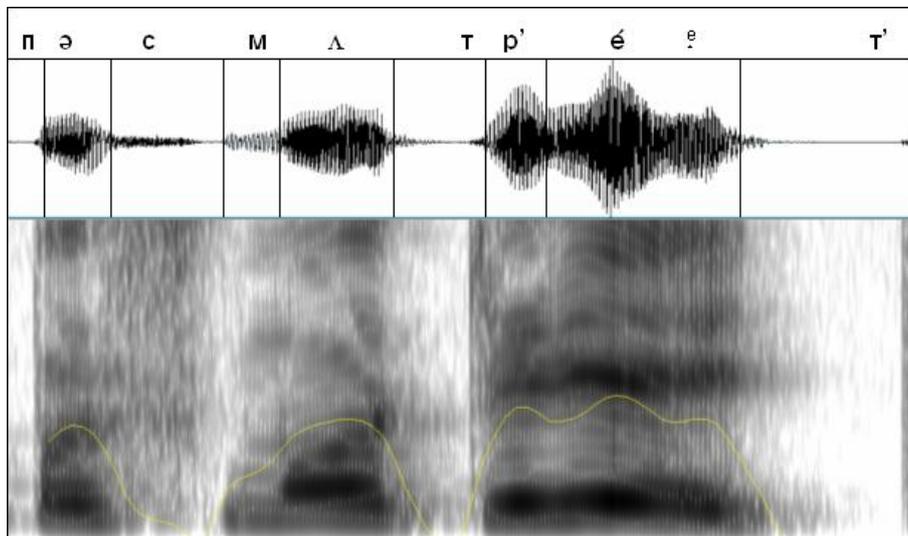

Рис. 7. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *посм[л]тр'еть*

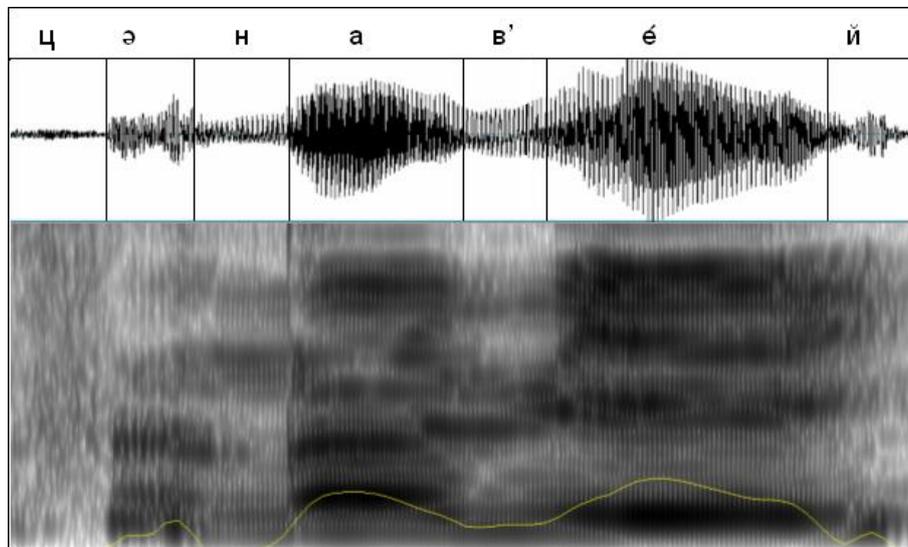

Рис. 8. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *сын[а]в'ей*

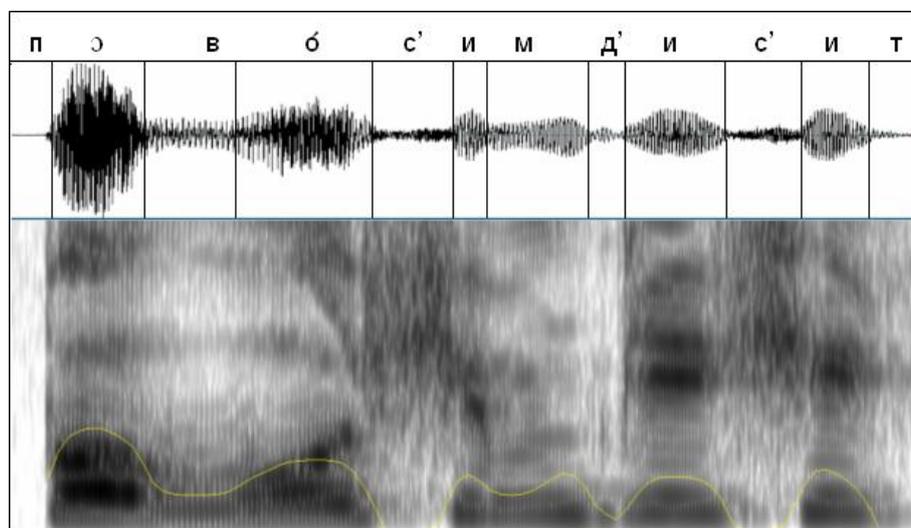

Рис. 9. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *п[э]восемьдесят*

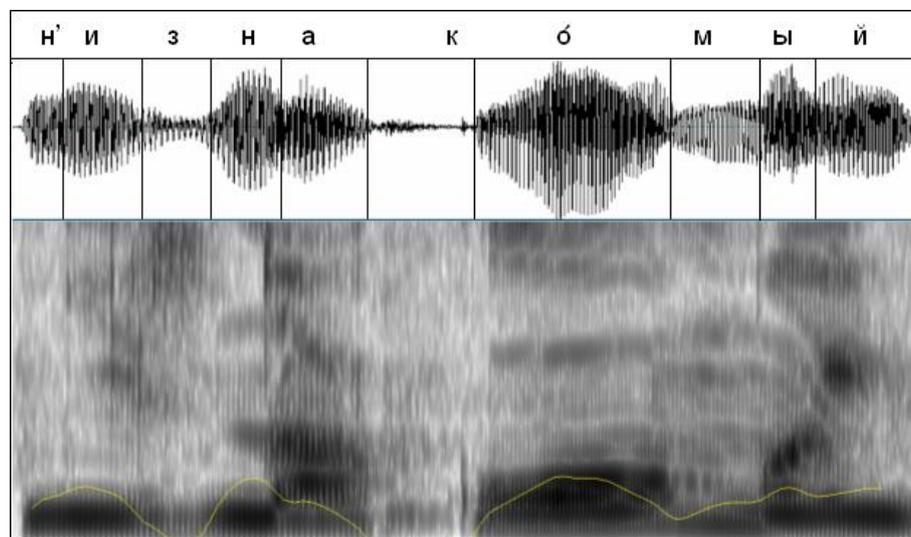

Рис. 10. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *незн[а]ко́мый*

DMITRIJ M. SAVINOV

(Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences)

**ASPECTS OF INVESTIGATION OF NORTHWEST RUSSIAN DIALECTS
(INSTRUMENTAL PHONETIC STUDY
OF THE VOWEL SYSTEM IN ONE IDIOLECT)**

The article presents the results of a study of Russian dialects of the island Pjirissaar (Estonia). The collected material contributes to the solution to some problems of the evolution of pretonic vocalism systems in Northwest Russian dialects. The example of incomplete okan'e of the Polnovskij type shows that the sequence of complete okanye → incomplete okanye → akanye is closely linked to changes in the prosodic organization of words that occur in these dialects.

Keywords: Russian phonetics, dialectology, dialects of the Pskov area, history of Russian language, okan'e, akan'e

С. К. ПОЖАРИЦКАЯ, Н. Л. САМСОНОВА

**НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ
НАД СТРУКТУРОЙ И СЕМАНТИКОЙ НАРЕЧИЙ
В ОДНОЙ ДИАЛЕКТНОЙ СИСТЕМЕ
(д. Деулино Рязанского р-на Рязанской обл.)**

Светлой памяти Иосифа Антоновича Оссовецкого, тонкого и проникновенного знатока русской речи, интеллигента и ученого, посвящаем.

1. Говору д. Деулино повезло необычайно: в 60-е годы XX века его изучением занялись лингвисты под руководством И. А. Оссовецкого, голос которого так радостно слышать в фонограммах его непринужденных бесед с информантами. Члены этого научного коллектива создали «Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)» (далее ДС), который может считаться образцом моно-системного словаря дифференциального типа, и сделали высокого качества фонограммы, обеспечив тем самым возможность всестороннего исследования языковой системы одного диалектного социума.

Тем самым, необычайно повезло и нам, лингвистам.

Это было особенно ценно на исходе тех десятилетий, в течение которых все силы диалектологов были сосредоточены на напряженной лингвогеографической работе, и время для углубленного исследования частных диалектных систем еще не наступило, а диалектная речь всё более утрачивала столь ценную для нас архаику.

Материал Деулина привлек к себе внимание в первую очередь фонетистов — фонетике посвящены исследования Е. А. Брызгуновой [Брызгунова 1977], С. В. Кодзасова [Кодзасов 2000], Ю. В. Горячевой, С. В. Князева, С. К. Пожарицкой [Горячева, Князев, Пожарицкая 2008, 2009], Р. Ф. Пауфошимы [Пауфошима 1977], В. Н. Чекмонаса [Чекмонас 1993]; он использован в работе С. С. Высотского [Высотский 1973]. Морфологическая сис-

---

София Константиновна Пожарицкая, Надежда Львовна Самсонова, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.

тема говора (имя и глагол) представлена в монографии С. В. Бромлей и Л. Н. Булатовой [Бромлей, Булатова 1972].

Обзор богатейших словообразовательных потенциалов говора содержится в книге И. А. Оссовецкого [Осовецкий 1982], однако это только пролог к изучению морфемной структуры и словообразовательных моделей говора, которое должно последовать за книгой И. А. Оссовецкого; что же касается наречия, то специального раздела о нем и в этой работе нет.

Нельзя не заметить, что наречие в диалектах — это вообще почти *terra incognita*: ему посвящено несколько статей и диссертаций диалектологов, работающих над Архангельским областным словарем (далее АОС) — О. А. Глущенко [Глущенко 2003], Е. Е. Королевой [Королева 1984; 2003] и Е. В. Первухиной [Первухина 2003], в которых речь идет в основном о семантике наречия и значительно меньше — об особенностях его морфемной структуры, а также статьи А. Ф. Журавлева о категории числа у наречий [Журавлев 1980; 2012], где использован, в том числе, и материал ДС. Значительный диалектный материал содержится в статье Т. С. Тихомировой о «тавтологическом» творительном», основанной на материале не только русского, но и других славянских языков [Тихомирова 1963].

То же самое можно сказать и об описании категории наречия в литературном языке: спустя полвека после выхода в свет монографии Е. М. Галкиной-Федорук [Галкина-Федорук 1957] появились монографии М. В. Филипенко [Филипенко 2003] и Ф. И. Панкова [Панков 2008], посвященные семантическим типам наречия; морфемная же структура наречия в них практически не рассматривается, как и в монографии И. Б. Иткина [Иткин 2007]. Причина этого, возможно, кроется в словообразовательной «вторичности» наречия по сравнению с именем и глаголом.

Между тем, ДС, в котором словарные статьи содержат значительный (а иногда и просто большой) цитатный материал, подобранный так, что каждая цитата не просто иллюстрирует толкование значения слова автором статьи, но и позволяет читающему сделать собственное заключение относительно его семантики, содержит интереснейшие сведения о структуре и семантике наречий.

В словнике ДС 510 лексем помечены как наречие. Но поскольку ДС относится к типу дифференциальных словарей, которые не фиксируют слов, не имеющих какой-либо (семантической либо формальной) локальной специфики, то реальное число адвербиальных лексем в говоре может быть бóльшим (так, например, в словаре есть наречие *босика́ми*, но нет *босико́м*, которое едва ли отсутствует в говоре). С другой стороны, грамматический статус некоторых слов, которые имеют помету *нареч.*, может быть интерпретирован иначе. Поэтому реальное количество наречий в говоре несомненно отличается от того, которое фиксирует словарь.

Ввиду спорности грамматической квалификации некоторых слов, более корректно было бы называть все слова с пометой *нареч.* «наречными образованиями»; однако мы предпочитаем использовать термин «наречие» в

соответствии с его пометой в словаре, предполагая позднее обсудить особенности грамматического статуса некоторых из них.

2. Аффиксальные средства образования наречий, соотносительных с формами творительного падежа существительных

Из общего числа 510 производные (мотивированные) наречия составляют 460; из них 153 словоформы имеют финали, соотносительные с флексиями твор. падежа существительных: *-ом (-ем)*, *-ой (-ей)*, *-(j)у*, *-ами*; эти словоформы мы и сделали предметом своих наблюдений в данной работе. В это число мы включаем и наречия с финалями *-ма* и *-мя*, поскольку их происхождение принято связывать с флексией дат.-твор. падежей двойственного числа.

Суффикс *-ма* в словарях и грамматиках литературного языка представлен только наречиями *дарма́* и *задарма́*, относящимися к сфере просторечия и пришедшими, по всей видимости, из диалектной речи.

Список слов с *-мя* в [Зализняк 1977] включает наречия *ревмя́*, *ливмя́*, *ругмя́*, *сидмя́*, *лежмя́*, *дрожмя́*, *стоймя́*, *кричмя́*, *торчмя́*, *плашмя́*, *кишмя́*, разные по степени их узуальности; можно думать, что этот список открыт и мог бы быть пополнен окказиональными образованиями с другими корнями из разговорной или авторской речи писателей.

Шесть суффиксов именного склонения (*-ом*, *-ой*, *-ю*, *-ами*, *-ма*, *-мя*) могут быть осложнены одним или двумя аффиксальными морфами слева (*-ок-/-к-*, *-ик-*, *-ак-*, *-л-*, *-т-*, *-ник-*, *-ушк-*, *-ишк-*, *-ен'-/-н'-*, *-кур-*, *-н-*, *-ат-*, *-ин-*, *-овj-*). В итоге получается более 30 простых и сложных суффиксальных образований (цепочек суффиксальных морфем), примерно в половине которых присутствует формант *-к-*, примыкающий к финальному суффиксу слева¹:

-ом (*ви́с-ом*), *-к-ом* (*кобун-к-о́м*), *-ок-к-* (*кобун-о́ч-к-ом*), *-ик-ом* (*ду́р-ик-ом*), *-н-ик-ом* (*це́ль-н-ик-о́м*), *-ак-ом* (*косм-ак-о́м*, *пеш-ак-о́м*), *-л-ом* (*ви-л-о́м*), *-т-ом* (*жи́-т-ом*), *-т-к-ом* (*пи-т-к-о́м*), *-н'-/-н'-ом* (*кип-н'-о́м*, *ход-ен'-о́м*), *-кур-ом* (*тиш-кур-о́м*, *пеш-кур-о́м*), *-ушк-ом* (*ко́т-ушк-ом*).

С суффиксами *-ом*, *-к-ом* образуется целая серия наречий, с остальными — одно-два, которые приведены выше.

-ой (*пе́ш-ей*), *-к-ой* (*ле́ж-к-ой*), *-ат-к-ой* (*косм-а́т-к-ой*), *-ин-ой* (*телеш-и́н-ой*), *-ин-к-ой* (*телеш-и́н-к-ой*), *-ишк-ой* (*молч-и́шк-ой*), *-ушк-ой* (*молч-у́шк-ой*, *пря́м-у́шк-ой*), *-кур-ой* (*пеш-кур-о́й*).

Суффиксы *-ой*, *-к-ой* дают целую серию образований, остальные единичны. Большинство лексем с финалью *-ой* (25 из 34) осложнено формантом *-к-*.

¹ По подсчетам Т. Ф. Ефремовой, морф *-к-* является следующим после *-н-* по количеству его участия в сочетаниях с другими суффиксами [Ефремова 1968: 51—52]; в нашем же материале существенно преобладает *-к-*.

-ју (*блáж-ј-у, сýш-ј-у, лéж-ј-у, пéш-ј-у, ноч'-ј-ý, осен-ј-ý*);
-ами (*телеш-áми, верх-áми, год-áми, кобун-áми, час-áми*), **-к-ами** (*пеш-к-áми*), **-ин-ами** (*телеши́нами*), **-ик-ами** (*бос-ик-áми*), **-ов-ј-ами** (*зуж-ев-ј-áми*);
-ма образует серию из 21-го наречного образования типа *бегма́*. Суффикс **-ма** может «скрываться» и еще в некоторых аффиксальных образованиях: **-о-ма́** (*верхома́, пешома́*), **-к-о-ма́** (*пешкома́*); **-о-** может быть понято как интерфикс, выделившийся в результате наложения показателей тв. падежа **-ом** (*-к-ом*) + **-ма** (*верх-о(м)-ма́, пеш-к-о(м)-ма́*).

Суффикс **-ма** с усечением конечного гласного просматривается также в цепочке морфем, образующих наречия *стой-м-óк* и *сиж-м-óк*, поскольку **-ма** присутствует в однокоренных наречиях *стойма́* и *сижма́*, а суффикс **-ок** засвидетельствован наречиями *надур-óк, натоц-ёк, насишб-óк*:

(1) *А мы стаймо́к и с'ижмо́к ката́имс'и пр'ам з уары́*².

-мя (*ед-мя́, полош-мя́*) ограничен этими двумя словами.

Окказиональной контаминацией форманта **-л'** и суффикса деепричастия **-а** может быть финаль наречия *вис-л-я́*:

(2) *Ана́ в'исл'á в'ис'ит' и в'ис'ит' на н'ом.*

По параметрам, предложенным Е. А. Земской [Земская 1987: 66], самым активным является суффикс **-ом**, поскольку «в чистом виде» либо в финале цепочки аффиксальных морфем он оформляет более половины адвербиальных лексем (88 из 153), присоединяясь как к глагольным, так и к именным основам и участвуя в создании окказионализмов. По тем же параметрам к числу активных могут быть отнесены суффиксы **-ма** и **-ой**.

3. Мотивирующие основы наречий

Поиск мотивирующей основы производного слова, как известно, далеко не всегда приводит к однозначному результату. При этом, как пишет И. А. Мельчук, «Словообразовательная характеристика готовых лексем есть не что иное, как задание их этимологии» [Мельчук 2000 I: 293].

Рассматривая словообразовательные структуры наречий, мы не ставили перед собой задачи в каждом конкретном случае определить направление мотивации, но избежать некоторых исторических гипотез нам, естественно, не удалось.

В целом очевидно, что бо́льшая часть наречий на **-ом**, **-ма** имеет в своей основе глагольный корень, реже — субстантивный и изредка — адъективный или адвербиальный. При этом наречия на **-ами** образуются только от именных основ. Естественно думать, что оформление глагольного корня

² Толкование слов и цитаты даются по тексту ДС, если не указываются другие источники.

падежной флексией существительного предполагает наличие промежуточного отглагольного имени, напр. *визжать* → *визг* → *визг-ом*:

(3) *Штóй-та п̄рас'áта в'íзулм в'иж'ж'áт'.*

Однако реальное существование такого слова в говоре — редкий случай. Семантически тождественные варианты наречия могут иметь разные мотивирующие основы, принадлежащие одному корню с чередованием, напр.: *кричать* → *крич-ем* / *крич-ма́* / *крик-ом*, *сидеть* → *сид-ем* / *сиж-ем*, *сиж-ма́*.

В большинстве случаев прогнозируемое существительное нельзя назвать даже потенциальным, поскольку образование отглагольных существительных способом нулевой суффиксации с абстрактным значением отвлеченного действия вообще не продуктивно в диалектной речи: *вис-еть* → *вис → *в́исом*, *глот-ать* → *глот → *глóтом*, *гляд-еть* → *гляд → *глядом*, *кат-ить* → *кот → *кóтом*, *леж-ать* → *лежь (или *леж*) → *лежью́* (*лэ-жем*, *лежма́*), *пи-ть* → *питóк → *питкóм*, *сид-еть* → *сидь → *сидем* или *сиж → *с́ижем* (*сижма́*) и т. п.

Образование наречия от глагольной основы фактически происходит «в одно действие»: глагольный корень оформляется субстантивной флексией, которая тем самым приобретает вторую грамматическую функцию — словообразовательного суффикса наречия (адвербиализатора). Можно думать, что первоначально на базе некоторых значений твор. падежа (прежде всего, сравнения, образа и способа действия) произошла адвербиализация форм имен существительных и сформировалась устойчивая словообразовательная модель типа *круг* → *кругóм*, *верх* → *верхóм*, *черёд* → *чередóм* (обычно с переносом ударения на финаль), в которую были вовлечены глагольные корни. Тем самым могли образоваться две «цепочки»: *визжать* → *визг* и независимо *визжать* → *визгом*, а могла быть одна: *глотать* → *глóтом*.

Поэтому наречия, даже соотносительные с реально существующим отглагольным именем (типа *визгом*), мы рассматриваем как отглагольные.

В ряде случаев значение существительного, основа которого удовлетворяет формальным признакам мотивирующей, настолько удалено от значения наречия, что семантическое отношение между ними едва ли может быть признано мотивацией. Так, в цепочке *ходить* → *ходá* → *ходóй* только первое значение наречия *ходóй* имеет прямое отношение к существительному *ход-á*; в остальных же случаях семантика наречия вторична и основывается на метафоризации первичного значения глагольного корня:

ходá — ‘ходьба в разных направлениях’: (4) *Нь бар'úскай* (болоте) *плат'ínu д'éлајут*, *там хадá*, *а тут какáйа хадá*, *кто тут хóд'ит*.

ходóй — 1. ‘идти ускоренным шагом’: (5) *Самá паишá* (о корове), *ја и н'и уан'áль*, *пр'ам хадóйу*, *хадóйу тудá паишá*; 2. ‘быстро расти’: (6) *У м'и-н'é прасу́к хадóй шол*, *м'лакóм кар'м'úла*, *в'ит' фс'ем нáда ухóт*; 3. ‘быстро расходоваться’: (7) *Свају лапшú нът'ирáл'и*, *и шла анá хадóй*.

шóрохом — ‘дыбом, вверх дном’: (8) *Гл’áнула сундук — он в’ес’ у м’ин’é шóръхъм*. Субстантив *шорох* в словаре отсутствует: либо его нет в говоре, либо его значение совпадает с литературным — ‘глухой звук от трения, соприкосновения чего-н. с чем-н.’ [Ожегов 1972]). Многочисленные в диалектах варианты того же корня (несомненно идеофонического характера) *шерш-*, *шерех-*, *шорк-* и другие имеют негативную сему, связанную с слуховыми и тактильными ощущениями; одна из таких — ощущение беспорядка — воплотилось в наречии *шóрохом*.

Искусственно выделяемая основа может вообще не иметь номинативного значения либо повторять только фонемный состав основы существующего в диалекте слова, не имея общих с ним компонентов значения. Такое наречие может возникнуть как лексическая единица по самой частотной в говоре модели и обладать лишь остаточной членимостью (ср. [Винокур 1959]). Например, *сустóм* и *шустóм*, имеющие общее толкование ‘дружно, один за одним (идти, бежать и т. п.)’:

(9) *Фс’е сустóм пьб’аул’и нъ пакóс;*

(10) *Фс’е б’аул’и шустóм.*

Наречие *сустóм* СРНГ фиксирует только в Деулине; другие слова из словника, включающие *суст-*, не кажутся нам дериватами корня *суст-* (*суст-* обычно ведет свое происхождение из приставки); скорее всего, это вариант наречия *шустóм* (этимология которого тоже не отличается прозрачностью) с меной [ш/с].

Шустóм может быть однокоренным с глаголом *шустать*, хотя связь между ними ненадежна: «**Шустать** овёс, ячмень, тмб. шастать, отолакивать. || есть, жрать, уплетать, охлестывать, уписывать» [Даль IV: 649]. Семантически ближе к наречию *шустóм* отличающееся от него фонемой ⟨р⟩ в основе прилагательное *шустрый*, а также упомянутый в цитате из словаря В. Даля глагол *шастать*.

шóметом/шéметом ‘опрометью, сломя голову, сразу’:

(11) *Атвар’ил’и д’в’ёр’и, анá шóмитам из д’в’ёр’и;*

(12) *Анá б’у’от’ шéм’итам ка мн’é.*

В основе этого наречия, вероятно, лежит тот же глагольный корень, что и в наречии *опрометью* — *мет-(ать)*, который в ДС присутствует в выражении *кровь метать* (‘пускать’), а у В. Даля в словарной статье «**Шемелá** ... метла, помело... **Шеметáть** и **шеметáться**, заниматься бездельем, пустячками, метаться туда и сюда, суетиться попусту... **Шеметкóй**, тóропкий, суетливый, опрометчивый» [Даль IV: 628].

Начальные *шо-*, *ше-*, как уже говорилось, могут быть элементами идеофонии. Особую роль *ш-* в идеофонических образованиях (которые часто бывают одновременно и редупликациями) отмечает Ф. Р. Минлос: «Можно отметить выдающуюся активность начального [ш-] в арготическом словотворчестве: эта фонема входит в интересный русский префикс *ши-* (*шиво-*

рот, шибздик и т. п.), с нее, как отметил И. И. Ревзин, начинается необычно много корней в воровском арго (*шмотки, шмальнуть, шмон, штефкать* ‘есть’, *шкары* ‘брюки’, *шмара* ‘женщина легкого поведения’ и др.) [Минлос 2007: 396]. Ср. также наречия *шустом* и *шорохом*.

сопом — ‘молча, не говоря ни слова’: (13) *Н’и скáжыт’ л’ас’н’ич’ий н’ич’авó зам’эста мыйавó, фс’о сопам, малч’кóм;*

сопом-хропом ‘грубо, резко, срыву’: (14) *Врас сопам-хропам пьдай-д’от’ и д’эт’и йийó байáццъ* (двойное наречие в этой единичной цитате может означать и ‘внезапно’).

В основе этих образований лежат глагольные корни *сопеть* ‘тяжело дыша, издавать носом свистящие звуки’ [Ожегов 1972] и *храпеть* ‘издавать хриплые, сопящие звуки во время сна’ [Там же], от которых наречия сохранили только неопределенную негативную сему.

Вне диалектной речи встречается аналог этого двойного наречия с другой огласовкой: *Мы, как говорится, сапом храпом, потихонечку свои делишки воротим...* Но те же корневые морфемы, сохраняя свое номинативное значение в отглагольных существительных, не рифмуются: *Старший любит спать солидно, с храпом, сопом, и со значением* (о коте) [НКРЯ].

кóмом-лóмом ‘кое-как, как попало’: (15) *Кóмам-лóмам — н’и пь пар’áтку з’д’эль’и, кой-как*. Рифмованное (как и *сопом-хропом*) сочетание сохраняет негативную сему существительного *ком* и глагола *ломать*.

Производным от идеофонического или звукоподражательного корня (грань между ними весьма неопределенна) можно считать наречие *хóпом* ‘сразу, в один прием’, однокоренное с глаголом *хáпить* (лит. *хапать*) ‘брать, присваивать незаконным образом’ при глагольном междометии *хон*:

(16) *Пр’áма хóпам йад’át’, жаднаи дъ йады́; ср. Ан’и фс’о куды́-н’ибут’ хáп’ут’...фс’о им хóцца бóл’ай; и Дáл’и јаму́* (медведю) *канхф’этку, а он ијé хон! И сјел.*

Особую структурную группу составляют наречия с финалью *-ой* (*-к-ой*), образованные от основ страдательных причастий с суффиксом *-т-* (17) и деепричастных форм глаголов *есть, обуть* (*разуть*), *одеть* (*раздеть*), *жрать* с усеченными суффиксами *-миши* → *-м-* (18), (19), (20), *-миш-* → *-миш-* (21), *-виш-* → *-виш-* (22). (Деулино находится в ареале говоров юго-восточной зоны, для которых характерен деепричастный суффикс *-миши* [Захарова, Орлова 1970:103]):

-т-к-ой: (17) *Л’этас’ жары́ н’и в’идáл’и, Трóщу фс’о абúткáй, ад’эткáй хад’íl’и;*

-м(ши)-к-ой: (18) *Ан’и (дети) то разúмкáй, а то и абúмкáй;* (19) *У нас бач’áрн’ик фс’о в’инó п’јот’, а жанá н’áјэмкáй с’ид’ít’;* (20) *И пьстух’ítъ н’áжрámкý;*

-миш(и)-ой: (21) *Куды́ ш вы ид’от’а н’ијэмшáй?*

-виш(и)-ой: (22) *Ја нарóшна пь п’аскú хóд’у разúвшáй.*

4. Наречие и категория числа

Относительно грамматического статуса формально выраженной противопоставленности числовых форм наречий типа *верхóm—верха́ми*, *босикóm—босика́ми*, *пешикóm—пешика́ми* существуют разные точки зрения. А. А. Потебня считал, что «Множественное число в слав. яз. вообще склонно изменять значение существительных по направлению к значению состояний и обстоятельств — положение, развитие которого я оставляю здесь в стороне. В частности, это благоприятствует образованию наречий от твор. образа. Буслаев (§ 219, пр. 6) замечает, что наречие “верхóm” принимает и множественное ч. “верхами”, когда относится ко многим, напр. у Пушкина “чиновники разъезжали верхами на карабахских жеребцах”. Это не точно, ибо наречие, не имея числа и не согласуясь ни с чем, не может ни принимать множ. числа, ни относиться ко многим. Значит, “верхами” есть не наречие, а дополнение, именно скорее всего — твор. орудия, как “ехать возом и возами”» [Потебня 1958: 476].

А. Ф. Журавлев, основываясь на материале не только художественной прозы, но и диалектов, и используя данные НКРЯ, приходит к следующему выводу: «При пёстром генезе наречия как части речи не вызывает удивления просвечивание в его системе следов прежнего грамматического существования. Меняя свой частеречный статус, приобретая адвербиальные функции, слово может в остаточном виде сохранять оппозиции утрачиваемых граммем. В разных языках с развитой морфологией заметным явлением оказывается адвербиализация падежных форм имён, знающих категорию числа, поэтому числовые оппозиции могут иметь место в грамматической подсистеме наречия [Журавлев 1980: 228].

Материал ДС, расширяя лексическую базу наречий, имеющих параллельные суффиксы *-ом* и *-ами*, позволяет утверждать, что *-ами* выступает строго тогда, когда речь идет о действиях множественного субъекта, что и осознается самими носителями диалекта («Когда говорят *пешком*, а когда *пешками*?» — «*П'ашка́м'и* — *эта када́ мно́га*»).

Но при этом «запрета» на употребление форм на *-ом*, *-ой* при множественном субъекте (или множественном числе глагола) не существует, и тем самым формы с флексиями ед. числа оказываются нейтральными по отношению к числовой форме субъекта или глагола:

- (23) *Хад'íl'и бѣс'икáм'и зь ур'ибáм'и* (форма *босиком* не встретилась);
- (24) *В'ар'хáм'и ч'ир'из р'акú мужжук'и лъшад'ей пр'иуан'áл'и*;
- (25) *Ja javó na lóшат' сажáла — он н'и мау'от' с'ес' в'ар'хóм*;
- (26) *Нас п'ат' ч'илав'эк и фс'е п'ашка́м'и*;
- (27) *А мы тада́ п'ишакóм хад'íl'и да Р'азáн'и*;
- (28) *Такáйа къбунáм'и³ рас'т'от' тькля* (тыква);

³ *Кобун* — нечто имеющее грушевидную форму; в том числе, набухшая молочная железа у свиный, кормящей поросят'.

- (29) *Үаршо́к у нас был ка́м'иннай, в'исо́кай, кьбуно́м* (грушевидной формы);
- (30) *Үарши́к'и кьбуно́к — го́рлышка уз'ин'к'ийа, вот је́та нъзыва́ицца кьбуно́к он;*
- (31) *Мужжукóф скóл'кь фс'е т'ил'аша́м'и;*
- (32) *Ад'ин л'ах т'ил'ашы́най, сръматá кака́йа;*
- (33) *Буд'ит' пьт'апл'ей, ан'и (утки) жу́жав'ја́м'и л'ат'ат': жу́жъм, как журавл'и, адна́ зь адно́й;*
- (34) *Үада́м'и јес' пр'ин'имайут' (грибы);*
- (35) *Ана́ (ягода) го́дам, када́ быва́ит', када́ н'ет.*

Значение наречий *го́дами* и *го́дом* одно и то же: 'иногда, время от времени'.

К этому можно добавить цитату из картотеки Архангельского областного словаря (далее АОС): *В'ис'мам'и в'ис'ил'и, тол'ко крас'и́јот* (ягоды). Суффикс *-ами*, по-видимому, присоединяется к суффиксальному образованию *вис(ь)ма* с усечением одного [а], ср. там же: *В'ис'ма в'ис'ат* (о красной смородине) и *прошлый год висма висело*.

Проанализировав дополнительный объем материала, в работе 2012 года А. Ф. Журавлев находит новые аргументы в подтверждение высказанной им ранее точки зрения: «В русских диалектах некоторая — весьма небольшая и нечетко очерчиваемая — совокупность единиц, в частеречном отношении являющихся наречиями, обладает категорией числа. Жесткость суждения о непроницаемости русского наречия грамматическими категориями, свойственными другим частям речи, и, соответственно, принципиальной его неизменяемости, тем самым ослабляется» [Журавлев 2012: 53].

Заметим, что И. А. Мельчук, признавая конституирующим свойством наречия морфологическую неизменяемость, приводит, тем не менее, редкие случаи наречного согласования в аварском, лакском, цахурском языках Дагестана и в языке даланджи Западной Австралии [Мельчук 2000 II: 363—364].

5. Редупликация в системе словообразовательных средств диалектной речи

5.1. Редупликация получила признание в качестве одного из важнейших языковых механизмов, используемых как для формообразования, так и для словообразования, в конце XX столетия, и в настоящее время уже накоплен объем сведений, достаточный для теоретических обобщений и типологических описаний этого явления. Однако материалом для таких исследований до сих пор служат в основном языки Азии, Африки, Америки, Австралии, Океании и финно-угорские языки Европы. Что касается русского языка, то наблюдаемые в нем факты редупликации приводятся в некоторых фундаментальных исследованиях (напр., [Мельчук 2000; Рожанский 2011]) только как отдельные примеры в ряду тех, которые иллюстрируют

разные типы редупликации в других языках. Некоторым частным случаям редупликации в русском языке посвящены работы Ф. Р. Минлоса [Минлос 2002; 2004; 2005; 2007].

Между тем, в русском языке, в особенности, в его некодифицированной устной форме — диалектной речи — редупликация (ее принято также называть тавтологией) используется достаточно часто. Однако в русском языке как языке флективного типа механизм редупликации играет несомненно меньшую роль, чем в языках агглютинативного типа.

Примером редупликации словообразовательной морфемы можно считать удвоение показателя итеративности при образовании так называемых «многократных» глаголов типа *ходить* → *хаживать*, ограниченно функционирующее в литературном языке («преимущественно при изображении народного быта; они служат также средством архаизации стиля» [АГ-80 I: 600]) и широко практикуемое в севернорусских говорах, где встречается даже «трипликация» (напр., *брать* — *бирать* — *бёрывать* [Пожарицкая 1991]), Редупликация в этом случае вносит дополнительный элемент значения действия не только состоявшегося, но и прекращенного, замкнутого в прошлом.

В диалектах встречается редупликация и некоторых словоизменительных аффиксов: удвоение показателей инфинитива в глаголах типа *идти́ть* и 3-го лица в формах типа *несу́тцуть*, падежного показателя указательных и притяжательных местоимений типа *та́я, одна́я, ихний*, повтор некоторых приставок (*поподо́ить, попосыла́ть*). Повтор в этих случаях, по-видимому, служит «обновлению» стирающегося грамматического значения аффиксальной морфемы или «усилению» семантики корневой морфемы (напр., *бегом бежит, ревя ревет* и т. п.). Известен повтор предлогов (*На том на высоком берегу церковь стояла*) и союзов (*А мы пели да плясали да*). Повтор частицы может замещать союзные средства построения сложных высказываний: *Нынче-то на большой-то дороге-то ручей-то у бани-то у Павла-то дома — не текё сейгод* (Арх.). — ‘тот ручей, который находится на большой дороге около бани, стоящей рядом с домом Павла, в этом году не течет’. Повторяются некоторые темпоральные и модальные показатели [Шевелева 2001; Пожарицкая 2010].

Расширение круга наблюдаемых в русском языке явлений редупликации и системное их описание позволило бы включить факты русского языка в поле типологического исследования редупликации.

В данной работе мы ставили перед собой скромную задачу описания явлений, которые считаем редупликацией, на примерах из области словообразования наречий, соотносительных с формами твор. падежа имен существительных, в одном говоре (идиоме).

5.2. Наречные образования, участвующие в редупликациях, составляют третью часть нашего цитатного материала (51 из 153). В основном — это формы на *-ом, -ма*; форм на *-ой* (с глагольным корнем) всего три (*брédкой брédил, лёжкой лежít, связкой связáли*), а форма на *-ю* одна (*прóпастью пропáл*).

Если среди отглагольных наречий на *-ом* только часть повторяет корневую морфему глагольной формы, то образования с финалью *-ма* практически все включены в редупликацию, и можно думать, что таким и было их предназначение. Сочетание же с другими глагольными корнями, которое тоже встречается, явилось результатом расширения первичной модели, закреплением формы на *-ма* в качестве наречия и суффикса *-ма* как адвербиализатора.

5.2.1. Наречие на *-ма* может быть самостоятельным предикатом при эллипсисе глагольного сказуемого:

(36) *Ja* (бегу) *абр'атнъ*, а за мной мужык 'и (бегут) *б'аумá*;

(37) *Аун'ом* *фс'о* *гар'йт'* в руках, *фс'о* (делает) *б'аумá* и *б'аумá* (о хорошей хозяйке).

В последнем случае из исходного значения глагольного корня 'двигаться быстрым, резко отталкивающимся от земли шагом' [Ожегов 1972] развилось вторичное темпоральное значение 'делать что-либо быстро', выходящее за рамки способа передвижения.

Кажется, что по сравнению с параллельно существующим в говоре наречием *бегóm* «вырвавшееся» из редукации *бегма* обладает бóльшим «эмоциональным потенциалом»: ср. *Ja б'ауóm нас'илаc'*, *ja н'а л'уб'у вáлухом*, *д'эт-та он фс'о вáлухам*, а *ja фс'о б'ауóm*.

5.2.2. Словоформы на *-ом*, *-ма* при неоднокоренных глаголах обычно являются наречиями образа действия:

(38) *Д'икóка* (прозвище) *с'и́жам* *ус'н'от'*;

(39) *Ч'о* и *с'и́жма* *иддыхáт'* (отдыхать)!

(40) *Луч'и́нь* *фтыкáициць* *л'а́жма*;

(41) *Ч'ой-ть* *пáрд'ил'ис'* (испортились, о часах), *стáймá* *н'а хóд'ут'*;

(42) *Ма́й павáд'ил'ис'* (поросята), *рóнам* *б'ауут'* *на ул'ицу*;

(43) *Из л'асу* *пр'áма* *рáн'ма* *идут'* и *карóва* и *т'ал'óнак*.

То же в (1): *А* *мы стáймóк* и *с'и́жмóк* *катáимс'и* *пр'ам* *з гары́*.

Наречием способа действия можно считать также формы на *-ом*, *-ма*, уточняющие смысл однокоренного глагола, если тот допускает разные способы осуществления действия, как глаголы *гнать*, *везти*, *тащить*, *пить*:

(44) *Карóф урáн'áют'* *рóнам...* *рáн'и* *рóнам*, *аднá* *за адной*, *бýстра*;

(45) *Анá* *вон дáв'ъ*⁴ *кашéлку* *в'из'ма* *в'из'эт'*, *н'и* *пъдымáит'* *и́б*.

(46) *И́б* (машину) *таш'и'ил'и* *пр'ам* *таскмá*; ср.: (47) *Вáл'к'у* *с* *Къртанóсава* *таксмá* (sic!) *н'ос*;

(48) *П'јот'* *п'иткóм*, *н'и* *хл'абáит'*, а *пр'áма* *из* *рáришкá*;

ср. синонимичное с оттенком сравнения:

⁴ *Дáве* 'некоторое время тому назад (в пределах суток)'.

- (49) *Из шарика п'јот' м'лако́, быко́м п'јот', н'и хл'абáит', а быко́м п'јот'.*

Обстоятельствами образа действия являются редкие отыменные образования на *-ма*: *верхома́* (ехать), *пешома́*, *пешкома́* (идти), *плашма́* (лечь).

5.2.3. Редупликация глагольных корней образованиями на *-ом*, *-ма* может маркировать продолжительность — (50), (51), (52), (53), (54) или интенсивность — (55), (56), (57), (58), (59) действия; т. е. так или иначе усиливать смысл глагола, не внося дополнительных сем:

- (50) *Ана́ в'исам в'ис'ит' на н'ом, н'икуда́ н'и атход'ит';*
 (51) *А Кóл'к'а у н'ей жы́там жы́в'от';*
 (52) *Марус'к'а ч'ó-ть б'аума́ б'ажы́т', б'аума́ и б'аума́;*
 (53) *Ф Тум'и пр'ам л'ажма́ л'ажы́т' (снег);*
 (54) *Ты уш два ч'асá стайш и стайш стайма́;*
 (55) *З'инь зьбал'эль, у н'ей ш'ш'акá д'ирма́ д'ир'от';*
 (56) *Фс'е вон п'ир'икар'áбла⁵ нóу'и, ан'и у м'ин'е гар'ат' гарма́;*
 (57) *Дóма, када́ бан'ус'⁶, дражма́ дражу́;*
 (58) *И д'е'н'у'и дал'и плах'и́и, пр'ам кр'ичма́ кр'ичáль (плакала);*
 (59) *Пч'óлы дь кьмар'и́ фс'о гуд'ат' гудам.*

5.2.4. Закрепление в узусе обобщенного значения глагольного корня, метафоризация его ведет к образованию фразеологизмов, выступающих в роли сложного предиката:

- (60) *За два́ццэт' к'ило́м'итраф (упала бомба), и фс'е у нас хьд'ин'óм зьхад'и́л'и óкны.* Ср. лит. *ходить ходуном* — 'сильно трястись, сотрясаться' [Ожегов 1972].
 (61) *Вот стрóилс'и сас'эт, хот' бы он шумну́л⁷ на Кáт'у... А етът: И стáль н'а так, и с'эль н'а так; с'јел с'јадма́.* Ср. лит. *есть поедóм* — 'непрестанно мучить попреками, бранью' [Ожегов 1972].

5.2.5. Редупликация может усиливать модальный (эмоциональный) компонент всего высказывания в целом:

- (62) *Стала с'ид'эт', с'и́жам стала с'ид'эт'* (можно думать, что переход больного человека от лежания к сидению не был предсказуемым);
 (63) *Ана́ у балóта кра́ишика с'ид'ит' с'и́жма́... зам'óрзла;*
 (64) *В'исакó страс'... туды́-та (на печку) уш вл'éz'иш нь кал'énkьх, а антéл'-та⁸ уш пры́ума́ пры́уай.*

⁵ *Переко́рябатъ* 'исцарапать'.

⁶ *Ба́нйтся* 'мыться в бане'.

⁷ *Шумну́ть* 'крикнуть'.

⁸ *Онтэ́ль* 'оттуда'.

5.2.6. Таким образом, *-ма*-формы (как и *-ом*-формы) способны играть двойную роль: употребляясь при неоднокоренном глаголе-сказуемом или таком однокоренном, который допускает разные способы реализации действия, они являются полноценными наречиями и могут выступать в позиции предиката. Редулицируя глагольный корень с целью интенсификации обозначаемого им действия или формируя общую эмоциональность высказывания, формы на *-ма*, *-ом* сохраняют лишь форму наречия, поскольку, если в качестве ответа на вопрос «как спала?» правомерен ответ «сизма» (определение к глаголу), то вопрос «как дрожала?», предполагающий ответ «дрожма», не имеет смысла. В таком случае редулициация представляется неделимой, и возникает потребность определения грамматического статуса ее компонентов.

Т. С. Тихомирова, основываясь преимущественно на материале литературного языка, также приходит к выводу о функциональной неоднородности отглагольных наречных форм на *-ом*, *-ма*, *-мя*: «Если твор. тавтологический собственно усиления представляет собой грамматически неразложимое целое с одним лексическим центром, нерасчлененно обозначающим действие, то твор. тавтологический способа действия даже при однокоренном глаголе дает два предмета мысли — само действие и способ его совершения» [Тихомирова 1963: 251].

С точки зрения грамматической семантики редулициация типа *дрожма дрожала* эквивалентна одной словоформе, а *ма*-форма функционирует как аффиксальная морфема с количественным значением ‘очень’: *пре-большой*, *большой-ущий*. Это, по-видимому, соответствует мнению В. А. Плунгяна: «Как единые словоформы следует, по всей видимости, трактовать и такие раздельнооформленные комплексы в русском языке, как *штучки-дрючки*, *шурь-мурь*, *фигли-мигли* или *темным-темно*, *пьяным-пьяны* (равно как и многие другие случаи словесной редулициации в языках мира)» [Плунгян 2003: 25].

Однако если бы единство словоформы держалось только на единстве значения, то сюда следовало бы отнести не только редулициации, но и фразеологизмы типа *ему сам черт не брат*. Фонетический же (просодический) аспект не позволяет считать редулициацию одним словом (а левый редулициант на *-ма* или *-ом* аффиксальной морфемой) ввиду ее двуударности: хотя формы на *-ом*, *-ма*, будучи «лексическим центром» редулициации, акцентно выделены по сравнению с однокоренной глагольной формой, последняя не утрачивает своего ударения.

Н. Ю. Шведова рассматривает эти конструкции как сложное сказуемое, состоящее, как нам представляется, из двух слов: «Глагол соединяется с Твор. однокоренного имени, выступающим не как самостоятельный член предложения, а как составной элемент предикативно значимого сочетания» [Шведова 1960: 76].

Очевидно, вопрос о морфемном статусе членов редулициации — это один из тех в высшей степени типичных для лингвистики случаев, когда

единого решения в принципе не существует и следует удовлетвориться описанием status quo.

Образования с финалью *-ма* составляют яркую специфику говора Деулина⁹. О продуктивности их свидетельствует обилие цитат в словарных статьях ДС и окказиональные образования типа *стоймо́к, сижмо́к, пешома́ / пешома́* и др.

Суффикс *-ма* полностью изофункционален суффиксу *-мя*, но разные языковые идиомы могут иметь разные предпочтения: так, в говоре Деулина явно предпочитается *-ма*, а *-мя* встретилось только дважды (*едмя́, полошмя́*); в словарях литературного языка даются образования с *-мя*, а с *-ма* — только *дарма́, задарма́*. В говорах территории Архангельской обл. (которые, как известно, не однородны и не могут даже приблизительно считаться идиомой), оба суффикса существуют «на равных» и могут оформлять один и тот же корень: *стойма́* и *сто́ймя́*, *дро́жма́* и *дро́жмя́*, *дарма́, задарма́* и *дармя́*, а также *си́жма, лейма́, трэ́скма, це́лма́, тря́сма́, ви́сма, ве́рхма, ты́чма́, кишма́, па́дьма, ви́сьма (ви́сма) и ревмя́, живмя́, пешемя́, бе́жмя́, ле́жмя́, жи́рмя́, плашмя́, голошмя́, жильмя́, горья́, летьмя́* [ОСАГ].

Происхождение наречных образований с суффиксом *-ма* (а также *-мя*) до конца не ясно. В трудах по исторической грамматике русского языка, из которых только некоторые содержат раздел, посвященный наречиям, формы на *-ма, -мя* практически не рассматриваются. Несколько наречий такой структуры приводит в своей монографии Н. В. Чурмаева [Чурмаева 1989: 75], и они, в составе, расширенном за счет вариантов, подтверждаются акцентологическим словарем А. А. Зализняка: *бо́льма́ (бо́лма, бо́льми, бо́лми)*, *ве́льми (велми)*, *ко́льма (ко́лма, ко́льми, ко́лми)*, *то́льма́ (то́лма)*, *ве́сьма (вэ́сма)* [Зализняк 2011: 48]. Однако у этих наречий не отглагольные корни, а единственное отглагольное наречие — это *нудми, нудьма* от глагола *нудити* ‘вынуждать’: *Аще кто покусить(с), нудми прибегаю в цркви, изъвлеци* (ЗС XIV. 27 об.); *принесен || же бывъ мртвыи в пещеру, и нудьма сего положишиа, тесноты ра(д)* (ПКП 1406, 177 б-в) (цит. по [Чурмаева 1989: 75]). Но поскольку оно определяет не однокоренные глаголы, то в данном случае находится на периферии наших интересов.

Можно думать, что редупликации с *-ма/-мя*-формами возникли как элемент экспрессивно окрашенной устной речи, и именно в таком качестве продолжают существовать, проникая в язык художественной литературы, и фиксируются словарями. Неясно, когда возникли эти формы, но естественно предположить, что они принадлежали исключительно устной разго-

⁹ Следует отметить, что на самом деле, говоря о «специфике», мы не имели в виду отличий деулинского говора от всех других говоров русского языка, поскольку не обладали достаточной для этого сопоставительной базой: практически в нашем распоряжении были только [ОСАГ], который базируется на далеко не законченном полисистемном АОС, и картотека АОСа).

ворной речи, в то время как письменная речь была уже в достаточной степени формализованной и плохо пропускала в себя элементы разговорного дискурса. Позднее, в конце XVIII века, когда художественная литература обращается к повседневности и к провинциальному быту, в ней появляется всё больше «провинциализмов» и разного рода элементов разговорной речи, в том числе, и редупликаций с *-ма*-формами.

НКРЯ фиксирует как самую раннюю редупликацию *ливмя льет* в письмах Д. И. Фонвизина, помеченных 1784—1785 гг. Далее в XIX в. появляются *ревмя ревет*, *дрожмя дрожит*, *живмя живет*, *лежмя лежит* и др. При этом среди писателей оказываются особенные «любители» этих форм, явно склонные к созданию окказионализмов. Так, у уроженца Чухломского уезда Костромской губ. А. Ф. Писемского в произведениях 1855—1880 гг. встретились уникальные образования *лаймя лаяли*, *лупмя лупит*, *мормя морил*, *несмя несли*, *поймя поили*, а также *ругмя ругая*, которое используют и другие авторы. Неизвестно, является ли писатель автором этих выражений или он услышал их в том социуме, о котором пишет. Однако это не меняет сути дела: в любом случае редупликация глагольного корня в образовании на *-мя* появилась как средство выражения экспрессии, и продуктивность ее в этом качестве не угасла до настоящего времени. Наиболее «живучими» оказались *дрожмя дрожит*, *ливмя льет* и *ревмя ревет*, появляющиеся в произведениях современных писателей; у Б. Л. Пастернака встретилось кроме того *бежмя бежала* и *воймя воет*, у И. Грековой — окказионализм *нагишмя*. У писателей XX века некоторые *-мя*-формы употребляются как определения к неоднокоренным глаголам, т. е. как наречия: *сторчмя встало*, *стоймя ставила*, *стоймя засыпали*, *сидья засыпали*, *прикорнула сижмя*, *сижмя поплыла*.

Иная судьба у образований на *-ма*: в НКРЯ нам удалось найти только единичные редупликации *ревмя ревет* у Н. С. Лескова, Ф. М. Достоевского и А. П. Чехова и *бегмя бежит* у А. И. Солженицына.

Получается, таким образом, что форма на *-ма* (для нас, по крайней мере) не имеет своей истории.

Что же касается структуры (и этимологии), то в форманте *-ма* принято видеть флексию дат.-твор. падежей двойственного числа, а в форманте *-мя* — флексию числительных *три*, *четыре*, которая является контаминацией той же флексии двойственного числа именного склонения *-ма* с исконной флексией множественного числа числительных *-ми* [Борковский, Кузнецов 1965: 258]. Конечно, нельзя не признать странным использование формы именно двойственного числа при создании экспрессивного образования с глагольным корнем, но к такой интерпретации суффикса *-мя* склонен и В. В. Виноградов: «Даже если видеть в суффиксе *-мя* отложение древних именных флексий двойственного числа (ср. *двумя*, *тремя*), всё же трудно отрицать для современного языкового сознания их морфологическую близость к наречиям типа *лежа*, *сидя* и т. п. Функционально же они не отделимы от фразеологических сочетаний, возникающих из творительного усиления: *есть поедом*, *ходить ходуном* и т. д. Все эти отглагольные

группы наречий сближаются с наречиями образа действия. В них очень ощутительны качественно-обстоятельственные оттенки (ср. *крадучись* и *украдкой*, *умеючи* и *умело* и т. п.). Оттенок усиления, свойственный словам *ливмя*, *стоймя* и т. п., объясняется их тавтологическим или плеонастическим употреблением при словах той же основы или сходного значения (ср. *стоном стонать*, *бегом бежать* и т. п.)» [Виноградов 1947: 366].

Возникновения наречного суффикса *-мя* можно также связать с расширением финали причастно-деепричастных форм некоторых весьма частотных глаголов: во-первых, приставочных с корневым *-я-*, *-а-* (*ε) — *взять* → *возьмья*, *снять* → *соймья*, *жать* → *жмя* и т. п.; во-вторых, глаголов с конечным [м] основы (*вскормить* → *вскормья*, *сломить* → *сломья*, ср. окказиональное *тьмя* от *тьмить у С. Д. Кржижановского, и др.). Но в случае с *-ма* действительно трудно обойтись без апелляции к флексиям двойственного числа.

Что касается давно утраченной русским языком граммема двойственного числа, то следы ее в современном литературном языке и в говорах южнорусского наречия, к числу которых относится деулинский, весьма незначительны. Они гораздо более ощутимы в севернорусских (архангельских) говорах, где имеет место регулярное окончание *-ма* в твор. мн. прилагательных, местоимений и числительных (*бѣлыма*, *мойма*, *всемá*, *двумá*), а местами и существительных с безударными окончаниями (*игóлкима*, *жѣнама*) [Пожарицкая 2004]. В связи с этим предпочтительность (почти исключительность) суффикса *-ма* в деулинском говоре и равноправное существование *-ма* и *-мя* в архангельских неожиданны.

Говор Деулина имеет некоторые особенности, которые хотя и не проливают свет на происхождение форм на *-ма*, но могут, как нам представляется, способствовать видению того речевого фона, который поддерживает жизнеспособность и продуктивность *-ма*-форм в говоре:

1) характерной особенностью говора (фонетической по сути, но близкой к морфологизации по своему проявлению) является наращение безударного нефонематического гласного типа [а] после конечного [-м], в особенности, в глагольных формах 1-го лица мн. числа типа [брóс'има, пр'ин'ис'эма] [Пауфошима 1977; Горячева, Князев, Пожарицкая 2008];

2) в говоре активно употребляются собирательные существительные с ударным суффиксом *-á*, которые выполняют «дополнительное задание» экспрессивной оценки множества, в большинстве контекстов — с негативным оттенком семантики (отметим, что все рассматриваемые нами наречные образования на *-ма* имеют вариант с ударением на конечном гласном):

(65) Ты у́аж'ж'áла, тóжса да́ж'ж'á какáйъ бы́ла... фс'а у́л'ица сл'иткóм сл'илáс';

(66) Нóн'и ува фс'эх му́хá. Атк'эл'а¹⁰ ан'и вз'ал'ис'? Н'исказáнный¹¹ му́хá;

¹⁰ Откэ́ля 'откуда'.

¹¹ Несказáнный 'очень значительный по степени проявления качества'.

- (67) *Нын'и вон какáйъ ҫрыбá-та абрóднѣа*¹² — ср. *Пас'н'ейут' ҫрыбы* — в лес за ҫрыбáм'и, за ҫáуѣдѣм'и;
 (68) *Хто тр'иццѣт' тыш'и' дас'т'?* *Д'ан'ҫá-тѣ какáйа!* — ср. *Гѣва-р'ит'*, зѣ д'ан'ҫáм'и пр'ицѣхъл'и.

5.3. Кроме левой редупликации глагольного корня образованиями наречного типа на *-ом* и *-ма* в говоре существуют другие модели редупликации, некоторые из которых представлены и в литературном языке. Ниже рассмотрим их виды.

5.3.1. Субстантивные основы в модели им.+тв. типа *дурак дураком* с правой редупликацией и своеобразным лексическим наполнением, ср.

- рамóн рамóном* — ‘о ком-, чем-л., появляющемся дружно, один за одним’:
 (69) *Рамóн рамóнѣм вѣишл'и аҫуҫы́... и жѣн'иш'и'ина рад'ит'* (часто *рамóн рамóнѣм*, и *картóшк'и рамóн рамóнѣм*; *Рамóн рамóнѣм фс'е пр'ишл'и*).

В говоре есть и существительное *рамóнчик*: *Пр'ишж'ж'áл'и фс'е ч'аты́ръ как рамóн'ч'ик'и* — м'элк'иш, ч'áстѣ бóл'нѣ рад'ил'и, расту́т как *рамóн'ч'ик'и* (о внуках). Происхождение основы *рамон-* И. А. Оссовецкий связывает основой *ровн-*, в котором по локальным правилам диалектной фонетики [вн] > [мн], а основой семантики явился компонент положительной оценки качества прилагательного *ровный* [Оссовецкий 1982: 95]. Это показывает, как далеко может уйти семантика производного слова от производящего, но определить направление деривации в данном случае, как и во многих других, затруднительно.

круг кругóм:

- (70) *Кóл'иѣф наб'ила крух круу́ом стóҫа, штóп н'и зал'илѣ јавó;*

дождѣ дождѣм: ‘дружно, все сразу’ (при глаголах движения):

- (71) *Б'аҫут' дош'иш' даж'ж'óм р'аб'аты;*

верх верхóм:

- (72) *Нал'јѣт' в'ер'х в'ар'хóм* — *тр'ахнóт' н'аз'л'á* (ведро с молоком);

черѣд чередóм:

- (73) *Он фс'о раскáзѣваит' ч'ир'ѣт ч'ир'адóм, а уш стáрай.*

5.3.2. Глагольный корень может дублироваться деепричастием и именем существительным:

- (74) *Кóбы с'ид'эл'и с'и́жа, ан'и са стá ҫрам н'ѣ был'и бы п'јáныи;*

- (75) *Как с'идн'а с'ид'ит'... у друҫóй д'ѣт'и, а анá в'илóм в'јóцѣа;*

¹² *Обрóднѣй* ‘имеющийся в большом количестве, обильный’.

просить на упрós:

(76) *Вас'áтку упрáшывал пр'áмъ нъ упрós:* «Ид'и пърабóтъйс'ь»;

проклинáть (проклясть, клясть) в (на) проклín:

(77) *Вán'к'у свавó пръкл'на́йу ф пракл'ín;*

(78) *Пръкл'алá јавó пр'áма на пракл'ín;*

(79) *Йијó доч' кл'ин'óт' нъ пракл'ín.*

В слове *проклín* фонологизуется безударный гласный мотивирующей основы глагола *проклинáть* при образовании существительного с нулевым суффиксом.

дога́дываться на дога́д:

(80) *Он дал јаму́ зъп'ату́йу, н'и прóсть сказáл, а дага́дыва́йс'и нъ дага́т;*

в улóг лечь:

(81) *Замуч'илас', в улóх л'ау́лá.*

Как видим, в этих случаях преобладает правая редупликация.

Иногда вторичным (производным) представляется глагол, а семантическим центром — существительное, например, с значением временного отрезка:

лéто летовáть:

(82) *Ан'и (дрова) у м'ин'é сух'и́и, л'éта л'итавáл'и.*

час часовáть:

(83) *Он там ч'áсу н'и ч'исавáл, пр'ишóл ап'ét' нъабрáтнъ;* ср. литературное *зиму зимовать* или просто *зимовать* — явно диалектного происхождения.

5.3.3. Другие модели полной и частичной редупликации:**годóв-годóв:**

(84) *Шуба фс'а абл'éзлýа. Уж гадо́ф-гадо́ф тр'апáла;*

мáло-мáло / мáло-малá / мáло-малéнько / мал-малéнечко:

(85) *Ты йавó мáла-мáла ды укáч'ивай, мál'ин'кава-та;*

(86) *Как'и́и мáль-мал'á навóз'ут' (удобряют навозом), то пълуч'áйут' картóшку;*

(87) *Хч'аму́ тáх-тъ нъп'ивáцца? Вýп'ил'и мáль-мал'én'къ, и фс'о;*

(88) *Ч'ивó јес'л'и мал-мал'én'ич'ка јес' — и сы́ну н'асу́.*

6. Вариативность способов словообразования наречий

Специфика диалектной речи как устной формы реализации языка, избавленной от давления кодифицированной нормы, обуславливает свободу и разнообразие способов соединения корневых и аффиксальных морфем и способствует формированию рядов словообразовательных вариантов, включающих окказионализмы. Это сближает диалектную речь с авторской ре-

чью таких писателей, как А. Ф. Писемский, Н. С. Лесков, А. П. Платонов, В. Маяковский и др.

Говору Деулина в высшей степени свойственна как вариативность фонемного состава корневых морфем, так и свобода выбора синонимичных аффиксов, сочетающихся с одной и той же основой, либо одного и того же аффикса — с разными вариантами основы. Получающиеся при этом слова едва ли можно назвать синонимами; их правильнее было бы назвать **вариантами слова**, если бы в нашем «профессиональном лексиконе» было достаточно четко определено такое понятие.

Так, например, множественность вариантов фонемного состава основы при чрезвычайной близости, практически идентичности, ее семантики ('кувыркаться', 'перевернуть', 'опрокинуть') демонстрируют дивергентные разновидности основы, фонемный состав которой можно изобразить как <к-о/у-б/в/т-у/и-р->: *кобур-* (*кобуркóм кобуря́ться*), *кобыр-* (*кобырнóуть*), *кубыр-* (*кубырнóуть*), *ковыр-* (*ковырнóуть*), *кутур-* (*кутуря́ться*), *кутыр-* (*кутыркóм / кúтыркóм*), напр.: *М'ад'в'эт' вб'ашк'и¹³ н'и ум'эит' б'эуат'*. *Он пр'ама кúтыркóм, кúбар'им ч'ер'из уóлаву.*

В ЛЯ этим шести вариантам корневой морфемы соответствуют три: *ковыр-ять*, *кувыр-каться*, *кубар-ем*.

Примером «свободного обращения» с фонемным составом слова может служить наречие *оттуда*, которое отмечено в девяти вариантах: *оттúда / оттэда / оттэль / онтúда / онтúдова / онтэда / онтэдова / онтэля / онтэль*; обобщенно — <о-т/н-т-у/е-д/л'-Ø/a>. Как видим, из шести фонем в составе слова устойчивы только две, которые объединяют «крайние» варианты *оттúда* и *онтэль*: начальная гласная (которую мы определили бы как гиперфонему) и третья ⟨т⟩; предшествующая (вторая) ⟨т⟩ фонетически (в порядке диссимиляции) чередуется с ⟨н⟩: [тт]/[нт], подтверждая стертость морфемного шва на стыке приставки с корнем и одноморфемность слова. Это не подрывает веры в смысловозначительную роль фонемы только потому, что каждый вариант слова, хотя и произведенный в достаточной мере стихийно, закреплен узусом одного диалектного идиома и потому, вероятно, не может считаться окказионализмом. Впрочем, принять решение «за» или «против» окказионального статуса того или иного слова нам мешает ограниченность времени наблюдения диалекта — с авторской речью писателей это сделать значительно легче.

Диалектному словообразованию присуща свобода выбора варианта мотивирующей основы, которая сочетается с свободой выбора суффикса, в результате чего образуются вариантные ряды наречий, оформленных синонимичными суффиксами.

сúд-ем / сúж-ем / сиж-мá / сиж-м-óк:

(89а) *Вы с'ид'úт'а с'úд'ъм, а с'úд'а прадúктъф мáль нáдъ;*

(89б) *Д'икóка (прозвище) с'úжам ус'н'óт';*

¹³ *Вбежкú 'бегом'.*

(89в) *С'ижма́ сп'у, како́й сон!*

(89г) *А мы стаймо́к и с'ижмо́к катáимс'и пр'ам з'уары́.*

кри́к-ом / кри́ч-ем / крич-ма́:

(90а) *Фс'е рабо́ч'иш кри́кам кри́ч'а́т' (плачут), фс'е картóшк'и пъза-мо́кл'и;*

(90б) *Па́л'ац аткус'и́ль св'ин'я́ — ана́ пр'ам кри́ч'ам кри́ч'и́т';*

(90в) *И д'ен'у'и да́л'и плах'и́а, пр'а́мъ кри́ч'ма́ кри́ч'а́ла.*

Отметим, что в говоре есть однокоренное отсубстантивное наречие с другой финалью *вкриковóю*, значение которого тождественно редупликации: *З ба́пкаи ража́ла и ум'арла́; мы фкрикаву́жа... Ох ы пла́кали.*

ле́ж-ем / ле́ж-к-ой / леж-жу́ / леж-ма́:

(91а) *Ле́жам ч'ита́л и улаза́ папо́рт'ил'ис';*

(91б) *Гд'ей-та ч'арн'ика с'и́л'на́а, ле́шкai л'ажы́т';*

(91в) *Он стр'ал'а́с'и л'ажу́;*

(91г) *Ты с'ат', л'ажма́ што́л' жа́д'а́т'?*

В корневой морфеме наречий *лежью́* и *лежма́* возможна фонема ⟨а⟩, поскольку в говоре существуют инфинитивы *лечь* и *лячь*: *Ф прáз'н'ик л'ач' и́дда́хну́т' (отдохнуть) хо́цца.*

Как видим, глагольный корень *леж-/ляж-* оформляется любым суффиксом из арсенала флексий твор. падежа существительных, кроме *-ами*, который, как уже говорилось, не взаимодействует с глагольными основами.

Количество наречий с разным аффиксальным оформлением одной и той же корневой морфемы доходит до десяти (включая двухкорневое образование): *пеш-ем / пеш-ей / пешь-ю / пеш-ома́ / пеш-к-о́м / пеш-к-а́ми / пеш-к-ома́ / пеш-к-ур-о́м / пеш-к-ур-о́й / пеш-е-хо́д-ом.*

Синонимию разных словообразовательных вариантов наречия демонстрируют цитаты:

(92) *Ад У́лавáнъфк'и уш мы ил'и п'ешам да са́май вот пр'ама да са́май да р'ик'е́ п'ашко́м ил'и.*

(93) *Пашл'и́ на Ту́му п'ашко́м, п'ышкурóй.*

Можно думать, что дублирующее финальное наречие подчеркивает трудность, утомительность действия; но если это так, то это связано не с формой наречия, а с его ролью дублера в конечной фразовой позиции.

Имеющийся цитатный материал позволяет выявить различия экспрессивной модальности в некоторых структурах с диминутивными суффиксами:

*ва́лухом / ва́лушкoм*¹⁴ — 'медлительно, неторопливо':

(94) *Так ана́ ум'е́ит' фс'о д'е́лат', но ва́лухам фс'о;*

¹⁴ *Ва́лух* 'кастрированный бык'.

- (95) *Л'уд'и' работъют' фс'е испъдавол'к'и'¹⁵, пѣт'ихон'ич'ку, пѣл'ауо-н'ич'ку, вѣлушкам, а мы па-б'ешънаму.*

Судя по контексту, *вѣлухом* — это скорее плохо, а *вѣлушкой* — скорее хорошо.

кобунѡм / *кобунѡм* / *кобунѡчком* — ‘о чем-л., имеющем грушевидную форму’:

- (96) *Гаршѡк у нас был кѡм'иннай, в'исѡкай, кѡбунѡм;*

- (97) *Гаршѡк'и кѡбунѡм — уѡрлышка уѡ'ин'к'ийа;*

- (98) *Ех, уѡвар'ит, уаршѡч'ик кѡбунѡч'кам, хърашѡ!*

Наречия с диминутивными суффиксами вписываются в контекст с другими диминутивными формами, создавая общий эмоциональный тон высказывания: *потихѡнечку, полегѡнечку, вѣлушкой; горшѡк кобунѡм* или *кобунѡм*, но *горшѡчек кобунѡчком*.

Вариативность фонемного состава основы может проявляться в достаточно часто встречающейся метатезе согласных: *таскѡм* и *таксѡм*, *зля* и *льзя* (ср. лит. *нельзя*), *курѡнчик* и *круѡнчик*, *браковать* и *барковать* и др.

Акцентные варианты не обязательно связаны с различиями в семантике; в нашем материале это только *круѡм* и *круѡм*:

круѡм — 1) ‘вокруг, со всех сторон’:

- (99) *Мал'ин'н'ик, там уш фс'ѡ вѣкас'ил'и, круѡм, круѡм;*

2) ‘очень’:

- (100) *У н'ѡѡ с'ѣрца круѡм фс'ѡ бал'нѡйа;*

круѡм — ‘совершая кругообразные движения’:

- (101) *Аднѡ кѡр'ица была... вот тах-та фс'ѡ круѡм, круѡм, круѡжыца и с'ѡ.*

Другие акцентные варианты — *кутырѡм* / *кутырѡм*, *лѣжѡма* / *лѣжѡм*, *набѡгом* / *набѡгом*, *стѡйѡма* / *стѡйѡм* — равнозначны. Встречаются акцентные варианты и среди наречий другой структуры: *бѡдро* / *бѡдрѡ*, *дѡвно* / *дивнѡ*, *дѡволи* / *доволя*, *дѡчѡста* / *дѡчѡстѡ*, *напрѡтѡ* / *напрѡти*, *наскрѡзь* / *наскрѡзь*, *нехѡльнѡ* / *нехѡльнѡ*.

Таким образом, сдвиг ударения на конечный слог, который часто сопутствует адвербиализации падежной формы существительного, в нашем говоре проявляется (ср. *передѡм*, *спѡхѡм*, *ночьѡ*, *осеньѡ*), но не регулярно.

Заключение

Описанный нами фрагмент словообразовательной системы (наречия с суффиксами, соотносительными с флексиями твор. падежа имен существительных) демонстрирует широкую вариативность средств и способов словообразования

¹⁵ *Исподовѡльки* ‘постепенно, исподволь, не сразу’.

в диалектной речи, в результате чего образуются ряды однокоренных наречий с варьированием фонемного состава корня и синонимичными суффиксами.

Повышенная, по сравнению с нейтральным стилем нормативного литературного произношения, экспрессивность живой диалектной речи проявляется в широком использовании приемов редупликации при образовании наречий.

Л и т е р а т у р а

- АГ-80 — Русская грамматика / Н. Ю. Шведова (гл. ред.). т. I—II. М., 1980.
- Борковский, Кузнецов 1965 — В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1965.
- Бромлей, Булатова 1972 — С. В. Бромлей, Л. Н. Булатова. Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.
- Брызгунова 1977 — Е. А. Брызгунова. Анализ русской диалектной интонации // Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. М., 1977. С. 231—262.
- Виноградов 1947 — В. В. Виноградов. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 1947.
- Винокур 1959 — Г. О. Винокур. Заметки по русскому словообразованию // Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 419—442.
- Высотский 1973 — С. С. Высокский. О звуковой структуре слова в русских говорах // Исследования по русской диалектологии. М., 1973. С. 17—41.
- Галкина-Федорук 1957 — Е. М. Галкина-Федорук. Наречие в современном русском языке. М., 1957.
- Глушенко 2003 — О. А. Глушенко. Наречия с семантикой общей оценки в архангельских народных говорах. // Вопросы русского языкознания. Вып. 10. М., 2003. С. 94—105.
- Горячева, Князев, Пожарицкая 2008 — Ю. В. Горячева, С. В. Князев, С. К. Пожарицкая. Соотношение инициации, фонации и артикуляции как элемент речевой базы диалекта (на материале говора д. Деулино) // Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова. М., 2008. С. 352—368.
- Горячева, Князев, Пожарицкая 2009 — Ю. В. Горячева, С. В. Князев, С. К. Пожарицкая. Фонетическая реализация заударных гласных в различных просодических условиях: пограничные тоны (на материале говоров рязанских группы) // Исследования по славянской диалектологии. 14. М., 2009. С. 15—52.
- Ефремова 1968 — В. Ф. Ефремова. Из наблюдений над структурой современного русского языка на уровне морфов // Семантические и фонологические проблемы прикладной лингвистики. М., 1968. С. 45—55.
- Журавлев 1980 — А. Ф. Журавлев. Об одном периферийном явлении в русской морфологии: категория числа у наречия // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1978. М., 1980. С. 226—237.
- Журавлев 2012 — А. Ф. Журавлев. Категория числа у русского наречия // Вопросы языкознания. № 5. 2012. С. 38—56.
- Зализняк 2011 — А. А. Зализняк. Труды по акцентологии. Т. II. Древнерусский и старовеликорусский акцентологический словарь-указатель (XIV—XVII вв.) М., 2011.
- Захарова, Орлова 1970 — К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова. Диалектное членение русского языка. М., 1970.

Земская 1987 — Е. А. Земская. Функциональный подход к изучению деривационных морфем // Морфемика. Принципы и методы системного описания / Межвузовский сборник под ред. И. А. Сеиной. Л., 1987. С. 65—74.

Иткин 2007 — И. Б. Иткин. Русская морфонология. М., 2007.

Кодзасов 2000 — С. В. Кодзасов. Скрытая просодия слова и звуковые изменения (на материале говора д. Деулино Рязанской области // Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячелетия. Доклады и тезисы научной конференции. 29 мая — 2 июня 2000 г., М., 2000. С. 88—94.

Королева 1984 — Е. Е. Королева. Синхронное словообразование наречий, соотносительных с творительным падежом существительных // Методические материалы к спецкурсу по русской диалектологии. Даугавпилс, 1984.

Королева 2003 — Е. Е. Королева. Синхронное словообразование наречий, соотносительных с формой родительного падежа имен существительных (на материале архангельских говоров) // Вопросы русского языкознания. Вып. 10. М., 2003. С. 50—63.

Мельчук 2000 — И. А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. I, II, III. М.; Вена, 2000.

Минлос 2002 — Ф. Р. Минлос. Использование неточной редупликации в русском языке: этнолекты и разговорная речь // Исследования по восточнославянской диалектологии. 8. Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст. М., 2002. С. 102—119.

Минлос 2004 — Ф. Р. Минлос. Ономастическая редупликация в восточнославянских диалектах // Исследования по восточнославянской диалектологии. 9. Методы изучения территориальных и социальных диалектов. К итогам опыта славянской диалектологии XX в. М., 2004. С. 203—219.

Минлос 2007 — Ф. Р. Минлос. Редупликация и парные слова в восточнославянских языках в контексте языковых контактов // Межъязыковое влияние в истории славянских языков и диалектов: социокультурный аспект. М. 2007. С. 375—407.

Минлос 2005 — Ф. Р. Минлос. Рифмованные сочетания в русском фольклоре. Редупликация и парные слова // Русский язык в научном освещении. 2005. № 1 (9). С. 96—115.

Оссовецкий 1982 — И. А. Оссовецкий. Лексика современных русских народных говоров. М., 1982.

Панков 2008 — Ф. И. Панков. Опыт функционально-коммуникативного анализа русского наречия. М., 2008.

Пауфошима 1977 — Р. Ф. Пауфошима. О структуре слога в некоторых русских говорах // Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. М., 1977. С. 185—230.

Первухина 2003 — Е. В. Первухина. Наречия со значениями 'далеко' и 'близко' в архангельских говорах // Вопросы русского языкознания. Вып. 10. М., 2003. 33. С. 181—194.

Плунгян 2003 — В. А. Плунгян. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2003.

Пожарицкая 1991 — С. К. Пожарицкая. О семантике итеративных глаголов в севернорусских говорах // Современные русские говоры. М., 1991. С. 84—93.

Пожарицкая 2004 — С. К. Пожарицкая. Беспредложный творительный падеж в севернорусских говорах на общеславянском фоне (семантика и синтаксис) // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 9. М., 2004. С. 131—158.

Пожарицкая 2010 — С. К. Пожарицкая. Модальные слова, производные от *быть*, *бывать*, в севернорусской диалектной речи // Русский язык в научном освещении. № 1 (19). М., 2010. С. 103—131.

- Потебня 1958 — А. А. П о т е б н я. Из записок по русской грамматике. Том I—II. М., 1958.
- Рожанский 2011 — Ф. И. Р о ж а н с к и й. Редупликация. Опыт типологического исследования. М., 2011.
- Тихомирова 1963 — Т. С. Т и х о м и р о в а. О творительном тавтологическом в русском языке // Славянская филология. Вып. 5. М., 1963. С. 242—266.
- Филипенко 2003 — М. В. Ф и л и п е н к о. Семантика наречий и адвербиальных выражений. М., 2003.
- Чекмонас 1993 — В. Н. Ч е к м о н а с. «Слоговые интонации» и длительности безударных гласных в говоре д. Деулино // Исследования по славянскому историческому языкознанию. Памяти профессора Г. А. Хабургаева. М., 1993. С. 167—182.
- Чурмаева 1989 — Н. В. Ч у р м а е в а. История наречий в русском языке. М., 1989.
- Шевелева 2001 — М. Н. Ш е в е л е в а. Об утрате древнерусского перфекта и происхождении диалектных конструкций со словом *есть* // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве. М., 2001. С. 199—216.
- Шведова 1960 — Н. Ю. Ш в е д о в а. Очерки по синтаксису устной разговорной речи. М., 1960.

Источники

- АОС — Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. Вып. 1—14—. Даль — В. И. Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I—IV. М., 1955.
- ДС — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского р-на Рязанской обл.) / Под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969.
- Зализняк 1977 — А. А. З а л и з н я к. Грамматический словарь русского языка. М., 1977.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru).
- Ожегов 1972 — С. И. О ж е г о в. Словарь русского языка. М., 1972.
- ОСАГ — Обратный словарь архангельских говоров / Под ред. О. Г. Гецовой. М., 2006.

SOFIA K. POZHARITSKAYA, NADEZHDA L. SAMSONOVA
(Lomonosov Moscow State University)

REMARKS ON THE STRUCTURE AND SEMANTICS OF ADVERBS IN ONE DIALECTAL SYSTEM (V. DEULINO, RYAZAN' REGION).

Within a fragment of the derivational system of one South Russian idiom, a diversity and variability of derivational means and synonymous adverbs derived from the same root but different in their morphological makeup is considered. The fragment covers adverbs that include nominal instrumental affixes. In these adverbs, reduplication and onomatopoeia are used as linguistic expressive means.

Keywords: adverb, derivational morphology, morpheme, variation, reduplication

В. Ю. ГУСЕВ

**ИСТОРИЯ ГОВОРКИ
(РУССКОГО ТАЙМЫРСКОГО ПИДЖИНА)
ПО ЛИНГВИСТИЧЕСКИМ ДАННЫМ ***

Говорка — пиджин на русской лексической основе, который был в ходу среди аборигенного населения п-ова Таймыр в XIX—XX вв. Зафиксировано его использование нганасанами, долганами и енисейскими эвенками (см. карту), но можно предполагать, что он был известен и другим народам этого региона. Отрывочные свидетельства о говорке относятся к первой половине XX и даже к XIX в., однако впервые она была зафиксирована в значительном объеме (и идентифицирована как самостоятельный язык) лишь в 1980-х гг. О месте и времени ее возникновения прямых свидетельств также не сохранилось; все существующие гипотезы основываются лишь на том, что нам известно об истории коренного населения и русской колонизации Таймыра.

В этой статье мы постараемся восстановить историю говорки, опираясь на собственно лингвистические данные, т. е. на известные элементы нерусского происхождения внутри самого пиджина. Они очень немногочисленны, но, как нам кажется, дают вполне определенную картину истории одного из немногих известных русских пиджинов.

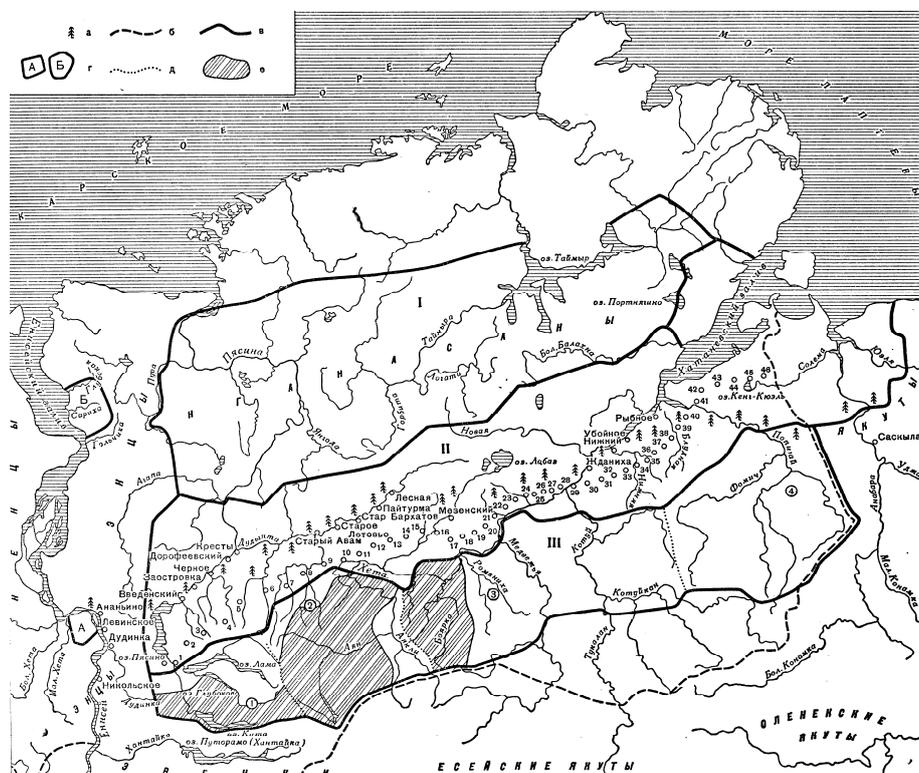
В первом разделе будут представлены основные особенности говорки и история ее описания. Раздел 2 будет посвящен иноязычным элементам ее грамматики и лексики и гипотезам об их происхождении. В разделе 3 на основании этих фактов мы постараемся восстановить исторический путь пиджина. Наконец, в разделе 4 мы предложим решение известной загадки говорки — хорошего сохранения русской глагольной морфологии при полном распаде именной.

Валентин Юрьевич Гусев, Институт языкознания РАН (Москва).

* Мы благодарны А. К. Петровой за ценные замечания к статье. Работа написана при поддержке гранта РФФИ № 11-06-00371а.

Русский язык в научном освещении. № 1 (25). 2013. С. 135—157.

П-ов Таймыр [Долгих 1963: 96].

Для аборигенных народов показаны места традиционных кочевий. Цифрами показаны станки Хатангского тракта, буквами и линиями — территориальные группировки долган и их границы. Штриховкой показаны области расселения эвенков, вошедших в состав долган, но еще в 20-х гг. XX в. сохранявших эвенкийский язык

1. Говорка и история ее описания

1.1. История изучения

Как было сказано, первые сведения о говорке относятся ко второй половине XIX — первой половине XX в. и представляют собой цитаты из речи местных жителей — долган, эвенков, нганасанов и др. — в дневниках посещавших Таймыр путешественников и священников, а в 20—30-е гг. XX в. — посланцев Советской власти, в частности писателя и кинооператора М. А. Никитина [Никитин 1929] и работницы «красного чума» Амалии Хазанович [Хазанович 1986]; см. обзор источников по говорке [Stern 2009: 386] и подробнее [Stern 2012]. Впервые говорка была идентифициро-

вана как отдельный язык и зафиксирована в значительном объеме Е. А. Хелимским в 1980-х гг. [Хелимский 1987; 2000]. В 2000 г. материал говорки собирал на Таймыре Д. Штерн (см. [Stern 2005] и ряд других работ, на которые мы будем здесь ссылаться). В 2009 г. значительный корпус текстов, который в настоящее время расшифровывается и готовится к публикации, был записан А. Ю. Урманчиевой. Наконец, совсем недавно вышла объемная монография [Stern 2012], содержащая подробное описание говорки, ее исторический и культурный контекст, а также словарь и образцы текстов (полную подборку старых фиксаций и отрывки из современных текстов). Насколько известно, сейчас носителей говорки уже нет.

Важно учитывать, что все современные записи говорки были сделаны от людей, родным и основным языком которых был нганасанский. Данных о том, как звучал этот язык в устах представителей других национальностей, у нас очень мало (а есть основания предполагать, что он выглядел по-другому, см. об этом ниже). Нганасанские черты в грамматике и лексике говорки идентифицируются легко, но не всегда можно понять, какие из них являлись стабильным признаком говорки, а какие возникли под минутным влиянием родного языка говорящего.

Наконец, дело еще более осложняется тем, что последние носители говорки на протяжении всей жизни подвергались влиянию стандартного русского языка — по радио и телевидению, в ходе общения с русским населением, а начиная примерно с 70-х гг. — и с собственными детьми и внуками, которые все более и более забывали родной язык и переходили на русский. Поэтому фактически мы имеем дело с постпиджинным континуумом. Говорка, очевидно, довольно далеко отошла от состояния базилекта¹, но мы не знаем, насколько; в отношении многих ее черт мы не можем быть уверены, были ли они присущи ей всегда или возникли уже недавно.

1.2. Структура говорки

Здесь нет места подробно излагать то, что известно на сегодняшний день о говорке; см. об этом указанные выше работы и прежде всего [Хелимский 2000; Stern 2005]. Укажем лишь основные факты.

Как это обычно бывает с пиджинами, говорка утратила большую часть морфологии языка-лексификатора (т. е. русского): именную морфологию полностью, глагольная же морфология, неожиданным образом, в значи-

---

¹ При изменении пиджина (креола) под вторичным влиянием языка-лексификатора базилектом называется исходное состояние пиджина, акролектом — сам язык-лексификатор (он же в данном случае «язык-цель», «target language»); промежуточные состояния называются мезолектами и образуют постпиджинный (посткреольский в случае креольского языка) континуум. Варианты пиджина, которые употребляются представителями различных национальностей и несут на себе отпечаток соответствующих языков, называются этнолектами. Основные понятия креолистики см., например, в [Holm 1989] и на русском языке [Беликов, Крысин 2001: 115—154; Перехвальская 2008: 63—69].

тельной мере сохранилась (см. об этом специально в разделе 4). Следуя модели всех аборигенных языков этого региона, большое развитие получили послелогои, некоторые из которых обнаруживают неожиданную полисемию (см. раздел 2). Посессивные и определительные отношения выражаются простым соположением имен. У местоимений можно предполагать появление аналитических форм двойственного и множественного числа: *меня оба* ‘мы двое’ vs. *меня се* (< *все*) ‘мы многие’. Приведем несколько примеров (все — из работы [Хелимский 2000])²:

- (1) *Меня русский говорка место казать будет.*
‘Я буду говорить на русском языке’.
- (2) *Вода таскать не хочет его оба.*
‘Они двое не хотят носить воду’.
- (3) *Меня се тебя дожидал.*
‘Мы (многие, букв. «все») тебя ждали’.
- (4) *Меня сестра девка мужик совсем худой.*
‘Муж дочери (т. е. зять) моей сестры очень плохой’.
- (5) *Меня пиши па́дерка.*
‘Напишу-ка я письмо’.

Как видно, у глаголов утратилось противопоставление по виду (*пиши* вм. *напиши*); и по возвратности у глаголов (*дожидал* вм. *дожидался*, ср. также *торопи* вм. *торопись*, пример (6)). Из словоизменительных категорий исчезло согласование с субъектом: русские лично-числовые формы присутствуют, но употребляются хаотически (наряду с примерами типа (3) возможно и *тебя как живут* ‘как ты живешь’). В то же время сохранены три времени русского глагола и условное наклонение (частица *бы*), а также инфинитив и повелительное наклонение (в котором форма 2 л. ед. ч. обобщилась на всю лично-числовую парадигму³).

Лексика практически полностью заимствована из русского языка — разумеется, в его местном варианте, который в свою очередь отражает ряд черт первичных русских диалектов, ср. такие слова, как *лони/лани* (*Тундра-место лани году будто два лавка был* ‘В тундре в прошлом году как будто два магазина было [Никитин 1929: 139] — рус. диал. *лоні́, лоні́сь* с вари-

² Вслед за Е. А. Хелимским здесь и ниже мы будем записывать говорку с помощью стандартной русской орфографии, игнорируя как русское аканье, так и фонетические особенности, пришедшие из местных языков, т. е. *совсем, место, вы-таицил* вместо *сапсем, места, бытасил* и т. д. В примерах, заимствованных из книг М. А. Никитина и А. М. Хазанович, мы сохраняем пунктуацию источника.

³ А. Ю. Урманчиева, которая записывала говорку на 20 лет позже, чем Е. А. Хелимский, отмечает, что императив утратил способность сочетаться с 1 и 3 лицом, очевидно, приблизившись к стандартной русской модели [Урманчиева 2010: 201—203]. См. о последнем этапе существования говорки в разделе 3.

антами [СРНГ 17: 126—128]), *сашка* (то, что должно быть у начальника; вероятно, какое-то оружие [Никитин 1929: 26] — ср. *са́шка* ‘шашка, сабля’ [СРНГ 36: 159]), *быват* ‘может быть’ (много примеров у А. М. Хазанович, например, *Русский землю смотреть уехал. Быват, сегодня, быват, завтра придет* [Хазанович 1986: 80] — ср. СРНГ 3: 337]) и ряд других. А. Ю. Урманчиева [2010: 196] приводит послелог *токобаза* ‘как’ (качественное сравнение), восходящий к *такова же*:

- (6) *Эй, сестра, торопи! Васептэ оленей посылал тебе, тундру место вести. Теперь ты нганасан такова же будешь* [Хазанович 1986: 50].
 (7) (про картинку) *Один, будто хомяк, а другой таковаса медведь* [Хазанович 1986: 102].

Однако многие слова приобрели новые значения по образцу нганасанских: *говорка* значит не только ‘язык, речь’, но и ‘слово’ (как нган. *biədi*), *резать* — не только ‘резать’, но и ‘проводить время’ (нган. *tətu-*), и т. д.

Несколько слов иноязычного происхождения будут рассмотрены в следующем разделе.

1.3. Этнолекты говорки

Как было сказано выше, более или менее полно говорка зафиксирована только в том виде, как она использовалась нганасанами в последние три десятилетия. Про употребление говорки представителями иных национальностей данных у нас очень мало, однако есть несомненные свидетельства того, что у нганасанов, долган и эвенков говорка существовала в различных вариантах.

Е. И. Убрятова пишет о долганской говорке, с «массой слов долганского происхождения», а также «с заимствованными из языка долган гласными» [Убрятова 1985: 67—68]. Под последними, очевидно, имеются в виду гласные, которых нет в русском языке; это могут быть только *ö* и *ü*, а также, возможно, противопоставление долгих и кратких гласных. И оппозиция по долготе, и звук *ü* прекрасно совместимы с нганасанской фонетикой (*ö* в нганасанском также присутствует, но ограничено по дистрибуции), и мы могли бы ожидать встретить эти черты в говорке, но в имеющемся у нас материале ничего подобного нет (ср. [Stern 2005: 298]), как нет и слов долганского происхождения, кроме одного — *ураха* ‘чум’. Убрятова не приводит примеров, однако, по-видимому, образцы русской речи долган, приведенные у Амалии Хазанович, отражают ту самую долганскую говорку ([Хазанович 1986: 20, 28, 126]; отсюда же взяты пояснения в скобках):

- (8) *Чего делать станешь? (...)* большой человек лечить или карса (песца) помогать ловить станешь?
 (9) *Тюрэгэнник надо (скорей надо).*
 (10) *Быват, ты уол?! (Может быть, ты парень?!).*

— см. [Stachowski 1993: 169, 235, 243 s.v. *kyrsa, türgännik, uol*].

О говорке эвенков данных также мало, однако есть интересные и неоднозначные примеры в книге М. А. Никитина, передающего рассказ туруханского инспектора В. П. Александрова о поездке в Хатангскую тундру к «самоедам» и, в частности, его речь перед местными жителями [Никитин 1929: 139—141]. Самоеды здесь однозначно идентифицируются как нганасаны: это следует и из географии (в районе Хатанги нет иных самодийцев), и из их одобрительного возгласа «Такаряба-няга!» — нган. *Taharⁱabə ŋaagəə* ‘теперь хорошо’. Однако в Туруханске нганасанов нет, и Александров, вероятно, владел каким-то иным вариантом говорки. В самом деле, в его речи регулярно встречается частица *да*:

- (11) — *Тундра-место лани году будто два лавка был: артель-лавка, да общество-лавка. Артель-лавка товары продавал, общество товары продавал, — будто одну работу делил, одну дорогу гонял.*
Теперь тут Туруханск-место артель-да-лавка люди собрались, общество-да-лавка люди собрались, — такой говорка держали.
Зачем два лавка держим, нужна одна лавка, да тут дородно будет.
Стал народ две лавки парить, — лавка да сильная вышла, народу да пособно стало.
На таком тарабарском наречии объяснил я самоедам значение интеграл-кооперации.
Они, конечно, закричали:
— Такаряба-няга!
По-нашему это выходит так:
— Теперь хорошо!⁴

М. А. Никитин, по-видимому, воспринимает *да* как русский сочинительный союз, чем в ряде случаев и объясняется пунктуация, однако здесь ее употребление соответствует эвенкийской сочинительной и эмфатической клитике *-dā⁵*, ср., например, [Болдырев 2007: 847—851]:

⁴ *Дородно* ‘хорошо’ [СРНГ 8: 133], *парить* ‘соединять’ [СРНГ 25: 225], *пособно* ‘удобно’ (см. этот корень [СРНГ 30: 190—192]) — это русские диалектизмы, как и *лони*, о котором см. выше.

⁵ Надо отметить, что и в речи нганасанов, передаваемой Никитиным со слов Александрова, встречается частица *да*, а также генитивное употребление послелого *место* (в нганасанской говорке, как было сказано, посессивные отношения выражаются просто соположением, ср. пример 4):

- (i) *Тебя меня место рожка знаешь?*
 «Знаешь ли ты меня?»
 (ii) *Чай пил да чего-то худо?*
 «Разве худо будет, если я буду пить с тобой чай?»⁵.

Вопрос интерпретации примера (i) остается открытым. Нельзя исключить, конечно, и того, что либо Александров, либо Никитин искажил цитату, приспособив ее к привычным им формам пиджина. Что касается примера (ii), то он содержит особую конструкцию, хорошо представленную в современной нганасанской го-

- (12) Бу мэр-ду-вэр=дэ, хуңту-л-ду=дэ дэги-л-ду=дэ дю-л-а
 мы сам-Dat-Refl.Pl=и другой-Pl-Dat=и птица-Pl-Dat=и дом-Pl-Dest
 одя-ңна-рав.
 делать-Habit-Praes-1Pl.excl
 ‘Мы устраиваем жилища и для себя, и для других птиц’.

2. Иноязычные элементы говорки

Вопрос о времени и месте возникновения пиджина, в отсутствие прямых исторических свидетельств, естественно решать на основании его иноязычных (не принадлежащих языку-лексификатору) элементов: наличие таких элементов говорит об участии в формировании пиджина носителей соответствующего языка. Проще всего это делать с помощью иноязычной лексики, но в случае говорки ситуация осложняется тем, что русских лексем в ней известно очень мало. Список из трех слов повторяется во всех описаниях говорки: это *урахá* ‘чум’ (из долганского *uraha* [Stachowski 1993: 245]), *на́дерка* ‘письмо’ (из ненецкого *надър*) и *дярингá* ‘парень’ неизвестного происхождения. Д. Штерн [Stern 2005: 295] добавляет сюда слово *бетангá* ‘чир’, которое заимствовано из нганасанского *beʹaŋə*, однако из-за своей фонетики (в частности, переноса ударения) не может считаться просто вставкой нганасанского слова. Послелог *сторона/торона* ‘в направлении чего-л.’ имеет неожиданный вариант *торобá*; Д. Штерн предполагает, что он мог появиться под воздействием нган. *tabaʹa* ‘туда’ [Там же: 299].

Что касается структурных особенностей говорки, то ее отличие от русского языка несомненно, однако большинство этих особенностей отражает либо общий западносибирский тип (порядок слов SOV и в целом левое ветвление, наличие двойственного числа), либо обычные особенности пиджинов (упрощение морфологической структуры, сокращение лексики и использование составных наименований).

Ситуация, однако, не совсем безнадежна. Не говоря о том, что есть еще надежда разгадать загадку слова *дяринга*, косвенным образом на историю говорки могут указывать послелого *место* и *мера*. Представим здесь кратко их этимологию (подробно см. [Гусев 2012]).

ворке (ей посвящен отдельный раздел в монографии [Stern 2012: 520—526]). Она состоит из частицы *да* всегда в сочетании с прошедшим временем глагола и соответствует двум нганасанским деепричастиям: деепричастию предшествования (оно же инфинитив) на *-sa* и условному на *-hiiʹ* (в примере (ii) представлено именно условное значение, а все предложение целиком — калька с очень распространенной в нганасанском языке формулы предложения вида «Если Р, плохо ли?» или «Если Р, что будет?»). Пока неясно, что послужило ее непосредственным источником, но, во всяком случае, ее следует отличать от сочетаний *да* с существительным, представленных в примере (11).

2.1. Послелог *мера* употребляется в говорке в двух значениях: ‘размером с’ и ‘во время’:

- (13) *Совсем дом мера или балок мера такой камень стал.*
 ‘Прямо размером с дом или с балок камень появился’ [Урманчиева 2010];
- (14) *Самый-то война мера умирал.*
 ‘Он умер в середине войны’ (букв. «когда была самая война» [Stern 2005: 302]).

Такая полисемия выглядит совершенно невозможной с точки зрения как русского, так и самодийских языков. Если первое употребление этого послелoga очевидно восходит к русскому существительному *мера*, то второе не получается объяснить ни русскими источниками, ни самодийским влиянием, ср. обычные нганасанские конструкции:

(15) а. <i>тадэ</i> <i>манди?</i>	б. <i>бэина</i> <i>түүһэни</i>
дом размером с	война во время
‘размером с дом’	‘во время войны’

Однако послелог с такой же полисемией имеется в долганском языке: это корень *hak-* [Stachowski 1993: 92—93], образующий послелogi *haga* (*hak* + притяжательный аффикс 3 л. ед. ч.) ‘размером с’ и *hagyna* (*hak-* + старый аффикс локатива + притяжательный аффикс 3 л. ед. ч.) ‘во время’; ср. якутское *сах* ‘время’, *саба* ‘около (о времени); равный, подобный (относительно) объема’, *сабана/сабына* [Пекарский 1959: стлб. 2015—2016, 2019—2020, 2133—2134; Грамматика якутского языка 1982: 421, 422]. Ср. долганские примеры [Stachowski 1993: 92]:

(16) а. <i>löriö</i> <i>hag-a</i>	б. <i>häri</i> <i>hag-yn-a</i>
бабочка мера-3Sg	война мера-Лок-3Sg
‘размером с бабочку’	‘во время войны’

Как бы ни объяснялась эта полисемия в долганском и якутском языках, вполне очевидно, что послелог *мера* в говорке — калька с долганских *haga* и *hagyna*, с учетом обычного для пиджина упрощения морфологии.

2.2. Если послелог *мера* — прямая калька двух долганских форм, то с послелогом *место* дело обстоит сложнее, но и данных об истории он может дать больше. Благодаря своей частотности и необычному с точки зрения носителя русского языка употреблению он стал самой «приметной» чертой говорки: русскоязычные нганасанские дети дразнили стариков: *Меня место ходи!* [Хелимский 2000: 389]. А. Ю. Урманчиева [2010] показала, что употребление *место* соответствует четырем локативным падежам северносамодийских языков (лативу, локативу, аблативу и прола-

тиву)⁶, причем, что важно, также в их нелокативных употреблениях (бенефактив, инструмент, эталон сравнения и др.). Вот несколько примеров (в скобках указывается грамматическое значение и, после знака равенства, падеж, которым это значение выражается в самодийских языках):

- (17) *Ночью когда меня **тебя место** ходил.*
‘Когда я ночью приходил к тебе’ (аллатив).
- (18) ***Тарик место** такан налил.*
‘Он налил **старик** стакан’ (бенефактив = латив).
- (19) ***Дорога место** какой-то черный лежит.*
‘**На дороге** что-то черное лежит’ (локатив).
- (20) *Тебя колоти **ножик место**.*
‘Коли **ножом!**’ (инструмент = локатив).
- (21) *Тут лук вытащил **нога место**.*
‘Тут лук вытащил **из ноги**’ (аблатив).
- (22) *Такой-то **баба место** большой голова.*
‘Такая голова, больше, **чем у женщины**’ (эталон сравнения = аблатив).
- (23) ***Тут место** идет река край место.*
‘**Там** идет **по берегу реки**’ (пролатив).
- (24) *Меня русский **говорка место** казать будет.*
‘Я буду говорить **на русском языке**’ (способ действия = пролатив [Хелимский 2000: 379]).

Однако ни в русском, ни в северосамодийских языках нет никакой модели, которая могла бы послужить непосредственным источником такого обобщения существительного *место*. А. Ю. Урманчиева в указанной работе предполагает, что *место* может восходить к *вместо*, употреблявшемуся в ситуации товарного обмена, с закономерным упрощением начального кластера. Кажется, что по-русски для указания цены или обменного эквивалента скорее употребляется *за* или *на*, чем *вместо*; не фиксируется такого употребления и в диалектах [СРНГ 4: 321]. Что важнее, по-нганасански в таких случаях действительно употребляется пролатив и можно было бы понять, если бы *место* осталось аналогом пролатива; но экспансия этого показателя в сферу употребления других падежей вряд ли возможна именно потому, что противоречит северосамодийской модели. Д. Штерн [Stern 2011: 54—69] предлагает в качестве исходного употребления не пролативное, а локативное (*тут озеро место* ‘на этом озере’), но проблема дальнейшего расширения употребления *место* также остается нерешенной.

Два предложенных пути развития *место* показаны на схемах 1 и 2; пунктирными линиями показано расширение сферы употребления лексемы

⁶ В [Урманчиева 2010] эта аналогия продемонстрирована на энецком материале, однако в данном отношении энецкий и нганасанский материал сходны, за одним исключением: в нганасанском языке есть также новый аллатив, сферу употребления которого в говорке, что примечательно, также покрывает *место*.

внутри одного языка. Видно, что и в том, и в другом случае эти линии пересекают границы употребления падежей, чего, видимо, не должно быть: переосмысление языковых единиц в пиджинах должно основываться на привычных для говорящих моделях или, во всяком случае, не должно им противоречить.

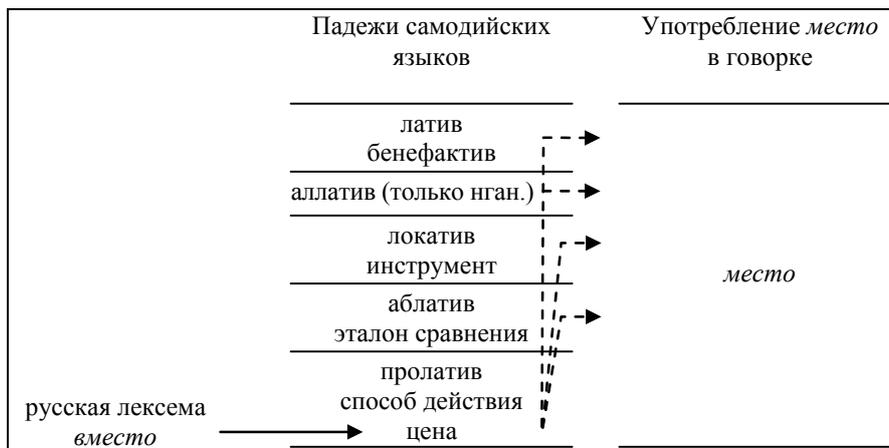

Схема 1. Развитие русского *место* в послелог *место* в говорке по [Урманчиева 2010: 205]

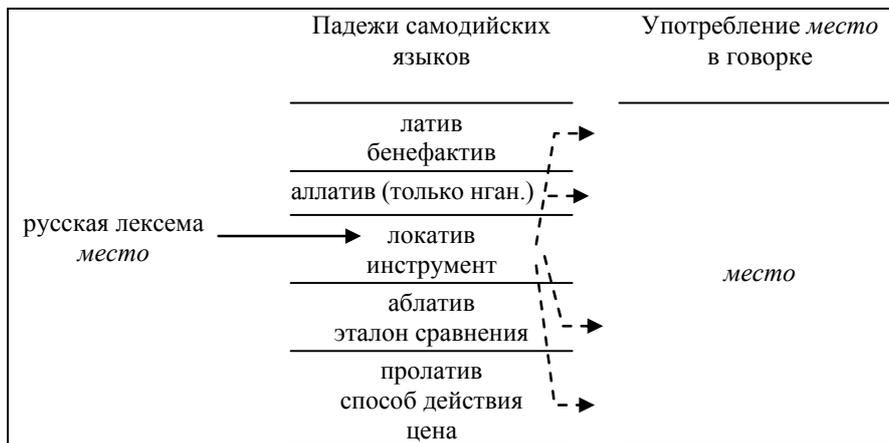

Схема 2. Развитие русского *место* в послелог *место* в говорке по [Stern 2011: 54—69]

В этом контексте интересно долганское существительное *hir* с широким кругом значений: ‘земля’, ‘место’, ‘мир’, а также ‘часть’, ‘вещь’ [Stachowski 1993: 104—105]⁷:

- (25) *Бу икки караг-ын уу-та тэс-тэр бир-ихэр икки*
он два глаз-3Sg вода-3Sg вытечь-Cond место-3Sg.Dat два
тэриэлкэ-ни уур-бут.
тарелка-Асс поставить-PtPraet
На место, где капали ее слезы, две тарелки поставил [ФД: 120—121].
- (26) *Ыраак бир-тэн кэл-бит киһи.*
далекий место-Аbl прийти-Prf человек
‘Издалека (букв. «из далекого места») пришедший человек’ [ФД: 154—155].
- (27) *Мастаак, ичигэс бир-гэ, оннук бир-гэ олоксуй-уок-пут!*
лес-Adj теплый место-Dat такой место-Dat остановиться-Fut-1Pl
‘Мы остановимся на таком месте, где растет лес, где тепло!’ [ФД: 184—185].
- (28) *Мин атын бир-инэн курдары түһ-үө-м*
я другой место-Instр прямо спуститься-Fut-1Sg
‘Я другой дорогой (букв. «по другому месту») напрямик спущусь’
[ФД: 156—157].

На основе некоторых из проиллюстрированных локативных употреблений, особенно в творительном падеже, развился ряд нелокативных значений *hir*:

- (29) *Албын бир-инэн биһигини эрэй-дээ-н иһ-э-гин.*
обман место-Instр мы.Асс мучать-Conv идти-Praes-2Sg
‘Обманнным путем подверг нас мучениям’ (букв. «мучаешь нас»)
[ФД: 244—245].
- (30) *Арай биир ат үс бир-инэн ньокчо-лоок*
ведь один лошадь три место-Instр горб-Adj
ат-ы төрөө-бут
лошадь-Асс родить-PtPraet
‘Вот одна лошадь трехгорбого («трижды горбатого») конька родила’ [ФД: 172—173].

Если, как это происходит в пиджинах, основа *hir* утратит словоизменительную морфологию и будет употребляться во всех приведенных выше контекстах как неизменяемый послелог, то некоторые из этих них будут

⁷ В наших тезисах, опубликованных в сборнике материалов XVIII Дульзоновских чтений (Томск, 2011, с. 139), в качестве источника послелога *место* предлагается долганское *опти* ‘место’, что, по-видимому, неверно.

напоминать употребления послелога *место* в говорке; ср. особенно такие примеры, как (26) «далекий место», (29) «обман место нас мучал» (ср. выше в примере (20б) из говорки: *ножик место* ‘ножом’).

Тем не менее, зафиксированные употребления *место* в говорке по-прежнему не тождественны употреблениям основы *hir* в долганском языке. В частности, у последнего, насколько нам известно, отсутствуют бенефактивные (ср. пример (18)) употребления. Напротив, *hir* употребляется в значении ‘вещь, предмет’, а этого значения вовсе нет у лексемы *место* в говорке. С точки зрения северосамодийских языков, *hir* покрывает употребления всех местных падежей, но для большинства из них частично; а кроме того, имеет ряд дополнительных значений. Поэтому невозможно считать *место* прямой калькой с долганского *hir*, аналогично предложенному выше решению для *мера* и *hak-*.

Объяснение, однако, можно найти, если предположить развитие *место* в говорке в два этапа. Вначале *место* стало послелогом по модели долганского *hir*, но, естественно, без его падежных окончаний⁸. Потом уже сформировавшийся послелог *место* был переосмыслен по северосамодийскому образцу: он получил недостающие употребления местных падежей и утратил, с северосамодийской точки зрения, «лишние».

От изложенных выше гипотез истории послелога *место* наше предложение отличается тем, что предполагает изначальное проникновение *место* в известный нам вариант говорки сразу в функции не одного, а нескольких локативных падежей, и в дальнейшем *место* расширило свое употребление лишь в рамках тех же форм (см. схему 3), за исключением, по-видимому, лишь латива и аллатива: эти формы в нганасанском языке близки и в ряде контекстов взаимозаменяемы, поэтому проникновение *место* из сферы употребления латива в сферу аллатива в любом случае не вызывает удивления.

Это решение, если оно верно, очень существенно для истории говорки. Оно указывает на то, что формирование пиджина происходило как минимум в два этапа: сначала это были русско-долганские контакты, и лишь потом к ним присоединились северные самодийцы (по-видимому, нганасаны). Восстановить историю говорки по имеющимся данным мы попытаемся в следующем разделе.

3. Лингвистические данные на историческом фоне

Все, кто писал о происхождении говорки, предполагали, что она возникла на рубеже XVIII и XIX веков или в начале XIX века либо в южных районах Таймыра вдоль так называемого Хатангского тракта — цепи посе

⁸ Возможно, *место* употреблялось в долганской говорке и в значениях ‘вещь, предмет’ и ‘земля’, но данных об этом у нас нет.

Схема 3. Предполагаемое развитие русского *место* через долганское и самодийское посредство в послелог *место* в говорке

лений (каждое из которых состояло из одного-двух домов), тянущейся с юго-запада на северо-восток от Дудинки до Хатанги (см. карту на с. 136) и саборигенной стороны в ее образовании участвовали якуты — предки долган и эвенки [Хелимский 2000: 380]; либо в еще более южных районах [Урманчиева 2010]; либо в результате контактов нганасанов с уже сформировавшимся долганским этносом без особого участия русского населения [Stern 2005: 290—291]; либо, наконец, в результате длительной постепенной эволюции, начавшейся одновременно с регулярным сбором ясака в конце XVIII в. [Stern 2009: 393—394]. Все эти гипотезы, однако, основывались скорее на истории заселения Таймыра, чем на лингвистических особенностях говорки. Также все они предполагают, что говорка, как классический пиджин, возникла в результате неполного усвоения русского языка местным населением, хотя в дальнейшем могла испытывать влияние стандартного русского языка.

Все исследователи признают, что важным этапом в формировании говорки был период контактов, завершившихся формированием долганского этноса, который сложился в ходе контактов русских затундренных крестьян с якутами и якутоязычными эвенками в конце XVIII — XIX вв. в южной части Таймыра, вдоль Хатангского тракта. Поселившиеся там русские крестьяне полностью восприняли образ жизни, культуру и язык (северный диалект якутского) окружающего населения — сохранив, однако, национальную идентичность [Долгих 1963; Урванцев 1978: 25; Убрятова 1985: 6].

По нашему мнению, говорка сложилась именно из остатков русского языка этих крестьян, то есть стала результатом не неполного усвоения русского языка, а, наоборот, неполной его утраты.

Она была средством общения вне своей этнической группы — с русской администрацией и купцами или с представителями соседних народов; при этом ни говорящие на ней, ни их собеседники, разумеется, не считали говорку отдельным языком: в их понимании это был просто русский язык. Существенно, что необходимость в таком общении возникла уже после того, как ушло поколение, владевшее собственно русским языком. Эта необходимость появилась при жизни их детей, полностью перешедших на долганский язык и сохранивших русский в очень редуцированной и долганизированной форме, — но, когда возникла нужда говорить по-русски, этот их язык естественным образом оказался востребованным.

Эта версия происхождения говорки не только согласуется с историческими фактами, но объясняет и «морфологическую загадку» — относительное сохранение глагольной морфологии при полном разрушении именной, см. раздел 4.

Если наше предположение верно, то первый этап формирования говорки был исключительно русско-долганский, без заметного участия других народов.

На втором этапе — видимо, уже после того, как говорка в какой-то степени стабилизировалась, — в использование говорки включились нганасаны; именно к этому этапу относится, по крайней мере, «самоедизированное» употребление послелога *место*. К этому же времени относится и адаптация лексики к нганасанским моделям, и еще одно новшество, принесенное в грамматику пиджина северными самодийцами, — двойственное число местоимений, реликты которого были отмечены Е. А. Хелимским (конструкции типа *меня оба, его оба*, см. выше). Тогда же, очевидно, в говорку вошло слово *бетангá* ‘чир’ (вид рыбы): оно очевидно нганасанского происхождения (*bet'áŋə*), но ударение на последнем слоге и отсутствие дифтонга может свидетельствовать о его долганской (во всяком случае — иноязычной) адаптации. В это же время, очевидно, говорка распространилась и на юг от Хатангского тракта, к эвенкам. Возможно, ею пользовались и энцы, жившие к западу, на правом берегу Енисея.

Использовалась ли говорка, помимо контактов с русскими, также для общения между аборигенными народами Таймыра? На первых порах, вероятно, да: в противном случае придется предположить, что это русская администрация и купцы выучили говорку и научили ей нганасанов и эвенков, что маловероятно: других таких примеров в истории колонизации Сибири, как кажется, не отмечено. Однако в дальнейшем ситуация должна была измениться.

Многие очень авторитетные исследователи (В. П. Кривоногов [1998: 252], Г. Н. Грачева [1978: 91—92] и вслед за ними Д. Штерн [Stern 2005: 290 и 291]) пишут об отсутствии традиции многоязычия у народов Таймыра. Наш опыт говорит об обратном, во всяком случае, в отношении авам-

ских нганасанов: все знакомые нам нганасаны 1930—1940-х годов рождения, т. е. заставшие то время, когда русский еще не был основным языком всех жителей Таймыра, владеют (или владели — некоторые из них уже ушли из жизни), по крайней мере пассивно, энецким и долганским языками, часто имеют представление также о ненецком. О вадеевских нганасанах 30-х годов то же пишет А. М. Хазанович, ср. такие ее свидетельства: «Язык долган нганасаны знают хорошо, и рассказывать им что-либо лучше на этом языке» [Хазанович 1986: 76]; «Все слушали с вниманием и меня, и переводившего мой доклад на долганский язык Попова, и Васептэ, говорившего по-нганасански для тех, кто не понимал языка долган» [Там же: 123]⁹. О том, что многие долганы владели эвенкийским языком, упоминает Е. И. Убрятова [1985: 12—13]. Как видно, речь не идет об использовании в XX в. русского языка (говорки) на Таймыре в качестве лингва франка; местные языки подходили для этой цели гораздо лучше.

Об этом же говорит наличие этнолектов: чтобы появились и закрепились перечисленные в разделе 1.3 различия, пиджин должен был существовать у нганасан, долган и эвенков отдельно.

В то время, когда были живы еще многие нганасаны — носители говорки, найти говорящих на говорке долган не удалось [Stern 2005: 294], несмотря на то, что численность долган в пять раз выше: на 1989 год на Таймыре жило 4939 долган против 849 нганасанов [Кривоногов 2001: 16, 139]. Долгане утратили говорку, перейдя на обычный русский язык, по видимому, к 60—70-м годам XX века: до этого времени должны были дожить те собеседники Е. И. Убрятовой, которые были молодыми людьми в 1932—1934 годах, когда она работала учительницей в Норильско-Пясинской школе-интернате [Убрятова 1985: 4] и, возможно, сама отучала от говорки самых младших ее носителей. Нганасаны дольше находились в относительной изоляции (вплоть до 1970-х гг. они были рекордсменами по степени владения родным языком среди всех народов Севера, см. [Кривоногов 2001: 153—159]), школьное обучение в форме интернатов стало распространяться среди них лишь с конца 1940-х годов, поэтому последние говорящие на этом языке дожили до нашего времени. Современные данные о говорке у эвенков также отсутствуют.

Мы попытались проследить историю говорки от момента ее формирования в ходе русско-якутских (долганских) языковых контактов в районе Хатангского тракта в конце XVIII — начале XIX вв. до нашего времени.

---

⁹ Нганасаны делятся на две большие группы: авамские, кочевавшие в центральной части Таймырского полуострова, а ныне сосредоточенные в поселках Усть-Авам и Волочанка (см. карту на с. 136), и вадеевские, кочевавшие восточнее, а ныне живущие в основном в поселке Новая. Сейчас в Усть-Аваме и Волочанке соотношение долган и нганасанов примерно равное, а в Новой сильно преобладают долгане.

Открытым остается вопрос о возможных более ранних формах пиджина, принесенных русскими в качестве средства общения с «туземцами». Такую возможность не исключал, в частности, Е. А. Хелимский [2000: 380].

В частности, район Хатангского тракта не объясняет одно из немногих надежно этимологизируемых нерусских слов говорки — *надерка* ‘письмо, документ’ от нен. *надър* ‘узор, пятно; бумага, письмо и пр.’. Насколько известно, ненцы никогда не проникали восточнее левого (западного) берега Енисея. Поэтому местом формирования по крайней мере первоначальных вариантов говорки можно считать скорее район Дудинки как место торговых встреч всех народов этого района: ненцев, энцев, нганасанов, долган, якутов, эвенков (ср. [Доннер 2008: 82], где упоминаются — правда, применительно к началу XX века — визиты в Дудинку представителей всех этих народов). Впрочем, контакты русских с ненцами начались существенно раньше и существенно западнее, поэтому слово *надерка* могло быть известно русским и до прихода на Таймыр.

Выскажем в заключение предположение об этимологии слова *дяринга* ‘парень’. В отсутствие правдоподобных соответствий в северносамодийских, долганском или эвенкийском языке можно привлечь распространенное во всех диалектах хантыйского *jörəŋ, jārəŋ* и т. д. ‘могущественный, гордый, почтенный и пр.’ + *ko* ‘человек’; в восточном ареале *jörəŋ ko* ‘чиновник; начальник; господин’ [DEWOS: стлб. 401]. Русская колонизация Сибири проходила, в частности, через земли северных и восточных хантов [Хелимский 2002: 78; Forsyth 1992: 28 и сл.]. Правдоподобным кажется предположение о том, что хантыйское *jörəŋ ko* было заимствовано в какую-то из существовавших форм пиджина для почтительного обозначения мужчины, но со временем, возможно, утратило оттенок уважительности; впрочем, полных данных о значении *дяринга* в говорке у нас тоже нет.

4. «Загадка морфологии» и говорка как необычный пиджин

«Загадкой морфологии говорки» («The Taimyr Pidgin Russian morphology enigma») Д. Штерн [Stern 2009] назвал факт сохранения в ней русской глагольной морфологии при полной утрате именной. Сохранение это, впрочем, относительное: как было сказано в начале статьи, глагол утратил противопоставление видов, видовое (приставки) и возвратное (постфикс *-ся*) словообразование, а согласование по лицу, числу и роду присутствует лишь частично: формы как таковые имеются, но часто употребляются неправильно. В полной мере сохранились лишь временные формы и императив, у которого форма 2 л. ед. ч. обобщилась на всю парадигму. Наличие условного наклонения на *бы* особым аргументом не является, поскольку оно образуется аналитически. Тем не менее, факт остается фактом: в пиджине и такого количества морфологии не должно было сохраниться, ср. полную ее утрату в руссенорске и в дальневосточном русско-китайском

(«сибирском», по терминологии Е. В. Перехвальской) пиджине, см. [Перехвальская 2008: 146—149].

Д. Штерн в указанной работе и А. Ю. Урманчиева [2010] полагают, что глагольная морфология появилась в результате смешения уже существовавшей на тот момент говорки и собственно русского языка крестьян, вступавших в браки с долганами; в этом случае сама говорка как более или менее сложившийся пиджин должна была появиться ранее массового вхождения затундренных крестьян в состав долганского этноса либо быть принесенной на Таймыр из более южных или западных районов. Аналогичного мнения — что говорка не сохранила, а приобрела глагольные формы в ситуации постпиджинного континуума — придерживается Е. В. Перехвальская ([2008: 190] и специально [Перехвальская 2007]).

Отметим сразу — как кажется, на этот факт не обращали внимания авторы перечисленных работ, — что глагольные формы говорки не однородны. Как уже говорилось, формы инфинитива и всех трех времен употребляются последовательно, а императив 2 л. ед. ч. не только сохранился, но и расширил свое употребление. Напротив, согласовательные формы лица, числа и рода употребляются хаотично, что и указывает на их недавнее заимствование из русского языка.

Упомянем для сравнения ситуацию в сибирском русско-китайском пиджине, который сейчас также находится в стадии постпиджинного континуума. В нем глагольной морфологии ранее не было вовсе, и ныне формы времен употребляются так же хаотично, как в говорке — формы лица, числа и рода [Перехвальская 2010: 181]:

- (31) *Тозе обучает. Суда ного ходи, ездили они.*
'Они тоже (были. — В. Г.) преподаватели. Они часто приезжали сюда'.
- (32) *Када маленький был, говорит по-удэгейски. А потом по-русски. И щас тоже по-удэгейски говорю.*
'В детстве я говорил по-удэгейски. Потом по-русски. Сейчас по-удэгейски тоже говорю'.

Каковы бы ни были причины сохранения глагольной морфологии в говорке, следует отличать стабильные формы времен, императива и инфинитива от нестабильных форм лица, числа и рода. Естественно предположить, что вторые действительно появились недавно в ситуации постпиджинного континуума — в противном случае за полтора века их употребление так или иначе стабилизировалось бы; стабильность же первых служит сильным аргументом в пользу того, что они являются давним элементом говорки.

Точно установить, какие элементы существовали в пиджине до первой половины XIX в. (периода переселения на Таймыр заметного количества русского населения и последующей его ассимиляции), а какие появились после этого времени, станет возможно, только если будут открыты неиз-

вестные пока источники. Заметим, однако, что нет необходимости предполагать не подтвержденное пока ничем существование в районе Таймыра ранее XIX в. стабильного русского пиджина. Если, как было предложено выше, считать говорку не результатом неполного усвоения русского языка местным населением, а «остатками» языка русских затундренных крестьян, то аналоги ей надо искать не среди классических пиджинов (каковым она в этом случае не является), а среди примеров утраты языка эмигрантами. В последние два десятилетия был накоплен обширный материал по языку русской диаспоры, и параллели весьма показательны.

В коллективной монографии [Земская (ред.) 2001], посвященной русскому языку зарубежья, несколько раз отмечается бóльшая устойчивость системы глагола по сравнению с именем; точнее — по сравнению с падежными формами существительных, поскольку формы множественного числа функционируют без ошибок (см. с. 85, 104—105, 207, 233—235 и др. указанной работы). Хотя подробнее всего описывается речь жителей США, интересно, что «экспансия именительного падежа» (т. е. утрата падежных форм) наблюдается также в речи человека, живущего в немецкоязычном окружении (см. с. 241—248), ср. такие примеры, как *посылают дети* (т. е. *детей*), *вышла замуж за герцога* и др. Таким образом, исчезновение падежей сложно списать только на влияние окружающего беспадежного языка¹⁰. Есть мнение, что тенденция к ослаблению формального противопоставления падежей действует в русском языке давно и в языке эмиграции лишь усиливается (см. вторую часть указанной книги, особенно с. 351—369 и 476, а также [Гловинская 1996]), но факт остается фактом: в ситуации утраты русского языка падежи исчезают в первую очередь.

Если в [Земская (ред.) 2001] исследуется речь людей, в целом сохранивших русский язык и допускающих относительно небольшие отклонения от его норм, то серия работ М. С. Полинской (в частности, [Polinsky 1998; 2006] и ряд других) посвящена тем, у кого утрата языка зашла гораздо дальше. В «американском русском» языке падежные противопоставления утрачиваются; то же, хотя более медленно, происходит с родом ([Polinsky 1998: 101, 109, 112; 2006: 214—224]):

- (33) *В России они думают можно лечить без врач.*
- (34) *Я никогда не прочитал эта книга.*
- (35) *Ты вчера ты позвонила моя мать для маникюр?*
- (36) *Мой мать она убирать дом.*

Что касается глагола, то у него исчезает согласование с субъектом [Polinsky 2006: 238—239]¹¹:

¹⁰ Долганский и все прочие языки Таймыра обладают развитыми падежными системами.

¹¹ Что интересно: лично-числовые и родо-числовые формы глагола хотя и утрачиваются, но намного медленнее, чем падежные формы имен: из таблицы

(37) *Мои родители они купил другой дом.*

(38) *В университет книги будет дорого.*

Из других характерных для американского русского явлений в глаголе в лексике называется утрата глагольного вида и смешение возвратных и невозвратных глаголов (*родила* вм. *родилась*, *лечить* вм. *лечиться* и др., а в грамматике — утрата частицы *бы* [Polinsky 1998: 104—105, 108—110; 2006: 226—236]). Легко заметить, что исчезновение противопоставления по виду и рефлексивности роднит American Russian с говоркой. Временные формы глагола в работах М. Полинской специально не обсуждаются; можно предположить, что этому они обязаны своей хорошей сохранностью, и примеры подтверждают это предположение.

Таким образом, «загадка морфологии» таймырского русского пиджина может найти разгадку в его истории. Говорка, как мы предположили, возникла не как результат неполного усвоения русского языка иноязычным населением, но как результат утраты русского языка его носителями¹². Аналогичные процессы, происходящие сегодня, показывают, что в ситуации утраты языка русская именная морфология исчезает быстрее, чем глагольная. Исследования М. С. Полинской демонстрируют, что при активном вхождении в иноязычную среду эта стадия наступает уже у второго поколения эмигрантов.

Есть основания предполагать, что интеграция затундренных крестьян в жизнь местного населения была очень активной. Если необходимость в общении с русской администрацией или купцами возникла при жизни второго их поколения, то есть ко второй четверти XIX в. — что не противоре-

---

[Polinsky 1998: 119—120] видно, что доля случаев с правильным согласованием варьируется от 32 до 84%, в то время как правильный падеж при предлоге выбирается максимум в 34% случаев, а у нескольких информантов и вовсе никогда (т. е. с предлогом всегда используется номинатив; на каждое явление было записано по 50 примеров от каждого информанта). В целом разница между правильным выбором падежа и правильным согласованием глагола для каждого информанта составляет 30—40%. Повторим, что полагать существующие в говорке согласовательные формы глагола исконным ее элементом невозможно из-за хаотичности их употребления; но верно и то, что под влиянием стандартного русского языка они проникают в говорку гораздо быстрее, чем падежные формы имени. Возможно, элементы грамматики, которые медленнее утрачиваются, быстрее восстанавливаются при обратном движении?

¹² Ср. характерное наблюдение: «Даже в том случае, когда грамматика говорки была упрощена в сравнении с русским языком (утрата категории вида), можно, неожиданным образом, говорить о том, что “создатели говорки” весьма успешно осуществили морфологический анализ русского глагола, что подразумевало достаточно глубокое овладение русской глагольной системой»; далее речь идет о корректной замене глаголов СВ на НСВ и отделении приставок [Урманчиева 2010: 205—206]. Наша гипотеза объясняет, откуда у первых носителей говорки возникло такое глубокое понимание русской глагольной морфологии.

чит историческим данным, — то их русский язык должен был напоминать язык детей нынешних эмигрантов, привезенных в чужую языковую среду в детском возрасте. В целом, это именно то, что мы видим в говорке: исчезновение именной морфологии и частично глагольной (утрата противопоставления видов, класса рефлексивных глаголов), сохранение временных и модальных форм, и в то же время — высокая степень сохранности лексики.

Заключение

Итак, мы предполагаем, что говорка возникла в результате утраты русского языка затундренными крестьянами, перешедшими на долганский язык. По-видимому, при жизни второго их поколения возникла необходимость коммуникации с русской администрацией и/или купцами, и их «остаточный» русский язык естественно стал средством этой коммуникации и стабилизировался в качестве пиджина. В дальнейшем говоркой стали пользоваться и другие народы Таймыра — нганасаны и эвенки; вероятно, также энцы. Однако она недолго была (или совсем не была) лингва франка этого региона: при общении между собой жившие здесь народы использовали языки друг друга, а говоркой, по-видимому, пользовались только для общения с русскими. В результате этого не позже начала XX в. возникли этнолекты говорки, несущие в себе черты соответствующих языков.

Наши предположения об истории говорки суммированы в таблице ниже.

Этап и приблизительные сроки	Следы в зафиксированных состояниях говорки
1. Дотаймырский (?)	— <i>дяринга́</i> ‘парень’ (? < хант. <i>jōrəŋ ko</i>)
2. Раннетаймырский: торговые контакты в районе Дудинки (?)	— <i>надерка</i> ‘письмо’ (< нен. <i>padǎp</i> ”) (если не было заимствовано на предыдущем этапе)
3. Переход затундренных крестьян на долганский и утрата ими русского языка; стабилизация его остатков в качестве средства общения с русской администрацией и купцами (середина XIX в.)	— временные формы и императив глагола, сохраненные от русской морфологии — <i>мера</i> (= долг. <i>hak-</i>); — <i>место</i> (= долг. <i>hir</i>); — <i>ураха</i> ‘чум’ (< долг. <i>uraha</i> [Stachowski 1993: 245])
4. Распространение говорки на север и на юг от Хатангского тракта; в частности — долганско-нганасанские контакты (конец XIX в.)	— <i>бетанга́</i> ‘чир’ (< нган. <i>bet’áŋə</i> через долганское посредство)
5. Раздельное существование этнолектов говорки (первая половина XX в.)	— долганские (лексика; особенности вокализма), эвенкийские (клитика <i>-da</i>) и нганасанские (двойственное число; <i>место</i> как калька нганасанских локативных падежей) черты, зафиксированные Е. И. Убрятовой, М. А. Никитиным, А. М. Хазанович и современными исследователями

Этап и приблизительные сроки	Следы в зафиксированных состояниях говорки
6. Активное влияние стандартного русского языка и возникновение постпиджинного континуума; постепенное исчезновение говорки (середина XX в. — настоящее время)	— появление хаотично употребляющихся лично-числовых и родо-числовых форм глагола; — постепенное приближение говорки во всех ее аспектах к стандартному русскому языку

Примерно с середины XX в. (для разных народов это время может различаться) стандартный русский язык все сильнее проникает в жизнь коренного населения Таймыра и начинает влиять на говорку, которая переходит в ситуацию постпиджинного континуума. Одновременно с этим и сами аборигенные языки Таймыра все более уступают место русскому языку, что вовсе устраняет необходимость в пиджине. Насколько известно, сегодня носителей говорки уже совсем не осталось.

Литература и источники

- Беликов, Крысин 2001 — В. И. Беликов, Л. П. Крысин. Социолингвистика. М., 2001.
- Болдырев 2007 — Б. В. Болдырев. Морфология эвенкийского языка. Новосибирск, 2007.
- Гловинская 1996 — М. Я. Гловинская. Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых языковых ошибок) // Е. А. Земская (ред.). Русский язык конца XX столетия. М., 1996. С. 237—304.
- Грамматика якутского языка 1982 — Грамматика якутского языка. М., 1982.
- Грачева 1978 — Г. Н. Грачева. Многонациональный таймырский поселок Усть-Авам // Советская этнография. № 1. 1978. С. 90—97.
- Гусев 2012 — В. Ю. Гусев. О происхождении некоторых элементов говорки (русского таймырского пиджина) // Вестник ТГПУ. 2012. 1 (116). С. 106—109.
- Доннер 2008 — К. Доннер. У самоедов в Сибири. Томск, 2008.
- Долгих 1963 — Б. О. Долгих. Происхождение долган // Сибирский этнографический сборник. Т. V. М., 1963. С. 92—141.
- Земская (ред.) 2001 — Е. А. Земская (ред.). Язык русского зарубежья: общие процессы и речевые портреты. М.; Вена, 2001 (= Wiener slawistischer Almanach, Sbd. 53).
- Кривоногов 1998 — В. П. Кривоногов. Этнические процессы у малочисленных народов средней Сибири. Красноярск, 1998.
- Кривоногов 2001 — В. П. Кривоногов. Народы Таймыра. Красноярск, 2001.
- Никитин 1929 — М. А. Никитин. Путь на Север. М., 1929.
- Пекарский 1959 — Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка. Т. 1—3. 2-е изд. Л., 1959.
- Перехвальская 2007 — Е. В. Перехвальская. Говорка — упрощение или усложнение? // Типология языка и теория грамматики. Материалы международной

конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С. Д. Кацнельсона, СПб, 2007. С. 162–165.

Перехвальская 2008 — Е. В. Перехвальская. Русские пиджины: СПб.: Алетей, 2008.

Перехвальская 2010 — Е. В. Перехвальская. Современные формы русского пиджина: уссурийский вариант // А. Mustajoki, E. Protassova, N. Vakhtin (eds.). Инструментарий лингвистики: Sociolinguistic Approaches to the Non-Standard Russian. (Slavica Helsingiensia 40.) Helsinki, 2010. С. 175–187.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Т. 1—41. Л.—СПб., 1965—2008.

ФД = Фольклор долган / Сост. П. Е. Ефремов. Новосибирск, 2000.

Хазанович 1986 — А. М. Хазанович. Друзья мои — нганасаны. Из таймырских дневников. М., 1986.

Хелимский 1987 — Е. А. Хелимский. «Русский говорка место казать будем» (Таймырский пиджин) // Возникновение и функционирование контактных языков: Материалы рабочего совещания. М., 1987. С. 84–93.

Хелимский 2000 — Е. А. Хелимский. «Говорка» — таймырский пиджин на русской основе // Е. А. Хелимский. Компаративистика. Уралистика: Лекции и статьи. М., 2000. С. 378–295.

Хелимский 2002 — Е. А. Хелимский. Трансевразийские аспекты русской этимологии // Рус. яз. в науч. осв. № 2 (4). 2002. С. 75–90.

Убрятова 1985 — Е. И. Убрятова. Язык норильских долган. Новосибирск, 1985.

Урванцев 1978 — Н. Н. Урванцев. Таймыр — край мой северный. М., 1978.

Урманчиева 2010 — А. Ю. Урманчиева. Говорка: пример структурно смешанного языка // А. Mustajoki, E. Protassova, N. Vakhtin (eds.). Инструментарий лингвистики: Sociolinguistic Approaches to the Non-Standard Russian. (Slavica Helsingiensia 40.) Helsinki, 2010. С. 188–209.

DEWOS — W. Steinitz. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Lfg. 1—15. Berlin, 1966—1993.

Forsyth 1992 — J. Forsyth. A history of the peoples of Siberia. Cambridge, 1992.

Holm 1989 — J. Holm. Pidgins and Creoles. Cambridge, 1989.

Polinsky 1998 — M. Polinsky. American Russian: a new pidgin // Московский лингвистический журнал. 1998. № 4. С. 78–138.

Polinsky 2006 — M. Polinsky. Incomplete acquisition: American Russian // Journal of Slavic linguistics. 2006. Vol. 14. № 2. P. 191–262.

Stachowski 1993 — M. Stachowski. Dolganischer Wortschatz. Kraków, 1993.

Stern 2005 — D. Stern. Taimyr Pidgin Russian (Govorka) // Russian Linguistics. 2005. P. 289–318.

Stern 2009 — D. Stern. The Taimyr Pidgin Russian morphology enigma // International Journal of Bilingualism. 2009. 13. P. 378.

Stern 2011 — D. Stern. Grammaticalization in Russian-lexifier pidgins // M. Nomachi (ed.). Grammaticalization in Slavic languages: from areal and typological perspectives. (=Slavic Eurasian Studies, 23). Sapporo, 2011. P. 49–90.

Stern 2012. — D. Stern. Tajmyr-Pidgin-Russisch. Kolonialer Sprachkontakt in Nordsibirien. München et al.: Otto Sagner, 2012.

VALENTIN Ju. GUSEV
(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

**LINGUISTIC EVIDENCE FOR THE HISTORY OF GOVORKA
(TAIMYR PIDGIN RUSSIAN)**

Govorka, a Russian-based pidgin spoken on the Taimyr peninsula until the end of the 20th century, has very few lexical elements of non-Russian origin; however, some of its structural properties permit us to trace the history of its emergence and development. We hypothesize that originally it was the language of the descendants of Russian settlers who had mixed with the aboriginal Dolgan population and switched to Dolgan but conserved Russian as their heritage language. This form of Russian, strongly influenced by Dolgan, was used to communicate with Russian authorities and merchants. Later it spread to the surrounding population — Nganasan and Evenki — and formed ethnolects, some traces of which can be found in old recordings.

Keywords: Govorka, Russian Pidgins, languages of Taimyr, heritage languages, ethnolects

Е. А. НИКИШИНА

**ЖАНР «ПИСЬМО В ГАЗЕТУ» В 20-Е ГГ. XX ВЕКА
В СОВЕТСКОЙ РОССИИ И В ЭМИГРАЦИИ
(на материале писем-просьб)**

Проблема жанров речи является одной из ключевых для анализа текста и языка в целом. В последнее время внимание лингвистов все больше привлекают малые жанры, причём до сих пор в их изучении имеются значительные лакуны. Так, насколько нам известно, письма читателей в редакцию до настоящего момента не подвергались систематическому описанию как отдельный жанр со своими особенностями. Это и определяет наш интерес к данному жанру.

В настоящей статье представлен анализ писем-просьб, опубликованных на страницах газет в эмиграции и в советской России в 20-х годах XX века. Письма читателей в газеты представляют собой особый малый жанр, объединяющий самые разнообразные по коммуникативной направленности тексты. Именно поэтому одним из наиболее адекватных и удобных способов анализа писем представляется разделение их на более мелкие жанровые формы — п о д ж а н р ы. Лишь создание типологии таких поджанров дает возможность наиболее полно описать речевой жанр «письмо в газету»¹.

Поджанры выделяются нами на основе четырех параметров: композиции, тематического содержания, стиля (языковых средств) и иллокутивного намерения автора письма (или типовой интенции). Эти параметры были предложены в работах [Бахтин 1986; Вежбицка 1997; Гиндин 1988]. Ведущим параметром при классификации писем является типовая интенция, так как она в значительной мере определяет остальные три параметра. Типовая интенция объясняет, с какой целью данный жанр используется в коммуникации, почему говорящий выбирает именно эту жанровую форму в данной ситуации. Принятое нами описание типовых интенций базируется на существующем в литературе семантическом описании глаголов, обо-

---

Елена Андреевна Никишина, Высшая школа экономики (Москва).

¹ Есть и другие речевые жанры, для которых важно разделение на поджанры. Например, внутри жанра «уличное объявление» для более полного описания целесообразно выделять поджанры «объявление о продаже», «объявление о покупке», «объявление о пропаже» и др.

значающих речевые акты с соответствующими интенциями, см., например, [Гловинская 1993; НОСС 2004]. Так, аналогично описываемым М. Я. Гловинской глаголам *сообщать*, *благодарить*, *сигнализировать*, *опровергать*, можно выделить такие поджанры, как письма-сообщения, письма-благодарности, письма-сигналы, письма-опровержения и т. п. При этом типовая интенция писем-сообщений совпадает с иллокутивной силой глагола *сообщать*: ‘говорить адресату о том, что, по мнению субъекта речи, ему неизвестно’ [НОСС 2004: 1088], типовая интенция писем-благодарностей совпадает с иллокутивной силой глагола *благодарить*, и т. д. В данной статье мы подробно рассмотрим коммуникативные, текстовые и языковые особенности лишь одного поджанра — письма-просьбы.

В ходе исследования были проанализированы письма-просьбы, опубликованные с 1920 по 1929 г. на страницах четырех газет: двух эмигрантских, далее ЭГ («Последние новости» и «Возрождение»)² и двух советских, далее СГ («Правда» и «Известия»)³; все они печатались под рубрикой «Письмо в редакцию». При рассмотрении писем, появившихся в эмиграции и в советской России, мы имеем дело с разными коммуникативными ситуациями, зависящими от разных культурно-политических факторов. Новая культура, возникшая в СССР после революции, очень сильно отличалась от старой, прежде всего потому, что изменился класс людей, участвующих в её создании [Селищев 2003]. Напротив, как показывают исследования Е. А. Земской и др. [Земская 2001; Грановская 1995], культура и язык эмиграции очень консервативны. Сравнение писем читателей в «русском Париже» с письмами в метрополии показывает, что эти различия проявляются и в устройстве самого жанра «письмо в газету». В нашей статье мы попытаемся проверить, в какой мере на реализацию одного и того же иллокутивного намерения (в данном случае *просьбы*) и на само содержание письма влияет социокультурный контекст, разные уровни владения литературным языком у авторов писем, их разный социальный статус и пр. Ниже мы проанализируем письма-просьбы по следующей схеме: 1. Типовая интенция; 2. Текстовые особенности (или композиция); 3. Тематическое содержание; 4. Образ автора и адресата; 5. Языковые особенности.

---

² Газету «Последние новости», ежедневно выходившую в Париже с 27 апреля 1920 г. по 11 мая 1940 г., называют центральным органом русской эмиграции. Главным редактором газеты был П. Н. Милуков.

«Возрождение» — ежедневная газета, тоже издававшаяся в Париже, — начала издаваться 3 июня 1925 г. и выходила до 7 июня 1940 г., главный редактор — П. Б. Струве.

³ «Правда» — ежедневная газета, орган ЦК и МК ВКП(б), издававшаяся в Москве (была основана В. И. Лениным в 1912 г.). Эта газета считалась самой массовой и популярной в СССР.

Газета «Известия» начала издаваться в Москве с 12 марта 1918 г. — также ежедневное издание, по существу, очень похожее на «Правду».

Типовая интенция

Хотя для удобства в статье используется название «письмо-просьба», в действительности в рамках этого поджанра объединяются сразу три типа писем с тремя разными типовыми интенциями — просьбы, призывы и предложения, — поскольку все они являются прескриптивными жанрами [Китайгородская, Розанова 2010: 229] и заключают в себе побуждение адресата к действию. Разница состоит лишь в следующем: в случае просьбы действие, которое должен совершить адресат, направлено в пользу автора или в пользу того лица (или группы лиц), за которых он просит (см. примеры (1) и (2)); в случае призыва действие должно совершиться во благо общества, при этом личная заинтересованность автора в совершении этого действия не является решающей, автор выступает скорее в качестве агитатора (примеры (3) и (4)). Предложение же — это ослабленный призыв, автор лишь излагает свои идеи, которые он предлагает воплотить в жизнь адресату, но осознаёт, что адресат может этого и не делать (примеры (5) и (6)). Иногда имеется в виду, что в реализации этих идей может участвовать и сам адресант, см. (5).

/ПРОСЬБА/⁴

(1) ЭГ: М. Г. Г. Редакторъ,⁵

Прошу помѣститъ мое письмо. Ужаснѣйшее положеніе, въ которомъ я нахожусь, меня побуждаетъ прибѣгнуть къ этому.

Я — русскій актеръ драмы (Кіевъ. Соловцовъ. театр и Одесск. и др.) и бывш. поручикъ арміи, бригады ген. Лохвицкаго, два съ половиною года вернулся изъ Франціи въ Россію, чтобы исполнить свой долгъ передъ Родиной, но, увы, почти сразу мнѣ пришлось познакомиться съ Одесской чрезвычайкой и тифомъ.

Я со своею 65-ти лѣтней старухой матерью бѣжалъ. Совершенно ограбленными, рваными мы достигли Польши. Мать моя и я обречены положительно на голодъ. Нѣтъ ни кровати, ни бѣлья, ни костюма. Неужели же умереть отъ голода? Я умоляю откликнуться лицъ и знакомыхъ, знавшихъ меня, какъ и въ Россіи, такъ и во Франціи, а, можетъ быть, и коллегъ по службѣ въ Особой Дивизіи, а также и добрыхъ друзей — служителей искусства — и помочь скромному русскому актеру, а въ особенности, его старой матери.

Артистъ Русской Драмы

Михаилъ Нечаевъ-Петровскій.

Адресъ: Wolomin, Pologne (près de Varsovie) Villa Noblesse (ПН — 08. 07. 1922).

⁴ При воспроизведении писем мы сохраняли авторскую орфографию и пунктуацию.

⁵ Милостивый Государь, Господинъ Редакторъ.

(2) ЭГ: Милостивый Государь, Господинъ Редакторъ!

Не откажите помѣстить на страницахъ вашей газеты слѣдующее письмо:

Прошу всѣхъ желающихъ принять участіе въ дальнейшей судьбѣ студента С. А. Пухлинскаго откликнуться, чтобы сообща помочь ему устроиться по выходѣ изъ больницы.

Всѣхъ лицъ, имѣющихъ возможность дать какія либо полезныя указанія и желающихъ собраться въ одинъ изъ ближайшихъ дней для обсуждения этого вопроса, прошу писать по адресу «Послѣднихъ Новостей» для Н. М. Прохницкой.

Примите увѣренія въ совершенномъ къ вамъ уваженіи.

Н. Прохницкая. Лекторъ русскаго языка въ Сорбоннѣ. (ПН — 03. 09. 1925).

/ПРИЗЫВ/

(3) ЭГ: НА ПОМОЩЬ ДѢТЯМЪ.

⟨...⟩ Кошмарны скитанія «бѣженства», жутко маятное состояніе тысячъ русскихъ семей, выкинутыхъ стихійной бѣдой на чужіе берега. Но если больно, тяжело за взрослыхъ, — сколько тоскливаго отчаянія въ мысли о дѣтскихъ душахъ, попавшихъ въ скорбную полосу російскаго интеллигентскаго исхода...

Оторванные отъ школы, какъ будутъ расти они, эти «бѣженскія» дѣти, среди культурнаго, но чужого народа? Какъ станутъ они людьми? Вѣдь въ нихъ, въ этой горсти спасшихся изъ тѣмы египетской — страшно сказать — будущее Россіи.

Между тѣмъ, нѣсколько лѣтъ на чужбинѣ, въ иноязычной школѣ, среди новыхъ товарищей-сверстниковъ — и порвутся тѣ трепетныя нити, что сейчасъ еще прочно ихъ вяжутъ, со всѣмъ, что осталось тамъ — на родинѣ.

Допустить это — неискупимое преступленіе передъ будущимъ Россіи.

Наоборотъ, — использовать гостепріимство пріютившаго народа, его высокую культуру, его духовныя богатства, чтобы возможно лучше выростить дѣтей, вооружить ихъ на грядущую работу для Россіи и въ Россіи, — вотъ неизбежная, насущная задача и великая повинность — передъ дѣтьми и передъ родиной, ихъ родиной.

Поэтому, всякая попытка осуществить эту задачу, должна привлечь дѣйствительное вниманіе не растерявшихъ духа жива гражданъ русскихъ.

Одна попытка сдѣлана въ Парижѣ.

Тутъ создана средняя школа для русскихъ дѣтей, о которой сообщаетъ ваша газета. ⟨...⟩

Но матеріально школа далеко еще не обезпечена въ своей работѣ и даже въ самомъ существованіи. ⟨...⟩

Но дѣло это не должно погибнуть; его существованіе нужно обезпечить: оно необходимо русскимъ дѣтямъ, т. е., — Россіи. Мы вѣримъ, что среди имущихъ русскихъ (къ счастью, есть еще такіе) найдется достаточ- (нрзб.) интересуются школой для русскихъ дѣтей и поддержать ее. «Комитетъ друзей русской школы», — развѣ такъ трудно образовать его? Немного доброй воли, немного общественной отзывчивости, инициативы, и дѣло сдѣлано.

«Кто живѣ на чужбинѣ чловѣкъ, — отзовися!» Это — зовъ русскихъ дѣтей.

Варягъ. (ПН — 12. 11. 1920).

(4) СГ: ПОРА О НИХ ВСПОМНИТЬ.

В самые опасные для республики дни были призваны под ружье студенты многих высших учебных заведений. Надо сказать правду, лучшие элементы ушли в армию, а худшие всеми способами старались и хитрялись окопаться здесь.

Теперь спрос на своих техников и агрономов громаден. Необходимо вернуть прошедших боевую школу студентов к науке и дать им кончить школу.

Один такой товарищ студент-путеец пишет, что слизняки и гады оставались в школе, а честные борцы оторваны от науки. Их надо вернуть, они внесут в студенческую среду свежий, боевой дух. Л. С. (П — 15. 02. 1921).

/ПРЕДЛОЖЕНИЕ/

(5) ЭГ: ⟨...⟩ В повседневной жизни русскихъ бѣженцевъ, находящихся на территоріи Франціи, однимъ изъ существенныхъ вопросовъ является прокормленіе этой массы людей, располагающихъ до крайности скудными для этой цѣли средствами. Однако, выходъ изъ тяжелаго положенія есть: помочь этой бѣдѣ вполне возможно, даже и при отсутствіи пока среди русскихъ связи. **Я предлагаю моимъ соотечественникамъ создать въ Парижѣ потребительскій кооперативъ.** Къ этому имѣются рѣшительно всѣ возможности, которыми въ собственныхъ интересахъ намъ и надлежитъ воспользоваться ⟨...⟩. (ПН — 09. 11. 1921).

(6) СГ: ⟨...⟩ У нас много кинематографов. Я считал, что полезно было бы агитпунктам городов, а главное в местечках и селах, сделать следующее:

1) В каждом кино должна быть лента с возможно подробной картой России, со всеми новыми границами с Финляндией, Литвой и пр., словом, со всеми соседями.

2) Должна быть лента с картами всех частей света.

3) Раз в неделю каждое кино должно устраивать бесплатный сеанс: «Обзор внутренних и внешних событий за неделю». При обзоре

на экране должна показываться картина той части света, в которой происходят события, докладчик же из агитпункта указывает, где и что происходит.

Я полагаю, что лучше воздержаться от выпуска какой-либо кинодрамы в 5 частях и уделить материал для изготовления лент с подробными картами всех частей света. Польза будет большая. Уходя с сеанса будешь иметь связную картину событий за неделю. <...> А. Кобзиков. (П — 11. 01. 1921).

Письма данного поджанра не всегда так легко распределить по типам, как в приведенных выше примерах (это еще одна причина, по которой мы объединили их под одним названием «письма-просьбы»). Иногда в одном письме могут быть совмещены компоненты, относящиеся к разным типам, так, в примере (7) совмещены предложение и просьба:

(7) СГ: *Приветствуя достижения знаменитого С. Кригера в Германии, <...> а также Арраго и Н. Глаголевой в СССР и желая сравнить их с моими, **настоящим предлагаю** публично устроить дружеское соревнование и произвести совместно опыты вычислений в уме в Москве в ближайшем времени.*

*<...> **Прошу указанных лиц** не позднее 10 июня с. г. сообщить свое согласие на мой вызов в редакцию «Известий» — Информ. отдел и Всесоюзному обществу культурной связи с заграницей. (И — 27. 05. 1928).*

Часто различать эти типы писем нам помогают соответствующие перформативные глаголы *просить*, *призывать*, *предлагать*, использованные автором в тексте. Но не всегда наличие в тексте глагола *просить* является основанием для отнесения данного письма к разряду просьб. Большинство писем как в эмигрантских, так и в советских газетах начинаются с просьбы автора письма, обращенной к редактору газеты, опубликовать его письмо. При этом само письмо может быть представителем любого поджанра (примеры (8) — письмо-заявление, (9) — письмо-благодарность):

(8) ЭГ: *Милостивый Государь, Господинъ Редакторъ! Не откажите, **прошу васъ**, помѣстить въ вашей уважаемой газетѣ нижеслѣдующее мое заявленіе. (В — 15. 06. 1925).*

(9) СГ: *Не имея возможности лично выразить признательность всем, почтившим меня приветствиями в день моего юбилея, **очень прошу вас** дать место нескольким моим строкам. (И — 28. 12. 1923).*

Данные формулировки не столько действительно обозначают просьбу автора, сколько являются своего рода речевым шаблоном, который, с одной стороны, выполняет прямую функцию просьбы, а с другой, служит этикетной формулой, т. е. выполняет фатическую функцию.

Такие формулировки, как: «**Прошу** принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи» или «**Прошу Васъ** принять увѣренія въ совершенномъ

почтени и таковой же преданности» тоже не являются опознавательным знаком писем-просьб: они выполняют сугубо фатическую функцию и должны рассматриваться скорее как часть заключительной этикетной формулы, которая может быть опущена или нет, в зависимости от степени вежливости автора письма и законов письменной коммуникации, принятых в данном обществе. В эмигрантских письмах эта этикетная формула присутствует всегда, а в метрополии почти не встречается.

Кроме того, в конце писем часто встречаются приписки *«Покорнѣйше прошу Редакциі другихъ газетъ перепечатать это письмо»* или *«Прошу перепечатать другие газеты»*, которые также не имеют никакого отношения к типовой интенции письма и, соответственно, не являются индикаторами того, что перед нами письмо-просьба, несмотря на наличие в них перформатива *просить*.

Теперь рассмотрим, как композиционно оформляется типовая интенция просьбы в письмах в газету.

Композиция

В письмах-просьбах автор побуждает адресата к действию, потому что хочет, чтобы это действие было совершено [Гловинская 1993: 181], но отнюдь не потому, что адресат обязан его совершить. Сознвая, что адресат не обязан выполнять действие, о котором его просят, автор стремится построить свое высказывание таким образом, чтобы оно как можно более эффективно воздействовало на собеседника. В частности, он должен доказать адресату, что просьба является обоснованной. Поэтому для автора оказывается важным не только оформить собственно просьбу или призыв, но и сопроводить их обоснованием обращения с просьбой и смягчить ее с помощью этикетных компонентов.

В письмах данного поджанра всегда присутствует два специфических для данного поджанра элемента: собственно просьба / призыв / предложение и аргументация просьбы / призыва / предложения. А р г у м е н т а ц и я (или м о т и в и р о в к а в терминах [Китайгородская, Розанова 2010: 236]) чаще всего предшествует собственно просьбе, как в примере (10), но иногда может и следовать за ней, а иногда эти два элемента могут перемежаться (11):

(10) ЭГ: *КО ВСѢМЪ, КТО ЛЮБИТЪ ДѢТЕЙ*

[Аргументация просьбы / призыва] *Никогда намъ такъ не нужна была книга, какъ теперь. И особенно своя — русская книга. Но мы, взрослые, еще кое-что можемъ найти и въ бібліотекахъ и въ книжныхъ лавкахъ.*

У дѣтей нѣтъ ничего. Нѣтъ «Конька-Горбунка», нѣтъ русскихъ сказокъ, нѣтъ ни одной изъ тѣхъ любимыхъ книжекъ, которыя такъ крѣпко входили въ каждое дѣтство. Дѣти скучаютъ, отвы-

каютъ отъ русскаго языка и набрасываются, какъ на сѣмячки, на все, что подѣ рукой.

Можетъ быть, этому можно помочь? Наша задача простая и осуществимая: наладить въ Берлинѣ небольшую библіотеку для дѣтей. Много для начала не надо — сотни двѣ-три книгъ, и можно начать работу.

[Просьба / призыв] Мы обращаемся ко всѣмъ заграничнымъ русскимъ издательствамъ, ко всѣмъ отзывчивымъ русскимъ людямъ: можетъ быть, у васъ кое-что есть, и вы пришлете намъ хотя бы по одной книжкѣ. Можетъ быть, въ отдѣльныхъ семьяхъ, гдѣ дѣти подросли, сохранилось нѣсколько русскихъ дѣтскихъ книгъ, которыя лежатъ безъ пользы. Пришлите ихъ намъ!

Книги на иностранныхъ языкахъ также желательны.

Денежныя пожертвованія принимаются съ благодарностью.

Инициативная группа по организаціи Общественной Дѣтской Библіотеки въ Берлинѣ (...). (ПН — 02. 06. 1920).

- (11) СГ: **[Просьба]** Прошу всехъ лично знавшихъ А. И. Южина-Сумбатова или издавшихъ на сцене его самого или его пьесы, читавшихъ ихъ и его статьи, набрасывать хотя кратко и отрывочно, не стесняясь формой, свои личные впечатленія, запомнившіеся беседы, отдельные его фразы и сцены. **[Аргументация просьбы]** Вообще все конкретное объ актере и человеке, что съ годами забывается и что крайне желательно сохранить для жизненности и выпуклости его образа. **[Просьба]** Также прошу лицъ, у кого сохранились письма его, прислать ихъ для копій по адресу: Москва, Южинскій пер., 5, кв. 7. М. Н. Сумбатовой. Гарантирую быстрый ихъ возвратъ адресу заказнымъ письмомъ и благодарю техъ, кто пришлетъ оригиналъ въ собраніе его памяти безвозвратно. По тому же адресу прошу присылать и воспоминанія. М. СУМБАТОВА.

Заранее благодарю те изданія, которыя любезно перепечатаютъ это письмо. (И — 10. 02. 1928).

Помимо двухъ обязательныхъ компонентовъ — просьбы и аргументаціи просьбы, — прототипическая композиція писемъ-просьбъ включаетъ компоненты, которые являются общими для жанра «письмо в газету» в целомъ, а именно: приветственная этикетная формула, речевой шаблонъ — просьба о публикаціи письма, заключительная этикетная формула, подпись и (иногда) приписка съ просьбой перепечатать данное письмо в другихъ газетахъ. Письмо, в которомъ присутствуютъ все перечисленные компоненты, представлено в примере (12):

- (12) СГ: **[Приветственная этикетная формула]** Многоуважаемый т. редактор!

[Просьба о публикаціи] Не откажите поместить на столбцахъ вашей уважаемой газеты следующее письмо:

[**Аргументация просьбы**] *Тургеневский музей в г. Орле собирает материал, касающийся жизни, творчества и увековечивания памяти писателей-орловцев: Тургенева, Тютчева, Фета, Лескова, Апухтина, Л. Андреева, в целях изучения литературы местного края, [Просьба] а потому обращается ко всем школам, библиотекам и другим просветительным учреждениям, носящим наименование в память этих писателей, присылать по адресу Тургеневского музея (Орел, Садовая, № 10) фотографические снимки зданий и весь материал, касающийся вопроса об увековечении их памяти.*

[**Заключительная этикетная формула**] *С приветом и уважением*

[**Подпись**] *заведующ. Тургеневским музеем Мих. Португалов.*

[**Приписка**] *Просьба к провинциальным газетам перепечатать.*
(И — 30. 12. 1925).

В качестве обоснования просьбы, призыва или предложения автор может использовать различные по характеру аргументы.

В письмах-просьбах, т. е. в случае личной заинтересованности автора в выполнении действия адресатом, автор обычно ссылается на некие объективные причины и не зависящие от него обстоятельства, вынуждающие его обратиться с просьбой:

- (13) ЭГ: *Трудность этой работы и разбросанность необходимых для нея материаловъ и источниковъ, заставляють меня прибѣгнуть къ приему «всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ» и всѣхъ, интересующихся этими вопросами, просить оказать мнѣ содѣйствіе присылкой соотвѣтствующихъ материаловъ, изданій, документовъ, какъ печатныхъ, такъ и рукописныхъ* (ПН — 13. 10. 1920).
- (14) СГ: *Работая над историей проблемы стоимости, я крайне нуждаюсь в одной из следующих книг <...>. В наиболее значительных библиотеках г. Москвы не нашлось ни одного из упомянутых 3-х изданий. Обращаюсь с убедительной просьбой <...>* (П — 17. 02. 1923).

Понятно, что просьба без достаточной аргументации останется без ответа. Поэтому для большей убедительности автор письма стремится показать, что он уже что-то сделал для решения своей проблемы, но этого оказалось недостаточно. Так, из примеров (13) и (14) понятно, что авторы писем, прежде чем обратиться со своей просьбой к широкой аудитории, уже провели определенный библиографический поиск и он не дал ожидаемых результатов.

В эмигрантских газетах есть целый ряд писем-просьб, в которых находящийся в затруднительном материальном положении автор просит помочь ему деньгами. Данный тип писем-просьб по своему тематическому содержанию и текстовому воплощению сходен с жанром «просьба о милостыне» (одним из жанров повседневной городской коммуникации), по-

дробно описанным в [Китайгородская, Розанова 2010: 381—408]. В письмах в газету с таким содержанием используется особый тип аргументации, назовем его «автобиографический экскурс» (ср. «рассказ о злоключениях» [Там же: 405]). Автор письма излагает события из своей жизни, приведшие его в столь сложное положение. При этом указываются те обстоятельства, которые непременно должны вызвать жалость адресата (примеры (15) и (16)). Так, трудно представить, что в качестве аргументации просьбы в подобном письме было бы указано, например: «Я проиграл в казино все свое состояние, так что ходить даже не в чем».

- (15) ЭГ: *Прошу отзывчивых русских людей помочь мнѣ. Я агрономъ съ высшимъ образованіемъ, во Франціи всего мѣсяцъ, ни въ Парижѣ, ни въ его окрестностяхъ не могу найти работы, почему буквально голодаю съ женой и съ полторагод. ребенкомъ, не говоря уже о томъ, что все продано, такъ что ходить даже не въ чемъ. Хочу выѣхать въ Тулузу, гдѣ могу вмѣстѣ съ женой имѣть работу на фермѣ, но не имѣю денегъ на проѣздъ: поэтому очень прошу кого нибудь изъ добрыхъ людей дать мнѣ займы 300 фр., чтобы я смогъ выѣхать изъ Парижа и тѣмъ самымъ выйти изъ создавшагося отчаяннаго положенія. Въ залогъ оставлю дипломъ. (ПН — 01. 01. 1928).*
- (16) ЭГ: *Вотъ уже больше года, какъ я лежу безъ движенія: вслѣдствіе сильнаго испуга, я заболѣла паркенсоновской болѣзнью, которая все время прогрессируетъ. Руки у меня такъ сильно дрожатъ, что я не могу сама ѣсть. Не смотря на мои 33 года я форменный инвалидъ. Мѣстные врачи сказали, что болѣзнь эта излѣчима только оперативнымъ путемъ и операцію эту можетъ сдѣлать только профессоръ Бобинскій, живущій въ Парижѣ. Средствъ у меня на поѣздку въ Парижъ нѣтъ. Я глубоко вѣрю, что среди русскихъ найдутся добрые люди, которые не откажутся помочь несчастной молодой женщиной. (ПН — 19. 10. 1928).*

Еще одна особенность сближает письма-просьбы о материальной помощи в газетах с жанром «просьба о милостыне» в системе повседневной городской коммуникации: просьба часто сопровождается благодарностью и/или извинением:

- (17) ЭГ: *Умоляю добрыхъ людей откликнуться и посильно помочь: буду искренне и чистосердечно благодарна. Только вѣра въ ваше содѣйствіе, господинъ редакторъ, поддерживает во мнѣ духъ, за что я авансомъ благодарю васъ и прошу извинить за беспокойство. (ПН — 30. 12. 1928).*

Совершенно очевидно, почему таких писем о материальной помощи нельзя встретить в советской прессе: установка на всеобщее процветание не позволяла показывать изнанку жизни советского общества на страницах

газет, поэтому такие письма, если даже и приходили в редакцию «Правды» и «Известий», конечно же, не могли быть опубликованы.

Просьба может также сопровождаться обещанием чего-либо со стороны автора в ответ на выполнение адресатом желаемого действия: это может быть либо поощрение адресата (пример (18) — автор письма указывает, почему выполнение данной просьбы может быть выгодно самому адресату), либо какая-нибудь гарантия (примеры (19) и (20) — автор письма обещается сделать что-либо в случае выполнения адресатом его просьбы):

- (18) ЭГ: *Работая въ настоящее время надъ обширной иллюстрированной «Исторіей освободительнаго движенія въ Россіи», обращаюсь <...> съ покорнѣйшей просьбой не отказать мнѣ въ присылкѣ своихъ изданій и произведеній по нижеслѣдующему адресу <...> **Всѣ присланныя сочиненія и изданія будутъ приняты мною во вниманіе и упомянуты въ моемъ трудѣ** (ПН — 10. 12. 1920).*
- (19) ЭГ: *<...> Я работаю на вокзалѣ, получая двадцать фр. въ день. На эти деньги я долженъ прожить самъ, платить за комнату и прокормить больную сестру. Желая улучшить свое положеніе, я хотѣлъ держать экзаменъ на шоффера, но въ продолженіи года никакъ не могъ сберечь нужную сумму изъ получаемыхъ двадцати франковъ. Теперь же выбившись изъ силъ, умоляю добрыхъ людей, у которыхъ сохранилась еще вѣра въ честность другихъ, одолжить мнѣ, только одолжить (но не дать), двѣсти франковъ, съ тѣмъ, что я, выдержавъ экзаменъ и получивъ мѣсто, сейчасъ же выплачиваю взятую сумму. Готовъ дать какія угодно обязательства или же росписку. Думаю, что найдется хотя бы одна добрая душа, которая откликнется и поможетъ выбраться на дорогу. <...> (ПН — 13. 08. 1925).*
- (20) СГ: *<...> Также прошу лиц, у кого сохранились письма его, прислать их для копии по адресу: Москва, Южинский пер., 5, кв. 7. М. Н. Сумбатовой. **Гарантирую быстрый их возврат адресату заказным письмом** и благодарю тех, кто пришлет оригинал в собрание его памяти безвозвратно. <...> (И — 10. 02. 1928. Полный текст данного письма представлен в примере (11)).*

В письмах-призывах и предложениях в качестве аргументации может содержаться указание на что-то хорошее, что должно последовать за выполнением действия, совершить которое призывает либо предлагает автор (пример (21)), или на что-то плохое, что может произойти в результате невыполнения этого действия (22):

- (21) СГ: *Их надо вернуть, они внесут в студенческую среду свежий, боевой дух (П — 15. 02. 1921). Полный текст данного письма представлен в примере (4)).*

- (22) ЭГ: <...> *Между тѣмъ, нѣсколько лѣтъ на чужбинѣ, въ иноязычной школѣ, среди новыхъ товарищей-сверстниковъ — и порвутся тѣ трепетныя нити, что сейчасъ еще прочно ихъ вяжутъ, со всѣмъ, что осталось тамъ — на родинѣ.*

Допустить это — неискупимое преступленіе передъ будущимъ Россіи <...> (ПН — 12. 11. 1920. Более пространный фрагмент данного письма представлен в примере (3)).

Обращаясь с просьбой, призывом или предложением, автор может попытаться убедить адресата в том, что выполнение действия не займет у адресата много времени (или не потребует от него больших усилий). В [Китайгородская, Розанова 2010: 404—405] аналогичный тип аргументации в жанре «просьба о милостыне» называется «речевой тактикой с а м о у м а л е н и я: “я много не прошу”»:

- (23) ЭГ: *Наша задача простая и осуществимая: наладить въ Берлинѣ небольшую библиотечку для дѣтей. Много для начала не надо — сотни двѣ-три книгъ, и можно начать работу* (ПН — 02. 06. 1920).

- (24) ЭГ: ***Немного доброй воли, немного общественной отзывчивости, инициативы, и дѣло сдѣлано*** (ПН — 12. 11. 1920. Более пространный фрагмент данного письма представлен в примере (3)).

- (25) СГ: <...> *было бы весьма желательным издание Наркомздравом, в виде отдельной книги, сборника важнейшихъ статей, хотя бы в сжатой формѣ, по иностранной медицинской литературѣ <...>* (И — 31. 12. 1920).

Интересно отметить, что данный тип аргументации, очень распространенный в устной речи, в нашем корпусе писем встречается только в письмах-призывах и письмах-предложениях. Однако возможно, что такие письма-просьбы просто не попали в нашу выборку.

Часто автор письма усиливает аргументацию своей просьбы тем, что апеллирует к самым положительным душевным качествам адресата (примеры (26), (27) и (28)). Адресат, выполняя просьбу, изложенную в письме, как бы приписывает себе положительные качества, названные автором письма, и, таким образом, возвышает себя в своих собственных глазах: ведь он становится одним из тех достойных людей, которые готовы совершенно бескорыстно оказать кому-то помощь или совершить какое-либо общественно полезное дело.

- (26) ЭГ: <...> *умоляю добрыхъ людей, у которыхъ сохранилась еще вѣра въ честность другихъ <...> Думаю, что найдется хотя бы одна добрая душа, которая откликнется и поможетъ выбраться на дорогу.* (ПН — 13. 08. 1925. Более пространный фрагмент данного письма представлен в примере (19)).

- (27) ЭГ: *Простите Бога ради, что я обращаюсь къ Вамъ еще одинъ разъ съ просьбой, если это возможно обратиться къ добрымъ людямъ о вторичной помощи для моей семьи.* (ПН — 10. 05. 1927).
- (28) СГ: *⟨...⟩ я, подавая заявление о вступлении в РКП, призываю всех товарищей анархистов, искренно дорожащих делом революции, также встать под знамена российской коммунистической партии.* (И — 21. 02. 1924).

Часто разные типы аргументации могут сочетаться в пределах одного письма, см., например, письма (3), (19). Так, в примере (3) сочетаются как минимум два типа аргументации: указание на что-то плохое, что может произойти в результате невыполнения действия, к которому автор призывает в своем письме, и уверение в том, что выполнение действия не потребует от адресата больших усилий. В примере (19) автор одновременно обязуется предпринять определенные действия в ответ на выполнение адресатом того, что он просит, и апеллирует к положительным характеристикам адресата.

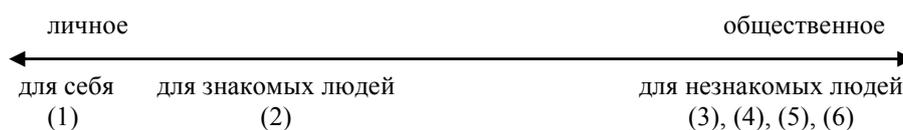
Такое разнообразие типов аргументации, сопровождающих просьбу, отличает письма-просьбы от аналогичного речевого жанра в устной непринужденной речи. Характерной чертой устной неподготовленной речи является спонтанность, поэтому, в отличие от письменной речи, говорящий не всегда успевает оформить свою просьбу так же тщательно. Иногда говорящий просто не видит необходимости столь аккуратно выражать свое коммуникативное намерение (ср. жанр «инструктив», очень распространенный в системе внутрисемейного общения, в котором аргументативная часть просьбы часто бывает вообще опущена [Китайгородская, Розанова 2005]). В случае же письма в газету общение происходит между незнакомыми людьми и, как правило, носит формальный характер. Это обстоятельство побуждает автора письма с особой аккуратностью и убедительностью выражать свое коммуникативное намерение, тщательно соблюдая при этом нормы речевого этикета.

Таким образом, письмо-просьба, направленное в газету, предстает перед нами как продукт продуманного риторического построения. Этим письма-просьбы в газету приближаются к официальным прошениям, для которых тщательная аргументация также является неотъемлемым элементом. При этом содержание (то, о чем просят авторы писем) и языковое воплощение рассматриваемых писем, несомненно, отличны от официальных прошений.

Тематическое содержание

Из приведенных выше примеров мы уже выяснили, что содержание писем-просьб может быть самым разнообразным: это и просьба частного ли-

ца об оказании ему денежной помощи, и просьба о помощи в поисках материалов для научной работы, и призыв к участию в каком-либо общественно полезном деле, и предложение по обустройству общественных мест. Тем не менее, после некоторого обобщения, получается, что все письма-просьбы в зависимости от их содержания могут быть отнесены либо скорее к сфере частной жизни, либо к сфере общественной жизни. Так, к сфере частной жизни относятся собственно письма-просьбы, то есть все просьбы об оказании помощи автору письма или другим конкретным лицам, за которых он просит, а к сфере общественной жизни — просьбы, призывы и предложения, касающиеся сразу большого количества людей и имеющие общественное значение. Соотношение личного и общественного можно представить в виде следующей шкалы (под шкалой указано, в интересах кого автор письма просит (либо призывает или предлагает) совершить то или иное действие, и номера соответствующих примеров писем, приведенных выше):

Статистический анализ нашей выборки позволяет сделать следующий интересный вывод: в советской и в эмигрантской прессе письма неодинаково распределены на этой шкале. В советских газетах явно преобладает количество писем, относящихся к общественной сфере, тогда как в эмигрантских газетах почти одинаково часто встречаются и общественные, и личные письма. Это распределение отражено в таблице:

Таблица 1

Соотношение количества писем разных поджанров

Тип письма, количество в % Источник	Просьбы			Призывы	Предложения
	ВСЕГО	относящиеся к личной сфере	относящиеся к общественной сфере		
ЭГ	67%	47%	20%	27%	6%
СГ	55%	32%	23%	3%	42%

Письма-призывы и письма-предложения мы заведомо относим к общественной сфере, так как в этих двух типах писем автор просит адресата совершить действие не лично для него, а на благо общества или, по крайней мере, других людей. Чтобы получить количество писем, относящихся к общественной сфере, нужно сложить три последних графы таблицы (количество писем-просьб, относящихся к общественной сфере, количество писем-призывов и количество писем-предложений). Остаток будет относиться к личной сфере.

Таким образом, получилось, что в эмигрантских газетах личная и общественная сферы находятся в соотношении 47% : 53% соответственно, а в советских газетах — 32% : 68%. Приведенные данные показывают, что в советской прессе «общественное» превалировало над «частным». Это обстоятельство объясняет полное отсутствие в советских газетах столь распространенного в эмиграции типа просьб частных лиц о денежной помощи. В эмигрантской прессе оба рассматриваемых аспекта находились в большем равновесии, поэтому письма-просьбы могли касаться более широкого круга событий (как личных, так и общественных). Возможно, неустроенность жизни в эмиграции вынуждала людей достаточно часто просить о том, что действительно нужно лично им, поэтому личные письма-просьбы в количественном плане практически не уступают просьбам о том, что важно для общества.

Еще одним интересным фактом является очень небольшое количество писем-предложений в эмигрантских газетах по сравнению с советской прессой, где таких писем много. Этому явлению можно дать два объяснения. С одной стороны, в еще не сформированном эмигрантском обществе нет тех официальных инстанций, которые могли бы принимать или рассматривать предложения. С другой стороны, после становления советской власти в России стала популярной роль активиста, который вне зависимости от своего социального положения стремился «внести свою лепту» в воплощение в жизнь идей революции. Поэтому в советской России стало «модно» замечать какие-то несовершенства в существующем положении дел и сообщать о них (отсюда обилие писем-сигналов⁶ в советских газетах), а также выдвигать предложения по усовершенствованию данного положения дел (письма-предложения).

Письма-призывы, в отличие от собственно писем-просьб и писем-предложений, интересны тем, что автор письма сам вовлечен в то действие, которое призывает совершить. Он не обязательно буквально делает то, что призывает всех совершить, но, по крайней мере, играет организующую роль. Упоминание о том, что автор сам уже сделал то, к чему он призывает адресата, дополнительно усиливает зону аргументации письма, см. пример (29):

(29) СГ: <...> *Смертью Владимира Ильича нанесен тяжкий удар делу революции. Невозвратимую потерю можно компенсировать только объединением и сплочением всех революционных сил. Считая проявление максимальной энергии в борьбе за освобождение труда теперь более необходимым, чем когда бы то ни было, я, подавая заявление о вступлении в РКП, призываю всех товари-*

⁶ В письмах-сигналах автор сообщает о нежелательной ситуации или нежелательных поступках третьего лица с тем, чтобы адресат исправил положение или наказал это лицо. При этом часто адресатом является та или иная официальная инстанция, которая должна принять необходимые меры по исправлению описываемой ситуации.

щей анархистов, искренно дорожащих делом революции, также встать под знамена российской коммунистической партии.

Б. анархо-синдикалист Н. Доленко (М. Чекерес). (И — 21. 02. 1924).

Рассмотрим еще один важный жанрообразующий признак: образ автора и адресата.

Образ автора и адресата

Вообще, во всех письмах данного поджанра **автор** всегда известен (указываются его имя и фамилия) или, по крайней мере, известен его социальный статус (занимаемая должность, партийная принадлежность и т. п. — все эти данные сообщаются в подписи), в противном случае речевой акт просьбы, как кажется, заведомо обречен на неудачу. И тем не менее, в нашей выборке нашлось одно анонимное письмо-просьба, которое, кроме нестандартно заполненной позиции автора, по всем остальным своим коммуникативным и текстовым особенностям вполне соответствует письмам данного поджанра, см. пример (30):

(30) ЭГ: М. Г., *Господинъ Редакторъ!*

Быть можетъ страннымъ покажется Вамъ это письмо и ненужнымъ. Но тотъ фактъ, что я его напишу и пошлю дастъ мнѣ минуту облегченія. Поговорить съ интеллигентнымъ русскимъ чело-вѣкомъ, хотя бы письменно, немного облегчитъ наболѣвшую ду-шу — да будетъ это достаточнымъ извиненіемъ за отнятое вре-мя Ваше.

Заброшенные судьбой въ далекую Канаду, одинокіе среди полумилліоннаго населенія большого города, безъ родныхъ и дру-зей, мы чувствуемъ, что жизнь тодчасъ (sic!) становится для насъ нестерпимой.

Безумно хочется слышать родную рѣчь, видѣть милое добро-душное лицо россиянина, говорить о вещахъ любимыхъ, понятныхъ, чтимыхъ... Боже, какъ тяжело среди чужихъ лицъ, равнодушныхъ, непонимающихъ ни Вашей культуры, ни стремленій, ни настроеній!

Какъ однообразно тягучи дни, какъ безконечно тоскливы длин-ные ночи!

Силы уходятъ на неравную борьбу за существованіе, годы про-ходятъ, отнимая энергію и желаніе жить — все глубже и глубже захватываетъ тина житейская! Спасите же, пока не поздно, от-кликнитесь! Помогите! Мы такъ одиноки здѣсь! Пришлите хоть слово привѣта и ласки, чтобы легче стало на душѣ, чтобы съ но-вой силой смогли поднять мы тяжелый нашъ житейскій крестъ, посланный... не вѣдаемъ за что!

Торонто Канада   Усталые. (ПН — 28. 07. 1921).

Такое письмо правильно было бы назвать «риторической просьбой», т. е. просьбой, автор которой в действительности не ожидает от адресата выполнения конкретного действия. Данное письмо похоже скорее на душевное излияние, которое не предполагает какой-либо другой реакции адресата, кроме сострадания. Трудно предположить, как адресат мог бы откликнуться и прислать *«хоть слово привѣта и ласки»* тому, чьи адрес и имя ему неизвестны. Тем самым, по своей сути это письмо стоит ближе к апеллятивным жанрам, чем к прескриптивным. То есть автор письма обращается к адресату не с тем, чтобы в ответ тот выполнил какое-либо действие, а просто чтобы привлечь его внимание.

Для писем-просьб в газету характерны специфические формы автореференции адресанта: автор может говорить о себе как в первом (см. пример (31)), так и в третьем лице (32):

(31) ЭГ: *Простите Бога ради, что я обращаюсь къ Вамъ еще разъ съ просьбой (...).* (ПН — 10. 05. 1927).

(32) СГ: *Сотрудник комиоблисполкома тов. Елфимов просит всех, знающих по работе и по тюрьмам т. Разумного, Георгия Мироновича, сообщить о нем по адресу: г. Усть-Сысольск, облисполком.* (П — 01. 01. 1928).

Использование первого лица в просьбе вообще представляется более тривиальным (такой тип автореференции встречается и в устной, и в письменной речи, характерной как для непринужденных, так и для официальных ситуаций). Третье лицо используется адресантом в данной функции значительно реже — например, в официально-деловом типе речи или в игровых ситуациях, пародирующих его. В [Китайгородская, Розанова 2010: 397] приводится еще один жанр, для которого характерен данный тип автореференции адресанта, — это просьба о милостыне (как жанр городского повседневного общения), ср.: *Помогите ради Христа бабушке старенькой*. Помимо этого, третье лицо для обозначения автора нередко используется в эпистолярном жанре в широком смысле (как в частной, так и в деловой переписке), ср.: *Пишет вам ваш покорный слуга Петр Иванов*, — а также в телефонных разговорах, ср.: *Здравствуйте // Вас беспокоит сосед снизу //*. Можно предположить, что данный тип автореференции в целом характерен для дистантной коммуникации.

Адресат письма-просьбы бывает разным. Это может быть и вся читательская аудитория данной газеты, и конкретный человек, к которому автор решил обратиться с открытым письмом, и группа людей, объединенная некоторым общим признаком (например, воевали вместе с автором письма в одном отряде, не имеют возможности самостоятельно прокормить своих детей и т. п.), при этом конкретный адресат или адресаты могут быть названы в письме, как в примере (33):

(33) ЭГ: *Въ особенности просиль бы откликнуться на настоящее мое письмо потомковъ дерптскихъ друзей и знакомыхъ Жуковского —*

Рейтерна, Зейдлица, Петерсена, Паррота, Эверса, Маргеништерна, Еше, Зенфа, Рамбаха, Струве, Мантейфеля, Кнорринга, Левеништерна, Блума, Брюнинга, Нолькена, Липгардта, Штакельберга, Лилиенфельда, Крюденера, Асмуса, Беллендорфа, Бока, Фурмача, Манделя, Розенберга, Бревернъ де ля Гарзи, Ленца и Вейграуха. (ПН — 30. 06. 1922).

Как бы ни был выражен адресат в анализируемых письмах, не следует забывать, что основным отличием писем читателей в редакцию от остальных разновидностей эпистолярных текстов (частной переписки, деловой корреспонденции и др.) является ориентированность на массового адресата. Даже письма, формально адресованные одному человеку или ограниченному кругу людей, но предназначенные для публикации в газете, все равно обладают свойством массовой адресации, так как их может прочесть любой, кто возьмет в руки эту газету. Это свойство в применении к письмам-просьбам, несомненно, способствует успешному осуществлению иллюкутивного намерения автора письма, то есть повышает вероятность выполнения его просьбы. Кроме того, ориентированность на массового адресата не может не отразиться на языковом воплощении писем данного поджанра.

Языковые особенности

Способы выражения коммуникативного намерения «просьба»

Типовая интенция «просьба» («призыв», «предложение») в анализируемых письмах может иметь следующее языковое воплощение:

1) Перформативный глагол *просить* (или, в зависимости от иллюкутивного намерения данного письма, глаголы *предлагать*, *призывать*, а также, в зависимости от интенсивности просьбы, глагол *умолять* и т. п.) в форме 1-го и 3-го лица, в соответствии с тем, какую форму автореференции выбирает для себя автор письма, см. примеры (34)—(38):

- (34) ЭГ: *Прошу отзывчивыхъ русскихъ людей помочь мнѣ.* (ПН — 01. 01. 1928).
- (35) СГ: *Старший следователь северо-кавказского краевого суда по Терскому округу Малашов просит всех старых революционеров периода 1892—1917 г.г., <...> сообщить ему по адресу <...>.* (И — 06. 05. 1926).
- (36) ЭГ: *Я предлагаю моимъ соотечественникамъ создать въ Парижѣ потребительскій кооперативъ.* (ПН — 09. 11. 1921).
- (37) СГ: *<...> призываю всех товарищей анархистов, искренно дорожащих делом революции, также встать под знамена российской коммунистической партии.* (И — 21.02.1924).

- (38) ЭГ: *Умоляю русскихъ отзывчивыхъ людей притти намъ на помощь.* (ПН — 26. 01. 1928).

Выбор перформативного глагола в письмах данного поджанра — это результат того, как сам автор осознает иллокутивную цель письма. Как упоминается выше, нередко именно этот фактор являлся для нас основным при распределении писем между тремя классами: просьбы, призывы и предложения.

2) Перформативные конструкции, содержащие слова *просьба, призыв, предложение* (39), (40):

- (39) ЭГ: *Приводя выше изложенные факты, мы **обращаемся съ просьбой** ко всѣмъ, кто можетъ и долженъ придти къ намъ на помощь и улучшить наше существованіе и лѣченіе.* (ПН — 24. 05. 1922).

- (40) ЭГ: *Ввиду невозможности раздобыть достаточное количество книгъ инымъ путемъ, Союзъ Русскихъ Студентовъ во Франціи **обращается съ горячимъ призывомъ** ко всѣмъ русскимъ гражданамъ жертвовать старыя ненужныя книги и журналы.* (ПН — 17. 12. 1921).

3) Слово *просьба* в функции предиката, управляющее инфинитивом (41), (42), часто усиленное эпитетами (43), (44):

- (41) ЭГ: ***Просьба** направлять пожертвованія въ Редакцію «П. Н.» или на текуцій счетъ Русскаго Спортивнаго Общества въ Банкъ «Франко-Славъ», 3, улица Шоссе Дантень.* (ПН — 14. 10. 1925).

- (42) СГ: *⟨...⟩ всякие запросы отдельныхъ гражданъ этихъ республикъ о порядке вступленія в члены общества **просьба** направлять непосредственно в организационныя комиссіи означенныхъ республикъ ⟨...⟩* (П — 22. 11. 1927).

- (43) ЭГ: ***Покорнѣйшая просьба** не отказать направлять денежныя и вещевыя пожертвованія въ адресъ Объединенія (33, рю де Прони).* (В — 06. 01. 1927).

- (44) СГ: ***Убедительная просьба** ко всемъ членамъ партіи, работавшимъ в указанное время в кременчугской организационной комиссіи, прибыть на это собраніе.* (П — 31. 12. 1926).

4) Императив глагола, обозначающего действие, о котором просит адресат (45)—(47):

- (45) ЭГ: ***Помогите** Кронштадту! ⟨...⟩ **Торопитесь помощью!*** (ПН — 19. 03. 1921).

- (46) ЭГ: ***Собирайте** между собой деньги и **ишите** намъ.* (ПН — 22. 09. 1921).

- (47) ЭГ: *Матери извѣрившіяся, слабыя, сильныя, богатыя, бѣдныя, умныя — **записывайтесь** членами въ Общество.* (ПН — 19. 01. 1922).

Императивы используются преимущественно для выражения призыва. В нашем корпусе писем практически нет примеров, где императивом выражалась бы просьба, хотя грамматически императив способен выражать и просьбу, и призыв, и предложение. Этим письма-просьбы в газету отличаются от жанра «просьба» в других сферах коммуникации, например, в устной речи или в частной переписке, где широко используется императив. Ср. пример (48) из устной речи и пример (49) из частной переписки, где императив явно выражает просьбу:

- (48) *Саш / ты **закрывай** балкон / када куришь / а то дым идет //* (Пример из [Китайгородская, Розанова 2005: 354]).
- (49) *К вам на днях, в конце масленицы или немного попозже, зайдет один знакомый. Если Николай Дмитриевич даст книги по астрономии, то **передайте** этому знакомому, он вернется сюда и привезет.* (Из письма А. Ф. Лосева родителям жены, Т. Е. и М. В. Соколовым [Радость на веки 2005: 151]).

В отличие от перифраз типа «*прошу вас прислать немного денег*» и т. п., столь распространенных в письмах в газету, императив более резко выражает иллокуцию просьбы, поэтому использование его в определенных ситуациях может свидетельствовать о недостатке вежливости адресанта или даже о его грубости. По крайней мере, это может быть так воспринято адресатом просьбы. Но, как уже говорилось выше, письмо-просьба в газету — это жанр, в котором автор стремится особенно тщательно и вежливо оформить свое коммуникативное намерение, поэтому он и отдает предпочтение языковым средствам, позволяющим выразить просьбу более мягко и ненавязчиво, чем это делает императив.

Вместе с этим, императив обладает большей экспрессивностью, чем все перечисленные выше способы выражения просьбы, поэтому он идеально подходит для призывов. Призыв и должен отличаться своей экспрессивностью и лаконичностью формулировки для того, чтобы на него обратило внимание как можно больше потенциальных адресатов.

5) Косвенные формы выражения просьбы встречаются редко и преимущественно в письмах-предложениях. Нам встретились следующие способы косвенного выражения предложения:

— условные конструкции:

- (50) СГ: *Если бы **прибить** доску над воротами «Общедоступный сквер», сколько бы людей отдохнуло там.* (П — 27. 05. 1920).

— сочетание *почему бы не*:

- (51) СГ: *Почему бы ее **не** включить в репертуар фронтовых театров?* (П — 25. 03. 1920 (П)).

— модальные конструкции с частицей *бы* и без нее, такие как *не мешало бы, следовало бы, полезно было бы* и т. д.:

- (52) СГ: *Поэтому, повторяю, не мешало бы и следовало бы приступить и поручить эту (нрзб.)-ную нелегкую работу специалистам-знатокам, филологам русского языка и речи <...>* (И — 29. 10. 1920).
- (53) СГ: *Я считал, что полезно было бы агитпунктам городов, а главное в местечках и селах, сделать следующее <...>* (П — 11. 01. 1921).
- (54) СГ: *Нет необходимости доказывать целесообразность такового мероприятия; следовало бы произвести это и в других отраслях науки (механики, агрономии и т. д.).* (И — 31. 12. 1920).
- (55) ЭГ: *Надо помочь многимъ въ первое время до приисканія ими работы, надо поддерживать многихъ въ періодъ болѣзни или временнаго отсутствія работы, нельзя оставить безъ помощи нетрудоспособныхъ по инвалидности <...>* (В — 11. 02. 1926).
- (56) СГ: *Лишь часть их имеет художественное и историческое значение, все остальное надо отдать, чтобы получить хлеб для голодающих.* (И — 30. 12. 1921).
- (57) ЭГ: *Къ несчастью, Убѣжище не имѣетъ средствъ, чтобы расширяться, насколько позволяетъ помѣщеніе, нужно добавить инвентарь, у иныхъ дѣтей нѣтъ бѣлья и обуви, нужно устроить садъ къ веснѣ и главное, необходимо устроить ванну.* (В — 18. 01. 1929).
- вопросительные по форме конструкции с сочетанием частиц *не + ли*:
- (58) ЭГ: *Но не найдете ли вы целесообразнымъ создать при вашей редакціи кассу по оказанію матеріальной помощи наибѣднѣйшимъ русскимъ беженцамъ во Франціи <...>* (ПН — 31. 12. 1922)⁷.

Неудивительно, что косвенное выражение иллокуции просьбы характерно именно для писем-предложений: это наиболее «мягкая» и ненавязчивая форма прескриптивного речевого акта, очень близкая по своей сути к совету. Совет отличается от предложения тем, что социальный статус адресанта, как правило, выше, чем у адресата, поэтому адресант в какой-то мере может навязать адресату своё мнение, а при предложении нет. Автор письма-предложения подает идею, как лучше следует поступить адресату в данной ситуации, под косвенным речевым актом он как бы маскирует свое желание побудить адресата к тому или иному действию. Автор письма оставляет адресату право самому имплицировать из сказанного то действие, которое ему следует совершить.

Многие формы косвенного выражения просьбы, такие, например, как условные и модальные конструкции с частицей *бы*, служат маркерами вежливости в любых коммуникативных контекстах. Встает вопрос: почему

⁷ Из дальнейшего текста очевидно, что данное письмо — не просьба, а именно предложение: автор не просит денег для себя, а наоборот, сам готов их пожертвовать в кассу.

же при столь сильном стремлении авторов писем в газету как можно более вежливо оформить свою просьбу указанные косвенные способы не являются приоритетными для всех типов писем-просьб, а характерны лишь для писем-предложений? Вероятно, это происходит потому, что, помимо стремления к вежливости, автором письма движет другое, не менее сильное стремление — добиться от адресата удовлетворения своей просьбы. То есть в зависимости от иллюкутивной силы данного письма приоритетным становится то один фактор, то другой.

В анализе жанра «просьба о милостыне», представленном в [Китайгородская, Розанова 2010: 381—408] отмечалось, что косвенное выражение просьбы характерно лишь в случаях непосредственного обращения просящего к конкретному адресату. Во всех остальных случаях говорящие выражают свою просьбу с помощью прямых речевых актов. По аналогии с этим наблюдением можно предположить, что в коммуникативной ситуации «письмо в газету», для которой характерно дистантное общение и невозможен непосредственный контакт между адресантом и адресатом, авторы писем стремятся к большей эксплицитности. То есть в случаях, когда просьба носит более императивный характер, когда просящий (или призывающий) сильно заинтересован в ее выполнении, предпочтение отдается прямым речевым актам, облеченным в вежливую форму. Автор использует тот арсенал средств выражения вежливости, который возможен в рамках прямого речевого акта (например, перформативные глаголы и конструкции со словом *просьба* и др., см. выше пп. 1—3).

Перейдем теперь к стилистической характеристике писем-просьб.

Стиль

Рассматриваемые тексты писем крайне неоднородны с точки зрения их функционально-стилистической принадлежности. Как уже было показано выше, авторы часто воспринимают газету как официальную инстанцию, поэтому оформляют свои просьбы по канонам, характеризующим официально-деловой тип речи. Для этого они используют следующие языковые приемы: определительные конструкции с обилием причастных оборотов; перформативное употребление слова *просьба* в функции предикатива; перифразы с «*прошу*», «*обращаюсь с просьбой*» и пр. Тяготение к официально-деловому типу речи особенно хорошо просматривается в письмах из советских газет. В этом они схожи с газетными текстами советской эпохи в целом, отличительной особенностью которых было обилие штампов и речевых клише.

Однако наряду с маркерами официально-делового типа речи в рамках одного письма можно встретить элементы, характерные для разговорной речи или даже просторечия, см. пример (59):

- (59) СГ: *Мы, рабочие завода им. Владимира Ильича (Москва), читающие «Правду», возмущены прогулами новых рабочих-шахтеров Дон-*

басса, грозящими сорвать план добычи угля. Очевидно, в шахтах совершенно отсутствует дисциплина, и профсоюзы не предпринимают нужных мер, чтобы восстановить ее.

Надо раз'яснить рабочим-шахтерам, какой вред они наносят всей промышленности. В то время, когда на каждом заводе и фабрике с невероятными трудностями добиваются поднятия производительности труда хотя бы на один процент, пьянствовать и бегать с шахты на шахту — преступление.

Есть и на нашем заводе любители выпивать. Некоторые из них проделывают это даже во время работы. Мы боремся с этим при помощи стенной газеты и путем товарищеского внушения. Если же все это не помогает, прибегаем к жестким административным мерам.

Рабочих-шахтеров, пролетариев, мы призываем опомниться от пьяного угара и дать стране уголь, а тех «работничков», у которых запасено дома по тысяче пудов пшеницы и шахта для них только дойная корова, надо вытянуть за ушко да на солнышко.

Мы надеемся, что предостерегающий голос рабочих всей страны пойдет для этих «летунов» в прок (sic!). (П—10. 02. 1929).

В этом примере используется и метафора (*шахта для них только дойная корова*), и народная поговорка (*надо вытянуть за ушко да на солнышко*), и ироническая номинация («летуны»). Все эти приемы не характерны для официальной коммуникации. При этом все письмо написано в официально-деловом стиле с использованием таких штампов как *профсоюзы не предпринимают нужных мер; какой вред они наносят всей промышленности; мы боремся с этим при помощи стенной газеты и путем товарищеского внушения; прибегаем к жестким административным мерам.*

Такое смешение стилей в одном письме может, с одной стороны, рассматриваться как недостаточная коммуникативная компетенция автора, а с другой стороны — как намеренный стилистический прием, цель которого как-то оживить официальный текст.

Для некоторых типов писем-просьб (например, для писем просьб о материальной помощи) характерно использование лексики, относящейся к религиозной сфере (ср. с просьбами о милостыне городских нищих: обращения (*Дорогие братья и сестры!*), благопожелания (*Храни вас Господь!*), собственно просьбы (*Помогите ради Христа!*) [Китайгородская, Розанова 2010: 402]), см. пример (60):

(60) ЭГ: **Простите Бога ради**, что я обращаюсь к Вам еще разъ съ просьбой... (ПН — 10. 05. 1927).

(61) ЭГ: **Богъ дастъ** наберется то, что мнѣ спасетъ мою жизнь. (ПН — 22. 10. 1929).

По понятным причинам религиозная лексика встречается только в эмигрантских письмах.

Заключение

Итак, выше мы рассмотрели поджанр писем-просьб в составе жанра писем читателей в газеты. Подтвердилось предположение, что между всеми письмами-просьбами имеется общность структуры, правомерно объединять письма-просьбы, письма-призывы и письма-предложения.

В то же время стилистически письма-просьбы весьма разнородны, более того, как мы показали выше, даже в рамках одного письма единый стиль выдерживается далеко не всегда.

Авторы писем-просьб используют широкий арсенал аргументов и риторических приёмов для обоснования и усиления действенности своей просьбы. При этом они могут апеллировать как к логике, так и к чувствам читателей.

Набор языковых средств выражения просьбы в рассмотренных письмах отличается от средств, используемых в просьбах в других сферах коммуникации. Так, в письмах-просьбах для выражения собственно просьбы редко используется императив, тогда как в устной речи именно эта форма чаще всего выражает просьбу.

Ещё одной задачей было сопоставить особенности писем-просьб в эмигрантских и советских газетах. Анализ нашей выборки показал, что тематика и языковые особенности писем данного поджанра в эмиграции и в советской России различаются. В частности, в советских газетах гораздо больше писем посвящено общественным проблемам, а в эмигрантских — личным проблемам автора или его близких. Это явным образом коррелирует с различиями в социальной ситуации в эмиграции и метрополии.

Используемые сокращения

ЭГ — эмигрантские газеты	ПН — Последние новости	П — Правда
СГ — советские газеты	В — Возрождение	И — Известия

Источники

- Последние новости. Париж (номера за 1920—1929 гг.).
Возрождение. Париж (номера за 1925—1929 гг.).
Правда. Москва (номера за 1920—1929 гг.).
Известия. Москва (номера за 1920—1929 гг.).
Радость на веки 2005 — А. Ф. Лосев, В. М. Лосева. «Радость на веки». Переписка лагерных времен / Сост., подгот. текста и комм. А. А. Тахо-Годи и В. П. Троицкого. М., 2005.

Литература

- Бахтин 1986 — М. М. Бахтин. Проблема речевых жанров // М. М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М., 1986.

Вежбицка 1997 — А. Вежбицка. Речевые жанры // Жанры речи: сборник научных статей. Вып. 1. Саратов, 1997. С. 99—111.

Гиндин 1988 — С. И. Гиндин. Речевые жанры и языковое сознание // Тезисы IX всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. «Языковое сознание», 1988. С. 41—42.

Гловинская 1993 — М. Я. Гловинская. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993. С. 158—215.

Грановская 1995 — Л. М. Грановская. Русский язык в «рассеянии». Очерки по языку русской эмиграции первой волны. М., 1995.

Земская 2001 — Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты: Коллективная монография / Отв. ред. Е. А. Земская. М.; Вена, 2001.

Китайгородская, Розанова 2005 — М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М., 2005.

Китайгородская, Розанова 2010 — М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы. М., 2010.

НОСС 2004 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второе издание, исправленное и дополненное / Под общ. руководством Ю. Д. Апресяна. Москва; Вена, 2004.

Селищев 2003 — А. М. Селищев. Труды по русскому языку. Т. 1. Язык и общество / Сост. Б. А. Успенский, О. В. Никитин. М., 2003.

ELENA A. NIKISHINA
(Higher School of Economics)

**THE GENRE OF “LETTER TO THE NEWSPAPER” IN THE 1920s
IN THE SOVIET UNION AND IN EMIGRATION
(based on request letters)**

The article analyzes the genre of request letters to newspapers in the Soviet Union and in emigration. As the data show, the manner of realization of the illocutionary purpose and the choice of the topic discussed in the letter are determined by several factors, such as the socio-cultural context of the communication, the level of knowledge of the literary language and the social status of the author, as well as other factors. The pattern of description of the genre adopted in the article includes five parameters: 1) illocutionary purpose; 2) text structure; 3) topic; 4) properties of author and addressee; 5) linguistic properties. It is demonstrated that the language mechanisms used in request letters to newspapers differ in several respects from those occurring in requests in other spheres of communication. For instance, the imperative verb form, which is frequent in oral requests, occurs very rarely in request letters. At the same time, the genre under analysis is realized differently in the Soviet Union and in emigration.

Keywords: request letter, letters to newspapers, speech genres, speech act, illocutionary purpose, text structure, properties of author and addressee, topic, linguistic properties of letters, mass communication

Т. В. ШАЛАЕВА

**ОБ ОБОЗНАЧЕНИИ ИСТИНЫ И ИСТИННОСТИ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ПОДЛИННЫЙ И ВСЯ ПОДНОГОТНАЯ***

Подлинный

Выявление множества иногда противоположных мотиваций в пределах одного семантического поля давно признано надежным источником новых этимологических решений. Так, известно, что понятия истины и истинности выражаются в языке через их различные характеристики. Одним из таких признаков является открытость, очевидность истинного знания. На этом основана внутренняя форма ц.-слав. **рѣснѣ** ‘правдивый, истинный’, **рѣснота** ‘правда, истина’ с соответствиями в словен. *(za)résen* ‘серьезный, важный; настоящий, истинный’, *(za)rés, résda* ‘действительно, в самом деле’, *resnica* ‘правда, действительность’, *resnoba* ‘серьезность, вескость; искренность’, хорв. чак. *réska* ‘действительно, в самом деле; да’. Праслав. **rěsnъ* (← **rěksnъ*) считается родственным лит. *raiškùs* ‘ясный, понятный’, *reikšti* ‘выявить, обнаружить’, жем. *išrykšta, išrykšti* ‘становиться явным’ с предполагаемым семантическим развитием: ‘ясный, явный’ → ‘действительный, настоящий’ → ‘правдивый, истинный, верный’ [ESJS 13: 765—766].

Греч. ἀλήθεια ‘истина’ также традиционно толкуют как «нескрытая», в качестве негативной формы к *λήθος ‘забвение’, и родственное λανθάνω ‘быть скрытым’ [Boisacq: 43, 554]. Н. П. Гринцер предлагает другую этимологию. Он указывает на то, что данная версия противоречит философскому пониманию истины древними греками. Истина для них, скорее, была скрытым знанием, доступным для созерцания только в результате больших усилий, а не явным, доступным всем [Гринцер 1991: 39—42]. Поэтому автор предполагает возможность трактовки префикса α в ἀλήθεια не как alpha privativum, меняющей значение корня на противоположное, а как alpha intensivum, усиливающей значение. Аналогичная словообразователь-

---

Татьяна Владимировна Шалаева, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва).

* Статья написана при поддержке гранта РГНФ № 11-04-00470 «Славянское слово: языковая реконструкция, формальный и семантический анализ».

ная модель используется в ἀσκελής ‘высушенный’ при σκέλλω ‘сушу’ и в ἀσπερχές ‘торопливо’ при σπέρχω ‘укоряю, тороплю’. В таком случае «слово *истина* приобретает как раз значение “чрезвычайно скрытого, потаенного”, отвечая тем самым философским коннотациям этого понятия» [Гринцер: 43].

Кажется, версия о такой внутренней форме названия истины в греческом языке позволяет прояснить происхождение русского прилагательного *подлинный* ‘истинный; настоящий, оригинальный’. Оно имеет долгую историю изучения, представленную многочисленными версиями. Наиболее старая из них связывает его с пыточной практикой, когда достоверную информацию добывали, в том числе, используя длинные палки — **подлинники* или *длинники* (от *длина*). Таким образом, подлинная правда — это слова, произнесенные «под длинниками». Отсюда, якобы, пошло выражение: *Не скажешь подлинной или поддлинной, так скажешь подноготную* [правду] [Даль, 3: 183; Михельсон: 57; Максимов: 110—112; Преображенский, 1: 186; Фасмер, 3: 297—298]. Слово **подлинник* ‘длинный шест’ в русском языке не зафиксировано, *длинникъ* же представлено в памятниках в значении ‘длина, протяженность’: *А позаде огорода поперечнику в четыре сажени, длиннику девять сажень*. Кн. Поганкина, 6. 1645 г.; *А будет того лѣсу... по мѣрь длиннику не достанетъ, и тотъ длинникъ домѣрять въ поперечникъ столко же сажень чего въ длинникъ или въ поперечникъ не достанетъ*. АЮБ II, 473. 1694 г.) [Сл РЯ XI—XVII вв., 4: 246] (разрядка моя. — Т. III.). С. Максимов, кроме того, предполагал, что *подлинная правда* — это правда, «добытая под линьками» [Максимов: 110]. *Линь* или *линек* — это обозначение одного из видов каната, заимствованное из голландского языка, где *lijn* — ‘тонкая веревка’ [Фасмер, 2: 498].

Объяснение происхождения *подлинный* через пыточную лексику вызывает сомнения, поскольку не отмечается других подобных представленным или родственных им терминов из этой области юриспруденции.

Б. Унбегаун считает, что *подлинный* надежнее выводить из *подлинник* в другом значении — ‘модель, образец’, цит. по [Куркина 1976: 155].

Л. А. Булаховский предполагает производность *подлинный* от *длинный* с первоначальным значением ‘точно соответствующий по длине’ и справедливо выводит *подлинник* из *подлинный*, а не наоборот, в отличие от своих предшественников [Булаховский 1949: 178].

Л. В. Куркина принимает семантическую часть толкования Л. А. Булаховского и производит *подлинный* напрямую из *длина* аналогично *поголовный* ‘включающий всех, каждого, все головы, лично каждого’ от *голова*, как и *попутный* ‘все, что по пути, следующий одним, общим путем, дорогой, направлением’ от *путь*. Первоначальное значение формулируется как ‘по длине, в полную длину; точно соответствующий по длине’, откуда — ‘настоящий, верный’ [Куркина 1976: 155; Шведова 2008: 668].

Ту же последовательность семантического развития (‘точно соответствующий по длине’ → ‘эталон, истинный образец’ → ‘правда, истина’) и родство со словом *длина* для *подлинный* принимают авторы сборника «Но-

вое в русской этимологии». Но, в отличие от Л. В. Куркиной, они считают его дериватом ст.-русск. *подлина* ‘правда’, значение которого производно от семантики др.-русск. *под[ь]лина* ‘подкладка’, имеющего соответствия в ст.-чеш. *podlina* ‘бахрома из дорогой материи по краю платья’, чеш. *podlina* ‘оборка’, ст.-чеш. *podlinka* ‘широкая кайма’, производных от *dьlina [Нов. в рус. этимол.: 169]. В данном случае авторы принимают точку зрения В. Махека, который (без русского материала) трактует *podlina* как производное от *po-dli* с мотивацией «укрепленное по длине» [Machek 1968: 467].

А. А. Зализняк предполагает непосредственную производность *подлинный* от *под[ь]лина* ‘подкладка’. Он возводит последнее и его чешские соответствия к праславянскому прилагательному **podьlь(jь)* ‘нижний’, ‘низкий’, образованному от *podь ‘низ’ [Зализняк 1993: 313]. Эти имена с суффиксом *-*ina* объединяются общим значением ‘все, что находится под чем-то, внизу’ [Там же: 314]. Исходным значением *подлинный*, *подлинник* автор считает ‘оригинал, то, с чего делается список’, поэтому *под[ь]лина* ‘то, что лежит внизу, основа’ может быть здесь, по его мнению, вполне закономерным производящим [Там же].

Не обращая к этимологии *подлинный*, с **podьlь(jь)* ‘нижний’, ‘низкий’ (от *podь ‘низ’) группу чеш. *podlina* ‘широкая кайма, оторочка на юбке’, *podliny* ‘две дощечки на дне корзины’ и русск. диал. *подлина* ‘подкладка’ связывает и Ж. Ж. Варбот [Варбот 1996: 285]. Она добавляет к этим словам с.-хорв. *ródla* ‘подшивка, которая делается, если юбка слишком длинна, подпушка’ [Там же] и русск. диал. *подлёнок* ‘нижняя ветвь дерева’, ‘отпрыск хлеба от корня’ [Там же: 284]. Эту версию, говоря о русск. диал. пск. *padl'ina* ‘подкладка одежды’, поддерживает Ф. Р. Минлос [Минлос 2001: 282].

Версия о родстве *подлина* ‘подкладка’ и **podьlь(jь)* ‘нижний’, ‘низкий’, в общем, убедительна. Особенно обоснованными представляются доводы Ж. Ж. Варбот, учитывающие различные словообразовательные модели (с.-хорв. *ródla*, русск. диал. *подлёнок*) и семантические варианты (чеш. *podliny* ‘две дощечки на дне корзины’, русск. диал. *подлёнок* ‘нижняя ветвь дерева’, ‘отпрыск хлеба от корня’). Хотя вероятно и другое решение (см. ниже).

А. Б. Страхов считает русск. диал. *подлина* ‘подкладка’ родственным слову *подол* ‘нижний край платья, юбки’, которое в говорах развивает значение ‘нижняя юбка’ [Страхов 2000: 344]. Он предлагает производить *подлинный* ‘оригинальный (о документе)’ от *подьлина с первичной мотивацией «находящийся внизу, долу», в отличие от *противня*, *снимка*, *спуска* [Там же: 345]. Для *подлинный* в значении ‘настоящий, истинный’ автор приводит первичное значение ‘то, что скрыто под верхним слоем одежды, находится в подкладке’, а следовательно, является сущностным, отражает истину [Там же]. А. Б. Страхов помещает *подлинный* в один ряд со словами, имеющими значение ‘истинный смысл, истинная сущность чего-л.’ и мотивацию «скрытое, находящееся под чем-л.»: русск. литер. *подоплёка* ‘скрытая, тайная причина чего-л.’ при диал. *подоплёка* ‘подкладка на плечах и груди любой одежды’ (родственно *плечо*), диал. *пододóнная* ‘подно-

готная правда, скрытая истина' от диал. распр. *одóнье* 'укладка снопов хлеба, сена (или соломы) для хранения' (от *дно*) [Страхов 2000: 343—344] или непосредственно от *дно*¹. С версией о родстве *подлина* (*подълина) и *подол* нельзя согласиться, поскольку в корне последнего — исконный *о*, не *ъ*: праслав. *dolъ, ср. ст.-слав. *долъ*, болг. *дол*, с.-хорв. *дó*, чеш. *důl*, польск. *dół* [Фасмер, 1: 523]. Но, кажется, наличие приводимых А. Б. Страховым семантических параллелей может помочь найти надежную этимологию прилагательного *подлинный*.

Лексемы *подоплека* и *пододóнная* могут быть соотнесены с более широким метафорическим контекстом: в индоевропейских языках семантика 'сущность, суть, истинное содержание' выражается через обозначения внутренних, закрытых органов: ср. др.-русс. *являти сердце* 'открываться, раскрывать свои чувства, помыслы', франц. *le cœur du problème* 'суть вопроса', исп. *corazon* 'сердце' и 'сущность', санскр. *hṛdaya* 'сердце' и 'сущность, суть; ядро, основа' [Журавлев 2003: 451]. Вероятно, 'первоначально скрытое, неочевидное' можно считать и внутренней формой *подлина*.

Как писали многие исследователи, *подлинный* представляет собой производное от *подлина* 'правда', аналогично *истинный* от *истина*: ср. ст.-русс. *подлина* 'правда' (*Аще бо въсхоуи повѣдату по д л и н у вся... многого времени и труда потребовати буду*. М. Гр. Неизд. IV, 195 об. XVI в.) [Сл РЯ XI—XVII вв., 15: 278], *въ подлину, въ подлинну* ([Андрей:] *Я тебѣ говорю, что это я. Огленись на меня пожалуй*. [Настасья:] *И въ подлинну ты?* [Андрей:] *Конечно не тѣнь моя*. Сочинения и переводы Владимира Лукина. Ч. II. СПб., 1765. Стр. 17; [Прямыковъ:] *Замолчи негодная и не плачь напрасно; а то доведешь меня, что и въ подлинну будешь о чемъ плакать*. Там же. Стр. 161. — *Разрядка моя. — Т. III*.) [Картотека Сл РЯ XI—XVII вв.]. Наличие этих слов опровергает версию Л. В. Куркиной о производности *подлинный* от *длина* суффиксально-префиксальным способом (см. выше).

Вероятно, значение *подлина* 'правда' появилось из значения 'подкладка' (эта версия высказана в сборнике «Новое в русской этимологии», см. выше): ср. русск. диал. пск., эст. (русс.), лит. (русс.), латв. (русс.) *пóдлина* 'подкладка одежды' [СРНГ 28: 66], ленингр. *пóдлинка* то же [Там же]. Это подтверждает приведенное *подоплека* с исходным значением 'подкладка'. Также семантика 'скрытый истинный смысл, причина' [БАС 10: 392] отмечается и у слова *подкладка*, например, в следующих контекстах: *Под этим — своя «п о д к л а д к а»: не допускать влияния СССР дальше его границ...* В. В. Вишневский. Дневники военных лет (1943—1945); *Есть еще разные аргументы, более или менее основательные, которые он приводил [...], но подкладка всех этих доводов — что он горит нетерпением дожить до дня свадьбы*. П. И. Чайковский. Переписка с Н. Ф. фон-Мекк (1883); *Подкладка этой исповеди погибающего «от*

¹ По устному замечанию Ж. Ж. Варбот.

логического самоубийства» человека — это необходимость тут же, сейчас же вывода: что без веры в свою душу и в ее бессмертие бытие человека неестественно, невыносимо и невыносимо. Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. 1876 год (1876); *А подкладка всего этого: «Мы будем говорить, а вы молчите, мы будем приговоры изрекать, а вы приводите их в исполнение!»* М. Е. Салтыков-Щедрин. Наша общественная жизнь (1863—1864) [НКРЯ]; — *Понимаю, — спокойно сказала Ирина. Но он-то знал подкладочку этого спокойствия.* Д. Рубина. Собака (Разрядка моя. — Т. III).

Для решения вопроса о происхождении слова *подлина* ‘подкладка’ показательным кажется фиксируемый словарями ряд слов с приставкой *под-*, родственных глаголу *линать*: *подлин* (*подлина?*), *подлинок* (*Теперь птица в подлинъ*, или *в подлинкѣ* — роняет перо) [Даль, 3: 183], *подлинь* ‘птица в состоянии линьки’ [Там же], южн.-урал. *подлинковъ* ‘начавший линьку (о звере)’ [СРНГ 28: 66], укр. *підлінь* ‘у кожевников: верхний слой очищаемой кожи с корнями волос’ [Гринченко, 3: 170]. Они, по-видимому, образованы от имени с корнем *-лин-*, обозначающего сбрасываемую при линьке шерсть, ср., например, русск. диал. яросл. *лінька* ‘шерсть с линяющего животного’ [СРНГ 17: 52], том. *лінка* то же [Там же: 51], перм. *линка* то же [Там же], укр. диал. *лінка* ‘сброшенная шкура ужа или гадюки’ [Аркушин, 1: 284], *линó* то же [Там же], *линóк* то же [Там же]. В частности, *подлина*, по-видимому, является дериватом незафиксированного **лина* с приставкой *под-*. Аналогичная словообразовательная модель представлена, например, в формах *подпол*, *пригород*, *предыстория*, *последствие* — префиксальных производных от существительных с общим значением ‘временной отрезок (или место, предмет), находящийся в определенном отношении к тому, что названо мотивирующим существительным’ [Улуханов 1996: 67]. Общим и, видимо, исходным для лексем с префиксом *под-* является значение ‘кожа, находящаяся под шерстью, первоначально скрытая под ней’, из которого затем развилось значение ‘подкладка’.

О вероятности такого семантического перехода свидетельствуют лексемы, производные от праслав. **skora2* со значением ‘подкладка’ при первоначальной семантике ‘слой шкуры животного под шерстью’ и образованные по той же словообразовательной модели, что и *подлина*: ср. русск. диал. удмурт. (русс.) *подскóрб* ‘подкладка одежды’ [СРНГ 28: 182], *подшкóр* ‘ватная или меховая подкладка одежды’ (сев.-двин., костром.), ‘ватная подкладка одежды’ (волог.) [Там же: 258], волог. *подшкóрь* то же [Там же]. Эти примеры развития значения ‘подкладка’ у дериватов **skora* дают основания усомниться в версии Ж. Ж. Варбот и А. А. Зализняка о связи чеш. *podlina* ‘кайма, оборка’ и русск. *подлина* ‘подкладка’ с **rodьlъ(jь)* ‘нижний’, ‘низкий’ (см. выше).

Если лексемы с корнем *скор-* / *шкор-* развивают семантику ‘подкладка’, то производные от *кожа* употребляются в интересующем нас значении ‘скрытый, неявный’, и далее — ‘сущностный’: *Правда, эта информация,*

что называется, *подкожная*, чрезвычайно конфиденциальная. Но, я думаю, здесь можно? Семен Данилюк. Бизнес-класс (2003); Савва работал в жанре глубокой и тонкой политической игры, вскрывал подводные течения и *подкожные* интересы. Марианна Баконина. Девять граммов пластита (2000); Вот у меня есть, например, свои сокровенные «*подкожные*» идеи. Они вырывают во мне. Георгий Бурков. Хроника сердца (1953—1990) [НКРЯ]; ... Самый его глубоко *подкожный* секрет, то, в чем и самому себе почти никогда не признавался, оказывается для нее *во все и не секрет*. В. Аксенов. Московская сага. Тюрьма и мир (разрядка моя. — Т. III). С точки зрения структуры, версия о родстве *подлинный* и *линять* доказывается фиксациями в старорусских памятниках и текстах XVIII в. формы *подлѣнный* (*подленный*): ... его королевское величество *изнова причиненъ бысть, чтобъ послати боярина своего и болаго ратнаго воевода Якова Пунтосовича Делегарда... сюды на Русь, и Божіимъ предзрѣніемъ, которое мочно отъ того подлѣно разумѣть, ... Новгородъ одолѣть...* Дополнения к актам историческим, собр. и изд. Археогр. ком. Т. II. СПб., 1846. С. 28. 1613 г.; ... велено *взяти Устретцкихъ волостей старость и у цѣловальниковъ и у крестьян, будетъ есть, съ прежнихъ писцовыхъ и з дозорциковыхъ книгъ подлѣнны е сотные грамоты или книги платежные...* Акты писцового дела. Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. Собрал и ред. С. Веселовский. Т. II, вып. I. С. 124. 1629 г.; ... *и ты бѣ Острожскимъ Черкасомъ сказалъ..., чтобы они землями и всякими угоды... владѣли до писцовъ по прежнему... А писцы, для подленого межевания всякихъ спорныхъ угодей, съ Москвы отпущены въ тѣ [ы] города будутъ вскорѣ. ... А у подленой грамотѣ помѣта дьяка...* Материалы для истории Воронежа и соседних губ., т. I. Воронежские акты. Воронеж, 1887. С. 115. 1681 г.; *И будетъ тѣ деньги на те годы на все на три плочены сполна и тебѣ б в тѣхъ платежахъ взять у нихъ отписи подленны е* Письма помещика старосте. 1708 г. 30/V // Вотчинный архив Бутурлиных. Палех. [Картотека Сл РЯ XI—XVII вв.] (разрядка моя. — Т. III). Корневая огласовка этих форм не может быть объяснена в рамках прежних версий происхождения *подлинный*, но она свойственна производным праславянского глагола *lĕniti/**lĕn'ati*, варианта *liniti/**linĕti*/**lin'ati*, ср. ст.-русск. *лѣнати* (*леняти*) ‘линять, выцветать’ (Торг. кн., 27 об. XVII в. ~ XVI в.), ‘стираться, сходить (о краске)’ (Сим. Обих. книгоп., 203. XVII в.) [Сл. РЯ XI—XVII вв. 8: 206], русск. диал. тобол., енис. *выленять* (*Теперь бусой, а выленит — как вороной будет*) [СРНГ, 3: 306], том. *облѣнивать* ‘линять’ [СРНГ, 22: 93], арх., колым., сиб., урал., волог., тобол., якут. *лѣнный*, *ленной* ‘непрочной окраски, линяющий’ [СРНГ, 16: 354], чеш. *lĕňati* ‘сбрасывать шерсть’, словен. *leniti se* ‘линять’, укр. *línitиси* то же [ЭССЯ, 14: 202].

Безусловной трудностью с точки зрения предполагаемого родства *подлина* и *lĕniti/**lĕn'ati* является отсутствие форм типа *подлѣна и лексем с корнем *-лѣн-* в значении ‘подкладка’. Но в славянских языках отмечаются

дериваты праславянского корня *-lěp-* с семантикой ‘шерсть линяющего животного’, которые могут быть производящими для подобных слов. Ср. **lěna/*leno*: чеш. стар. *lěna, lina* ‘кожа, сбрасываемая змеей, ракой во время линьки’, словац. *lien* то же [Там же: 200]; **lěnišče*: словац. *lenisko* ‘кожа, которую сбрасывает змея’, польск. диал. *lenisko* ‘шкура, сбрасываемая при линьке’ [Там же: 201]; **lěňka*: русск. диал. свердл. *лѣнка* ‘шерсть, сброшенная животным при линьке’ [СРНГ 16: 353]. Таким же образом можно толковать семантику русск. диал. колым. *лень* во фразе о линьке: *Танера и гусь и лебедь само на ленью* [Там же: 358] (разрядка моя. — Т. III).

Вся подноготная

Этимология традиционно объединяла с *подлинный* слово *подноготная* ‘тайные, скрываемые подробности чего-либо’, связывая их происхождение с процедурой пыток: *подноготная* (*правда, тайна*) — правда, тайна, выданная человеком, когда ему втыкали гвозди под ногти или сдирали их [Даль, 3: 183, 190; Михельсон: 75; Максимов: 112; Преображенский 1: 186; Фасмер 3: 298]. Ср. приводимую выше поговорку: *Не скажешь подлинной или поддлинной, так скажешь подноготную*. Но, как и в случае с *подлинный*, лингвистических доказательств у этой версии нет.

Н. И. Толстой пересматривает такое толкование и предполагает, что выражение *узнать подноготную* имеет те же истоки, что и болг. *познавам му и черното под ноктите* ‘вижу его насквозь’, *познавам и калта под ноктите му* то же, *разпитвам го и за калта под ноктите му* ‘расспрашиваю его обо всех подробностях’. В них чернота или грязь под ногтем представляется эталоном малого количества, и их внутренняя форма трактуется соответственно как «знаю о нем и самую малость», «расспрашиваю и о самом малом». Таким образом, *узнать подноготную* значит ‘узнать все, вплоть до мельчайших деталей’ [Толстой 1973: 282, 290]. Женский род *подноготная* автор объясняет преобразованием первичной формы **подноготное*, что является одним из примеров утраты среднего рода в русских говорах [Там же: 290]. Однако лексема *подноготная* в диалектах не зафиксирована, так же, как и **подноготное* — в литературном языке.

Б. А. Успенский поддерживает идею о внутренней форме *подноготная* как «то, что находится под ногтем» и дает ей мифологическую интерпретацию: «не исключено, что как волосы, так и ногти, воспринимались как местопребывание души или жизненной силы, подвластной Волосу» [Успенский 1982: 180]. Следовательно, *узнать подноготную* означает ‘узнать душу человека, т. е. все, до конца’. Эта этимология представляется интересной, но достаточно фантазийной.

А. Б. Страхов предполагает производность *подноготная* от *нагота* (аналогично *высотный* от *высота*, *частотный* от *частота*, ср. *наготный* ‘вовсе бедный, обнищавший’ (*Наготá наготная*) [Даль, 2: 394]). Изначаль-

ной структурой он считает *поднаготная, при том что в дальнейшем в корне появилось *о* в результате гиперкоррекции. Внутренняя форма слова толкуется как «скрытое под наготой, то есть под тем, что находится ближе всего к человеку, самое сокровенное». Женский род прилагательного он, как и многие исследователи, объясняет согласованием в первоначальном словосочетании **поднаготная правда (тайна)* [Страхов 2000: 343, 345].

Языковой материал не дает доказательств семантической части этой трактовки, но родство (*вся*) *подноготная* и *нагота*, кажется, определено верно. Но, видимо, выводить *подноготная* следует не напрямую из *нагота*, как это делает А. Б. Страхов, а из прилагательного *наготной*. В русских говорах отмечается форма (*убрать*) *поднаготную* ‘(убрать) полностью’ (*Хлеб убрали поднаготную*) [Сл. Сибири, 3: 304], которая, очевидно, является наречием типа литературного *вслепую, зачастую, напрямую* и дериватом прилагательного *наготной* с префиксом *под-*. Такие наречия мотивированы прилагательными в форме женского рода единственного числа винительного падежа [Рус. грам., 1: 703; Виноградов 1972: 282]. Особое внимание в этой связи обращает на себя наречие *подчистую* ‘всё, полностью, без остатка’, образованное по той же словообразовательной модели, что и *поднаготную*, с префиксом *под-* от *чистый*. К тому же в псковских говорах отмечено наречие *подноготно* (*јон фс’о поднаготна в’ід’ит* [досконально]) [Псков. карт.], которое является синонимом и словообразовательным аналогом литер. *подчисто* ‘всё, полностью, без остатка’. Структурному и семантическому параллелизму *поднаготную* — *подчистую*, *подноготно* — *подчисто* соответствует частотная синонимия слов с корнями *-чист-*, *-наг-* и *-гол-* в значениях ‘чистый, пустой, лишенный чего-либо’: ср. русск. литер. *голый* ‘пустой’, *чистый* то же, диал. калин. *наголі* ‘ни с чем’ (*Осталась наголи, муж и любовник бросили*) [СРНГ, 19: 204], свердл. *нагом* ‘без снега’ [Там же: 208]. На этой основе развивается значение ‘все, до конца, без остатка’: ср. русск. диал. *до наготки* ‘все, без исключения’ (*Фсё до наготки забрали*) [СРГСУ, 2: 162], *наголо* то же (*Всех наголо в солдаты забрали*) [Сл. Сибири, 4: 325], литер. *подчистую* то же, *подчисто* то же. Таким образом, можно предположить, что наречие *(*всё*) *поднаготную* первоначально также обозначало ‘всё, до конца’, сочетаясь с глаголами типа *узнать, рассказать*, а затем получило современное значение ‘(узнать, рассказать) всё до конца, всю правду, включая скрытый смысл’.

Вторичное преобразование наречия в конструкции **узнать, сказать* (*всё*) *поднаготную* в прилагательное (в форму (*вся*) *подноготная*) произошло, вероятно, из-за народноэтимологического сближения с *ноготь*, а также с лексемой *подлинный* с общим толкованием их происхождения как пыточных терминов. В результате, наречие *(*всё*) *поднаготную* было воспринято как форма винительного падежа женского рода прилагательного *подноготный* ‘находящийся, скрытый под ногтями’ [Даль, 3: 190].

Подобные случаи деадвербиализации, правда, на материале существительных, подробно анализирует Н. Е. Петрова [Петрова 2009: 260—261;

Петрова 2009а]. Автор приводит многочисленные примеры осмысления отыменных наречий как падежных форм существительных. В результате они начинают использоваться в формах других падежей. Например, *Существует три способа пить чай с сахаром: вприглядку, внакладку и вприкуску. Многие москвичи придерживаются последнего способа, а для «прикуски» сахара в продаже почти нет.* Вечерняя Москва. 1989. 5. авг.; *Дождь, как-то зацепившись, косой от машины хлестнул в беседку, окропив деревянный пол.* Ю. Нагибин. Чистые пруды. Дороги. Встречи. Жарким июльским днем; *Ноги гудели, не чувствуя под собой тверди, спина от многочасовой наклонки стала чугунной, руки не поднимались.* Т. Гагарина. По ту сторону прилавка // Русский Север. 1991. 20 июля [Петрова 2009: 260] (разрядка моя. — Т. Ш.).

Другой случай изменения частеречной принадлежности слов в результате совпадения флексий приводит И. С. Улуханов, описывая возможное употребление существительных адъективного склонения в функции прилагательных. Например, *типично Достоевский риторический выверт, чисто слущкие детали, подсудимая скамья, взрослые письма; не рабочая, а лишь служащая карточка* [Улуханов 1996: 40, 45]. Косвенным доказательством того, что слово *подноготная* когда-то было наречием со значением качества или обстоятельства действия при глаголе, могут быть статистические данные, представленные в «Национальном корпусе русского языка» [НКРЯ]. В нем это прилагательное используется в значении субъекта в форме именительного падежа (*вся подноготная*) в 19 контекстах, а в значении объекта в винительном падеже при глаголах мыслительных и речевых действий (*всю подноготную*) — в 171 контексте.

Л и т е р а т у р а

- Аркушин — Г. Аркушин. Словник західнополіських говірок. Т. 1, 2. Луцьк. 2000.
- БАС — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1—17. М.; Л., 1950—1965.
- Булаховский 1949 — Л. А. Булаховский. Деэтимологизация в русском языке // Труды Института русского языка АН СССР. I. М.; Л., 1949. С. 147—209.
- Варбот 1996 — Ж. Ж. Варбот. К реконструкции и этимологии праслав. **podьlь(jь)* // Общеславянский лингвистический атлас: Мат-лы и исслед. 1991—1993. М., 1996. С. 283—287.
- Виноградов 1972 — В. В. Виноградов. Русский язык (Грамматическое учение о слове). 2-е изд. М., 1972.
- Гринцер 1991 — Н. П. Гринцер. Греческая *ἀλήθεια*: очевидность слова и тайна значения // Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991. С. 38—44.
- Гринченко — Б. Д. Гринченко. Словарь української мови. Т. 1—4. Київ, 1907—1909.
- Даль — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. М., 1995.

- Журавлев 2003 — А. Ф. Журавлев. По поводу *истины* // *Studia etymologica Brunensia* 3 / Ed. I. Janyšková, H. Karliková. Praha, 2006. С. 443—455.
- Зализняк 1993 — А. А. Зализняк. К изучению языка берестяных грамот // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984—1989 гг.). М., 1993. С. 191—321.
- Картотека Сл РЯ XI—XVII вв. — Картотека Словаря русского языка XI—XVII вв. Куркина 1976 — Л. В. Куркина. *Подлинный* // *Русская речь*. № 2. 1976. С. 154—157.
- Максимов — С. Максимов. Крылатые слова и выражения русского народа. М., 2001.
- Минлос 2001 — Ф. Р. Минлос. Из истории одного новгородского говора // Исследования по славянской диалектологии. 7: Славянская диалектная лексика и лингвогеография. М., 2001. С. 282—286.
- Михельсон — М. И. Михельсон. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний. Т. 2. М., 1994.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка // www.ruscorgo.ru.
- Нов. в рус. этимол. — Новое в русской этимологии. М., 2003.
- Петрова 2009 — Н. Е. Петрова. Межчастиречная ретранспозиция: лингвистическая база и речевые разновидности явлений // *Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского*. № 2. 2009. С. 259—264.
- Петрова 2009а — Н. Е. Петрова. Субстантивация и деадвербиализация наречий в современном русском языке // *Изв. Уральского государственного ун-та*. № 1/2 (63). 2009. С. 35—42.
- Преображенский 1-2 — А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. М., 1910—1914.
- Псков. карт. — Архив картотеки Псковского областного словаря с историческими данными.
- Рус. грам. — Русская грамматика. Т. 1. М., 1980.
- Сл РЯ XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII вв. / Гл. ред. С. Г. Бархударов (т. 1—6), Ф. П. Филин (т. 8—10), Д. Н. Шмелев (т. 11—14), Г. А. Богатова (т. 15—26), В. Б. Крысько (27—29). Т. 1—29. М., 1975—2011—.
- Сл. Сибири — Словарь русских говоров Сибири / Под ред. А. И. Федорова. Т. 1—5. Новосибирск, 1999—2006.
- СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала / Под ред. А. К. Матвеева. Т. 1—7. Свердловск, 1964—1988.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1—24), Ф. П. Сороколетов (вып. 25—). Т. 1—42. М.; Л.; СПб., 1965—2008—.
- Страхов 2000 — А. Б. Страхов. Правда *подлинная* и *подноготная* // *Palaeoslavica*. Vol. 8. 2000. P. 343—345.
- Толстой 1973 — Н. И. Толстой. О реконструкции праславянской фразеологии // *Славянское языкознание: VII Междунар. съезд славистов*. Варшава, август 1973 г. Доклады советской делегации. М., 1973. С. 272—293.
- Улуханов 1996 — С. И. Улуханов. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996.
- Успенский 1982 — Б. А. Успенский. Филологические изыскания в области славянских древностей. М., 1982.
- Фасмер — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Т. 1—4. 4-е изд., стереотипное. М., 2003.

Шведова 2008 — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2008.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1—31), О. Н. Трубачева и А. Ф. Журавлева (32), А. Ф. Журавлева (вып. 33—). Вып. 1—36— М., 1974—2010—.

Boisacq — É. Boisacq. Dictionnaire étymologique de la langue greque. Heidelberg, 1950.

ESJS — Etymologický slovník jazyka staroslověnského / Hl. red. E. Havlova (1—5), E. Havlova a A. Erhart (6), A. Erhart (7—12), I. Janyšková (13—). Seš. 1—14— Praha, 1989—2008—.

Machek 1968 — V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1968.

TATYANA V. SHALAEVA

ON THE DESIGNATION OF TRUTH IN THE RUSSIAN LANGUAGE:
ПОДЛИННЫЙ AND *ВСЯ ПОДНОГОТНАЯ*

The paper discusses the etymology of the Russian words *подлинный* 'true; original' and *вся подноготная* 'hidden sense, reasons' whose origin is traditionally viewed as torture terms. *Подлинный* seems to be related to the verb *линять* 'to shed hair', specifically to its presumable derivative *подлина* *'skin under the fur', 'lining' and 'truth'. The semantics may be reconstructed as 'skin under the fur' → 'lining' → 'hidden sense, hidden truth' → 'truth'. *Подноготная* is, possibly, the transformation of the adverb *поднаготную* 'everything, totally, completely' (from *наготный*, *нагота*), which is used in dialects. The probable semantic change is '(to learn, to tell) everything' → '(to tell, to learn) everything, including hidden details'.

Keywords: etymology, *подлинный*, *подноготная*, *линять*, true.

Е. А. ВЛАСОВА

**СОСТАВ И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ
ОПОРНЫХ ПРЕДИКАТОВ ПРИ ЧУЖОЙ РЕЧИ
В РУССКОЙ ЛЕТОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ XI—XVI вв.**

В теории речевых актов установлено, что семантические свойства глаголов речи могут накладывать ограничения на их употребление в разных типах цитативных конструкций [Серль 1986: 189]. Так, в английском языке основной тип придаточного предложения чужой речи имеет глубинную структуру: «Я + опорный предикат (что) + зависимая клауза». При этом некоторые опорные предикаты главной части могут ограничивать структуру зависимой предикации. Например, волитивные глаголы требуют в придаточном предложении употребления будущего времени или инфинитивной конструкции: *I promise you (that) I'll pay the money* или же *I promise to pay the money*. Однако при некоторых опорных предикатах, таких как *apologize*, употребляется только герундий: *I apologize for behaving badly* (букв.) 'Я извиняюсь за ведение (себя) плохо'. Нельзя сказать **I apologize that I behaved badly* или **I apologize to behave badly* (в том же значении) [Там же: 190]. Синтаксические различия имеются и между основными глаголами речи *say* и *tell*: первый вводит преимущественно прямую речь, *tell* — предпочтительнее при косвенной речи, ср. примеры из справочника по современной английской грамматике [Carter, McCarthy 2011: 806]:

- а) *'Hello,' she said*, нельзя **'Hello,' she told me*;
- б) *She said, 'I'm not paying £50 for that'*, не рекомендуется **She told me, 'I'm not paying £50 for that.'*

В современном русском языке базовой моделью цитирования является сложное предложение — союзное придаточное или бессоюзное, в котором в качестве опорного предиката может использоваться любой глагол речи. Основным средством ввода чужой речи является супплетивная пара *говорить/сказать*: оба глагола могут вводить прямую и косвенную речь, а также изъяснительные предложения, осложненные модальным значением волеизъявления (см. статью *говорить/сказать* для семантического словаря [Зализняк Анна А. 1991: 71—83]):

Екатерина Александровна Власова, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.

- а) ‘сообщать’: *Он сказал матери, что вернется поздно;*
- б) ‘утверждать’: *Прудон говорит, что собственность есть воровство;*
- в) ‘велеть’: *Уходя, мать говорила детям, чтобы они никому не открывали дверь.*

Другие глаголы речи также свободно используются как при прямой, так и при косвенной речи, см. примеры из [РГ-80 II: 486], ср.:

Дети закричали: «Снег идет!» — Дети закричали, что идет снег.

Между тем исследования по синтаксису древнерусских летописей указывают на наличие у глаголов речи в ранний период синтаксических ограничений на тип зависимой конструкции с чужой речью. Так, в работе [Шевелева 2009: 149] на материале Киевской летописи по Ипатьевскому списку установлено, что опорные предикаты с семантикой ‘произнести, сказать’ (**рещи, глаголати, мълвити**) употреблялись только при прямой речи, предикаты со значением ‘сообщить, рассказать’ (**повѣдати, съказати**, устойчивые сочетания глагольного типа **высть вѣсть, приде вѣсть** и др.) — преимущественно при косвенной речи, построенной по модели изъяснительного придаточного предложения. Выявленные различия свидетельствуют о том, что в ранний период семантические свойства опорного предиката в большей степени определяли структуру зависимого предложения, чем на современном этапе.

Летописные памятники содержат показательный материал по проблеме формирования способов цитирования в русском языке: сопоставительный анализ ранних и поздних летописей позволяет проследить механизм перехода к современному принципу употребления глаголов речи в цитативных конструкциях — когда опорный предикат не является грамматически значимым. Данное исследование способов передачи чужой речи проведено на материале русских летописей XI—XVI вв. В качестве ранних источников выбраны: Ипатьевский свод, в т. ч. Повесть временных лет (далее ПВЛИ), Киевская летопись XII в. и Галицко-Волынская летопись XIII в. по Ипатьевскому списку (далее КЛ и ГВЛ [Ипат.]), а также Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку (СЛ, [Лавр.]) и Синодальный список Новгородской Первой летописи (НПЛ). Поскольку Галицкая и Волынская летописи в стилистическом отношении имеют значительные отличия (подробнее в статье [Шевелева 2010; Юрьева (в печати)]), в этой работе они рассматриваются отдельно друг от друга (далее — ГЛ и ВЛ). В качестве позднего источника исследована Никоновская (Патриаршая) летопись за период с середины XIV в. до середины XVI в. (XI, XII, XIII тома Полного собрания русских летописей)¹.

Между современными способами цитирования и средствами передачи чужой речи в летописном нарративе установлено принципиальное отличие:

¹ Примеры из НПЛ приводятся в упрощенной орфографии по изданию 1950 г. Для обозначения границ прямой речи используются кавычки и двоеточие.

для памятников письменности XI—XVI вв. характерно большее разнообразие синтаксических моделей. В исследованных летописях для передачи чужого высказывания регулярно используются следующие конструкции:

а) Прямая речь

Призвавъ брата Исака, егоже слѣпи, посади его на прѣстолѣ, и рече: «Даже еси, брат, тако створилъ, прости мене, а се твое царство» [НПЛ, 1204, 66].

б) Прямая речь, которая вводится при помощи *яко*

Стѣполкъ же вканныи злыи оуби Стѣслава... вѣжащю емѹ в Оугры и нача помышлати яко «изъбую всю братью свою и примѹ власть Рускую единъ» [ПВЛИ, 1015, 52 об.]; Здѣ же мнѣшеся вканныи. яко «здѣ ми есть жилице» [ПВЛИ, 983, 32 об.].

По мнению ряда исследователей, конструкция прямой речи с *яко* имеет модальность недостоверности, сомнительности цитируемого сообщения с точки зрения повествователя [Perelmutter 2009; Лопатина 1979: 425]. Обратим внимание на то, что в конструкциях с прямой речью не употребляются другие изъяснительные союзы — *оже* и *аже*, которые широко используются в стандартном предложении косвенной речи [Преображенская 1991: 141; Шевелева 2009].

в) Косвенная речь

Основным признаком этой конструкции в древнерусском языке было соблюдение синтаксической проекции — использование в зависимой части местоимений 3 лица, в качестве средства изъяснительной связи решительно преобладал союз *оже* [Преображенская 1991: 141—142; Шевелева 2009: 145—150]. Ниже в примерах маркеры косвенной речи выделены пунктиром, союзные средства и опорные предикаты простым подчеркиванием:

То же слышавъ Оулѣвъ. привѣже ко кнзю своему Изаславоу и сказа емоу уже его ѿстоупили кнзи Черниговьскии и цѣловали на нь хртъ [КЛ, 1147, 126 об.].

Исследование показало, что вплоть до XV в. в перечисленных конструкциях употреблялись опорные предикаты следующих семантических типов:

а) локутивные глаголы речи со значением ‘произнести, сказать’, маркирующие чужую реплику (в терминах теории речевых актов);

б) опорные предикаты со значением ‘рассказать, сообщить’, указывающие на реферирование чужого высказывания (далее они называются реферативными глаголами речи);

в) иллокутивные глаголы, маркирующие цель цитируемого высказывания, например, *спрашивать, приказывать, командовать, просить, молить* и др. [Серль 1986: 182].

Между предикатами разных семантических классов установлены синтаксические различия: они использовались для ввода разных синтаксиче-

ских структур. В ходе исследования выявлено, что к XV—XVI вв. происходит последовательная унификация семантико-синтаксических свойств глаголов речевой деятельности. Итогом этих изменений станут современные способы цитирования, при которых опорный предикат может свободно присоединять предложения любого типа, в т. ч. модально осложненные. Рассмотрим подробнее семантико-синтаксические свойства глаголов речи в ранних и поздних летописях.

Древнерусский период

Исследованный материал ранних летописей за XI—XIV вв. подтверждает закономерность, выявленную на материале КЛ [Шевелева 2009: 149]: для ввода прямой и косвенной речи в раннедревнерусский период использовались опорные предикаты разных семантических классов. В наиболее общем виде принцип их распределения можно сформулировать так: локутивные опорные предикаты использовались для ввода прямой речи, реферативные — для ввода косвенной речи. Ср. типичные примеры прямой (а) и косвенной речи (б):

- а) **Улегъ же посмѣяса и оукори кудесника рка:** «тотъ не право молвати волъствѣ, но все то лъжа есть, конь оумерлъ, а га живъ» [ПВЛ, 912, 15 об.];
И ре Изяславъ своен дружинѣ: «то мнѣ есть порока всакѣ ѿ людин не очити» [КЛ, 1147, 130];
Он же ѿвѣщавъ ре: «прави есте, ци хотите мене дѣла погынѣти», поѣха в Русь, и проводниша кго Володимерци с плачемъ [СЛ, 1175, 126].
- б) **Бѣ бо ему вѣсть уже** идетъ в помочь ему сватъ Володимеръ из Галича [КЛ, 1151, 156 об.];
И пребывшю кму тѣ нѣколько дни. бы кму вѣсть. уже Раданьстни князи свѣщалиса сѣ со Улговичи на нь, а идѣтъ на льстѣ к нему [СЛ, 1207, 145 об.];
Володимеръ же в томъ похвали ба, а Мьстислава повѣдаша. уже пошелъ с Телевоугою на Лвовъ [ВЛ, 1287, 298].

Статистика показывает, что принцип распределения локутивных и реферативных предикатов в конструкциях с цитацией последовательно поддерживается в летописях XI—XIV вв. Список лексем и количественные данные приводятся в Таблице 1. Первая цифра указывает количество употреблений глаголов (в т. ч. глагольных фразеологизмов) при прямой речи, вторая — при косвенной. При подсчетах примеры прямой речи с *яко* рассматривались в одном ряду с бессоюзной прямой речью, поскольку между этими конструкциями не выявлено различий в составе опорных предикатов. Лексемы расположены в порядке убывания их употребительности в летописном узусе XI—XIV вв., исключение — *мълвити*: в КЛ этот глагол

оказывается одним из самых употребительных предикатов при прямой речи, в других источниках он встречается намного реже.

Таблица 1

**Локутивные и реферативные опорные предикаты
в цитативных конструкциях в летописях XI—XIV вв.**

Опорное слово	ПВЛИ	КЛ	ГЛ	ВЛ	СЛ	НПЛ
Локутивные глаголы						
рещи (речи)	456/0	600/0	111/1	80/1	170/0	75/0
глаголати	142/0	19/0	16/0	5/0	37/0	7/0
мълвити	4/0	51/0	3/0	10/0	9/0	2/0
вѣщати	1/0	0/0	1/0	0/0	0/0	0/0
всего	603/0	670/0	131/1	95/1	216/0	84/0
Реферативные опорные предикаты (глаголы и устойчивые сочетания) — устойчивое словосочетание глагольного типа приде/бысть вѣсть						
	ПВЛИ	КЛ	ГЛ	ВЛ	СЛ	НПЛ
бысть/приде вѣсть	1/6	6/47	1/6	0/5	3/9	1/4
— глаголы, родственные слову вѣсть						
повѣдати	11/8	12/13	0/0	15/4	3/2	0/0
повѣдѣти	0/0	0/3	0/0	0/0	0/0	0/0
- сказаати и однокоренные						
сказаати	0/1	0/2	0/2	0/0	0/1	0/0
сказовати	0/1	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0
сказывати	0/0	0/1	0/0	0/0	0/0	0/0
всего	12/16	18/66	1/8	15/9	6/12	1/4

В ранних летописях обнаруживается достаточно стройная картина употребления глаголов речи разных семантических классов.

1. Локутивные предикаты

Наиболее частотными опорными предикатами прямой речи являются глаголы со значением 'произнести, сказать' — **рещи**, **глаголати**, **мълвити**. Важно, что они употреблялись только для ввода прямой речи (в т. ч. союзной прямой речи с **так**) и не использовались в других цитативных конструкциях. Среди них решительно преобладал **рещи** (количество примеров измеряется сотнями), независимо от диалектной и хронологической характеристики источника. Важно отметить, что **рещи** ни разу не зафиксирован в сочетании с фазисным глаголом (**нача рещи*). Достаточно

часто он выступает в форме причастия при другом глаголе речи². Как правило, в функции основного предиката употребляется глагол иллюкутивной семантики, в форме причастия — локутивный глагол **рещи**:

Василко же штопрѣса река: «не могу ждати, еда вѣдетъ рать дома» [ПВЛИ, 1097, 88 об.];

Дмитрии же отречеся тако река: «не хочю взяти стола передъ стрыемь своемь» [НПЛ, 1270, 148 об.];

Того же лѣта присла великий князь Всеволодъ въ Новъгородъ река тако: «въ земли вашей рать ходить, а князь вашъ, сынъ мои Святославъ, малъ, а даю вы сынъ свои стареишии Костянтинъ» [НПЛ, 1205, 72];

Оугре же пыани величахуса рекуще: «уже на ны приде, а мы са с ни вьемъ» [КЛ, 1151, 159 об.];

И посмѣаса дружинѣ своен и оукори га река: «оставите ма единого» [СЛ, 1263, 168 об.];

Влодмиръ бо зоваше тогда теста своего по великоу тако река: «гне вче, поедь, побоудешь во своемь домоу и дщери своен здорovie видишь» [ВЛ, 1274, 290 об.].

Также выявлены примеры, в которых в качестве глагола основного повествования при причастии употребляется локутивный или реферативный глагол:

Сѣтославома же перебрешома Днѣпръ с Половци въздаша вѣсть к Гюргеви рекуще: «пони вборзѣ, оуже ксмъ перебрели Днѣпръ, да не оударить на на Изславъ» [СЛ, 1152, 110 об.];

И нача молвити митрополитъ игумени вси Гюргеви рекуще: «грѣхъ ти есть, цѣловавши к нему хртъ держиши в толицѣ нужи, а и еще хоцещи въдати на оубиство» [КЛ, 1157, 175].

² При вводе чужой речи в древнерусских текстах широко использовались конструкции с двумя глаголами речи, один из которых употреблялся в форме причастия. В вопросе об их стилистической маркированности мнения исследователей расходятся. Традиционно к синтаксическим грецизмам относят оборот **отвѣщавъ рече** [Гиппиус 2001: 165], Б. А. Успенский считает все конструкции с дублированием глагола речи в форме причастия исключительно стилистической приметой книжного языка [Успенский 2002: 255]. В работе [Преображенская 1991: 34—35] отмечено, что конструкции с причастием глагола **речи** встречаются как в книжных, так и в не книжных памятниках — в книжном варианте конструкции причастие присоединяется к финитной форме без союза, в не книжном — при помощи союза **а**. Отмечено, что в не книжных текстах при цитировании довольно часто используется глагол речи в форме причастия, присоединяемый с помощью союза **а**, например, **а река, а молва** [Гиппиус 2004: 190; Зализняк 2008: 191]. Специфически восточно-славянским средством ввода чужой речи является застывшая форма причастия **аркоучи** — она фиксируется как в памятниках гибридного регистра [Преображенская 1991: 35], так и в деловых источниках [Collins 2001: 81—82]. Распространенность причастных форм от глаголов речи в позиции опорного предиката не дает оснований считать все конструкции с дублированием глаголов речи исключительно стилистической приметой книжного языка.

Впрочем, в летописях **рещи** широко употребляется и в финитной форме:

Половци же не вземше вѣсти ѿ Олговичъ вѣжаша оу своа. Мьсти-славу бо боли належащо на Всеволода рекоша ему: «повелъ еси Половци» [КЛ, 1128, 108 об.];

Вни же рекоша ему: «тѣи кѣмѣ добра хотѣлъ, а вниъ головы твоеа ловитъ. Поѣди, княже, к немѣ» [СЛ, 1177, 129];

Рече Твърдислав: «Тому есмъ радъ, оже вины моеи нѣту, а вы, братье, въ посадничествѣ и въ князѣхъ» [НПЛ, 1218, 91];

Рече король емоу: «воуди тако», и идаше поутемъ своимъ [ГЛ, 1256, 278].

Вторым по употребительности локутивным глаголом в летописном узусе XI—XIV вв. является **глаголати**. По степени частотности и характеру контекстов с **глаголати** изученные ранние летописи делятся на две группы.

Первую из них составляют СЛ, КЛ, ВЛ и НПЛ: в этих памятниках **глаголати** используется в контекстах, содержание которых предполагает ориентацию на стандартный книжный регистр, в частности, при передаче молитв, проповедей, наставлений, а также речей священнослужителей. Как и **рещи**, **глаголати** употребляется либо в форме причастия (а), либо в финитной форме (б). Ср.:

а) И **помолися глаголя:** «господи боже, призри съ небесъ и вижь, и посѣти винограда своего, и съвѣрши, иже насади десница твоя, и призри на церковь сию, юже създахъ рабъ твои архиепископъ [НПЛ, 1198, 59 об.];

Тоу бо вашеть емоу шбычан всегда ставити, и сѣде на столцѣ, за не не можеше стоати ѿ немочи. И въздѣвъ роуцѣ на нѣо молашеса со слезами гла: «вѣко ги... вижь смиренне мое, шдержашаа ма нынѣ, на та бо оуповаа терпяю ш всиѣхъ сиѣхъ бѣгодарю та, ги бѣ, бѣгаа приахъ ѿ тебе в животѣ моемъ, то злыхъ ли не могу терпѣти» [ВЛ, 1288, 302 об.].

б) **А хрътѣне избавлени бѣмъ и стою бѣю радующеса и веселаше глаху:** «блгвнъ кси, бѣ, бѣ, тако тобою проидохъ сквозѣ шгнь и воду и проидохомъ въ оутѣху блгу изволеньемъ блгтымъ спасающаго на» [СЛ, 1169, 119 об.—120].

Во вторую группу попадают более книжные ПВЛИ и ГЛ: в них **глаголати** встречается чаще, чем в других источниках, при этом фиксируется не только в книжных, но и в нейтральных контекстах, ср. примеры ниже.

а) Опорный предикат в форме причастия

Посла к нима в городъ Карла, Фарлофа, Велмуда, Рѣлава и Стѣмида гла: «имете ми са по данъ» [ПВЛИ, 907, 12];

Се слышавше Кѣрсѣнци послаша къ Роману глающе: «се идуть Рѣсъ, покрѣли сѣтъ море коравли» [ПВЛИ, 944, 18];

Привѣгшимъ же Половцемъ в Роускою землю, глѹщимъ же имъ Роускимъ княземъ: «аще не поможета намъ, мы нынѣ исѣчени быхомъ, а вы наоутрѣ исѣчени боудете [ГЛ, 1224, 252];
 Андрѣви же пришедшоу ко шцю си и братоу и Соудиславоу глѹще непрестанно: «изѣидете на Галич и примете землю Роускою» [ГЛ, 1229, 257 об.].

б) Опорный предикат в форме имперфекта

И поклинѹшиса патриарху глѹше: «мѣтвами твоими, вѣко, да съхранена бѹду ѿ сѣти неприазнены» [ПВЛИ, 955, 24 об.];
 С радостью и даху радующеся и глѹху: «аще бы се не добро было, не бы сего князь и воари приали» [ПВЛИ, 988, 44];
 Игорь же Стославичъ тотъ годъ вѣшетъ в Половцехъ и глѹше: «азъ до достоянью моему восприахъ повѣдоу ѿ повеления твоего вѣко ги, а не поганьская дерзость вѣломи силоу рабъ твоихъ» [КЛ, 1185, 226];
 Всеи же зраще такового чюда глѹху: «кнаже, правъ кси, поѣди противу кмѹ» [СЛ, 1177, 128 об.].

Мълвити встречается при прямой речи реже остальных локутивных предикатов — в среднем количество примеров варьируется по летописям от 2 до 10 (исключение — КЛ, в которой их зафиксировано 51). В отличие от *рещи*, мълвити употребляется в основном либо в сочетании с фазовым глаголом (а), либо в форме имперфекта (б), что свидетельствует о наличии в его семантической структуре указания на продолжительность действия, подобно современному *говорить*, ср. примеры ниже.

а) Примеры с фазовым глаголом

И нача Володаръ молвити: «почто зло створивъ не каешиса сего» [ПВЛИ, 1097, 91 об.];
 Наоутрѣна же Всеволодъ поча молвити къ Андрѣви: «видиши, тако га къ тобѣ крта и еще (в др. сп. доб. не цѣловал), а то ми бѹль бѹ далъ, шже са есте сами зажгли» [КЛ, 1140, 113 об.];
 Гергги же вида кго непокорѣство к собѣ сжадѣси ѿ погыбели людѣстѣи нача молвити и дѣтѣ своимъ и волярѣ своимъ: «не можемъ стогати сдѣ, зане шнъ мни бѹда не покоритъ ми са» [СЛ, 1156, 116 об.];
 Миндовгъ же восхотѣ поати свестъ свою за са и нача еи молвити: «сестра твоя оумираючи велѣла мь (так!) тѣ поати за са» [ВЛ, 1262, 286 об.].

б) Примеры в форме имперфекта

И молваше всегда Ярополкѹ Свенгѣлдѹ: «пойди на брата своего» [ПВЛИ, 975, 29 об.];
 А на Суждаль идуце не пустиша его, а онъ мълвляше имъ: «не ходите, мене богъ послушаетъ» [НПЛ, 1134, 16];

А Нифонтъ тако мълвляше: «не достоинъ есть сталь, оже не благословенъ есть от великаго сбора, ни ставленъ» [НПЛ, 1149, 26];

Юрьи же Домамиричъ молвашеть: «ратници соутъ» [ГЛ, 1224, 252 об.].

Обратим внимание на то, что в менее книжных КЛ и ВЛ мълвити фиксируется заметно чаще, чем в остальных летописях³: КЛ — 7,6%, ВЛ — 10,5%, ср. СЛ — 5,3%, ГЛ — 2,3%, НПЛ — 2,6%, ПВЛИ — 0,6%.

Таким образом, в ранних летописях локутивные предикаты представлены несколькими лексемами, между которыми имелись семантические и стилистические различия.

По количеству примеров прямой речи с так исследуемые летописи отчетливо делятся на две группы: а) ПВЛИ и ГЛ, в которых фиксируется примерно по 50 контекстов; б) КЛ, ВЛ, СЛ и НПЛ — не более 10 примеров на памятник. Независимо от источника, при прямой речи с так используются преимущественно локутивные опорные предикаты глаголати и рещи — см. примеры:

- а) **И присла къ ней црь Грѣцкыи глагола тако** «много дарихъ тѣ, ты же гла ми, тако аще возвращюся в рѣ, многы дары послю ти» [ПВЛИ, 955, 25]; **Приидоша Болгаре вѣры Бохъмичи глагола тако** «ты князь еси мдръ и смысленъ» [ПВЛИ, 986, 33];
... **таже сказа ми Гурата Роговичъ Новгородецъ глагола сице тако** «послахъ штрока своего...» [ПВЛИ, 1096, 86];
Нароутрѣа же вѣвѣхаста гра Мирославъ и Дѣмьганъ рекоста тако «предалъ бѣ врагы наша в роукоу ваю» [ГЛ, 1227, 255 об.];
Княгини же Романова посла Мирослава ко Лестьковни глагола тако «сни всю землю нашу и штчиноу держитъ, а снѣ мон во шдинномъ Берестѣи» [ГЛ, 1204, 246 об.].
- б) **И бѣ в томъ межи има прѣ велика, злова, и даху слово рекоуше Олговици так** «вѣ начали есте перво насъ гоувити» [КЛ, 1135, 110 об.];
Бѣ же и смрть кю сица, тако оумираючи емю призва к собѣ еппа Черниговьского Антона, заклатъ и глагола сице тако «по шмерьтвини мое не погребешъ тѣла моего, но шжемъ поверзше за ногѣ мон извлечѣте ма из града и поверзѣте ма псомъ на расхытанье» [СЛ, 1159, 117];
И высылаху къ нимъ Югра лъстьбою рекуше тако **яко** «копимъ сребро и соболи и ина узорочья, а не губите своихъ смърдь и своеи дани», а лъстяше ими, а вое копяче [НПЛ, 1193, 52 об.];
И пришьдъ створи вѣче въ владычни дворъ, и **рече яко** «не мыслить есмь до плъсковичъ груба ничего же, нѣ везлъ есмь былъ въ коробъ-

³ Цифра показывает процентное соотношение примеров с мълвити по отношению к общему количеству зафиксированных случаев прямой речи.

яхъ дары: паволокы и овощь, а они мя обьществовали», и положи на нихъ жалобу велику [НПЛ, 1228, 104].

С **мълвити** зафиксировано всего три примера, в которых используется союз *яко*. Все они неоднозначны: в них отсутствуют основные маркеры прямой/косвенной речи — личные местоимения в зависимой части, поэтому в их отношении сложно сказать, являются ли они прямой или косвенной речью. Все три примера с **мълвити** приведены ниже:

И несоша и въ горенку и вложиша и въ оукропъ и молвахутъ яко дна есть подъступила [КЛ, 1152, 166 об.];

Том же лѣ^т престависа кнзъ Иван Ростиславичъ, рекомъи Берладникъ, в Селуни, и ни тако молвахутъ яко с штравы бѣ емѹ смръть [КЛ, 1162, 185 об.];

И ни же молвахутъ яко простни людье соу^т поуще и Половецъ [ГЛ, 1224, 252 об.].

Исследователи, указывающие, что союзная прямая речь имеет модальный оттенок недостоверности/сомнительности сообщения [Perelmutter 2009: 111—113; Лопатина 1979], склонны рассматривать приведенные выше примеры в одном ряду с союзной прямой речью, несмотря на отсутствие дейктических маркеров. Основанием для этого является семантическое сходство перечисленных контекстов с союзной прямой речью: источник сообщения в них неизвестен, имеется модальный оттенок недостоверности сообщения (во всех контекстах имеет место передача слухов). Кроме того, обнаруживаются формальные признаки союзной прямой речи: во всех трех примерах употребляется исключительно **яко**, а не основной союз косвенной речи **оже**. В качестве опорного предиката выступает глагол **мълвити**, характерный для бессоюзной прямой речи (Таблица 1). На основании семантических и формальных критериев контексты с **мълвити**, а также другие дейктически не охарактеризованные примеры с **яко**, можно рассматривать как союзную прямую речь.

Таким образом, за исключением нескольких не вполне однозначных примеров, принцип употребления локутивных предикатов при прямой речи выдерживается в ранних летописях достаточно строго.

2. Реферативные предикаты

В качестве опорных предикатов со значением ‘сообщить, рассказать’ зафиксированы следующие лексемы: устойчивое сочетание **бысть вѣсть** ‘пришло извѣстие’ (см. значение в [Срезн. I: 494, 495], **вѣсть** ‘сообщение; донесение’ [Словарь XI—XVII, 3: 118]) и глагол **повѣдати**. В единичных случаях встретились **сѣказати** и однокоренные ему глаголы.

Статистика, представленная в Таблице 1, показывает, что основной сферой употребления реферативных предикатов была косвенная речь. Чаще всего эта конструкция вводится с помощью устойчивого сочетания

приде/вѣсть вѣсть (в среднем не более 10 примеров на летопись, максимальное число отмечено в КЛ — 47). В примерах ниже маркеры косвенной речи выделены жирным шрифтом — см. контексты из КЛ, СЛ и ВЛ:

Бѣ во **ѣмү** вѣсть **уже** идеть в **помочь** **ѣмү** **сватъ** **Володимеръ** из **Галича** [КЛ, 1151, 156 об.];

Бѣ во **къмү** вѣсть **тогда** **уже** иде **къмү** в **помочь** **сватъ** **Володимерко**, и **пнде** **противү** **къмү** [СЛ, 1152, 111];

вѣсть во **пнде** к **немоү** **уже** **Ногаи** **переднлѣ** **его** к **Краковоү** **прити**, и **про се** **бы** **межю** **има** **волше** **нелюбье** [ВЛ, 1280, 296 об.].

Встретившийся в примерах союз **оже** является в КЛ, СЛ и ВЛ основным союзом косвенной речи и изъяснительного предложения. В более книжных ПВЛ и ГЛ в предложениях изъяснительного типа решительно преобладает **так**о:

Прииде **же** вѣсть к **Олгови**, **так**о **сторожеве** **его** **изонманѣ** [ПВЛИ, 1096, 87];

Прииде **ми** вѣсть **так**о **идуть** к **днѣ** **Бореньдичи** [ПВЛИ, 1097, 91]; **Данилови** **же** и **Васнакоү** **женоүцоү** **по немь** вѣсть **приде** **ѣ**, **так**о **Тотарове** **вышли** **соуть** и **землѣ** **Оугорское**, **идоуть** в **землю** **Галичкю**, и **тою** **вестью** **спсеса** [ГЛ, 1241, 267].

Принято считать, что **так**о был книжным союзом [Булаховский 1955: 311], однако примечательно, что примеры с ним фиксируются в том числе при косвенной речи в НПЛ, которая по стилистическим особенностям является менее книжной, чем ПВЛ и ГВЛ, ср. примеры из НПЛ:

Князь **же** **постоявъ** на **Дубровнѣ** **въспятися** в **Новѣгород**, **промъкла** **бо** **ся** вѣсть **беше** **си** въ **Пльскове** **яко** **везеть** **оковы** **хотя** **ковати** **вяцьшее** **мужи** [НПЛ, 1228, 104]; **промъкнүти** — ‘промчатся’ ([Срезн. II: 1545]); **Приде** **бо** вѣсть в **Новѣгородъ** **яко** **Свѣи** **идуть** къ **Ладозѣ** [НПЛ, 1239, 126 об.];

И **приде** вѣсть въ **Пльсковъ** **яко** **взяша** **Нѣмци** **Изборьскъ** [НПЛ, 1240, 127 об.];

Приде вѣсть изъ **Руси** **зла** **яко** **хотять** **Татарове** **тамгы** и **десятины** на **Новѣгородѣ** [НПЛ, 1257, 136].

В источниках, в которых при цитации используется **так**о, разграничение косвенной речи и союзной прямой речи нередко затруднительно (на эту проблему указывали и другие исследователи, см. [Гиппиус 2001: 179]). Например, в НПЛ все приведенные выше контексты косвенной речи с опорным предикатом **приде вѣсть** не содержат в придаточной части действительных или анафорических маркеров — основного средства различения способов цитирования. Эти примеры заставляют более внимательно относиться к **так**о. Возможно, в части говоров он все-таки использовался, правда, в ограниченном числе функций.

Статистика также показывает, что для реферативных предикатов ограничение на тип вводимой цитативной конструкции действует менее строго, чем для локутивных: в подавляющем большинстве случаев глаголы со значением 'сообщить, рассказать' употребляются при косвенной речи, однако в ряде случаев встречаются и при прямой. Единичные примеры с сочетанием **приде/высть вѣсть** при прямой речи фиксируются регулярно почти во всех источниках (исключение — ВЛ), ср. статистику: в КЛ — 6 случаев, в СЛ — 3, в НПЛ, ПВЛ и ГЛ — по одному, например:

И бы^с емѹ вѣсть: «вратъ ти оумерлъ Вячеславъ, а Ростиславъ побѣжень, а Изаславъ Дѣвничъ сѣдитъ Киевѣ, а Глѣбъ снѣ твои сѣдитъ в Переяславѣ» [КЛ, 1154, 171—171 об.];

Приде же вѣсть ко Мьстиславу ѿ Ярополка: «Михалко ѿ немоощень, несѹ кого на носилѣхъ, а с ни дружинѣ мало, а гажъ по немь идѹ кмла задъ дружинѣ кто, а понди брате вбоззѣ противѹ кмѹ, атъ не внидетъ в Володимерь» [СЛ, 1176, 127];

Въ то же лѣто **придоша** ис Кыева от Всѣволода по брата Святослава **вести** Кыеву: «а сына моего, рече, примите собе князя» [НПЛ, 1141, 21].

Отдельного внимания заслуживает глагол **повѣдати**. Его особенность состоит в том, что он имел две омонимичные основы — совершенного и несовершенного вида [Кукушкина, Шевелева 1991: 43]. Согласно [Словарь XI—XVII, 15] **повѣдати** имел как реферативные значения 'сообщить, сообщать; рассказать, рассказывать', так и локутивные 'сказать, говорить'. Степень его частотности в разных источниках значительно варьируется: в НПЛ и ГЛ он не встретился ни разу, в ПВЛ, СЛ и КЛ он отмечен приблизительно в равном соотношении как при косвенной речи (а), так и при прямой (б), в ВЛ преобладает при прямой цитации, ср. примеры:

- а) При косвенной речи чаще всего — в значении совершенного вида
И послаша к Володимерѹ повѣдаша емѹ, **уже** король оуже идетъ на нь. [КЛ, 1150, 147 об.];
И повѣда имъ како вѣжали ѿ града, и вни оуслышавше вѣзвратишася Володимерю [СЛ, 1187, 136];
Володимѣръ же ѿ томъ похвали ба, а Мьстислава **повѣдаша**, **уже** пошелъ с Телевоугою на Лвовъ [ВЛ, 1287, 298].

Примеры с **повѣдати** в значении несовершенного вида встречаются преимущественно в КЛ и ВЛ:

И начаша пригати Мьстислави **повѣдати** Василовни и Володиславу, **уже** Володимиръ Мьстиславничъ и Андрѣвичъ и Ярославъ Мьстиславъ братъ и Рюрикъ и Дѣдъ цѣловали кртъ также врати имъ волость оу Мьстислава по своен води [КЛ, 1169, 190 об.];
Начаша повѣдати уже в Нѣмцихъ вѣше море и потопило землю гнѣвомъ биймъ, боле шьстидесать тысячъ дшь потопило, а црквини каменѣ **вдинадесать** и сто проче деревяныхъ [ВЛ, 1285, 297].

б) Примеры с повѣдати при прямой речи

И посла вѣсть ко строєви своемуу к Черниговоу ко Гдрославоу и брати свои и повѣда имъ: «Мьстислава есмь галъ и полкъ его повѣдилъ, и Двѣвъ полкъ» [КЛ, 1195, 238 об.].

Повѣдати в значении несовершенного вида в позиции опорного предиката прямой речи также отмечается преимущественно в менее книжных летописях южного и юго-западного ареала — КЛ и ВЛ:

Дѣдъ же има вѣры нача повѣдати брату Рюрикови: «брате, приателеве ми повѣдають, вже Мьстиславъ хочеть наю гати» [КЛ, 1170, 193 об.];

Кназь же оурадоумѣвъ вѣнде с ними вонъ и поча емоу повѣдати: «братъ ти тако моавить (так!): наражанса самъ и людье наради возитиса на Вислѣ, рать боудеть оу тебе завѣтро» [ВЛ, 1281, 293 об.]; Володимеръ же вѣ назадѣ стоа оу города свой полкомъ, и начаша емоу повѣдати: «всѣкъ во лѣсѣ полнъ люди и товара, не взиманъ бо вѣ никоторою же ратью, зане твердъ баше велми» [ВЛ, 1280, 293].

Согласно статистике, из всех перечисленных реферативных глаголов только съказати фиксируется строго при косвенной речи и ни разу не встречается при прямой речи, ср. примеры:

... какоже сказають, како велику честь прѣалъ естъ отъ црѣ [ПВЛ, 852, 5 об.];

Сжъ же хитро сказажще, како и другын свѣт повѣдаю^т быти [ПВЛ, 987, после 40 об.];

И тако посолникъ Изяславъ приѣхавъ и сказа Изяславоу, уже встоупила его соуть [КЛ, 1147, 127 об.];

То же слышавъ Оулѣвъ приѣже ко князю своемуу Изяславоу и сказа емоу, уже его встоупили князи Черниговьскии и цѣловали на нь хртъ [КЛ, 1147, 126 об.];

То же слышавъ Оулѣвъ приѣже ко князю своемуу ко Изяславу на Супон и сказа ему, уже его встоупили^{сѣ} князи Черниговьстии и цѣловали на нь крь [СЛ, 1147, 105].

Таким образом, более подробное рассмотрение материала показывает, что в летописях XI—XIV вв. принцип распределения опорных предикатов последовательно выдерживается для следующих лексем: локутивные глаголы рещи, глаголати и мълвити используются только при прямой речи, реферативные глаголы съказати и съказывати — только при косвенной. Для предиката приде/высть вѣсть ограничение на тип цитации действовало менее строго: он решительно преобладает при косвенной речи, но в единичных случаях зафиксирован и при прямой речи. Повѣдати встречается почти в равном соотношении в цитациях обоих типов.

Отдельного комментария заслуживают те случаи, которые не укладываются в общую схему: они обнаруживаются в летописях южного и юго-западного ареала.

Во-первых, в КЛ и ВЛ, в отличие от других источников, глаголы **мълвити** и **повѣдати** употребляются чаще, чем в остальных летописях. В связи с этим интересно отметить, что в современном польском языке глаголы *tówić* и *powiedzieć* до сих пор используются в качестве основных предикатов цитативных конструкций, а в украинском языке встречаются однокоренные им глаголы *мовити* и *росповідати*, наряду с восточнославянской парой *говорити/сказати*. На основании данных ранних летописей, можно предположить, что в менее книжных КЛ и ВЛ отражен процесс активизации в узусе опорных предикатов **mъlviti* и **povĕdati*, который затронул не только польские говоры, но и часть южных диалектов древнерусского языка.

Второе, наиболее значимое отступление от общего принципа, выявленное в южных и юго-западных летописях, — это употребление локутивных опорных предикатов для ввода косвенной речи. Рассмотрим два нетипичных примера с глаголом **рещи** — оба встретились в ГВЛ.

В одном из них чужая речь вводится при помощи шаблона **рече тако**, характерного для союзной прямой речи. Нетипичность его состоит в том, что в зависимой части употребляются маркеры косвенной речи — местоимения 3 лица (ср. с примерами союзной прямой речи выше, в них регулярно используются местоимения 1 и 2 лица):

Тогда же Тевтилъ прибѣже к Данилоу и Жемонть и Гдтвязь река, тако Мндовгъ оубѣди ѿ серебромъ многимъ [ГЛ, 1253, 275].

Второй пример, менее надежный, встретился в ВЛ. Контекст отличается от прочих случаев тем, что в нем используется союз **оже** при локутивном опорном предикате **рещи**:

Хитрѣчи же смотрѣвшѣ тако рекоша, оже матежь великъ боудеть в земли, но бѣ спѣть своєю волею, и не бы ничто же [ВЛ, 1265, 287 об.].

Этот пример нельзя с надежностью отнести ни к прямой, ни к косвенной речи, поскольку в придаточной части отсутствуют местоимения. Тем не менее он заслуживает отдельного внимания, поскольку не укладывается ни в один из шаблонов оформления чужой речи, представленных в ранних летописях: это единственный контекст, в котором при локутивном опорном предикате **рещи** употребляется союз **оже**.

Отметим, что среди исследованных летописей ГВЛ является одним из наиболее поздних источников. Выявленные отступления от традиционных шаблонов цитирования свидетельствуют о начале колебаний в способах передачи чужой речи. Обратим внимание на тот факт, что в летописях северо-восточного и северо-западного ареала отступлений от принципа распределения глаголов речи не выявлено. Таким образом, тенденция к уни-

фикации глаголов речи ранее всего проявляется в южных и юго-западных источниках.

3. Иллокутивные предикаты

Иллокутивные предикаты встречаются как при прямой, так и при косвенной речи. При прямой речи иллокутивные предикаты используются достаточно редко, см. статистику (Таблица 2): ПВЛИ — 14 раз, КЛ — 21, ГЛ — 11, ВЛ — 2, СЛ — 7, НПЛ — 32. Лексический состав иллокутивных опорных предикатов достаточно разнообразен. В случаях, когда глагол вышел из употребления или его значение отличается от современного, отдельно указывается значение. В Таблице 2 приводится полный список и количество примеров. Отметим, что имена существительные в позиции опорного слова встречаются крайне редко — список приводится в конце таблицы, однако при анализе данных они в расчет не принимались.

См. некоторые примеры:

Новгородци же много моляхуся: «не ходи, княже», и не можахуть его уяти, и поклонився поиде [НПЛ, 1218, 88 об.];

И ту обадиста Володимириця братью свою: «и не ими, княже, вѣры братья наю, суть на тя съвѣтали съ чърниговьскими князи», и тѣмь е облици рязаньстии князи [НПЛ, 1209, 73 об.];

Того же лѣта приѣха князь Ярославъ в Новѣгородъ и нача жалити: «мужи мои и братья моя и ваша побита, а вы розъратилися с Нѣмци» [НПЛ, 1269, 147];

Дружина же Всеволожа начаша князю жаловатиса: «мы не цѣловатъ ихъ приѣхали, вни княже, бѣи лжють и товѣ» [СЛ, 1178, 130 об.];

Володимерь ѿноудъ и крѣтъ к нему цѣлова: «боле ми того не надобѣ Володимерь», и въѣха Романъ в Галичъ [КЛ, 1188, 229 об.];

Идушою Олександру съ многими полки и с новоторжьци, срѣте и Ратишка с перевѣтомъ: «Поступаи, княже, брат твой Ярославъ побѣгль» [НПЛ, 1228, 133 об.].

При косвенной речи иллокутивные глаголы используются в среднем в 2 раза реже, чем при прямой: ПВЛИ — 8, КЛ — 19, ГЛ — 0, ВЛ — 3, СЛ — 1, НПЛ — 2. Полный список представлен в Таблице 3.

Ниже даны некоторые примеры:

Ны же брате сего ли дозрѣвъ то поминаеши, вже стрѣи мои на мратью идетъ [КЛ, 1149, 137];

Гдѣ на Литвоу не жалоую вже ма воева немирникъ мои, а воевал ма тако и гораздо, но на тѣ жалоую [ВЛ, 1268, 287 об.];

И посла посолъ свон к Рюрикови шправливалася во крѣтное целованье, а Давыда винить про Витевьскъ, аже помогаетъ злати своему [КЛ, 1195, 238 об.].

Таблица 2

**Иллокутивные опорные предикаты
при прямой речи в летописях XI—XIV вв.**

Опорное слово	ПВЛ	КЛ	ГЛ	ВЛ	СЛ	НПЛ
въпрашати	1	6	2	2	2	0
бранити	0	0	1	0	0	0
вабити 'приглашать'	0	1	0	0	0	0
възъватисѧ	0	0	1	0	0	0
възрѣпѣтати	1	0	0	0	0	0
жалити 'роптать, негодовать'	0	0	0	0	0	1
жаловатисѧ	0	0	0	0	1	0
льстити	1	0	0	0	0	0
молитисѧ	1	2	0	0	1	1
обадити 'наговорить, обвинить'	0	0	0	0	0	1
отвѣщати	1	3	4	0	0	2
отвѣщевати	1	0	0	0	0	0
позъвати	0	0	0	0	0	1
посълати 'послать послов с просьбой'	1	0	2	0	0	25
посълатисѧ 'велеть ска- зать, сообщить, передать'	1	0	0	0	0	0
похваляти	0	0	1	0	0	0
проповѣдовати	1	0	0	0	0	0
пророчествовати	1	0	0	0	0	0
просити	1	4	0	0	0	1
съдоумати 'обсудить, обдумать; сговориться'	0	2	0	0	2	0
оупросити/въпросити	1	0	0	0	0	0
цѣловати крестъ 'цело- вать крест в подтвержде- ние клятвы, присягать'	2	3	0	0	0	0
тавити	0	0	0	0	1	0
всего	14	21	11	2	7	32
Существительные						
слово	0	0	1	0	0	0
гласъ	0	0	0	1	0	0
перевѣтъ	0	0	0	0	0	1
извѣтъ	1	0	0	0	0	0
всего	1	0	1	1	0	1

Таблица 3

**Иллокутивные опорные предикаты
при косвенной речи в летописях XI—XIV вв.**

Опорное слово	ПВЛ	КЛ	ГЛ	ВЛ	СЛ	НПЛ
винити	0	1	0	0	0	0
въспоманѹти	0	0	0	1	0	0
възрѣпѣтати	2	0	0	0	0	0
жалитисѧ	1	1	0	1	0	0
жаловати	0	3	0	0	0	0
испытати	1	1	0	0	1	0
капати	0	1	0	0	0	0
пожаловати	0	1	0	0	0	0
пожаловатисѧ	0	0	0	0	0	1
поминати	0	1	0	0	0	1
посѣлати	1	1	0	0	0	0
пророчествовати	1	0	0	0	0	0
сѣдоумати 'решить, договориться'	0	1	0	1	0	0
цѣловати крѣстѣ	0	5	0	0	0	0
ѧвити 'заявить'	1	1	0	0	0	0
ѧвлати 'заявлять'	1	2	0	0	0	0
всего	8	19	0	3	1	2
Существительные						
отвѣтъ	1	0	0	0	0	0
слово	1	0	0	0	0	0
льсть	0	0	1	0	0	0
правѣда	0	0	1	0	0	0
лъжа	0	1	0	0	0	0
всего	2	1	2	0	0	0

Отдельного внимания заслуживает устойчивое словосочетание **цѣловати крѣстѣ** (реже — **богородицю**, икону в знак клятвы): в подавляющем большинстве случаев при этом опорном предикате употребляется инфинитивная конструкция⁴. В КЛ все же отмечено 5 примеров, в которых при **цѣловати крѣстѣ/богородицю** в зависимой клаузе используется форма на-

⁴ Например: *Человали бо бяху хрестѣ чьстѣнии къ Мьстиславу съ всѣми новгородци, яко всѣмъ одинакымъ быти* [НПЛ, 1229, 107 об.]. В данном исследовании инфинитивная конструкция не рассматривалась в качестве одной из базовых моделей цитирования. Тем не менее, в русских летописях она фиксируется регулярно: ПВЛ — 9, КЛ — 57, СЛ — 5, ГЛ — 3, ВЛ — 5, НПЛ — 11.

стоящего-будущего времени (ниже выделена пунктиром). Все они встретились в тексте прямой речи:

... а гзъ ти сѧ кланѧю, ты сѧ с моимъ ѡцемъ самъ вѣдаешъ, а мене поустити къ ѡцю и цѣлоуи ко мнѣ стоюю бѣю ако мене не примеши, но поуститиша ма къ ѡцю своему, а га к тобѣ самъ поѣдоу и поклоню ти [КЛ, 1150, 143 об.—144];
 Стославъ же рече имъ: «гзъ цѣлоую кртъ за вратомъ своимъ, тако не боудеть въ насилья никоторого же, а (с)е въ и тивоунъ, а по вашии воли [КЛ, 1146, 119].

Пример с существительным в позиции опорного предиката при косвенной речи:

... се ни ажа ти есть, уже Романъ Ростиславичъ посылаетъ и Смоленска попа своего [КЛ, 1161, 183 об.].

Малое количество примеров с иллокутивным опорным предикатом при прямой и косвенной речи имеет объективное объяснение. При необходимости эксплицировать цель чужого высказывания в летописном узусе чаще всего использовался книжная конструкция с двумя глаголами речи — иллокутивный глагол в финитной форме и локутивный глагол в форме причастия [Успенский 2002; Гиппиус 2001], например:

И прииде Ярославъ из Мурома къ Мьстиславу кланѧсѧ ему молашеться река: «хрестъ еси челоуалъ ко мнѣ, понди на Всеволода» [КЛ, 1128, 108 об.];
 Оугре же пьгани величашься рекуще: «уже на ны приде, а мы сѧ с нимъ бьемъ [КЛ, 1151, 159 об.].

Таким образом, в летописях XI—XIV вв. опорные слова иллокутивной семантики в целом фиксируются в цитативных конструкциях намного реже, чем глаголы речи. Кроме того, иллокутивные предикаты используются при вводе прямой цитации чаще, чем при косвенной.

Никоновская летопись за период с середины XIV до середины XVI в.

НЛ за XIV—XVI вв. содержит интересный материал, который позволяет проследить механизмы перехода к современным моделям цитирования. В ней выявлено два наиболее важных процесса.

1. Обновляется состав глаголов речи: наряду с традиционными опорными предикатами распространяются современные глаголы речи — *говорити* и *сказати*. Отметим, что *сказати* в значении ‘сообщить, рассказать’ встречался при вводе косвенной речи и в ранних летописях (см. выше Таблица 1), в группу «новых» глаголов речи он попадает в связи с резким возрастанием его употребительности в НЛ за XV—XVI вв. Тем не менее

вплоть до XVI вв. *сказати* используется только в качестве реферативного глагола со значением ‘сообщить, рассказать’.

2. Постепенно стирается грамматическое противопоставление локутивных и реферативных предикатов: локутивные глаголы речи активно употребляются как при прямой, так и при косвенной речи.

В Таблице 4 приводятся количественные данные, отражающие хронологическую последовательность указанных процессов (новые глаголы речи записаны в орфографии, приближенной к более поздней норме).

Таблица 4

**Опорные предикаты при чужой речи
в Никоновской летописи за XIV—XVI вв.**

Опорные предикаты	НЛ (1362—1424)	НЛ (1425—1505)	НЛ (1505—1558)
а) традиционные локутивные глаголы речи ⁵			
<i>реци</i>	137/4	91/3	32/1
<i>глаголати</i>	186/17	74/28	24/3
<i>мълвити</i>	0/0	3/0	1/0
<i>въщати</i>	1/0	0/0	4/0
всего	324/21	168/31	61/4
б) традиционные реферативные предикаты			
<i>(приде) въсть</i>	1/6	0/27	0/3
<i>возвъстити</i>	1/0	0/0	0/1
<i>возвъщати</i>	1/0	1/1	0/1
<i>повъдати</i>	0/7	0/8	0/1
всего	3/13	1/36	0/6
в) «новые» глаголы речи			
<i>говорити</i>	0/0	6/2	23/19
<i>сказати</i>	0/2	2/11	3/63
<i>сказывати</i>	0/0	1/2	1/49
всего	0/2	9/15	27/131

Статистика показывает, что в НЛ за XIV—XV вв. в общих чертах сохраняется схема употребления глаголов речи, свойственная ранним летописям: большая часть цитат — это прямая речь с локутивными глаголами *реци* и *глаголати*:

⁵ Традиционные глаголы речи *реци* и *мълвити* в этом разделе и далее обозначаются в соответствии с более ранней нормой, вариативные написания в НЛ за период с 1362 по 1558 (в т. ч. корни *мълв-* и *молв-*) игнорируются. Маркеры косвенной речи далее выделены жирным шрифтом.

И вся Москва веселяшеся Едигъевой любви къ великому князю Василью глаголюще: «Орда вся въ воли великого князя Василія Дмитреевича, да кого хочетъ, воюеть, и наша будутъ вся, и прославимся па-че всѣхъ» [1409, 207];

Того же лѣта татарове мамаевы придоша ратью подъ градъ подъ Новосиль глаголюще: «Почто есте воевали Тѣерь?» [1375, 24];

Того же лѣта Едигъи князь Ординьскои прислал къ великому князю, тако ркучи: «Слышаніе намъ учинилося таково, что Тахтамышевы дѣти у тебя, и того ради пришли есмь ратию» [1409, 209].

В XV вв. *глаголати* частотнее, чем *реци*, однако к XV—XVI вв. это соотношение выравнивается. Причина частотности *глаголати* — стилистические особенности НЛ за XIV—XV вв. Текст создан в эпоху второго южнославянского влияния, на употреблении глаголов речи отразились архаизаторские тенденции [Успенский 2002: 288].

Распространенный в КЛ и ВЛ *мълвити* в НЛ, как и в более ранних летописях северо-восточного ареала, является периферийным глаголом речи — он встречается всего лишь в нескольких примерах с прямой речью со второй половины XV в., например:

И владыка и посадники били челомъ, а молвятъ бояромъ так: «Мы своимъ государемъ великимъ княземъ урока не чинимъ ихъ государьству» [1478, 181].

Традиционные локутивные глаголы *реци* и *глаголати* используются также при вводе союзной прямой речи:

И рече ему царь Константиноградскіи, яко даемъ вамъ патріарха во Антіохію Великую, но мяса ясти не оставляетъ [1443, 48];

Пишетъ бо къ Костянтинградскому патріарху сице глаголя, яко кровь ядятъ въ Гречестѣй землѣ и въ самомъ томъ Костянтинѣградѣ, и еже ты не можещи отсѣщи въ Гречестѣй землѣ и въ самомъ томъ Костянтинѣградѣ, како Фрязину глаголещи, яко да давленину отсѣчетъ ясти [1443, 48].

Как и в ранних летописях, в НЛ за XIV—XV вв. косвенная речь употребляется сравнительно редко, в ней преимущественно используются опорные предикаты *приде вѣсть* и *повѣдати*, в качестве средства связи — книжный союз *что*:

Приде вѣсть, что безбожныи царь хочетъ итти на землю его [1522, 38];

Прибеже же тогда изъ Ростова къ великому князю Василью Васильевичъ намѣстникъ его Петръ Константиновичъ повѣдая ему, что иде на него дядя его князь Юрьи Дмитреевичъ и з дѣтми своими съ мною силою [1433, 18].

Интересно отметить, что в статьях НЛ с середины XIV до середины XVI вв. опорные предикаты *приде/бысть вѣсть* и *повѣдати* последовательно используются только при косвенной цитации (исключение — один пример с *приде вѣсть* в НЛ за XIV вв.), в то время как в летописях XI—XIII вв. они нередко встречаются и при прямой речи. Статистика показывает, что принцип употребления реферативных предикатов при косвенной речи в НЛ за период XIV—XV вв. соблюдается более строго, чем в ранних источниках.

В целом в НЛ за XIV—XV вв. в цитативных конструкциях сохраняется тот же состав и принцип распределения опорных предикатов, что и в ранних летописях. Наиболее значимым отличием в функционировании глаголов речи в НЛ является использование в конструкциях с косвенной речью локутивных предикатов *реци* и *глаголати* (или производных от них), ср.:

И жалобныа грамоты и оборони у насъ отъ нихъ просишь и покоя въ томъ намъ отъ тебя нѣтъ никому, а ркучи тако, что ся улусъ истомилъ и выхода взяти не на чемъ [1410, 210];

Да не рекут люди, что царь приходилъ на Русскую землю, а Руси не учинилъ ничего [1536—1541, 112];

Азъ не обинуася возглаголю на вы, что естя сотворили неправду предъ богомъ и предъ великимъ княземъ [1378, 40].

Существенно то, что в приведенных выше примерах используется не книжный союз *что* — в летописях XI—XIV вв. при *глаголати* и *реци* употреблялся только союз *яко*. Распространение локутивных предикатов *глаголати* и *реци* в позиции опорного предиката косвенной речи является важным шагом на пути к стиранию грамматических различий между опорными предикатами разных семантических классов.

Ключевым моментом в формировании современных способов цитирования стало распространение современных глаголов речи — *говорити* и *сказати*, которые к середине XVI в. входят в активное употребление. Обновление состава опорных предикатов происходит путем постепенного вытеснения традиционных глаголов речи. Так, уже в статьях НЛ за XVI в. прямая речь вводится как традиционными предикатами *реци* (42%) и *глаголати* (31%), так и новым глаголом *говорити* (30%)⁶, ср. примеры:

И возрѣвъ на бояре своя, и рече имъ: «Вы же бояре мои, съ вами рускую землю держакъ» [1534, 76];

Не токмо же дѣти боярьскіе, но и бояре его глаголаху ему: «Толко, государь, поѣдемъ въ Дмитровъ, ино на тебя никто посмотрити не смѣетъ» [1534, 79];

⁶ Указывается процентное отношение к общему количеству случаев прямой речи в НЛ за 1505—1558 гг.

И начатъ говорити къ воеводамъ вѣликого князя: «Князь великии отпустилъ мене къ моему сыну» [1469, 122];

И мысль свою митрополиту сказалъ и говорилъ митрополиту: «Пожалуй, господине отецъ нашъ Макариу митрополитъ Всея Руси, помолися со всѣмъ освященнымъ съборомъ» [1551, 162].

Исследование материала показало, что в XVI вв. глаголы *говорити* и *сказати* еще не составляли видовой пары. Между ними имелись семантические и синтаксические различия. Так, в первой половине XVI в. при прямой речи ещё использовались архаичные локутивные глаголы (см. статистику выше в Таблице 4), в то время как при косвенной речи уже решительно преобладали *сказати* (48%) и имперфектив от него *сказывати* (37,4%)⁷:

А сторожи царевы сказали, что тѣхъ люди и сами видѣли, коли въ городъ ѣхали [1541, 113];

А сказываетъ, что идутъ многие люди Крымскіе, а чають ихъ на Резань и х Коломнѣ [1552, 187];

А сказывалъ Непея, что ѣдучи въ Англинскую землю, разбило ихъ корабли на морѣ [1558, 285].

При прямой речи *сказати* и *сказывати* даже в XVI в. используются в качестве опорных предикатов только в единичных случаях. Судя по всему, в этот период они употреблялись в более архаичном значении ‘рассказать, сообщить’. Локутивные употребления современного типа появляются у них позднее, видимо, при сближении семантики с новым опорным предикатом *говорити*.

Материал НЛ за XV в. показывает, что *говорити* преимущественно использовался для ввода прямой речи (31% от общего количества прямой речи в XV в.) и только в XVI вв. начинает употребляться для ввода других типов конструкций. В первую очередь — при косвенной речи (14,5% от общего количества примеров с косвенной речью в XVI в.), ср.:

Да и на старцовъ Заволскыхъ говорилъ, что его злобы не хулили и не утверждали его въ томъ [1553, 233];

Говорили, что королю то добръ любо и посылаетъ король о всемъ своихъ посланниковъ [1558, 292].

В 12 примерах *говорити* отмечен в значении ‘велеть’ в предложении косвенного волеизъявления, ср.:

А говорилъ ему Третьякъ ото князя, чтобы поѣхалъ ко князю Юрью служити [1534, 77];

Да говорили, чтобы государь пожаловалъ, горніе стороны царю поступился, а не пожалуетъ, все не отдастъ, и государь бы пожаловалъ, ясаковъ з Горніе стороны придалъ [1552, 171—172].

⁷ Указано процентное отношение к общему количеству случаев косвенной речи в НЛ за 1505—1558 гг.

В единичных случаях *говорити* фиксируется в качестве опорного предиката инфинитивной конструкции с модальным значением долженствования:

И тутъ языки почали говорити, что царю на Бѣлоезеро не бѣжати, а бѣжати ему въ Тюмень и всѣмъ Азѣстороханьскимъ людемъ бѣжати было за царемъ [1554, 243].

Важно обратить внимание на то, что *сказати* и *сказывати* в конструкциях волеизъявления и долженствования не отмечены.

Таким образом, «новые» глаголы речи *говорити*, *сказати* и *сказывати* в ходе закрепления их в качестве основных предикатов цитирования демонстрируют синтаксические свойства, схожие с архаичными предикатами речи: при косвенной речи используются преимущественно глаголы речи *сказати* и *сказывати* со значением ‘рассказать, сообщить’, при прямой — глагол локутивной семантики *говорити*.

Значимые изменения происходят и в употреблении опорных слов иллокутивной семантики. В контекстах с прямой речью в НЛ за XV—XVI вв. отмечается две тенденции: постепенное расширение списка иллокутивных лексем и возрастание их употребительности. В Таблице 5 приводится список опорных предикатов, зафиксированных при прямой речи (написание лексем приближено к орфографии XVI вв.).

Ниже приведем некоторые примеры:

Князь же великїи владычня челобитья Новгорода не прїа и отвѣща имъ такъ: «Вѣдомо тебѣ, богомолцу нашему, и всему Новгороду» [1476, 164];
И царь Шигалѣи государеву рѣчь хвалитъ: «Изначала ваша государеи предѣ нами правда» [1552, 184];

Воеводы же прочеть грамоту великого князя, начатъ съ слезами блажь съвѣтъ совѣтовати: «Писалъ къ намъ государь нашъ князь велики Иванъ, чтобы межъ нами розни не было» [1541, 106].

Та же тенденция прослеживается в НЛ и в контекстах с косвенной речью: состав иллокутивных предикатов расширяется, при этом количество их употреблений резко увеличивается в XVI в., см. Таблицу 6 (написание слов приближено к орфографии XVI в.).

Ср. примеры:

И князь великїи Иванъ отвѣчалъ посломъ Литовскимъ, что взялъ князя Семена и съ вотчиною тою для нужи, что ихъ нудитъ приступити къ Римскому закону [1500, 251];

И князь великїи Александръ Литовскїи отказалъ къ великому князю съ послы его, что его дщери къ Римскому закону не нудитъ [1500, 251];

И царь и государь велѣлъ имъ то отмолить, что то всчалъ король [1557, 280];

И благодестиваа царицы великаа княгыни Елена о томъ посоветовала з бояры, что пригоже у ней быти царю [1536, 102].

Таблица 5

**Иллокутивные предикаты при прямой речи
в Никоновской летописи за период с середины XIV до середины XVI вв.**

Опорный предикат	НЛ (1362—1424)	НЛ (1425—1505)	НЛ (1505—1558)
<i>бити челомъ</i>	0	1	3
<i>блядословствовати</i>	0	1	0
<i>вопросити</i>	2	0	0
<i>вопрошати</i>	0	1	0
<i>здравствовати</i> 'приветствовать'	0	0	2
<i>молити</i>	0	0	1
<i>молитися</i>	0	0	2
<i>отвѣщати</i>	8	17	9
<i>отмолвити</i>	0	0	1
<i>отречи</i>	0	1	0
<i>помыслити</i>	1	0	0
<i>послати</i>	1	0	1
<i>посылати</i>	0	0	1
<i>призвати</i>	0	0	1
<i>приказати</i>	0	0	2
<i>приказывати</i>	0	0	1
<i>прислати</i>	0	2	0
<i>просити</i>	1	0	0
<i>сговоритися</i>	1	0	0
<i>смыслити</i> 'советоваться'	0	1	0
<i>совѣтовати</i>	1	0	3
<i>спиратися</i> 'спорить'	0	1	0
<i>умолити</i>	1	0	0
<i>утѣшати</i>	0	0	1
<i>хвалити</i>	0	0	1
всего	16	25	29
Существительные			
<i>приказъ</i>	0	1	0
<i>слово</i>	0	0	1
всего	0	1	1

Таблица 6

**Иллокутивные опорные предикаты при косвенной речи
в Никоновской летописи за период с середины XIV до середины XVI вв.**

Опорный предикат	НЛ (1362—1424)	НЛ (1425—1505)	НЛ (1505—1558)
<i>бити челомъ</i>	0	5	10
<i>вадити</i>	0	0	2
<i>велѣти</i>	0	0	1
<i>вложити</i>	0	0	1
<i>выпрашивати</i>	0	0	1
<i>выпросити</i>	0	0	1
<i>здравствовати</i>	0	0	1
<i>заповѣдати</i>	0	2	0
<i>искати</i>	1	0	0
<i>исповѣдатися</i>	0	1	1
<i>испытывати</i>	1	0	0
<i>клеветати</i>	1	0	0
<i>клятися</i>	0	1	0
<i>молити</i>	0	0	2
<i>молитися</i>	0	1	0
<i>наказати</i>	0	0	1
<i>оклеветати</i>	1	0	0
<i>отвѣцати</i>	0	1	0
<i>отказати</i>	0	1	1
<i>отмолвити</i>	0	0	1
<i>отмолыти</i>	0	0	4
<i>отпустити</i>	0	1	0
<i>отписати</i>	0	0	4
<i>отслати</i>	0	0	1
<i>повелѣти</i>	0	0	1
<i>послати</i>	0	1	7
<i>посовѣтовати</i>	0	0	4
<i>посылати</i>	0	0	1
<i>пререковати</i>	0	1	0
<i>приказати</i>	0	0	5

Опорный предикат	НЛ (1362—1424)	НЛ (1425—1505)	НЛ (1505—1558)
<i>приказывати</i>	0	0	9
<i>прислати</i>	0	4	10
<i>прислатися</i>	0	1	1
<i>просити</i>	2	0	0
<i>скоромолити</i>	0	1	0
<i>советовати</i>	0	0	2
<i>увъщевати</i>	0	2	2
<i>утверждати</i>	0	0	2
<i>цѣловати крестъ</i>	1	0	0
всего	7	23	76
Существительные			
<i>молитва</i>	0	0	1
<i>наказъ</i>	0	0	1
<i>отвѣтъ</i>	0	0	1
<i>советъ</i>	0	0	2
<i>повелѣние</i>	0	1	0
всего	0	1	5

Статистика показывает, что в период с XV по XVI вв. употребительность иллюкутивных опорных предикатов в конструкциях с цитацией последовательно возрастает в цитативных конструкциях обоих типов. В XIV—XV вв. иллюкутивные предикаты используются при прямой цитации чаще, чем при косвенной речи. В XV в. их соотношение в конструкциях обоих типов выравнивается. К середине XVI в. основной сферой употребления иллюкутивных предикатов становится конструкция косвенной речи, при прямой речи они встречаются заметно реже.

Выводы

Исследование опорных предикатов в конструкциях с чужой речью позволяет выявить механизм формирования современных способов цитирования в русском языке. В летописях XI—XVI вв. основными способами ввода чужого высказывания были конструкции прямой и косвенной речи. В этот период они противопоставлены не только за счет дейктических и анафорических маркеров. Грамматически значимым элементом цитативной конструкции был опорный предикат. При прямой речи решительно преобладали глаголы локутивной семантики — *реци, глаголати, мълвити,*

реферативные и иллокутивные опорные предикаты употреблялись в единичных случаях.

Косвенная речь в древнерусский период была малоупотребительной конструкцией. Она вводилась в основном реферативными предикатами, реже — иллокутивными. Локутивные опорные предикаты при ней не использовались.

Ключевым моментом в формировании современных способов цитирования в русском языке стало развитие одновременно у всех глаголов речи валентностей, позволяющих им присоединять любые из перечисленных выше конструкций. Этот процесс происходил в несколько этапов. В первую очередь перестают синтаксически противопоставляться локутивные глаголы со значением ‘произнести, сказать’ и реферативные глаголы со значением ‘рассказать, сообщить’. Ранее всего эта тенденция отражается в юго-западном памятнике XIII вв. — ГВЛ. В исследованных источниках северо-восточного ареала стирание различий между локутивными и реферативными предикатами наблюдается только в НЛ за период с конца XIV до начала XV вв., когда глаголы *реци* и *глаголати* активно функционируют как при прямой, так и при косвенной речи. В XVI в. на смену архаичным предикатам приходят «новые» глаголы речи *говорити*, *сказати*, *сказывати*. В отличие от аналогичных глаголов современного русского языка, они ещё не составляли видовой пары. *Говорити* употребляется как при прямой, так и при косвенной речи, *сказати/сказывати* — преимущественно при косвенной речи, однако в единичных случаях они появляются и при прямой цитации.

Следующим этапом стало развитие у глаголов речи валентности, позволяющей им присоединять предложения, осложненные модальным значением волеизъявления. НЛ отражает самое начало этого процесса: с глаголом *говорити* отмечено всего несколько таких примеров, со *сказати* и *сказывати* — ни одного.

Литература, источники

Булаховский 1955 — Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка. Харьков; Киев, 1955.

Гиппиус 2001 — А. А. Гиппиус. Рекоша дружина Игоревы. К лингвотекстологической стратификации начальной летописи // *Russian Linguistics*. № 25. 2001. С. 147—181.

Гиппиус 2004 — А. А. Гиппиус. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // *Новгородские грамоты на бересте*. М., 2004. С. 183—231.

ГВЛ — Галицко-Волынская летопись по Ипатьевскому списку (см. Ипат.).

Зализняк 2008 — А. А. Зализняк. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М., 2008.

Зализняк Анна А. 1991 — Анна А. Зализняк. Словарная статья глагола **говорить** // *Семиотика и информатика*. Вып. 32. Материалы к Интегральному слова-

рю современного русского литературного языка (образцы словарных статей). М., 1991. С. 71—83.

Ипат. — Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб., 1908 (Репринт: М., 1998).

КЛ — Киевская летопись по Ипатьевскому списку (см. Ипат.).

Кукушкина, Шевелева 1991 — О. В. Кукушкина, М. Н. Шевелева. О формировании современной категории глагольного вида // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1991. № 6. С. 38—49.

Лавр. — Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1997 (Репринт: М., 2001).

Ломтев 1954 — Т. П. Ломтев. Из истории синтаксиса русского языка. М., 1954.

Лопатина 1979 — Л. Е. Лопатина. Способы передачи чужой речи в рамках сложного предложения // Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение. М., 1979. С. 422—447.

НЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 11—13. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб., 1897—1904 (Репринт: М., 2000).

НПЛ — Новгородская первая летопись по Синодальному списку // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950 (Репринт: М., 2000).

ПВЛИ — Повесть временных лет (см. Ипат.).

РГ-80 — Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. / Н. Ю. Шведова (гл. ред.). М., 1980 г.

Серль 1986 — Дж. Серль. Иллокутивные акты. Пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986.

СЛ — Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку (см. Лавр.).

Словарь XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—29. М., 1975—2011—.

Срезн. — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1—3. СПб., 1893—1912.

Преображенская 1991 — М. Н. Преображенская. Служебные средства в истории синтаксического строя русского языка XI—XVII вв. (Сложноподчинённое предложение). М., 1991.

Успенский 2002 — Б. А. Успенский. История русского литературного языка (XI—XVII вв.). М., 2002.

Шевелева 2009 — М. Н. Шевелева. «Согласование времен» в языке древнерусских летописей (к вопросу о формировании относительного употребления времен и косвенной речи в русском языке) // Русский язык в научном освещении. № 2 (18). 2009. С. 144—174.

Шевелева 2010 — М. Н. Шевелева. Вторичные имперфективы с суффиксами *-ива-/-ыва-* в летописях XI—XVI вв. // Русский язык в научном освещении. 2010. № 2 (20). С. 200—243.

Юрьева (в печати) — И. С. Юрьева. Некоторые особенности синтаксиса, морфологии и лексики так называемой Галицко-Волынской летописи // Лингвистическое источниковедение 2012—2013 гг. (в печати).

Carter, McCarthy 2011 — R. Carter, M. McCarthy. Cambridge Grammar of English: a Comprehensive Guide. Spoken and Written English. Grammar and Usage. 2011.

Collins 2001 — D. E. Collins. Reanimated Voices: Speech Reporting in a Historical-Pragmatic Perspective. Amsterdam. 2001.

Perelmutter 2009 — R. Perelmutter. Pragmatic functions of reported speech with *jako* in the Old Russian Primary Chronicle // Journal of Historical Pragmatics 10:1. 2009.108—131.

EKATERINA A. VLASOVA
(Lomonosov Moscow State University)

**THE USE AND DISTRIBUTION OF REPORTING VERBS
IN RUSSIAN CHRONICLES OF THE XI—XVI CENTURIES**

In this article, I trace the diachronic trends in the use of reporting verbs in Russian chronicles of the XI—XVI centuries. The core of my study is the distribution of the basic reporting verbs ‘to say’ versus ‘to tell’. In the early texts, verbs of saying *рещи*, *глаголати* and *мълвити* occur only in reporting direct speech. So called tell-verbs such as *бысть вѣсть* and *сказати* are mainly used to introduce indirect reports. In later chronicles the syntactic distribution of ancient reporting verbs begins to bleach out. In the Nikon Chronicle of the XV—XVI centuries the contemporary verbs *говорити* ‘to say, to speak’ and *сказати* ‘to tell’ appear to have become the most frequent introductory verbs. There is a tendency for *сказати* to be used for indirect speech, while *говорити* introduces both direct and indirect reports. Illocutionary verbs are noted rarely; they can be used to report either direct or indirect speech.

Keywords: reporting verbs, tell vs. say, direct speech, indirect speech, Old Russian chronicles

С. М. КУСМАУЛЬ

НОРМАЛИЗАЦИЯ УПОТРЕБЛЕНИЯ ДУБЛЕТНЫХ БУКВ ПО ПРИНЦИПУ АНТИСТИХА В ПРОЦЕССЕ КНИЖНОЙ СПРАВЫ СЕРЕДИНЫ XVII ВЕКА

С середины XVII в. в церковнославянскую книжность последовательно вводится принцип антистиха (от греч. ἀντίστοιχόν — противопоставление), т. е. противопоставление грамматических и лексических омонимов, осуществлявшееся с помощью различных графем и диакритических знаков.

Данная статья посвящена становлению употребления дублетных букв *ѣ* и *ѣ̇*, *о* и *о̇*, *ѡ* и *ѡ̇*, *и* и *и̇* (после шипящих) для отличия омонимичных грамматических форм и формантов. Материалом исследования послужили исправления названных букв в корректурных (кавычных¹, по терминологии того времени) книгах середины XVII в. из собрания РГАДА. Последовательность и причины изменения орфографических норм мы описываем поэтапно, в связи с чем условно выделяем три периода справки: дониконовский (дореформенный), собственно никоновский (после введения нового обряда) и послениконовский². Никоновский период длился с 1655 по 1658 г., когда патриарх Никон занимал патриарший престол, послениконовский период, соответственно, с 1658 г. и далее.

Перечислим рассмотренные нами кавычные книги этих периодов.

1. Дониконовский период книжной справки.

В качестве кавычных книг в это время использовались московские издания. Нами проанализированы два ближайших к никоновскому периоду издания:

Светлана Михайловна Кусмауль, СОШ «Живоносный источник».

¹ «Кавычная книга — пробный оттиск текста нового издания, с корректурными поправками и заметками справщиков, служивший оригиналом для наборщиков» [Поздеева 2011: 603]. «Кавычный экземпляр — корректурный экземпляр книги с корректорской и редакторской правкой в виде «кавык» и вставок в текст» [Московские 2002: 323].

² Книжную справку второй половины XVII в., проводившуюся при патриархе Никоне и последующих патриархах, нередко всю называют никоновской, т. к. церковный собор 1667 г. одобрил деятельность Никона по исправлению богослужебных книг, и исправления после патриарха Никона велись, в основном, в том же направлении. Но для более подробного анализа выделим собственно никоновский период.

Служебник, Москва, 1651 г., 443 л. (БМСТ/СПК 4905³) — кавычный для издания 1652 г.;

Апостол, Москва, 1648 г., 8 октября, 318 л. (БМСТ/СПК 44) — кавычный для издания 1653 г.

2. Никоновский период книжной справки. В этот период кавычными экземплярами служили юго-западнорусские издания. В статье проанализированы два из них⁴:

Служебник, Стрятин, 1604 г., 568 с. (БМСТ/СПК 1470) (далее также Стр.) — кавычный для издания 1655 г. (с этого издания начинается широкомасштабное исправление богослужебных книг)⁵;

Триодь постная, Киев, 1648 г., 602 с.⁶ (БМСТ/СПК 1876) — кавычная для издания 1656 г.⁷

Кроме того, нами было проведено сравнение Стрятинского Служебника 1604 г. и московских изданий Служебника 1652 г.⁸ (до справки) и 1655 г.⁹ (после справки) в объеме текста литургии Иоанна Златоустого ввиду наибольшего числа исправлений в нем и наибольшей значимости этого богослужения¹⁰. В некоторых случаях привлекаются материалы Служебника 1658 года¹¹ (конца никоновского периода), являвшегося кавычным для издания 1660 года (уже послениконовского периода справки).

3. Послениконовский период книжной справки. В качестве кавычных снова стали использовать московские издания. В. Г. Сиромаха выделяет две группы кавычных книг этого времени: восходящие к дониконовским московским изданиям и к московским печатным изданиям второй половины XVII в. [Сиромаха 1981: 60]. В данной статье рассмотрены два дониконовских издания, которые исправлялись уже в соответствии с новыми правилами:

³ Шифры РГАДА каждой книги в скобках даются по каталогу РГАДА [Московские 2002, 2003].

⁴ Кавычных юго-западнорусских книг больше, но общность языковых исправлений в них позволяет в рамках статьи ограничиться анализом только двух экземпляров и сделать на их основе обобщающие выводы. Общность языковых исправлений в юго-западнорусских кавычных книгах (на материале склонения имен существительных) показывает В. Г. Сиромаха в своей диссертации. См.: [Сиромаха 1981: 80—153].

⁵ Описание кавычного Стрятинского Служебника см.: [Сиромаха 1981: 63—65; Сиромаха 1987: 80; Дмитриевский 2004: 42—52].

⁶ Кавычный экземпляр сохранился не в полном объеме. В печатной киевской Триоди постной 1648 г. 880 страниц.

⁷ Описание кавычной Киевской Триоди постной см.: [Сиромаха 1981: 65—69; 1987: 80—81].

⁸ 18 окт. 1652 г., 458 л. (БМСТ/СПК 1948).

⁹ 31 августа 1655 г., 601 л. (БМСТ/СПК 1957).

¹⁰ Стрятинский Служебник 1604 г., с. 70—211 (всего 142 страницы); Служебник 1652 г., л. 131—190 (всего 120 страниц); Служебник 1655 г., с. 215—381 (всего 167 страниц).

¹¹ 6-е изд. 1 июля 1658 г., Ч. 1 — 680 л., Ч. 2 — 120 л. (БМСТ/СПК 1962—1963).

Миняя общая с праздничной, Москва, 1653 г., 758 л. (БМСТ/СПК 463) — кавычная для издания 1659 г.;

Евангелие учительное, Москва, 1652 г., 541 л. (БМСТ/СПК 352) — кавычное для издания 1662 г.

С середины XVII в. великорусская книжность переживает влияние книжной традиции Юго-Западной Руси, т. н. «третье южнославянское влияние», по терминологии Б. А. Успенского [Успенский 2002: 411]. Это связано в том числе и с использованием юго-западнорусских изданий в качестве кавычных для новоправленных богослужебных книг. Исследование как юго-западнорусских, так и московских кавычных книг позволяет проследить (в общих чертах) отношение справщиков печатного двора как к старой московской норме, так и к юго-западнорусской орфографической норме.

Третье южнославянское влияние проявилось также в ориентации на греческий язык. Из греческого языка через южнославянское посредство в русскую книжность приходит и принцип антистиха, который «стал основным принципом кодификации церковнославянского языка русского извода» [Кузьминова]. Наиболее полную реализацию принцип антистиха получил в грамматике Мелетия Смотрицкого, которой пользовались справщики печатного двора при исправлении богослужебных книг. Поэтому рассмотрение реализации принципа антистиха в отношении употребления дублетных букв *ѣ* — *ѣ*, *о* — *ω*, *и* — *ы* соотносится нами с правилами и парадигмами склонения грамматики, изданной в Москве в 1648 г. (в некоторых случаях дается сравнение и с грамматикой 1619 г.¹²).

Дифференциация в употреблении названных дублетных букв по принципу антистиха проявлялась как на грамматическом, так и на морфемном уровне. В связи с этим использование данных дублетных букв ниже рассматривается по двум направлениям:

1) разграничение омонимичных грамматических форм; 2) отражение морфемного состава слова.

А. Использование дублетных букв для разграничения омонимичных грамматических форм

1. Буквы ѣ — ѣ в определенных грамматических формах

В грамматике 1648 г. дано такое правило разграничения омонимичных грамматических форм с помощью графических вариантов буквы *ѣ*: «и пакѣ ѣ, и ѣ, различаютъ. ѡвомъ въ подобныхъ падежѣхъ множественнымъ, ѡномъ же единственнымъ служащѣ. ѣкъ, чѡи клѣвѣтъ, чѣхъ

¹² Издания грамматики самим М. Смотрицким в 1619 г. (Евье) и ее переиздание в Москве в 1648 г. отличаются по некоторым орфографическим и грамматическим нормам.

клевѣръсѣчѣ. ꙗѡѡ творѣцѣ, ꙗѡѡ творѣцѣ. ꙗѡѡ творѣцѣмь, ꙗѡѡ творѣцѣмь...» (л. 51 об.). То же правило дано и в издании 1619 г. [Грамматика 2000: 141]. То есть *ε узкое* пишется в единственном, а *ѣ широкое* во множественном числе, и различают они следующие падежи: *ε* И.п. ед.ч. — *ѣ* Р.п. мн.ч.; *ε* Т.п. ед.ч. — *ѣ* Д.п. мн.ч. Маркированным показателем множественного числа становится широкий вариант буквы *ѣ*.

В грамматике 1648 г. *ѣ широкое* пишется в Р.п. мн.ч. имен существительных 1-го скл.¹³ (ꙗѡѡ мрѣжѣ, ꙗѡѡ ѡвѣцѣ), 2-го скл. (ꙗѡѡ клеверѣчѣ, ꙗѡѡ дрѣвѣ и др.), 4-го скл. (ꙗѡѡ свидѣтѣль); в Д.п. мн.ч. имен существительных 2-го скл. (ꙗѡѡ ѡтцѣмь, ꙗѡѡ чвѣнцѣмь и др.), 3-го скл. (ꙗѡѡ заповѣдѣмь, ꙗѡѡ мѡтерѣмь), 4-го скл. (ꙗѡѡ пѡртырѣмь, ꙗѡѡ мѡчѣжѣмь и др.). Об этом говорят и правила орфографии после парадигм склонения: «Именительныи единственныи на, ѡ. Родительныи множественныи на, ѣ» (л. 105 об.) и «Творительныи единственныи на, е. Дательныи множественныи на ѣ» (л. 123 об.).

Рассмотрим исправления кавычных книг в различных грамматических формах.

1) Д.п. мн.ч. и т. п. ед.ч. имен существительных.

В данных падежных формах встретилось наибольшее число исправлений в никоновский и послениконовский периоды справки, в исследованных дониконовских кавычных книгах таких исправлений не обнаружилось.

1. Никоновский период.

В юго-западнорусских кавычных книгах окончание Д.п. мн.ч. имен существительных *-емь* исправляется на *-ѣмь*: Стрятинский Служебник: *набчи ма ѡправданіемь — ѡправданіѣмь твоимь* 557; Киевская Триодь: *приникнѣ ѡкляни ст҃растїи дѣлѡтелем — дѣлѡтелѣм* 21, *къ пѡчѣм — къ пѡчѣм* поканіѡ възведіма 27, *помагающимь — помогающим дѣланіемь — дѣланіѣмь* 67, *послѣдующе бж҃веннымь преданіемь — преданіѣмь* 308 и др. (всего 7 исправлений).

При сравнении двух московских изданий Служебника 1652 г. (дониконовского) и 1655 г. (никоновского) находим один случай изменения окончания в Т.п. ед.ч. *-ѣмь* на *-емь*: *согрѣшеніе содѣланное помышленіѣмь* 260 — *помышленіемь* 355.

2. Послениконовский период.

В послениконовский период в кавычных книгах окончание Д.п. мн.ч. *-емь* продолжает исправляться на *-ѣмь*: Минея общая: *пѣвцѣмь — пѣвцѣмь... жизнь подати* 104, *стїхирѣ ѡцѣмь — ѡцѣмь* 327; Евангелие учи-

¹³ Нумерация склонения дается по грамматике М. Смотрицкого 1648 г. В современных грамматиках церковнославянского языка это 2-е скл. (ж. и м.р. на -а, -ѡ), а 2-е скл. Смотрицкого — 1-е скл. (м.р. на -ѡ, ср.р. на -ѣ, -ѡ). 3-е (ж.р. на -ѣ) и 4-е скл. (на согласные) в основном совпадают с современными.

тельное: њбы — њ бы подлежа́те подобостра́стїемъ — подобостра́стїѣмъ 541; Служебник 1658 г.: благово́и... бы́ги на́мъ слѣ́жнїтелемъ — слѣ́жнїтелѣмъ... за́бѣга 367.

2) Р.п. мн.ч. и И.п. ед.ч. имен существительных.

В Р.п. мн.ч. имен существительных *ε узкое* в корне исправляется на *ѣ* широкое для отличия от И.п. ед.ч. Такие исправления встречаются в никоновский и послениконовский периоды книжной справки.

1. Никоновский период. Киевская Триодь: гдѣ бѣже ѡтѣцъ — ѡтѣцъ на́шихъ 45, поспѣви ѡдѣнѣю ѡбѣцъ — ѡбѣцъ 45, зрѣлѣх младѣнѣцъ — младѣнѣцъ стрѣлѣнїа 283.

2. Послениконовский период. Минея общая: до конѣцъ — конѣцъ же землѣ возвелѣчнїтѣа 367.

Встречаются в Р.п. мн.ч. также исправления в словах, не омонимичных формам И.п. ед.ч., т. е. использование маркированной графемы в данных случаях избыточно.

1. Никоновский период. Киевская Триодь: ѡбръщѣемъ ѡцѣмъ — ѡцѣмъ вѣ 66, ка́плю ѡспѣтїи слѣзъ — слѣзъ твои́хъ 198, мѣнѣе́кнїхъ чюдѣзъ — чюдѣзъ свѣршѣнїтво совбѣдѣ 303.

2. Послениконовский период. Минея общая: небесѣ — небесѣа 352 об., возвратїи ѡ жены — жены 184 (ѣ для отличия В. мн. от Р. ед.).

В Минее общей встречается также одно исправление в Р.п. мн.ч. окончания -ей на -ѣй: ѣбѣѣ — ѣѣѣ волѣзней — волѣзней ѡзбѣвїтїи 338 об. Такое исправление соответствует нормам грамматики Смотрицкого 1648 г., где существительные 3-го и 4-го склонения имеют окончание -ѣй (3-е скл. чѣхъ заповѣдѣй, 4-е скл. чѣхъ пѣстырей).

Исправления *ε узкого* на *ѣ широкого* в формах мн.ч. говорит о закреплении за буквой *ѣ* признака множественного числа.

Правила двух изданий грамматики Смотрицкого в отношении употребления *ε узкого* и *ѣ широкого* в единственном и множественном числе совпадают (цитаты см. выше). Но, как отмечает В. Г. Сиромеха, «при издании “Граматики” Смотрицкого в 1648 г. московскими справщиками был внесен ряд исправлений в соответствии с правилом орфографии об употреблении *ε* и *ѣ*» [Сиромеха 1981: 146]. Также он указывает, что подобные исправления присутствуют и в кавычных Святцах 1646 г., «что свидетельствует об актуальности данных орфографических норм для иосифовских справщиков еще до издания “Граматики” Смотрицкого в Москве» [Там же: 146], при этом филаретовскими справщиками данные орфографические правила не соблюдались. То есть правило употребления *ѣ* и *ε* возникает до его фиксирования в грамматике Смотрицкого (возможно, в связи с началом ориентации на греческий язык, где активно используется принцип антистиха) и, судя по соотношению исправлений в кавычных книгах, является более характерным для московского извода церковнославянского языка, чем для юго-западнорусского. Но в данном случае нельзя сделать

однозначный вывод, так как необходимо широкое исследование различных юго-западнорусских и московских изданий.

3) Буква **ѣ** *широкое* в П.п. мн.ч. имен существительных.

В Апостоле 1648 г., правленом для издания 1653 г., еще до начала исправления книг при патриархе Никоне, встретилось одно исправление в П.п. мн.ч. ж.р. окончания -**ѣхъ** на -**ѣхъ**: *способѣтъѣтъхъ намъ бнѣмоцѣхъ — бнѣмоцѣхъ* 122 об. Такое исправление соответствует правилам грамматики Смотрицкого 1648 г., что отражено в парадигмах 3-го склонения имен существительных (*ѡ тѣхъ зѣповѣдѣхъ*)¹⁴.

4) Буква **ѣ** *широкое* в И.п. мн.ч. имен существительных.

Маркированное употребление **ѣ** *широкого* распространяется и на окончания И.п. мн.ч. имен существительных, где **ѣ** *узкое* исправляется на **ѣ** *широкое* (-**ѣ** на -**ѣ** и -**ѣ** на -**ѣ**), что не соответствует принципу антистиха (противопоставления форм).

1. Дониконовский период. Апостол: *пѣтѣ — пѣтѣ* 127, *лѣдѣ — лѣдѣ* 147.

2. Никоновский период. Киевская Триодь: *брѣтѣ — брѣтѣ* 211.

3. Послениконовский период. Минея общая: *прѣстѣтелѣ — прѣстѣтелѣ* 174, *кѣи чѣнове — чѣнове* 177.

Примечательно, что в грамматике Смотрицкого 1648 г. у существительных 4-го склонения м.р. на -**ѣ** в И.п. мн.ч. окончание -**ѣ**, а не -**ѣ**: *пѣтѣрѣ, мѣтѣжѣ* (также склоняется слово *пѣтъ*), *свѣдѣтелѣ, мѣвѣ, брѣтѣ, господѣ, кѣменѣ*. У существительных 2-го склонения (таких как *чѣнѣ*, в грамматике находим подобное слово на -**нѣ** *сѣнѣ*) в И.п. мн.ч. также в окончании **ѣ** *узкое*: *сѣнове*¹⁵. Однако справщики меняли **ѣ** *узкое* на **ѣ** *широкое* в окончаниях, руководствуясь принципом выделения множественного числа с помощью маркированной графемы.

Таким образом, в процессе книжной sprawy середины XVII в. разграничение форм единственного и множественного числа с помощью графических вариантов буквы *ѣ* в текстах распространяется и на другие падежные формы, кроме указанных в грамматике.

В последующие периоды развития языка церковных книг излишнее употребление буквы **ѣ** в И. и П.п. мн.ч. было устранено. Уже в начале XVIII в. известный филолог Федор Поликарпов в своем труде «Технологія то естъ художное собесѣдованіе ѡ грамматическо(м) художествѣ...» (1725 г.) об употреблении букв **ѣ** и **ѣ** пишет следующее: «ѣ, полагається прѣѡ б числѣ ѣднствѣнномъ б своѣхъ падежѣхъ. ѣ ѣ, б числѣ множествѣнномъ, гѣкъ: тоѣ

¹⁴ В современных грамматиках церковнославянского языка у существительных 3-го скл. окончание -**ѣхъ**. См.: [Бугаева 2009: 12].

¹⁵ Находим всего один пример употребления **ѣ** *широкого* в парадигме склонения существительного *брѣтѣ* (исключения из 2-го склонения): *чѣн брѣтѣ* (л. 119).

ѣдїнѣхъ клѣврѣтъхъ, тѣхъхъ многѣхъ клѣврѣтъхъ, тѣмъхъ ѣдїнѣмъ спасѣнїемъ, тымъ многымъ спасѣнїемъ» [Поликарпов 2000: 248]. То есть противопоставляются И. ед. и Р. мн., Т. ед. и Д. мн. так же, как и в грамматике 1648 г. Такое же противопоставление находим и в орфографическом руководстве начала XX в., «Справочной книжке по церковно-славянскому правописанию» Д. Д. Соколова (1907 г.)¹⁶.

В исследованных кавычных книгах не встретилось исправлений в формах двойственного числа. В грамматике Смотрицкого отсутствует выделение омонимичных форм дв.ч. с помощью буквы ѣ *широкое*. Формы дв.ч. пишутся через е *узкое*: И., В., Зв.п. — тѣ клѣврѣтѣ (= Р.-В. ед.); Р., П.п. — тѣю мрѣжю (= В. ед.), тѣю клѣврѣтѣ (= Д. ед.), тѣю дрѣвѣ (= Д. ед.).

II. Буквы н — ы после шипящих в причастиях.

Произношение сочетаний шы — ши и цы — ци одинаково, так как шипящие не имеют пары по твердости-мягкости. В данной позиции можно говорить о дублетности букв ы и н. В процессе исправления богослужебных книг эта пара букв используется для разграничения омонимичных грамматических форм причастий.

В исследованных кавычных книгах трех выделенных периодов справки окончание Д.п. мн.ч. причастий -имъ исправляется на -ымъ по принципу антистиха для отличия от Т.п. ед.ч. В грамматике Смотрицкого, изданной в Москве, множественное число действительных причастий настоящего и прошедшего времени также выделяется с помощью буквы ы: (Т. ед. — Д. мн.) тѣмъ бїюцимъ — тымъ бїюцимъ; тѣмъ бївшимъ — тымъ бївшимъ. Об этом же говорит и орфографическое правило после склонения причастий: «Творїтѣ, ѣдїнствѣ, на, н. дѣтелныи, множественыи, на, ы» (л. 265 об.). В орфографических правилах говорится также, что букве ы «свѣдѣннѣно... храниѣти взпрїчастїи, вз четвѣртой частїи мѡужеска рѡда, во мнѡжественномъ числѣ, вздѣтельномъ падѣжн, ѣкъ тымъ бїюцимъ» (л. 56 об.)¹⁷.

Приведем примеры исправлений в кавычных книгах.

1. Дони коновский период. Апостол: сїѧ писѧхъ вѧмъ вѣрѣющимъ — вѣрѣющимъ во йма моѣ 100 об.

2. Никоновский период. Киевская Триодь: ѡслабїи оумѣршимъ — оумѣршимъ напрѧснѡ 46, вїдѧще — вїдѧщи согрѣшївшымъ вѣчнѡющимъ — вѣчнѡющимъ мѡкамъ 53, бѣ мѣры согрѣшївшимъ — согрѣшївшымъ 53, лѡкѧбымъ прогнѣвѧвшимъ — прогнѣвѧвшимъ 53, ѧггѡлѡмъ пре„стоѡцимъ — пре„стоѡцимъ 53, ѧлчѡцимъ — ѧлчѡцимъ дѧждѧ хлѣбѧ 78 и др. (всего 11 примеров).

3. Послениконовский период. Евангелие учительное: ѧвїсѧ женѧмъ мироносѧцимъ — мїроносѧцимъ 538 об., ѣже согрѣшѧющимъ — согрѣшѧющимъ вѣмъ вѡдѣтѣшенїе — вѡдѣтѣшенїе 539 об.

¹⁶ См. [Соколов 1907: 9—10].

¹⁷ В грамматике 1619 г. об употреблении ы ничего не говорится.

Сравнение двух изданий Служебников 1652 г. и 1655 г. говорит о временном отступлении от норм грамматики Смотрицкого. В издании 1652 г. -ымз, а в издании 1655 г. -нмз: плаваюциымз съплавай, поутъ шествѣюциымз съшествѣѣи 165 об. — плаваюцимз ѿплавай, пѣтешѣствѣюцимз ѿпѣтешѣствѣѣи 341, сподобилз ѣси причаститица животворѣциымз 174 об. — животворѣцимз тѣинамз 366, молн... спастнѣца дѣшѣмз нашимз 178 об. — нашимз¹⁸ 378. Это происходит под влиянием Стрятинского Служебника. Возможно, это механический перенос орфографии кавычного юго-западнорусского издания, т. к. в процессе дальнейшей справки Служебника окончание -нмз исправляется на -ымз по нормам грамматики. В Служебнике 1658 г., кавычном для издания 1660 г., присутствуют следующие исправления: должноже оубѣв вѣѣмз повсѣдѣѣ ѿвнтѣюцимз — ѿвнтѣюциымз нарѣдѣмз г 2, дѣшѣмз нашимз — нашимз пробѣмз 71, ѿ вѣѣмз приклоншимз — приклоншимз главы, ѿ на зѣмлю принокшимз — принокшимз, молитѣца ѿцѣнникз 81, ко внѣ стоѣцимз — стоѣциымз 224, сподобилз ѣси причаститица животворѣцимз — животворѣциымз тѣинамз 323, скончанныи же быбшимз — быбшимз 365.

Противопоставление Т. ед. и Д. мн. причастий (а также притяжательных местоимений) с помощью букв ы — и после шипящих сохранилось и в последующие периоды развития церковнославянского языка. В «Технологин...» Ф. Поликарпова об употреблении ы для различия грамматических форм говорится следующее: «Полагается къ причастіяхъ ѿ во ѿмногахъ множественнаго (числа) дѣтелнаго, къ различію творѣтелнаго единственнаго, ѿкъ: учащимъ учителемъ надѣхъ грамматикѣ, единственнѣ, ѿ учащимъ учителемъ велию ѿдаю честь, множественнѣ. И нищимъ просима есть милостыня, единственнѣ. ѿ нищимъ ѣзы подахъ милостыню, множ» [Поликарпов 2000: 251]. Такое же противопоставление находим и в современных грамматиках¹⁹.

III. Буквы о — ѿ в определенных грамматических формах

Исправления букв он и омега в определенных грамматических формах активно начинается еще в дониконовский период книжной справки.

Осуществляется это исправление по правилам грамматики М. Смотрицкого (правила двух изданий одинаковые, но в издании 1619 г. оно короче [Грамматика 2000: 141]). Вот как дает эти правила грамматика 1648 г.: «въ средѣже ѿ полагается токъмъ во множественномъ числѣ въ первой части ѿ мене вѣдѣтельномъ падѣжи; ѿкъ, человекѣмъ, богѣмъ, праведникѣмъ... Такоже ѿ въ родномъ падѣжи множественнаго числа, ѿкъ, тѣхъ сѣмъ; ѿли сѣхъ бѣгъ... чрезъ оубѣченіе... ѿцѣже, ѿ, родной падѣжь хранитѣ единственнаго числа, можеска ѿ ереднаго рода; ѿкъ, тогѣ ѿли сѣгѣ человека

¹⁸ В грамматике М. Смотрицкого притяжательные местоимения нашіи и кішіи Т. ед. и Д. мн. не различаются в своем написании: нашимъ, кішимъ в двух падежах.

¹⁹ См.: [Соколов 1907: 15] и [Бугаева 2009: 64—67].

ὄτρεϑζ ήλὶ σεγὼ ὄτρочáтє жнѡбѡтѡ» (л. 53). Как и в случае с буквой *est* *широкое*, за буквой *omega* закрепляются определенные грамматические формы: а) Д.п. мн.ч. окончание *-ωмѡ* имен существительных; б) в корне существительных Р.п. мн.ч. с окончанием *-ѡ*; в) Р.п. ед.ч. м. и ср.р. местоимений. Из этого следует, что использование буквы *он* предполагается во всех остальных случаях.

Данные орфографические правила о написании *ω* в определенных грамматических формах реализуются и еще раз подтверждаются в парадигмах склонения имен существительных. Примеров тому в грамматике много, и все они согласуются с языковой практикой исправлений того периода.

Рассмотрим примеры исправлений в кавычных книгах по данным позициям и по периодам.

1) Д.п. мн.ч. и т. п. ед.ч. имен существительных.

У существительных 2-го склонения м. и ср.р. форму Д.п. мн.ч. маркирует буква *ω*. Об этом говорит и орфографическое правило после склонения существительных: «*Именительныи єдинственныи на, ѡ. ... Твори^т єди^н, на о. Дачє^а, мно^ѡ, на ω*» (л. 105 об.)²⁰. Этому соответствуют и исправления в кавычных книгах дониконовского и послениконовского времени.

В Д.п. мн.ч. окончание *-омѡ* исправляется на *-ωмѡ*.

1. Дониконовский период. Служебник 1651 г.: *ко ѡчницєнію тѣлѡмѡ* — *тѣлѡмѡ* 265; Апостол: *поглáніє къ коринѡмѡ* — *къ коринѡωмѡ* 152, *прѣрѡкомѡ* — *прѣрѡкωмѡ* *повинѡютѣа* 153 об., *творца канѡномѡ* — *канѡнωмѡ* рук.²¹ 256.

2. Послениконовский период. Минея общая: *нрѡкомѡ* — *нрѡкωмѡ* *прнчáстникѡ* 343 об., *глáше ко прншєдшы^а...* *волхѡмѡ* — *волхѡωмѡ* 354 об., *поглáніє к галáтомѡ* — *галáтωмѡ* 391; Евангелие учительное: *ѣтолковáніємѡ* *дєоднлáкта* — *дєофѣлáкта* *бывшаго архїєрєа* — *архїєрєа* *болгáромѡ* — *болгáрωмѡ* 540.

По принципу антистиха в Т.п. ед.ч. окончание *-ωмѡ* исправляется на *-омѡ*.

1. Дониконовский период. Служебник 1651 г.: *прѡдани подѡ грѣхѡмѡ* — *грѣхѡмѡ* 213.

2. Послениконовский период. Евангелие учительное: *нєлєωмѡ* — *нєлєомѡ* 538 об.

Никоновский период.

В юго-западнорусских кавычных книгах у существительных в Д.п. мн.ч. пишется в основном окончание *-ωмѡ*: Киевская Триодь: *ѡггѡмѡ*

²⁰ Интересно, что использование дублетных букв *о* и *ω* для разграничения омонимичных Д.п. мн.ч. и т. п. ед.ч. отмечается еще в рукописной Геннадиевской Библии 1499 г. [Хан Чжи Хен 2009: 178], т. е. до кодификации этого принципа антистиха в грамматике Смотрицкого.

²¹ Рукописный вставной лист в книге.

прѣстоѡцимѣ — прѣстоѡцимы 53, црѣю вѣкѡмѣ — вѣкѡвѣ 54, искрѣжетѣ зѡвѡмѣ — зѡвѡвѣ 57, сотвори гдѡвѣ по рѡдѡмѣ ѡхъ 215; Стратинский Служебник: вѣкѣ вѣкѡмѣ — вѣкѡвѣ 3.

Встретилось одно исправление в Киевской Триоди в Д.п. мн.ч. окончания -омѣ на -омъ: свѣтѡ ѡ свѣтѡмѣ — свѣтѡмѣ, живѡтѡ ѡ живѡтѡмѣ — живѡтѡмѣ 227.

Сравнение дониконовского и никоновского изданий Служебников дает нам несколько примеров отступления от норм грамматики 1648 г. В том месте, где в издании 1652 г. в Т.п. ед.ч. окончание -омѣ, в издании 1655 г. — -омъ: мѣромѣ 120 об. — мѣромѣ гдѡ помѡлимѣ 215. Окончание -омѣ в данном примере присутствует и в кавычном Стратинском Служебнике. Но такое окончание в Служебнике 1655 г. встречается не во всех подобных примерах, в других местах в той же форме окончание -омѣ.

В Д.п. мн.ч. имен существительных при сравнении Служебников обнаружилось два противоположных примера:

а) -омѣ в издании 1652 г. — -омъ в издании 1655 г.: не повѣмѣ бо врагѡмѣ твоимѣ тайны 170 об. — не бо врагѡмѣ твоимѣ тайнѡ повѣмѣ 354 об.

Возможно, в этом случае, а также в предыдущем примере на Т.п. ед.ч. наблюдается уже упоминавшийся механический перенос окончаний из кавычного юго-западнорусского Служебника в текст исправленного издания.

б) -омѣ в издании 1652 г. — -омъ в издании 1655 г.: причастникѡ 167 — причастникѡмѣ дароздрѡблѣши 348. Такое изменение окончаний соответствует нормам грамматики Смотрицкого.

2) Буква ѡ в корне имен существительных Р.п. мн.ч.

В корне имен существительных Р.п. мн.ч., образующихся через усечение окончания, в кавычных книгах о исправляется на ѡ. Это наблюдается как в дониконовский, так и в никоновский и послениконовский периоды справы. Например: Служебник 1651 г.: но предѣлы ѡмѡуце промежь стѣихъ ѡгньцевѣ ѡ дѡрѣ — дѡрѣ 240 об.; Киевская Триодь: на вѣрѡхѡ гѡрѣ — гѡрѣ 213; Минея общая: ѡгнь стѣихъ ѡтрѡкѣ — ѡтрѡкѣ твоихъ 337, вѣхъ — вѣхъ прорѡкѣ — прорѡкѣ проречѣнѣ 386 об., ѡ своѣ ѡтрѡбѣ — ѡтрѡбѣ 354 об.; Евангелие учительное: ѡ ѡнокѣ — ѡ ѡнокѣ 541.

Написание ѡ в этой позиции соответствует и нормам грамматики Смотрицкого, что представлено в парадигмах 1-го скл. (тѣхъ боевѡдѣ, тѣхъ снѡхъ), 2-го скл. (тѣхъ ѡрѡдѣ, тѣхъ прорѡкѣ) и 4-го скл. (тѣхъ знѡѣ).

3) Буква ѡ в корне имен существительных в словоформах других падежей мн.ч.

1. Никоновский период

В никоновский период справы правило употребления ѡ распространяется не только на Р.п. мн.ч. (где ѡ иногда использовалась для отличия от И.п. ед.ч.), но и на другие падежи мн.ч. Например, в Киевской Триоди о в корне исправляется на ѡ в И.п. мн.ч.: ѡскѡпютѣ гѡры — гѡры сѡдѡстѣ, ѡ

хѡлми — хѡлми точити вѣдѣтъ млѣко — млѣко 102; в В.п. мн.ч.: ѡ бѣѣ по-
тоцы ѡдѡвы испѣтътъ бѡды — бѡды 102, постѡвъ възхѡды — възхѡды 78,
ѡкъ да зрѣ доброты — доброты²² 164.

В В.п. мн.ч. м.р., возможно, ѡ пишется для отличия от омонимичной формы Т.п. мн.ч. В грамматике Смотрицкого эти формы мн.ч. не разделяются с помощью *омеги*. Во 2-м скл. для Т.п. мн.ч. возможна вторая вариативная форма, омонимичная В.п., но написанная через *он* (В. тѣѡлъ бѡнны и Т. тѣѡлми бѡннами и бѡнны, В. тѣѡлъ ѡрѡды и Т. тѣѡлми ѡрѡдами и ѡрѡды). Никоновские справщики начинают традицию разграничения В. и т. п. мн.ч. с помощью буквы ѡ. Это правило сохранилось в современных церковнославянских текстах и грамматиках с той только разницей, что через букву ѡ пишется форма Т.п., а не В.п. мн.ч.²³

При сравнении Службников 1652 и 1655 гг. наблюдается та же тенденция употребления в корне *омеги* во множественном числе имен существительных не только в омонимичных формах, но и в формах, не имеющих омонимов.

В издании 1652 г. в В., Д. и т. п. мн.ч. буква о в корне слова, а в издании 1655 г. на этом же месте буква ѡ: В.п.: вѡйтѣлѡ 125 об. — вѡинитѣлѡ 230, ѡстѡвн долги 164 об. — долги 336; Д.п.: припѡсти къ ѡедрѡтамѡ 140 об. — ко ѡедрѡтамѡ 168; Т.п.: ѡедрѡтами 151 — ѡедрѡтѡтами 296. Таким образом, *омега* используется здесь как показатель множественного числа.

2. Послениконовский период.

В послениконовский период *омега* продолжает использоваться для разграничения омонимичных грамматических форм (в Р. и В.п. мн.ч.). При этом ее употребление расширяется и распространяется не только на корень имен существительных, но и прилагательных, стоящих во множественном числе, а также на слова с корнем *мног-*, где о исправляется на ѡ.

Примеры из Минеи общей: 1) имена существительные: а) В.п. мн.ч. (для отличия от И.п. мн.ч.): ѡ възвратѣи вѣлѡ бѡни — кѡнни годѡмскѡѡ 184; б) И.п. мн.ч.: прѣтѡли — прѣтѡли 177 об., питѡмцы — питѡмцы 364;

2) имена прилагательные: прѣрѡчетѣи — прѣрѡчетѣи... глѡси 365 об. (И.п. мн.ч.); въз ѡрѣкви перворѡдныхъ — перворѡдныхъ 102 (Р.п. мн.ч.);

3) слова с корнем *мног-*: звѣзды многозвѣтлыѡ — многозвѣтлыѡ²⁴ 64, мнѡжетѡ — мнѡжетѡ 153 об., 156, 204 об., 368 об., мнѡго —

²² Для существительных ж.р. И. и В.п. мн.ч. (например, доброты) можно говорить об использовании ѡ для отличия от Р.п. ед.ч. (ср. доброты). См. такое же правило [Соколов 1907: 13; Бугаева 2009: 10]. В грамматике Смотрицкого такого разграничения не наблюдается.

²³ См. [Соколов 1907: 13; Бугаева 2009: 6]. Надо сказать, такое разграничение этих омонимичных падежных форм является несистемным для современного церковнославянского языка и отражено не во всех грамматиках.

²⁴ В данном примере, возможно, еще добавляется желание разграничить И.п. мн.ч. ж.р. и Р.п. ед.ч. ж.р. (подобное разграничение см. [Бугаева 2009: 29]). В грамматике Смотрицкого такого разграничения нет.

мнѡго 274 об., многомѡлостнко — мнѡгомѡлостнко 342, мнѡгоѡ — мнѡгоѡ 366.

Таким образом, в никоновский и послениконовский периоды книжной sprawy буква *ω* начинает употребляться для разграничения омонимичных форм в пределах множественного числа (В.п.), что не отражено в нормах грамматики Смотрицкого 1648 г. и является результатом самостоятельной языковой работы справщиков. В результате этого процесса *ω* становится показателем множественного числа и используется в формах, не являющихся омонимичными другим формам (И.п. сущ., им. прилаг., слова с корнем *мног-*), То есть помимо дифференцирующей *ω* выполняет еще и маркирующую функцию.

Как показывает сравнение с современными богослужебными текстами и грамматиками церковнославянского языка, избыточное употребление *ω* устраняется в последующие периоды существования церковнославянского языка. Уже Ф. Поликарпов в XVIII в. выделяет только противопоставление И. ед. и Р. мн., Т. ед. и Д. мн. имен существительных с помощью дублетных букв: «о, ѡбѡ ѡ числѣ ѡднѣствѣнномъ, ѡ ѡ, ѡ числѣ мнѡжествѣнномъ полагается, ѡкѡ: тѡѡ ѡднѣнъ ѡпѡстѡлѡнъ, тѡѡхъ мнѡгѡхъ ѡпѡстѡлѡнъ, тѡѡмъ ѡднѣмъ чѡловѣкомъ, тѡѡмъ мнѡгимъ чѡловѣкомъ» [Поликарпов 2000: 250].

Исследование процесса устранения избыточности буквы *ω* является материалом отдельного исследования.

В исследованных кавычных книгах так же, как и в случае с буквой *есть* не встретилось исправлений *о* и *ω* в формах двойственного числа. В грамматике Смотрицкого 1648 г. отсутствует написание омонимичных форм дв.ч. через *ω*, как это можно наблюдать в современных грамматиках. Грамматика 1648 г. дает написание дв.ч. через *о*: И., В., Зв. п. — м.р. тѡ вѡвѡдѡ (= И. ед.), ж.р. тѡѡ вѡвѡдѡѡ (= Д. ед.), тѡ ѡноша (= И. ед.), тѡ прѡрѡба (= Р. ед.); Р., П.п. — тѡѡ ѡ тѡѡ вѡвѡдѡѡ (= В. ед.), тѡѡ ѡношѡ (= В. ед.), тѡѡ прѡрѡбѡ (= Д. ед.), тѡѡ зѡповѣдѡ (= Т. ед.).

4) Окончания имен существительных Р.п. мн.ч. -ѡвъ и -ѡвѡ.

Еще одной формой, где используется буква *ω* в окончании, является Р.п. мн.ч. В орфографических правилах грамматики Смотрицкого эта форма не указана, но в парадигмах 2-го склонения имен существительных окончание Р.п. мн.ч. -ѡвѡ пишется через *омегу* (часто само это окончание выступает в качестве вариативного): тѡѡхъ дрѡѡѡвѡ или дрѡѡѡвѡ, тѡѡхъ грѡѡѡвѡ или грѡѡѡвѡ.

1. Дониконовский период.

В дониконовский период в исследованных богослужебных текстах встречаются окончания Р.п. мн.ч. -ѡвѡ и -ѡвѡ одновременно, при этом -ѡвѡ в кавычных книгах не исправляется. Видимо, в указанный период эта форма еще не подпала под пристальное внимание справщиков. Например, в Служебнике 1651 г.: ѡстѡвлѣнѡ грѡѡѡѡ ѡблѡзнѡвѡ... прѡсѡ 34, в Служебнике 1652 г. в этом же примере окончание -ѡвѡ.

2. Никоновский период.

В исследованных юго-западнорусских кавычных книгах никоновского периода справки в Р.п. мн.ч. пишется в основном окончание *-овъ*. Например, в Киевской Триоди: *прѣвыше хѳлмъвъ* 213, *схтворѣ гѳдъвъ* 215, *сѣбѣхъ* *Иконъвъ* — *Иконъ* 308; в Стрятинском Служебнике: *въ ѿставлѣніе грѣхъ*⁶ 151.

В. Г. Сиромаха отмечает в юго-западнорусских кавычных книгах этого периода расширение употребления окончания *-овъ* вместо окончания *-ъ* у существительных м.р. III словоизменительного класса (древней основы на *o) [Сиромаха 1981: 141—144]. Во всех случаях имеют место исправления *-ъ* на *-овъ* (например, Киевская Триодь: *брѣвъ ѿретѣкъ* — *ѿретѣкъвъ*, *трѣбы ѿплъ* — *ѿплъвъ* 311; Стрятинский Служебник: *ѿ лскавъ блюстѣла* — *блюстѣ помысл* — *помыслъ*⁶ 2, *нже... іерѣрхъ* — *іерѣрхъ*⁶ 31, *сѣбѣ великомѣнкъ* — *великѣ мѣнкъ*⁶ 32 и др.), то есть пишется окончание *-овъ*, а не *-овъ*, что говорит о нормативности именно буквы *о* в данном окончании.

Сравнение изданий Служебников 1652 и 1655 гг. показало, что в Р.п. мн.ч. *-овъ* 1652 г. изменяется на *-овъ* 1655 г.: *во ѿставлѣніе грѣхѳвъ* — *грѣхѳвъ* 354 об. (в Стр. Сл. это место отсутствует).

Та же тенденция наблюдается и в кавычном Служебнике 1658 г.: *мѣтвами чѳдотѳорцѳвъ* — *чѳдотѳорцѳвъ* 76, *сѣбѣхъ мѣчениковъ* — *мѣчениковъ* 192, *воѳки* — *воѳки ѳкѳвъ* — *ѳкѳвъ* 347, *ѿставлѣніе грѣхѳвъ* — *грѣхѳвъ* 395, *ѿдѣконоѳже* — *дѣконоѳже* II 69.

3. Послениконовский период.

В послениконовский период справки продолжается исправление окончания *-овъ* в Р.п. мн.ч. на окончание *-овъ*: Миней общая: *прѣоло*⁶ — *прѣоло*⁶, *ѿнѣло*⁶ — *ѿнѣло*⁶ 177, *сѣхѳвъ* — *сѣхѳвъ* 258 об.

Распространению *о* в Р.п. мн.ч. способствовал, с одной стороны, тот факт, что в греческом языке в этой же форме окончание пишется через *омегу* (*-ων*), а с другой стороны, желание разграничить окончание существительного и омонимичный ему суффикс притяжательного прилагательного *-овъ*. В данном случае принцип антистиха применяется по отношению к разным формантам разных частей речи.

Применение этого принципа находим в кавычной Минее общей. В суффиксе притяжательного прилагательного *о* исправляется на *о*: *дѳмъ* — *дѳмѣ ѿѳрѣдѳвъ* — *ѿѳрѣдѳвъ* 325 об., 329.

5) Р.п. и В.п. м. и ср.р. имен прилагательных, местоимений и причастий.

В орфографических правилах грамматики Смотрицкого сказано об употреблении буквы *о* в окончании м. и ср.р. Р.п. ед.ч., которое распространяется на все разряды местоимений, а также на имена прилагательные и причастия. По принципу антистиха в омонимичном В.п. ед.ч. в окончании пишется буква *о*. Это отражено в парадигмах склонения названных частей речи (Р. — В.п.): 1) имена прилагательные: *сѣбѣ* — *сѣбѣ*, *ница*

гw — нѣцаго, ѿновнагw — ѿновнаго, 2) местоимения: всегò — всегò, моегò — моегò, ѿгò — ѿгò, 3) причастия: читаюцагw — читаюцаго и др.

То же противопоставление зафиксировано в орфографическом правиле после склонения имен прилагательных и местоимений: «Родѣтєлныи ѿдѣлѣныи на ѿ. вниѣтѣ, на, о» (л. 168 об.).

Активное использование принципа антистиха в данных формах подтверждает и практика исправлений во всех рассмотренных кавычных книгах.

В Р.п. ед.ч. м.р. и ср.р. окончание -го исправляется на -гw.

1. Дониконовский период. Служебник 1651 г.: ѿ мѣрѣ всегò — всегò мѣра 24 об., вѣчи на́мъ слѣжѣтелѣмъ нѣбаго — нѣбагw твоегò за вѣта 205 об., оуды хрѣта... дѣшаго — дѣшагw себе ѿзмѣнѣ 252 об.; Апостол: зосѣмы, погрѣшаго — погрѣшагw прѣвнѣю марію рук. 256.

2. Никоновский период. Киевская Триодь: ѿзбѣвѣ ѿ вѣжагw дѣла лѣкаваго — лѣкавагw 259; Стратинский Служебник: ѿбразѣ вѣрхѣ ѿгò — ѿгò 147.

3. Послениконовский период. Минея общая: мирополо́жница — мирополо́жница честна́го — честна́гw сѣенѣа 356 об., оуспѣнѣе прѣвнаго — прѣвнагw ѿца́ на́шего — на́шегw мака́рѣа — мака́рѣа желтовѣдѣскаго — желтовѣдѣскагw ѿ оу́нежскаго — оу́нежскагw нѣбаго — нѣбагw 644 и др. (всего 8 исправлений); Евангелие учительное: ѿже во сѣ́хъ ѿца́ на́шего — на́шегw ѿва́нна златоѣтаго — златоѣтагw 1, напревѣраженѣе — на превѣраженѣе гѣа на́шего — на́шегw 518.

По принципу антистиха в Р.п. ед.ч. м.р. и ср.р. окончание -гw исправляется на -го.

1. Дониконовский период. Служебник 1651 г.: вѣгословѣ грѣшнагw — грѣшнаго 16 об., знаменѣа ѿгò — ѿгò рѣкою 186 об., помани господѣна на́шегw — на́шего, сѣ́хъшагw — сѣ́хъшаго патрѣ́рха 221 об.

2. Никоновский период. Киевская Триодь: ѿбогатѣ ѿ менѣ... ѿбни́цавагw — ѿбни́цаваго 21, слышѣ — слышѣй богѣтагw — богѣтаго 60, ѿвѣра́щешѣ ѿгò — ѿгò 66, мѣлѣци... непревѣтѣй... вѣдѣцагw — вѣдѣцаго ѿдѣнагw — ѿдѣнаго 78 и др. (всего 28 примеров).

3. Послениконовский период. Минея общая: воспо́емъ — воспо́имъ... дѣа сѣ́агw — сѣ́аго 319 об.; Евангелие учительное: сотвори ѿгò — ѿгò, почтѣ ѿгò — ѿгò 538.

Сравнение текстов Служебников 1652 и 1655 гг. в объеме нашей выборки показало отступление от правил грамматики Смотрицкого. Если в издании 1652 г. в именах прилагательных и местоимениях Р.п. ед.ч. окончание -гw, то в издании 1655 г. в тех же словах окончание -го: мѣлѣи вѣликагw 162 об. — вѣликаго вѣа 331, ѿ превѣтѣла славы црѣвѣа твоегò 166 — твоегò 342.

Примечательно, что в дониконовском кавычном Служебнике 1651 г. (исправлявшемся для издания 1652 г.) в Р.п. ед.ч. -го исправляется на -гw. Такие же исправления и в кавычном для издания 1655 г. Стратинском

Служебнике. В данном случае в издании 1655 г. можно наблюдать уже встречавшийся механический перенос орфографии кавычного экземпляра.

Доказательством этого служат исправления в Служебнике 1658 г. в данной позиции -го на -гѡ: *ко њсполнѣніе вѣторѡго — вѣторѡгѡ чѣна* 194, *славы цѣтвѣѡ тѣвогѡ — тѣвогѡ* 227, *и сѣмени љгѡ — љгѡ* 656. И в противоположность этой тенденции в В.п. ед.ч. окончание -гѡ исправляется на -го: *вѣнчѡй љгѡ — љгѡ* 397, *ѡпѣцѡѣши раба тѣвогѡ — тѣвогѡ* 421, *гозда пѣрвагѡ — пѣрваго чѣка* II 97.

Таким образом, можно говорить о временном влиянии юго-западно-русских книг на орфографию московских изданий, которое устраняется уже к концу собственно никоновского периода, когда в качестве кавычных книг стали использовать московские издания. Об этом же свидетельствует и характер исправлений в послениконовский период справы.

Б. Распределение букв ѡ — ѡ по принципу отражения морфемного состава слова.

При морфемном разборе слова маркированные позиции отводятся букве *ѡ* в противоположность букве *он*.

В грамматике Смотрицкого 1648 г. выделяются следующие позиции употребления буквы ѡ: 1) ѡ в приставках и предлогах ѡ, ѡѡ; 2) ѡ в суффиксе наречий (л. 52 об. — 53)²⁵. В соответствии с этими правилами московского издания и происходят исправления в исследованных кавычных книгах. Рассмотрим эти исправления по двум позициям и по периодам книжной справы.

1) Буква ѡ в приставках и предлогах ѡ, ѡѡ.

1. Дониконовский период.

Для орфографии приставок в книгах дониконовского времени характерна неупорядоченность в написании слов с одним и тем же корнем. Например, в Служебнике 1651 г. встречаются на одном листе слова ѡгласѣннѣи и ѡгласѣтѣх 139 об.

В тексте Служебника 1651 г. встретилось одно интересное исправление: ѡѡгласѣннѣх — ѡѡгласѣннѣх 139 об. Возможно, причина здесь в слитном написании предлога, в результате чего второе [ѡ] уже не воспринимается как приставка.

²⁵ В издании грамматики 1619 г. есть только указание на различие ед. и мн.ч. с помощью букв ѡ и ѡ, а также кратко говорится о сохранении ѡ и ѡ в приставках, образованных от предлогов ѡ, ѡѡ, ѡѡ и ѡѡ, ко, коѡ, до, по, по(ѡ), про, прочѣно [Грамматика 2000: 144]; в издании 1648 г. это замечание помещено в Правилах о дифтонгах (л. 56 об.).

2. Никоновский период. В юго-западнорусских изданиях никоновского времени, а также в московских книгах в послениконовский период в предлогах и приставках Ѡ исправляется на ѡ в соответствии с московской нормой грамматики 1648 г.

Киевская Триодь: Ѡбноѡти — ѡбноѡти 96, Ѡсѡтѡте — ѡсѡтѡте 100; Стратинский Служебник²⁶: Ѡ — ѡ ѡмени ѡни 210, Ѡ — ѡ плѡвѡнцѡ 240, Ѡ — ѡ свѡшнѡ мѡрѡ 430.

3. Послениконовский период. Минея общая: Ѡдеснѡю — ѡдеснѡю 103 об., преѡсѡщеннѡшаго — преѡсѡщеннѡшаго 319, Ѡбрѡдованнѡ — ѡбрѡдованнѡ 331 об., Ѡписѡвѡшесѡ — ѡписѡвѡшесѡ 379, Ѡблекѡутсѡ — ѡблекѡутсѡ 391 об., Ѡ — ѡ стрѡннѡмѡ тѡ рѡчѡтѡ 382; Евангелие учительное: ѡнѡ ѡблѡднѡмѡ — ѡблѡднѡмѡ сѡтѡ 12.

Московские издания Служебников 1652 г. и 1655 г. в этом отношении не различаются. Присутствовавшая неупорядоченность написания постепенно устраняется, и уже в последнем издании никоновского периода справы, в Служебнике 1658 г., встречается только одно исправление приставки Ѡ на ѡ: Ѡглашеннѡи — ѡглашеннѡи 356.

В никоновский период морфемный разбор слова начинает сочетаться с этимологическим анализом, поэтому ѡ в начале слова, являющаяся не приставкой, а частью корня, исправляется на Ѡ.

1. Никоновский период. Стратинский Служебник: ѡбрѡ — ѡбрѡрѡзѡ²⁷ 61, по ѡнѡи — по ѡнѡи 65, ѡбщѡ — ѡбщѡ 81; Киевская Триодь: ѡбѡчнѡ — ѡбѡчнѡ 28, 33, ѡнаго — ѡнаго 93, всеѡрѡжесѡтѡ — всеѡрѡжесѡтѡ 165, ѡдеждѡ — ѡдеждѡ²⁸ 197, ѡблѡкѡ — ѡблѡкѡ 292 и др.

Сравнение Служебников 1652 г. и 1655 г.: ѡбѡщѡвѡи 124 — ѡбѡщѡвѡи 227, Бѡгоѡбрѡзнѡи 147 об. — Бѡгоѡбрѡзнѡи 284, приѡбщѡенѡе 159 — приѡбщѡенѡе 321. Только в одном случае в Служебнике 1652 г. встречается Ѡ в начале корня (ѡбѡ 157), а в Служебнике 1655 г. в этом же слове ѡ (ѡбѡ 319).

2. Послениконовский период. Минея общая: ѡкѡлннѡ — ѡкѡлннѡ 103 об.

Таким образом, норма употребления ѡ в предлогах и приставках появляется еще в дониконовский период и закрепляется в процессе книжной справы никоновского и послениконовского времени по норме написания московского издания грамматики Смотрицкого. Как логическое продолжение этой грамматической мысли в никоновский и послениконовский периоды справы осуществляется анализ морфемного состава слова, и как следствие этого происходит исправление буквы ѡ на Ѡ в начале корня.

²⁶ В некоторых случаях в Стратинском Служебнике Ѡ в предлоге остается без изменения.

²⁷ В Стратинском Служебнике и Киевской Триоди встречаются двойное написание этого слова с ѡ и Ѡ.

²⁸ В Киевской Триоди встречается двойное написание этого слова с ѡ и Ѡ.

Многие слова писались двойко с ѡ и Ѡ как в украинских, так и в московских книгах. В процессе книжной sprawy середины XVII века упорядочивается написание таких слов по принципу «ѡ в приставке, Ѡ в корне»²⁹.

2) Буква ѡ в суффиксе наречия.

Во всех рассмотренных кавычных книгах трех периодов sprawy исправления в суффиксе наречий происходят по правилам грамматики Смотрицкого 1648 г.: о исправляется на ѡ.

1. Дониконовский период. Служебник 1651 г.: *нѡдѡлѡлѡ ѡдѡ бо-гѡтнѡ* — *богѡтнѡ* 215, *сѡтворѡтѡзъ поклѡны благоговѡѡннѡ* — *благоговѡѡннѡ* 269, *гѡлѡтѡзъ ѡумилѡннѡ* — *ѡумилѡннѡ* 269 об.; Апостол: *нѡтѡкмѡ* — *нѡтѡкмѡ* 129, *тѡкоже* — *тѡкѡ* 155.

2. Никоновский период. Стрятинский Служебник: *нѡсѡсѡжѡннѡ* — *нѡсѡсѡжѡннѡ* 6, 112, 115, 175, *нѡпрѡтѡкнѡвѡннѡ* — *нѡпрѡтѡкнѡвѡннѡ* 112, *ѡлѡко* — *ѡлѡкѡ* 188, *вѡзѡглѡснѡ* — *вѡзѡглѡснѡ* 206, *разѡумнѡ* — *разѡумнѡ* 555 и др. (всего 11 примеров); Киевская Триодь: *радѡстнѡ* — *радѡстнѡ* прѡймѡзъ 85, *ѡуѡзвѡ лѡкѡвнѡ* — *лѡкѡвнѡ* 163, *зѡкѡннѡ* — *зѡкѡннѡ* 165, *нѡчнемѡзъ свѡтлѡ* — *свѡтлѡ* 174, *блѡгѡтнѡ* — *блѡгѡтнѡ* 310.

3. Послениконовский период. Минея общая: *крѡпкѡ* — *крѡпкѡ* 124, *нѡнѡзрѡченнѡ* — *нѡнѡзрѡченнѡ* 172 об., *прѡзвѡтѡ бѡгѡмѡдрѡнѡ* — *бѡгѡмѡдрѡнѡ* 316 об., *пѡксѡнѡ* — *пѡксѡнѡ* 319 об.; Евангелие учительное: *пѡнѡ* — *пѡнѡ дѡвѡнѡ* 540 об.

Морфемный разбор слова в данной позиции сочетается с морфологическим анализом, поэтому в противоположность суффиксам наречий в омоимичных окончаниях кратких имен прилагательных среднего рода пишется буква *он*. Такое написание связано с ориентацией на греческий язык, где суффикс наречия пишется через *омегу* -ως, а окончание прилагательного через *он* -ος, -ов. Таким образом, в окончаниях имен прилагательных ѡ исправляется на о, что наблюдается во всех трех периодах sprawy.

1. Дониконовский период. Служебник 1651 г.: *блѡгѡсловѡдѡ на всѡкѡ* — *всѡкѡ врѡмѡ* 262, *молѡбенѡзъ за всѡкѡ* — *всѡкѡ прѡшѡнѡнѡ* 269.

2. Никоновский период. Киевская Триодь: *разѡшѡрѡтѡ всѡкѡ* — *всѡкѡ помѡшлѡнѡнѡ* 115.

3. Послениконовский период. Минея общая: *скѡбѡрнѡ* — *скѡбѡрнѡ жнѡлицѡ* 98.

Сравнение дониконовского и никоновского Служебников показывает один интересный факт, который невозможно заметить, изучая только кавычные книги. В суффиксе наречий в Служебнике 1652 г. по московским нормам пишется буква ѡ, в Служебнике 1655 г. в этих же словах пишется буква о: *нѡповѡннѡ* и *нѡ ѡсѡуждѡннѡ* 142 — *нѡповѡннѡ* и *нѡ ѡсѡуждѡннѡ* прѡ-

²⁹ Надо заметить, что достичь единообразия в написании букв ѡ и Ѡ в начале слова удалось не во всех богослужебных текстах, поэтому в современных изданиях встречаются двойкие написания одних и тех же слов.

частітнѣ 273, слѣжити великѣ и стрѣшнѣ 143 — велико и стрѣшно³⁰ 275. В этих примерах в Стрятинском Служебнике о в суффиксе наречия исправляется на ѡ, а в издании 1655 г. всё равно оказывается о.

В данном случае можно говорить о временном изменении нормы написания суффикса наречия под влиянием юго-западнорусских книг, так как тексты последующих изданий Служебника это отвергают. В течение никоновского периода книжной справы с 1655 г. по 1658 г. Служебник как главная богослужебная книга переиздавался и исправлялся шесть раз³¹. До нашего времени не дошли кавычные экземпляры Служебников того периода, поэтому о процессе исправления книг той поры мы не можем судить с полной уверенностью. Но даже поверхностное изучение текста Служебника 1658 г. позволяет говорить о механическом переносе буквы о в суффиксе наречия в издание 1655 г. под влиянием кавычной книги, который впоследствии был устранен. Исправления в московских кавычных книгах послениконовского времени также подтверждают следование правилу «ѡ в суффиксе наречия».

В двух случаях в Служебнике 1655 г. (так же как и в Стрятинском Служебнике) встречается написание буквы о в окончании краткого прилагательного, тогда как в Служебнике 1652 г. в этом же месте ѡ: достѡннѣ 160 — достѡнно ѣсть ѡкъ воистиннѣ блжити 323; и здѣ намъ невѣднѣмъ съпрѣвѣлѣ 166 — невѣднѣмо съпрѣвѣлѣи 342. Это связано с ориентацией на греческий язык, где достѡнно (ἄξιόν ἐστιν) и невѣднѣмо (ἀόρατος) — имена прилагательные, пишущиеся через он. Примером неправильного предыдущего морфологического разбора служит исправление в Служебнике 1651 г., кавычном для издания 1652 г., в этих же словах о на ѡ: невѣднѣмо — невѣднѣмѣ 202 об., достѡнно — достѡннѣ ѣсть 230 об.

На важность различия наречия и краткого прилагательного указывает и Ф. Поликарпов в своей «Технологіи...»: «Мѣжественнѣ сѣ речѣніе на что кончѣтѣя; ѡще ѣбу ѡмя, что кончѣтѣя на о, ѡще же надглаголюе, что на ѡ» [Поликарпов 2000: 250].

В кавычных юго-западнорусских книгах встречается еще несколько случаев, когда ѡ исправляется на о:

1) в основе слова: Киевская Триодь: ѡбѡнмѣ — ѡбѡнмѣ 116, бѣзакѡннѣи — бѣзакѡннѣи 325.

2) в окончаниях существительных среднего рода: Стрятинский Служебник: дѣлѣ — дѣло 4; Киевская Триодь: млѣкѣ — млѣко 102, блгѣ — блго 123, доврѣ — доврѣ 124.

3) соединительная гласная в сложном слове: Киевская Триодь: прѣнѣсѣщнагѣ — прѣносѣщнагѣ 196, многѣмлѣтнѣе — многомлѣтнѣе 214, родѡначѣлннѣкѣ — родѡначѣлннѣкѣ 298, многѣчѣднѣи — многочѣднѣи 298.

³⁰ Предыдущее исправление этого места было противоположного характера. Служебник 1651 г.: слѣжити чѣвѣ велико и стрѣшно — великѣ и стрѣшнѣ 201.

³¹ О переизданиях Служебника 1655 г. см.: [Дмитриевский 2004: 65—77].

Такие исправления еще раз показывают стремление справщиков печатного двора следовать московской орфографической норме употребления букв и говорят о приобретении буквой *omega* маркированных мест в слове: только в предлогах, приставках и суффиксе наречия. Остальные позиции в слове занимает буква *он*.

Таким образом, правило употребления буквы *ω* в предлогах, приставках и суффиксах наречий присутствовало еще до периода исправления книг при патриархе Никоне и было зафиксировано в грамматике М. Смотрицкого 1648 г. В процессе книжной справки эта норма не изменилась, а, наоборот, приобрела системный характер. Отступление от московской нормы и следование юго-западнорусской орфографии в течение небольшого промежутка времени было явлением временным и несистемным.

Таким образом, исследование кавычных книг середины XVII в. показывает, что процесс исправления букв *ѣ — ѣ, ы — и, о — ω* по принципу антистиха в выделенных трех периодах справки (за небольшим исключением) является одинаковыми по всем позициям (разграничение грамматических омонимов и морфемный состав слова). В 50-х гг. XVII в. происходит изменение орфографической нормы в употреблении рассмотренных дублетных букв, причем справщики отталкиваются как от юго-западных, так и от до-реформенных московских норм, в результате формируется новая традиция употребления.

В ближайших дониконовских изданиях (Служебник 1652 г. и Апостол 1653 г.) начинаются исправления, ориентированные на грамматику 1648 г. и на греческие образцы³²; в собственно никоновский и послениконовский периоды справки данный процесс продолжается. В никоновскую эпоху, когда в качестве кавычных экземпляров использовались юго-западнорусские книги, наблюдаются некоторые отступления от норм грамматики Смотрицкого. Это обусловлено влиянием орфографии кавычной книги, но не может быть причислено в полной мере к фактам южнославянского влияния, поскольку орфографические изменения того периода впоследствии устраняются.

Ориентация на греческий язык приводит к активному внедрению принципа антистиха в церковнославянские тексты. В никоновский период справки появляется тенденция разграничивать омонимичные грамматические формы с помощью дублетных букв *ѣ — ѣ, о — ω* не только единственного и множественного числа, но и в пределах одного числа (множественного

---

³² Такая ориентация касается не только орфографических, но и грамматических изменений, начало которых традиционно связывают с использованием юго-западнорусских кавычных книг [Успенский 2002: 450—466]. Описание исправлений кавычного Апостола 1648 г. см.: [Хегедуш 2007: 43—55]. Выводы о подобном характере исправлений в кавычном Служебнике 1651 г. являются собственными наблюдениями.

или единственного), а также в пределах различных частей речи (наречие и краткое прилагательное, мн.ч. существительного и притяжательное прилагательное). Принцип антистиха маркирует буквы **ы**, **ѡ**, **ѣ** как показатели множественного числа, благодаря чему в языковой практике буквы **ѡ** и **ѣ** употребляются не только в омонимичных, но и в других формах множественного числа (**-ѣ** в И.п. мн.ч., **-ѣ** в П.п. мн.ч., **ѡ** в корне имен существительных и прилагательных). То есть происходит расширение правил грамматики М. Смотрицкого, которое касается также и переосмысления морфемного состава слова, когда **ѡ** в начале корня исправляется на **ѡ**.

Большинство рассмотренных правил употребления гласных дублетных букв сохранилось в церковных книгах до настоящего времени, что говорит о важности исследования различных этапов и направлений книжной sprawy XVII в. как периода становления орфографических норм современного церковнославянского языка.

Л и т е р а т у р а

Бугаева 2009 — И. В. Бугаева, Т. А. Левшенко. Церковнославянский язык: Учебные грамматические таблицы. Учебное издание для общеобразовательных учебных заведений, духовных училищ, гимназий, воскресных школ и самообразования. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009.

Грамматика Мелетия Смотрицкого. М., 1648.

Грамматика 2000 — Грамматика Мелетия Смотрицкого 1619 г. // Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Сост. е. А. Кузьмина. М., 2000.

Дмитриевский 2004 — А. А. Дмитриевский. Исправление книг при патриархе Никоне и последующих патриархах / Рос. академия наук; Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. М., 2004.

Кузьмина — Е. А. Кузьмина. Антистих. Православная энциклопедия. Т. 2. С. 549—553. Электронный ресурс: <http://www.pravenc.ru/text/115812.html>.

Московские 2002, 2003 — Московские кирилловские издания в собраниях РГАДА. Каталог. Вып. 2. 1626—1650 / Сост. е. В. Лукьянова. М., 2002; Вып. 3. 1651—1675 / Сост. Л. Н. Горбунова, Е. В. Лукьянова. М., 2003.

Поздеева 2011 — И. В. Поздеева, А. В. Дадькин, В. П. Пушков. Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры. 1652—1700 годы: Исследования и публикации: В 3 кн. Кн. 2. М., 2011.

Поликарпов 2000 — Ф. Поликарпов. Технологія. Искусство грамматики / Изд. и иссл. Е. Бабаевой. СПб., 2000.

Сиромеха 1981 — В. Г. Сиромеха. «Книжная справа» и вопросы нормализации книжно-литературного языка Московской Руси во 2-й половине XVII в. (на материале склонения имен существительных): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1981.

Сиромеха 1987 — В. Г. Сиромеха, Б. А. Успенский. Кавычные книги 50-х годов XVII в. // Археографический ежегодник за 1986 год. М., 1987. С. 75—84.

Соколов 1907 — Д. Д. Соколов. Справочная книжка по церковно-славянскому правописанию. СПб., 1907.

Успенский 2002 — Б. А. Успенский. История русского литературного языка (XI—XVII вв.). М., 2002.

Хан Чжи Хен 2009 — Хан Чжи Хен. Принцип антистиха в Геннадиевской и Острожской Библии // Вопросы истории и этимологии славянских языков: Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире». М., 24—26 марта 2009 г. С. 178.

Хегедуш 2007 — И. Хегедуш. Изменения нормы церковнославянского языка великорусского извода в XVII веке (на материале корректурных экземпляров богослужебных книг): Дис. ... канд. филол. наук. Сегед, 2007. Источник: http://doktori.bibl.u-szeged.hu/816/1/Hegedűs_I_diss_tartalom.pdf.

SVETLANA M. KUSMAUL

(Secondary School «Life-giving Spring»)

**NORMALIZATION OF THE USE OF DUBLET LETTERS
ACCORDING TO THE SYMBOLIC PRINCIPLES OF ORTHOGRAPHICS
IN PROCESS OF EDITING OF THE SERVICE BOOKS
OF THE MID-17th CENTURY**

The history of the use of dublet letters ϵ — ζ , o — ω , $ы$ — $и$ (after hushing sounds in participles) is analyzed in the article; the analysis is based on the material of the books with editors' corrections (kavychnye) of the 17th mid-century from the RGADA collection. The change in the usage of these letters, which is based on the antistycherion principle of orthography borrowed from the Greek Language, is described in chronological order. The letters ζ , ω , $ы$ became marked graphemes for the plural. The redundant use of the marked graphemes in the plural was sometimes eliminated in cases where grammatical homonymy was absent. The use of the letter ω in prepositions, prefixes and suffixes of adverbs is connected with the differentiation of homonymous morphemes of different parts of speech. The norms of usage of these letters in texts are compared with the rules of the grammars by M. Smotrickiy and F. Polikarpov, as well as with the norms of the modern Church Slavonic language.

Keywords: Editing of the divine service books (knizhnaja sprava) XVII c. Orthographic norms of the Church Slavonic language. Doublet letters. Symbolic principles of orthography.

Б. А. УСПЕНСКИЙ

ЗАУМНАЯ РЕЧЬ У СУМАРОКОВА

*Анатолию Алексеевичу Алексеёву
к семидесятилетию*

После коронации Екатерины II (22 сентября 1762 г.) и в ознаменование этого события на масленицу 1763 г. в Москве был устроен маскарад «Торжествующая Минерва». Организатором маскарада был Ф. Г. Волков, в его подготовке участвовали А. П. Сумароков и М. М. Херасков. Тогда же была опубликована брошюра, где, помимо объявления о маскараде (сохранившегося не во всех экземплярах брошюры), содержатся «Стихи к большому Маскараду», «Описание большого маскарада» и «Хоры»¹. В конце «Стихов к большому Маскараду» значится имя автора: «Сочинял М. Херасков»². В конце «Описания большого маскарада» появляется имя Волкова: «Изображение и распоряжение маскарада Ф. Волкова». Наконец, в конце «Хоров» сказано: «Только одни хоральные песни в сем маскараде сочинения ***». Автором «хоральных песен», скрывшим свое имя под тремя звездочками,

---

Борис Андреевич Успенский, Высшая школа экономики (Москва).

¹ См.: [Торжествующая Минерва 1763]. — Точные даты московского маскарада неизвестны. На титульном листе данной брошюры значится, что маскарад был представлен «в Москве 1763. года, генваря   дня», т. е. обозначены год и месяц без указания числа (перед словом «дня» стоит пропуск; очевидно, число должно было быть вписано или добавлено штемпелем). Вместе с тем в объявлении о маскараде, напечатанном в одном из вариантов этой брошюры (так называемый вариант *А*), указано, что маскарад должен был состояться в последних числах января и в первых числах февраля: «Сего месяца 28. 30 февраля 1. и 2., то есть во вторник, в четверток, субботу и воскресенье»; в другом варианте (вариант *Б*) число «28» и слова «во вторник» закрашены типографской краской; наконец, в третьем варианте (вариант *В*) объявление напечатано вновь по исправленному тексту, т. е. без цифры «28» и слов «во вторник» (см.: [Мельникова 1966: 47—48, № 206; Св. кат. XVIII в., III: 236, № 7306]). В любом случае маскарад был приурочен к масленной неделе; скорее всего, он состоялся 30 января, 1 и 2 февраля 1763 г. по старому стилю.

² Фамилия Хераскова указана лишь в одном из вариантов этого издания (вариант *В*); в другом варианте (вариант *Б*) автор «Стихов...» обозначен инициалами «М. Х.», в третьем же (вариант *А*) он обозначен звездочкой [Мельникова 1966: 47—48, № 206; Св. кат. XVIII в., III: 236, № 7306].

считается А. П. Сумароков. Н. И. Новиков поместил «Хоры. К большому маскараду, бывшему в Москве в 1763. годе» в подготовленное им полное собрание сочинений Сумарокова³; кроме того, сохранилась запись расходов на маскарад, по которой деньги были выданы как Волкову, так и Сумарокову⁴. Авторство Сумарокова, таким образом, не вызывает сомнения.

Один из «Хоров», сочиненных А. П. Сумароковым носит название «Хор ко гордости»; хористы, можно думать, были наряжены бесами и пели на заумном языке, который призван был, по-видимому, имитировать бесовскую речь. И то и другое отвечало народной традиции: на святках и масленице, т. е. в традиционное время языческих по своему происхождению увеселений, принято было рядиться в бесов и в нечистую силу⁵; при этом бесам и разного рода демонам традиционно приписывалась заумная речь⁶.

Приведем текст «Хора к гордости»:

Гордость и тщеславие выдумал бес.
Шерин даберин лис тра фа,
Фар фар фар фар люди ер арцы,
Шинда шиндара,
Транду трандара,
Фар фар фар фар фар фар фар ферт.

Сатана за гордость низвержен с небес.
Шерин даберин лис тра фа,
Фар фар фар фар люди ер арцы,
Шинда шиндара,
Транду трандара,
Фар фар фар фар фар фар фар ферт⁷.

³ [Сумароков 1781—1782, VIII: 354—364; Сумароков 1787, VIII: 335—344].

⁴ См.: [Всеволодский-Гернгросс 1953: 46].

⁵ Бесовские личины, вообще говоря, более характерны для святочных, а не для масленичных увеселений, но святочные и масленичные обряды так или иначе ассоциировались в культурном сознании. Вообще московский маскарад 1763 г. был достаточно эклектичен: если одни его участники, возможно, изображали бесов, то другие представляли аллегорические образы, античных мифологических персонажей, карточные фигуры и т. п.

⁶ Вот, например, как изъясняются бесы в «Воительнице» Н. С. Лескова: «Шурле-мурле, шире-мире-кравермир, — орет один [бес]» [Лесков I: 210]. Примеры такого рода могут быть умножены, но для нас особый интерес представляет отражение речи бесов не в фольклорной традиции (в «быличках», т. е. меморатах), а в собственно литературных произведениях, каковыми и являются сочинения Сумарокова и Лескова. Относительно представлений о речевом поведении бесов и нечистой силы см. вообще: [Успенский 2012].

⁷ [Торжествующая Минерва 1763, л. нумерованный; Сумароков 1781—1782, VIII: 362; Сумароков 1787, VIII: 342]. В публикациях Н. И. Новикова сочетание *шерин да берин* пишется раздельно как три слова; такого правописания и мы далее будем придерживаться.

Каковы же истоки заумной речи у Сумарокова? Принято думать, что в них отразилось знакомство поэта с глоссолалическими речениями русских сектантов. «*Шерин да берин* и т. д. — подобные “заумные слова” в близкой редакции встречались в экстатических песнях русских сектантов-мистиков», — писал П. Н. Берков, комментируя это сумароковское произведение⁸, и, соответственно, А. П. Квятковский видел здесь сатирическое обличение русских сектантов⁹.

Это объяснение не кажется убедительным. Заумная речь «Хора к гордости» очень мало напоминает экстатическое языкоговорение русских сектантов¹⁰. Кроме того, у нас нет никаких свидетельств о знакомстве Сумарокова с этим явлением¹¹.

Вместе с тем сумароковская заумь в целом ряде случаев находит литературные параллели.

Так, отражение фразы «*Шерин да берин лис тра фа*» мы находим у Державина в «Желании зимы» (1787):

Ори *ширень да вирень*,
Да *лист*, братцы, *трава*...
О пьяна голова!¹²

Равным образом в прозаическом эскизе Державина «Видение мурзы» (1783 гг.) читаем: «Иногда шатался я ⟨...⟩ по улицам и пел *ширень да вирень*»¹³.

Если *ширень вирень* — это, видимо, глоссолалический припев в песне, вроде *ой люли, овсень таусень* и т. п., то *лис тра фа* в «Хоре к гордости», вероятно, восходит к *лист трава* в этой песне. Не исключено, что здесь имеет место искажение слов, характерное для представлений о речевом поведении демонов¹⁴. Приходится признать тогда, что речеговорение бесов восходит к народной песне¹⁵.

⁸ В изд.: [Сумароков 1957: 559].

⁹ См.: [Квятковский, 1966: 113] (статья «Заумь»).

¹⁰ Ср. материал по сектантскому глоссоговорению, собранный в работе: [Коновалов 1908].

¹¹ Правда, нечто вроде радений, сопровождаемых говорением на «странных языках», наблюдалось в 1730-е гг. среди стариц московского Ивановского монастыря [Коновалов 1908: 162—163], но Сумароков едва ли был туда вхож. В высшие слои общества это явление проникает много позже — при Александре I (кружок Е. Ф. Татариновой).

¹² [Державин, III: 266].

¹³ [Державин, III: 490].

¹⁴ Так, например, домовый может говорить отдельными слогами, представляющими собой усеченные слова: когда его спрашивают, к худу или к добру он явился, он отвечает: *к до, к лу* [Добровольский 1914: 179]; ср.: [Черепанова 1996: 39—40, №№ 75, 88]. Примеры такого рода могут быть умножены (см.: [Успенский 2012]).

¹⁵ Можно предположить, что в сочетании *шерин да берин* у Сумарокова зафиксирована исконная форма глоссолалического сочетания, т. к. здесь прослеживается

Вместе с тем интересующее нас выражение встречается в детском фольклоре. Так, среди детских песен, опубликованных в свое время П. А. Бессоновым, мы встречаем следующую:

Шырин, вырин,
Христофор,
Фор, фор
Ер, ерцы
Шинда, шиндара,
Лапушка моя!
Пей,
Лей
Зелено вино!¹⁶

Сокращенный вариант той же песни был записан П. И. Якушкиным:

Ширин-бирин, Христофор-фор-фор
Герци-герци, шиншин ро-ро-ро,
Я там был жил, пил зелено вино-о-о¹⁷.

Отметим еще сочетание *шарин-барин* в детских считалках¹⁸.

Вариант Бессонова, несомненно, более полон и в большинстве случаев более надежен. Слово *герци* в варианте Якушкина восходит, конечно, к слову *ерцы* в варианте, записанном Бессоновым (название буквы *p*)¹⁹, тогда как сочетание *шиншин ро-ро-ро* у Якушкина восходит, можно думать, к слову *шиндара*, встречающемуся как в публикации Бессонова, так и в сумароковском «Хоре к гордости». Слово *шиндара́* зафиксировано в диалектной речи со значением ‘шваль, шушваль’²⁰, но это может быть случайным совпадением; более близкой аналогией представляется разговорное *шандарахнуть* ‘ударить, шарахнуть, долбануть’.

чередование шипящего и билабиального согласного, характерное для эмфатических звуковых повторов типа *шалды-балды*, *шалтай-болтай*, *шуры-муры*, *шишел-мишел* и т. п. (см.: [Якобсон 1921: 55—56]; ср. также: [Plähn 1987]). Вместе с тем возможно и другое объяснение, согласно которому слова *ширень* *вырень* представляют собой оформление слов *ширь* и *выр/вир* со значениями ‘ширина’ и ‘глубина’. При таком объяснении исходная форма оказывается у Державина.

¹⁶ [Бессонов 1868: 80, № 80].

¹⁷ [Якушкин П.: 145, № 343]. Помещено здесь в разделе «Детская поэзия».

¹⁸ См.: [Виноградов 2009: 371].

¹⁹ Ср. вариативные формы типа *генерал* — *енерал*, *герой* — *ерой* и т. п. (см. о них: [Шахматов 1925: 46]). Форма *герци* отражает фрикативное произношение буквы *z*, предполагавшееся при обучении азбуке (см.: [Успенский 2002: 155—159, § 7.6]). Протетическое [γ] может переходить в [j], и наоборот. — О слове *ерцы* как названии буквы *p* см. вообще: [Успенский 1997: 251].

²⁰ [Даль IV: 1434].

Так же, как и у Державина, сочетание *шырин вырин* (или *ширин бирин*) фигурирует в детской песне, записанной Бессоновым и Якушкиным, в контексте похмелья. Для нас особенно значимы прямые переключки с сумароковским текстом: так же, как и в «Хоре к гордости», мы находим здесь сочетание *шинда, шиндара*; нетрудно предположить, далее, что *фар фар фар фар* у Сумарокова соответствует *фор фор* в детском фольклоре (*Христофор фор фор фор*)²¹.

Сочетание *шинда, шиндара* встречается и в другой детской песне, опубликованной Бессоновым, — и, опять-таки, в связи с пьянством:

Шилды,
Будылды,
Нáчеки,
Чекалды;
Шильцо
Да мьльцо,
Белье
Белильцо;
Шильники
Мьльники,
Шиновалы
Коновалы,
Господа наши
Бояре;

²¹ Фольклорная традиция нашла отражение в припеве солдатской «Песни после ученья», сочиненной унтер-офицером Невского пехотного полка Н. Ф. Веревкиным:

Ширин, вырин, ристафор,
Фор, фор, фор, ер, ер, ерцу,
Ширин ди рай,
Рай, рай, рай,
Раз таки раз,
Радости, веселости мои!
[Веревкин 1837: 92]

В свою очередь, песня Веревкина отразилась затем у Козьмы Пруткова в «Военных афоризмах Фаддея Козьмича Пруткова»:

Если прострелят тебя в упор,
Пой: Ширин, верин, ристофор!
[Козьма Прутков 1965: 105, № 40, ср. с. 440—441]

Ср. еще в том же сочинении Козьмы Пруткова:

Ширин, вырин, штык молодец —
Не могу боле — приходит конец.
[Там же: 112, № 100]

*Шинда. шиндара,
Ра, ра, ра;
Я там был,
Жил,
Пил
Зелено вино
Котлом, котлом!*²²

Можно предположить, что мотив пьянства в детском фольклоре восходит к традиционным формулам фольклорных текстов (таким, как «И я там был, мед-пиво пил, по усам текло, да в рот не попало» и т. п.); равным образом упоминание «листа» и «травы» у Державина, отразившееся, по-видимому, в сочетании *лис тра фа* у Сумарокова, может восходить к заклинанию «Стань передо мной как лист перед травой»²³.

Наконец, как у Сумарокова, так и в песне, дошедшей до нас в записях Бессонова и Якушкина, обыгрываются глоссолалические сочетания, образующиеся из названий славянских букв при чтении по складам, которые отражают процесс обучения грамоте: *люди ер арцы* и *ферт* у Сумарокова; *ер ерцы* в записи Бессонова²⁴. Характерно, что такого рода сочетания встречаются в детских считалках и вообще в детском фольклоре²⁵, так-

²² [Бессонов 1868: 75—76, № 79]. Сочетанию *шилды будылды* в этой песне соответствует *шилдышивалды* в «Военных афоризмах...» Козьмы Пруткова [Козьма Прутков 1965: 110, № 78]. Отметим в этой связи *шалды балды, шулды булды* и *шалды будавалды* в детских считалках, см.: [Виноградов 2009: 264, а также с. 456 (№ 268), 441 (№ 208)].

²³ Это заклинание известно как в сказках, так и в народной магии. Так, этими словами сказочный герой вызывает волшебного коня (в сказках «Буря-богатырь Иван коровий сын» или «Об Иванушке-дурачке» — [Афанасьев I: 219, 221, № 136; III: 246, № 564]; сходным образом вызывают домового: «Хозяин, стань передо мной как лист перед травой: не черен, не зелен, а таким, каков я...» [Даль 1904, IV: 198]; так принято по сей день говорить детям (ср. также примеры из литературных источников: [Михельсон I: 134, № 409]). В основе этого выражения лежит, по-видимому, представление о волшебном вихре, мгновенно приносящем того, кто призывается таким образом, — подобно листу, приносимому ветром.

²⁴ Ср. также *ер, ер, ерцу* в песне Н. Ф. Веревкина (см. выше, примеч. 21), очень близкой вообще к варианту Бессонова.

²⁵ «Аз, буки-башки / Веди — таракашки / Глаголь — кочерыжки / Побег по дорожке / Ер, еры — упали с горы / Ер, ять — некому поднять / Ерь, юс — сам поднимусь / Буки, бабаки / Съели собаки...» [Можаровский 1882: 100—103; 1877: 134; Капица 1928: 96], ср.: [Бессонов 1868: 51, № 58; Виноградов 2009: 271 и 455—456, № 266; Якобсон 1966: 631]; «Аз-буки — букашки / Веди — таракашки / глаголь — душки / добро — шанежки» [Зеленин 1901: 84]. Ср.:

Ох, кости болят, все суставы говорят!
Петрушка, Гаврюшка, Семиониха,

же как и в детских условных языках, криптолалический характер которых в целом ряде случаев образуется за счет вставки в обычную речь названий букв²⁶. Ср. пародийный образ самого Сумарокова у Третьяковского в «Письме (...) от приятеля к приятелю» (1750): «Я, сударь, дорогой старичок, по имени Архисотолаш, по отчеству Филавтонович, по прозвищу Кривобаев, а по художеству мал... мал... яр, .., яр еры юс», «О! Господин мал... мал... по художеству, и яр еры юс по тому ж», «Разве, Господин мал... мал... и яр еры юс по художеству, зло у тебя добром...?»²⁷.

Мы видим, что почти все элементы заумной речи сумароковского «Хора к гордости» — за одним только исключением — восходят к фольклорной традиции. Исключением является сочетание *транду трандара*; с вероятностью можно предположить, что и оно имеет тот же источник²⁸. При этом слово *транда* известно в значениях ‘чепуха, вранье’, так же как и в значении ‘vulva’²⁹; что же касается *трандара*, то это слово явно образовано из *транда*, т. е. объясняется как экспрессивно-стилистическое наращение.

Ты, Макарьевна, да ты, Захарьевна!

Буки — ерб, веди — ерв, глаголь — ерг, добро — ерд.

[Якушкин II: 141, № 321]

Сочетания «буки — ерб», «веди — ерв» и т. п. отражают правила чтения слогов с ерами (*бъ, вь* и т. п.) при обучении грамоте (см.: [Успенский 1997: 248—250]).

²⁶ В детских тайных языках можно наблюдать такие, например, вставки, как *фита, ша, цы, фарты* (из *ферт*) и т. п. (см.: [Успенский 1997: 252—253]). Аналогичное явление имеет место и в других условных языках; так, в «отвернической говорке» белорусских нищих в речь вставлялись такие сочетания, как *хер, ша, це* и т. п. [Романов 1890: 126]; относительно эпитета *отверницкий* как названия тайного языка см. [Архипов 1995].

²⁷ [Третьяковский 1865: 497—498] (многоточия в цитируемых текстах принадлежат оригиналу). См.: [Якобсон 1966: 631; Гринберг, Успенский 2008: 254—255].

²⁸ Ср. в детских считалках: *трунди трунди, трынды вынды* (см.: [Виноградов 2009: 472, 560, №№ 307, 494]).

²⁹ [Фасмер IV: 93; <http://enc-dic.com/synonym>; <http://www.slovonovo.ru>]. Слово *транда* встречается у Бунина при передаче диалектной речи (в повестях «Деревня» и «Ночной разговор» [Бунин III: 45, 270]). Мы благодарны М. С. Гринбергу, обратившему на это наше внимание.

Производными от *транда* являются разг. *трандеть* ‘молоть чепуху’, *трендеть* ~ *трындеть* ‘болтать’. Ср. также диал. *трандаты* ‘пустословить’ [Куликовский 1898: 118], *тарантить* ~ *тарантеть* ‘тараторить’ [Даль IV: 725; СРНГ, XLIII: 278] и т. п.

Л и т е р а т у р а

Архипов 1995 — А. А. А р х и п о в. О происхождении древнеславянской тайнописи // А. Архипов. По ту сторону Самбатона: Этюды о русско-еврейских культурных, языковых и литературных контекстах в X—XVI веках. [Oakland, California, 1995] (= «Monuments of Early Russian Literature». Vol. 9). С. 133—145.

Афанасьев I—III — А. Н. А ф а н а с ь е в. Народные русские сказки в трех томах / Изд. подгот. Л. Г. Бараг и Н. В. Новиков. Т. I—III. М., 1984—1985.

Бессонов 1868 — [П. Б е с с о н о в]. Детские песни. I. [М., 1868].

Бунин I—IX — И. А. Б у н и н. Собрание сочинений в девяти томах. М., 1965—1967.

Вережкин 1837 — Н. В е р е ж к и н. Солдатские песни Первого пехотного корпуса // Библиотека для чтения. Т. 20. 1837, № 1. (Отдельное литографированное издание: Вильно, 1837.)

Виноградов 2009 — Г. С. В и н о г р а д о в. Русский детский фольклор // Г. С. В и н о г р а д о в. Этнография детства и русская народная культура в Сибири. М., 2009. С. 243—593.

Всеволодский-Гернгросс 1953 — В. В с е в о л о д с к и й - Г е р н г р о с с. Ф. Г. Волков и русский театр его времени // Ф. Г. Волков и русский театр его времени: Сборник материалов. М., 1953. С. 7—50.

Гринберг, Успенский 2008 — М. С. Г р и н б е р г, Б. А. У с п е н с к и й. Литературная война Третьяковского и Сумарокова в 1740-х — начале 1750-х годов // Б. А. У с п е н с к и й. Вокруг Третьяковского: Труды по истории русского языка и русской культуры. М., 2008. С. 219—318.

Даль I—IV — В. Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 3-е, испр. и значительно доп. под ред. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Т. I—IV. СПб.; М., 1903—1909. (Репринт: М., 1994.)

Даль 1904, I—IV — В. Д а л ь. Пословицы русского народа. Изд. 3-е, т. I—IV. СПб.; М., 1904 (на обложке — 1905 г., на титульном листе — 1904 г.).

Державин I—VII — Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. 2-е академическое издание (без рисунков). Т. I—VII. СПб., 1868—1878.

Добровольский 1914 — В. Н. Д о б р о в о л ь с к и й. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.

Зеленин 1901 — Д. К. З е л е н и н. Особенности в говоре русских крестьян юго-восточной части Вятской губернии // Живая старина. 1901, вып. 1. С. 81—96.

Капица 1928 — О. И. К а п и ц а. Детский фольклор. Л., 1928.

Квятковский 1966 — А. К в я т к о в с к и й. Поэтический словарь. М., 1966.

Козьма Прутков 1965 — К о з ь м а П р у т к о в. Полное собрание сочинений / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. П. Н. Беркова. М.; Л., 1965.

Коновалов 1908 — Д. Г. К о н о в а л о в. Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве. Ч. I, вып. 1. Физические явления в картине сектантского экстаза. Сергиев Посад, 1908.

Куликовский, 1898 — Г. К у л и к о в с к и й. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

Лесков, I—XI — Н. С. Л е с к о в. Собрание сочинений в одиннадцати томах. М., 1956—1958.

Мельникова 1966 — Н. Н. М е л ь н и к о в а. Издания, напечатанные в типографии Московского университета: XVIII век. М., 1966.

Михельсон, I—II — М. И. М и х е л ь с о н. Русская мысль и речь: свое и чужое. Опыт русской фразеологии (Сборник образных слов и иносказаний). Т. I—II. [СПб., б. г.].

Можаровский 1877 — А. Ф. М о ж а р о в с к и й. Очерки жизни крестьянских детей Казанской губернии в их потехах, остротах, стихках и песнях // Труды Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском Университете. Кн. IV. 1877. С. 102—129.

Можаровский 1882 — А. Ф. М о ж а р о в с к и й. Из жизни крестьянских детей Казанской губернии. Казань, 1882.

Романов 1890 — Е. Р. Р о м а н о в. Очерк быта нищих Могилевской губернии и их условный язык («любецкий лемент») // Этнографическое обозрение. Кн. VII. 1890, № 4. С. 117—145.

Св. кат. XVIII в., I—V — Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. Т. I—V. М., 1963—1967. (То же: Дополнения, разыскиваемые материалы, уточнения. М., 1975.)

СРНГ I—XLIII — Словарь русских народных говоров. Вып. I—XLIII. Л./СПб., 1965—2010.

Сумароков 1781—1782, I—X — Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе [...] Александра Петровича Сумарокова. Собраны и изданы в удовольствие Любителей Российской Учености Николаем Новиковым [...]. Ч. I—X. М., 1781.

Сумароков 1787, I—X — Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе [...] Александра Петровича Сумарокова. Собраны и изданы в удовольствие Любителей Российской Учености Николаем Новиковым [...]. Ч. I—X. Изд. 2-е. М., 1787.

Сумароков 1957 — А. П. С у м а р о к о в. Избранные произведения / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. П. Н. Беркова. Л., 1957.

Торжествующая Минерва 1763 — Торжествующая Минерва, общенародное зрелище, представленное большим маскарадом в Москве 1763. года, генваря дня. Печатано при Императорском Московском Университете, [1763].

Третьяковский 1865 — [В. К. Т р е т ь я к о в с к и й]. Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении, поныне на свет изданном от автора двух од, двух трагедий и двух эпистол, писанное от приятеля к приятелю 1750. в Санктпетербурге // А. К у н и к. Сборник материалов для истории императорской Академии наук в XVIII веке. Ч. II. СПб., 1865. С. 435—500.

Успенский 1997 — Б. А. У с п е н с к и й. Старинная система чтения по складам (Глава из истории русской грамоты) // Б. А. У с п е н с к и й. Избранные труды. Т. III. Общее и славянское языкознание. М., 1997. С. 246—288.

Успенский 2002 — Б. А. У с п е н с к и й. История русского литературного языка (XI—XVII вв.). Изд. 3-е, испр. и доп. М., 2002.

Успенский 2012 — Б. А. У с п е н с к и й. Облик черта и его речевое поведение // In umbra: Демонология как семиотическая система. Альманах. Вып. I / Отв. ред. и сост. Д. И. Антонов и О. Б. Христофорова. М., 2012. С. 16—65.

Фасмер I—IV — М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка. Т. I—IV / Пер. и дополн. О. Н. Трубачева. М., 1964—1973.

Черепанова 1996 — Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Сост. и автор комм. О. А. Ч е р е п а н о в а. СПб., 1996.

Шахматов 1925 — А. А. Ш а х м а т о в. Очерк современного русского литературного языка. Л., 1925.

Якобсон 1921 — Р. Я к о б с о н. Новейшая русская поэзия. набросок первый. Прага, 1921.

Якобсон 1966 — P. Я к о б с о н. Влияние народной словесности на Третьяковского // R. J a k o b s o n. Selected Writings. Vol. IV. Slavic Epic Studies. The Hague—Paris, 1966. С. 631—634.

Якушкин I—II — Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи П. И. Якушкина. Т. I—II / Подгот. текстов, предисл., коммент. З. И. Власовой. Л., 1982—1986.

Plähn 1987 — J. P l ä h n. Хуйня-муйня и тому подобное // Russian Linguistics. Vol. XI. 1987, № 1. P. 37—41.

BORIS A. USPENSKIJ
(Higher School of Economics)

SUMAROKOV'S NONSENSE LANGUAGE

The author analyzes glossolalic verses in Sumarokov's poetry and traces their folkloric origins.

Keywords: Sumarokov's poetry, nonsense language, glossolalia, demonic speech, children's folklore

ИНФОРМАЦИОННО-ХРОНИКАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Хроника II Международной научной конференции «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология» (Екатеринбург — «Чусовая», 7—11 сентября 2012 г.)

7—11 сентября 2012 г. в окрестностях Екатеринбурга состоялась II Международная научная конференция «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология», организаторами которой выступили Уральский федеральный университет (Екатеринбург), Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва) и Институт славяноведения РАН (Москва) при участии комиссий по этнолингвистике и этимологии при Международном комитете славистов. Конференция повторила опыт объединения в одном научном поле проблематики трех направлений современной лингвистики (этнолингвистики, этимологии, ономастики, которые рассматриваются на широком материале различных языков, диалектов и социолектов), начатый в 2009 г., когда была проведена первая международная научная конференция «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология»¹ (ранее на протяжении нескольких десятилетий кафедра русского языка и общего языкознания Уральского университета организовывала конференции различного ранга, совещания по ономастике, диалектной этимологии, контактологии).

В ходе конференции прозвучало 102 доклада ученых из 17 городов России и 11 европейских стран (Австрии, Белоруссии, Бельгии, Латвии, Литвы, Польши, Чешской Республики, Сербии, Словении, Финляндии, Франции).

---

¹ См. Русский язык в научном освещении, № 19. 2010 (2). С. 266—273.

Заседания открылись приветствиями председателя оргкомитета конференции Е. Л. Березович, заведующей кафедрой русского языка и общего языкознания Уральского университета М. Э. Рут и заместителя директора Института гуманитарных наук и искусств Уральского университета В. А. Гудова.

О целесообразности объединения трех направлений языкознания на одной конференции свидетельствует тот факт, что многие доклады отражали взаимодействие указанных областей языкознания. Так, пленарное заседание и **этнолингвистическое направление конференции** открылось выступлением **Е. Бартминьского** (Люблин, Польша) «Роль этимологии в реконструкции языкового образа мира». Докладчик подчеркнул, что для этнолингвистики не имеет значения деление мотивации на синхронную и диахронную, поскольку этимологический и словообразовательный анализы используются с одной целью — охарактеризовать способ восприятия и концептуализации объектов действительности говорящим. Кроме того, учет синхронных коннотаций позволяет верифицировать этимологические решения для древних слов: например, историческая связь лексем *świat* и *światło* поддерживается функционированием в современном языке выражений со значением 'родиться' *ujrzeć światło dzienne* (букв. «увидеть дневной свет») и *przyjść na świat* (букв. «появиться на свет»). Обсуждение методологических вопросов этнолингвистики

продолжила **С. М. Толстая** (Москва): в ее докладе «Семантическая реконструкция в этимологии и этнолингвистике» была отмечена принципиально единая для этимологии и этнолингвистики природа метода семантической реконструкции. Подобно тому, как при семантической реконструкции задача состоит в анализе всех контекстов для определенного слова в одном языке или группе родственных языков, при изучении семантики культурного знака нужно найти все культурные контексты, в которых он употребляется, и выявить все присущие ему значения (функции), затем проследить его «парадигматические» связи (вхождение его в изофункциональные ряды, в «антонимические» оппозиции и др.). Отличие состоит в том, что этнолингвистика не столько устанавливает первичное значение, сколько определяет мотивацию каждого из засвидетельствованных. Эти положения иллюстрировалась материалом из словарной статьи «Шапка» словаря «Славянские древности»².

Проблемы семантической реконструкции, но уже на ономастическом материале, рассматривались в докладе **Е. Л. Березович** (Екатеринбург) «О современных задачах семантико-мотивационной реконструкции в топонимии». Среди перечисленных в докладе задач выявление раритетных, «несистемных» для каждого локального топонимикона названий и включение их в широкий контекст макросистемы русской топонимии, что позволяет увидеть их варьируемую повторяемость, дающую ключ к интерпретации (так, арх. *Мызгунья*, костр. *Сынькало*, свердл. *Понужалка*, влг. *Вытрягово*, влг. *Распрягальница* и др. обозначают возвышенности, которые трудно преодолеть на лошади, приходится ее распрягать или погонять — *мыз-*

гать, *сынькать*, *понужать*); составление перечня собственно топонимических мотивационных моделей, которые не фиксируются во внеязыковом употреблении, но при этом составляют значимую и практически не изученную часть мотивационно-номинативного фонда национального лексикона, и др. Взаимопроникновению «титულных» направлений конференции был посвящен также доклад **М. Якубович** (Краков, Польша) «Этимология как источник информации для исторической этнолингвистики», в котором шла речь о значимости этимологических данных для прояснения способов осмысления мира, зафиксированных в «древних» концептах, о возможности проследить развитие ценностных понятий на диахронном уровне.

Теоретические проблемы этнолингвистики и лингвокультурологии рассматривались также **Г. Е. Крейдлиным** (Москва), **С. Небжеговской-Бартминой** (Люблин, Польша) и **С. М. Беляковой** (Тюмень). В докладе Г. Е. Крейдлина «Жесты и речь в семиотической концептуализации тела и телесности (этнолингвистический аспект)» речь шла о проблемах невербальной семиотики, которая изучает семиотическую концептуализацию тела и различных явлений телесности, описывая то, как отображаются в языковых и невербальных знаках данного языка разные соматические объекты, их свойства, функции и типовые действия с ними или над ними. Такое описание удобно проводить с помощью особого признакового подхода, который дает возможность осуществлять сопоставительный анализ семиотических концептуализаций тела и его частей для разных языков, этносов и культур. В докладе С. Небжеговской-Бартминой «Символические значения в этнолингвистическом словаре» сформулированы принципы выявления у слов символических смыслов (на ос-

² Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 5. М., 2012. С. 572—576.

новании данных системы языка и фольклорных текстов), выработанные в процессе подготовки «Словаря народных стереотипов и символов», который издается коллективом люблинских этнолингвистов. В докладе С. М. Беляковой «Об этнолингвистике ретроспективной и проспективной» вводится понятие *этнолингвистический комплекс*, признаками которого являются значимость для данного этноса, представленность на различных уровнях (собственно языковом, фольклорном, сакрально-мифологическом и др.), национальная специфичность, а также подчеркивается необходимость изучения в рамках этнолингвистики языковых проявлений трансформации традиционной культуры в современном обществе.

Ряд докладов был посвящен этнолингвистической интерпретации отдельных языковых концептов. Так, **А. Пайдзиньска** (Люблин, Польша) в докладе «Образ *воли* в польском языке» рассматривает образ воли на основании словарных дефиниций слова *wola*, словообразовательного гнезда данного слова, семантических связей, в которые оно входит, синтаксических конструкций, им составляемых, устойчивых сочетаний, компонентом которых является, и, наконец, его этимологии. **И. Поравской** (Краков, Польша) был представлен доклад «Этнолингвистическое описание румынской пятницы: на стыке романославянских языков и культур». Румынская *Sfânta Vineri — Parascheva* обладает богатой и сложной символикой, которую исследователь характеризует на основе языковых свидетельств (названий конкретных пятниц в народном календаре, разнообразных устойчивых сочетаний, имеющих в своем составе лексему *vineri* 'пятница', дериватов). **Ю. А. Шкураток** (Пермь) в докладе «Особенности семантики глагола *знать* (на материале пермских говоров)» обращает внимание на контекстно обу-

словленный семантический сдвиг глагола, отражающий мировоззренческую позицию носителя диалекта. **Е. В. Шабалина** (Екатеринбург) в докладе «Культурные коннотации числительного *девять* в русской языковой традиции» анализирует символические смыслы «девятки», связанные со сферой верований и ритуалов, которые проявляются в словах вроде *девятисмёрть* 'сорока', *девятерик* 'шершень, укус которого считается смертельным' и др. В докладе **Т. Н. Бунчук** (Сыктывкар) «*Мороз только зелененько*: к вопросу о цветообозначениях в русском говоре села Лойма Республики Коми» делается попытка интерпретации выражения *мороз только зелененько* 'о сильном морозе', который рассматривается на фоне других языковых фактов, обнаруживающих символику зеленого цвета. «Цветовые» прилагательные в народной речи оказываются семантически сложными, несущими многие смыслы помимо обозначения визуального восприятия цвета. Близким по тематике был доклад **А. А. Парфеновой** (Екатеринбург) ««Синий мир»: русская лексика с корнем *син-*, называющая природные объекты».

Г. И. Кабакова (Париж, Франция) исследует тему «Концепт чести в ритуале гостеприимства», приходя к выводу о том, что актуализация этого концепта в свадебном обряде многогранна: честь, оказываемая гостям в соответствии с их социальным статусом и родственными связями с хозяевами, честь как сохраненная до брака девственность невесты. Лексика и символика свадебного обряда анализировались и в других докладах. **А. В. Гура** (Москва) рассматривает отдельный элемент обряда: ««Посад» в славянском свадебном обряде (ритуал и терминология)». Изучая продолжения слав. **posad-*, **posag-*, обозначающие бракосочетание, соответствующие ритуальные действия, места их совершения, их атрибуты и самих ново-

брачных, автор реконструирует исходный смысл терминов, которые называли такой элемент обряда, как усаживание молодых на почетное место и совместное их покрывание (платком и др.). **Т. Е. Баженова** (Самара) представила доклад «Русская свадьба на территории Самарской области: этнолингвистический и лингвокультурологический аспекты». Автор указывает, что в настоящее время свадебный обряд упрощен: сохранился обряд сватовства, благословения невесты и молодоженов, поиск *ярки* (новобрачной, которую прятала от ее родственников новая семья). Изменения в свадебном обряде фиксирует также **Е. Н. Руденко** (Минск, Белоруссия) в докладе «Механизмы трансформации свадебного обряда в современной массовой культуре». Происходит мультипликация отдельных элементов обряда, частичная или полная утрата его символического значения, возникают новые элементы обряда. Модификация семантики обрядовых действий часто сопровождается рождением новых мифов (так, считается, что по величине куска, который жених и невеста откусывают от традиционного свадебного караваля, можно судить, кто из них будет хозяином в семье). Кроме свадебной, предметом анализа была также семейная обрядность в целом и лексика родственных отношений, которые рассматривались в докладах **Е. Н. Сваловой** (Пермь) «Ритуальная формула в контексте семейной обрядовой традиции Прикамья» и **Ю. В. Зверевой** (Пермь) «Тематическая группа “Наименования человека по семейным связям: брачные узы” в пермских говорах».

Польские исследователи уделили внимание изучению этнических стереотипов. **А. Тырпа** (Краков) в докладе «Этнические стереотипы в разных языках: национальные? международные? универсальные?» выявляет случаи сходного осмысления черт и атрибутов

какого-либо этноса в разных языках (ср. болг. *ewrejski westnik* (букв. «еврейская газета») ‘косточки тыквы’ и польск. диал. *czytać żydowską gazetę* (букв. «читать еврейскую газету») ‘вынимать и есть семечки подсолнечника’) и манифестации одного смысла при помощи различных этнонимических дериватов (польск. *cygańskie kupno* (букв. «цыганская покупка»), нем. *englisch einkaufen* (букв. «купить по-английски»). **М. Рак** (Краков) в докладе «Образ гурала по данным диалектной лексики Подтатрья и лингвистического эксперимента» восстанавливает образ представителя этнокультурной группы поляков — *гуралей* — на основании данных диалектных словарей, фольклорных текстов, текстов разговорного и просторечного характера и лингвистического эксперимента.

Отдельную группу составили доклады, посвященные исследованию тематических групп диалектной лексики с позиций этнолингвистики. **О. А. Пашина** (Москва) представила доклад «Материалы к этномузыкологическому словарю: виды музыкального интонирования и связанная с ними народная терминология», в котором объектом анализа стали русские диалектные глаголы и глагольные конструкции вроде юж. *подымать* ‘исполнять верхний сольный подголосок’, волог. *перепеваться* ‘петь антифонно’, дон. *веником петь* ‘петь неупорядоченно’. В докладе **К. В. Пьянковой** (Екатеринбург) «Севернорусская лексика пивоварения: этнолингвистический аспект» проведен семантико-мотивационный анализ лексем и фразеологизмов, обозначающих разные виды и стадии процесса пивоварения, участников процесса, а также качество пива. Автор рассматривает специфику символических значений «пивной» лексики, ср., к примеру, костр. *друзг дать* ‘отказать жениху при сватовстве’ при *друзг* ‘отходы при варке пива’.

И. И. Русинова (Пермь) в докладе «Вербализация представлений об “икоте” носителями пермских говоров» характеризует феномен кликушества по данным лексических единиц с мифологической семантикой, образованных от корня *икот-*. **А. А. Кожина** (Минск, Белоруссия) исследует тему «Культурная категория труда в белорусской интернет-публицистике», анализируя контексты, в которых встречаются лексемы *праца* и *работа*, которые являются основными средствами выражения указанной категории.

В центре внимания ряда докладчиков были определенные лексико-семантические группы, рассмотренные в мотивационном аспекте. Так, в докладе **Т. В. Леонтьевой** (Екатеринбург) «К изучению мотивации лексем семантического поля “Общественное мнение” в русских народных говорах» показано, что, определяя лучших и худших в своем микросоциуме, диалектоносители создают номинации, во внутренней форме которых запечатлен какой-либо параметр, поддающийся измерению, расчету в применении к вещественному, предметно-материальному миру (ср., к примеру, мотивы веса, цены, реализующиеся в волог. *важить* ‘уважать, почитать’, пск. *рубь пучок* ‘о людях, не заслуживающих уважения’ и др.). Модели мотивации для тематических групп лексики изучались также в докладах **В. С. Кучко** (Екатеринбург) «Субъект и объект обмана в зеркале языковой номинации (на материале русских народных говоров)», **О. А. Кузнецовой** (Томск) «Особенности именования гордости в русских диалектах», **Е. О. Борисовой** (Екатеринбург) «Соматическая лексика в номинации скорости выполнения действий (на материале русских народных говоров и общенародного языка)» и **С. С. Михалищевой** (Екатеринбург) «Обозначения крови в русском и польском языках: семантико-мотивационный аспект».

Ряд докладов был посвящен изучению кодов традиционной славянской культуры. Пространственный код стал предметом анализа **М. Менцей** (Любляна, Словения). В докладе «Символика направления движения в славянском и индоевропейском контексте» она рассматривает коннотации лексики, связанной с двумя основными направлениями движения в пространстве: по солнцу и против солнца. **Е. В. Попова** (Екатеринбург) в докладе «Реализация пространственной модели ‘центр’ — ‘периферия’ в этимологическом аспекте» анализирует семантические переходы в гнезде *меж-*, в числе которых, к примеру, инверсия значений ‘центр’ и ‘периферия’: то, что сначала представлялось серединой, центром, затем может стать периферией, окраиной. В докладе **Н. А. Синицы** (Екатеринбург) «Образы низшего духовенства в русской языковой традиции» изучается семантические дериваты от наименований низших священнослужителей (*дьяк*, *звонарь*, *пономарь*), а также фразеология с участием таких наименований. Компаративный аспект изучения лингвокультурных кодов представлен в выступлении **И. С. Просвирниной** (Екатеринбург) «Концептуальный код «здоровье / болезнь» в русской и китайской лингвокультуре».

Привлекательным материалом для этнолингвистов неизменно становится фразеология. В докладе **И. А. Подюкова** (Пермь) «Русская диалектная фразеология в речи коми-пермяков Прикамья» рассматриваются разные типы фразеологических заимствований в коми-пермяцкие говоры из русских диалектов: освоенные без перевода (*неть да шесь* ‘о безрассудном’), калек (*кашниккез керны* — букв. «делать горшки» ‘быть мертвым’) и полукальки (*тшын мороз* — букв. «дым мороз» ‘о сильном морозе’). Анализ показывает, что носителями коми-пермяцкого языка освоены

отраженные во фразеологии культурные и оценочные коннотации, в том числе специфичные для русского менталитета, что может быть осмыслено как прямое свидетельство особого типа билингвизма — продуктивного, творческого. Изучением истории отдельного фразеологизма занимается **О. В. Белова** (Москва): в докладе «“Девятая губерния” и кто в ней живет (фразеологизм в контексте устной истории)» исследовательница определяет первоначальную локализацию «девятой губернии» (местечко Бричаны на севере Молдавии или его окрестности) и описывает последующие изменения значения выражения: «девятая губерния» встраивается в ряд других обозначений нищих, неудачников и начинает восприниматься как наименование неких элементов, «компрометирующих» приличное общество. К этому блоку выступлений примыкает доклад **Е. С. Коган** (Екатеринбург) «Фразеологизмы с семантикой смерти в русских говорах».

В поле внимания этнолингвистов неизменно оказываются вопросы географии культуры. В докладе **М. М. Валенцовой** (Москва) «Карпатские черты словацкой демонологии» обсуждались проблемы ареалогии. Исследовательница показала, что карпатские демонологические верования составляют своеобразие территориально соседствующих традиций — моравско-валашской, южнопольской, карпато-украинской, румынской и отчасти венгерской. Для демонстрации карпатской специфики изучались инновации в области мифологической лексики.

На конференции были представлены доклады, в которых фрагменты наивной картины мира реконструировались путем анализа текстов различных жанров. Так, **А. Г. Кречмер** (Вена, Австрия) в докладе «Картина мира Православной Славии накануне Нового времени (на русском и сербском материале)» изуча-

ет русскую частную переписку времен царствования Алексея Михайловича и Петра I и «Славяносербские Хроники», написанные около 1700 г. графом Дж. Бранковичем. Предметом изучения **О. Е. Фроловой** (Москва) в докладе «Русская народная загадка: референция и синтаксис» стала синтаксическая структура и референциальные особенности этого жанра фольклора: автор выделяет модели, характерные для кодирования ситуаций в текстах загадок.

В ряде докладов объектом анализа были устные тексты, в том числе фольклорные. **Е. Е. Королева** (Даугавпилс, Латвия) исследует тему «Современные былички Латгальского края». Былички являются единственным фольклорным жанром традиционной народной культуры, который не только сохраняется у староверов Латгалии в наши дни, но и развивается. Доклад **К. А. Климовой** (Москва) «Ритуальные гадания в новогреческом фольклоре» основывается на материале новогреческого фольклора: выделены типы ритуальных гаданий по используемым в них предметам, показаны изменения в отношении людей к гаданиям по сравнению с древнегреческим периодом. **И. В. Шалина** (Екатеринбург) в докладе «Деревня как ценностный объект (на материале текстов-разговоров жителей д. Курманка Свердловской области и носителей уральского городского просторечия)» выявляет ценностные характеристики деревни в сознании носителей городского просторечия, прошедших первичную социализацию в деревенской культуре. **З. В. Сметанина** (Киров) также обратилась к характеристике аксиологических установок носителей диалекта: в докладе «Мировоззренческие аспекты диалектной языковой личности (на материале фонетического фонда «Вятская речь»)» описана работа над фонетическим фондом, материалы которого позволяют делать выводы о ти-

повых социальных и психологических реакциях диалектоносителей на прошедшие и происходящие события.

Проблемы социолингвистики были подняты в докладе **М. В. Костромичевой** (Орел) «Региональный социолект в граффити», который посвящен микроурбанонимам, включаемым в содержание современных граффити-надписей в г. Орле, являющихся неотъемлемой частью молодежной субкультуры.

Ономастическое направление конференции открыл доклад **А. Шивиц-Дулар** (Любляна, Словения) «Имя прилагательное в свете данных славянской топонимии», посвященный анализу славянских топонимов, образованных от кратких форм прилагательных (рус. *Новгород*, польск. *Gdańsk*, словен. *Kozje*). Рассматриваются особенности мотивации таких топонимов, имена прилагательные, входящие в словообразовательную структуру топонимов, морфологические, акцентологические, ареальные аспекты их изучения. Словообразовательный аспект изучения топонимии затронут также в докладах **Б. Островского** (Краков, Польша) «Оттопонимические названия в польском и русском языках: норма и узус», где проводится сопоставительный анализ оттопонимических прилагательных по способу образования в польском и русском языках, и **С. Торкара** (Любляна, Словения) «Вариантность суффиксов в словенской топонимии», где анализируются ряды топонимов с суффиксами, варьирующими как на синхронном, так и на диахронном уровнях существования словенского языка.

Решению проблем хранения и словарного описания ономастического материала были посвящены доклады **И. И. Муллонен** (Петрозаводск), **А. В. Юдина** (Гент, Бельгия), **Е. Э. Ивановой** (Екатеринбург). В докладе И. И. Муллонен «Применение ГИС-технологий в топонимике» внимание сосредоточено на

географической информационно-аналитической системе, созданной совместно разработчиками Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН и Петрозаводского университета, которая предполагает перевод в электронный вид картотеки топонимов Карелии и наложение их на географическую карту, что способствует сохранению уникального топонимического материала, изучению топонимных ареалов, а также решению ряда исследовательских задач (созданию разного рода структурных и этимологических классификаций). А. В. Юдин в докладе «Ономастикон восточнославянской народной магии: состояние дел» представляет текущее состояние проекта словаря-ономастикона восточнославянских заговоров, а именно, набор стандартных рубрик для описания «портрета» каждого заговорного собственного имени. Доклад Е. Э. Ивановой «“Маршрутный” словарь как тип топонимического словаря» выявляет характерные для такого вида словаря особенности лексикографического описания.

Вопросам этимологии имен собственных уделялось внимание в докладах **Е. Н. Варниковой** (Вологда) «Традиционные русские клички собак в этимологическом аспекте» и **Т. Н. Дмитриевой** (Екатеринбург) «Русская топонимия нижнего течения р. Пелым по письменным и полевым источникам». Т. Н. Дмитриева анализирует происхождение редких и не изученных на фоне преимущественно мансийской топонимии языковых фактов русского происхождения, бытующих на территории нижнего течения р. Пелым, наиболее освоенной русскими. Зафиксированные по реке Тавда русские топонимы пельмского происхождения позволяют сделать вывод о движении русского населения с р. Пелым на р. Тавда. Проблемы топонимической контактологии для прояснения этимологии были затрону-

ты в докладах **Д. В. Кузьмина** (Петрозаводск) «Следы карело-финского контактирования в топонимии финской Карелии» и **Н. В. Лабунец** (Тюмень) «Иранский компонент в топонимии Тюменской области». Д. В. Кузьмин проследил историю постепенного проникновения финского языка и культуры на территорию исконно-карельского населения, следствием чего стало, в частности, появление в финской Карелии финноязычных вариантов карельских топонимов, а также топонимических моделей, характерных для восточнофинских (саволакских) говоров. Н. В. Лабунец выявляет ряд словообразовательных соответствий на основании сопоставления тюменской субстратной гидронимии с гидронимией ираноязычных территорий. В докладе **А. А. Макаровой** (Екатеринбург) «Лингвостатистический анализ русской озерной гидронимии Белозерья» продемонстрированы возможности использования методик лингвостатистики для решения задач этимологической и лингвоэтнической интерпретации топонимического материала как славянского, так и финно-угорского происхождения.

В двух докладах был представлен мотивационный аспект изучения хронимии. **О. В. Чёха** (Москва) в докладе «Принципы номинации праздников в греческом народном календаре» исследует разные модели образования хронимов: от имен святых (в этой группе нередко наблюдается семантический разрыв антропонимов с их первоначальной референцией), от имен главных участников обрядов, совершаемых в соответствующий день, от названий потребляемой в определенный день пищи; реже хронимы мотивируются признаками цвета, звука и запаха. **О. В. Атрошенко** (Екатеринбург) в докладе «Мотив пограничности в русской народной хронимии» выявляет мотивационные признаки, положенные в осно-

ву хронимов (называющих как отдельные дни, так и длительные отрезки времени), которые несут в себе идею временного рубежа.

В значительном блоке докладов имена собственные рассматривались как источник историко-культурной информации. **А. И. Гудавичюс** (Шауляй, Литва) в докладе «Природа в системе литовских личных имен» указывает на распространенность в литовском антропонимиконе «природных» имен (*Eglė* (букв. «ель»), *Aušra* (букв. «заря»), *Rasa* (букв. «роса») и др.), что позволяет сделать вывод о том, что природа в литовском восприятии мира занимает более важное место, чем в других соседних культурах. В докладе **А. В. Колюк** (Томск) «Историко-культурный аспект изучения фамильных прозваний лексического поля “Материальная культура”» рассматриваются фамилии жителей Томского уезда XVII века, образованные от апеллятивов, обозначающих предметы материальной культуры (*Корытов*, *Колотовкин*, *Пестерев* и др.), которые представляются источником информации о составе лексики и системе ценностей своего времени. Сибирские фамильные антропонимы анализируются и в докладе **М. Г. Рыгалиной** (Барнаул) «Внешний вид русского человека: оценки и ценности (на материале русских фамилий Кольвано-Воскресенского горного округа конца XVIII века)». **М. Ю. Беляева** (Славянск-на-Кубани) в докладе «Селектирующая функция регионального ономастикона в области морфодеривации (на материале ономии Краснодарского края)» показывает постепенный процесс русификации словообразовательных моделей украинского антропонимикона на Кубани при сохранении ряда исходных особенностей. В докладе «Топонимия Заонежья в Писцовых книгах: легенды и действительность» **А. В. Приображенский** (Петрозаводск) высказывает несогласие с

мнением о том, что писцы могли произвольно менять нерусские названия заонежских поселений и указывает на противоположную тенденцию — как можно более точно зафиксировать бытующие наименования (об этом свидетельствует повышенная вариативность ойконимов).

Определение статуса различных собственных имен в языке стало предметом двух докладов. **В. И. Супрун** (Волгоград) в докладе «Апеллятивно-онимический комплекс как форма существования периферийных онимов в языке» указывает на апеллятивно-онимический комплекс имен собственных (т. е. их сопровождение другими собственными или нарицательными именами, например, газета «Правда», роман Л. Н. Толстого «Война и мир») как показатель их отнесения к ядру или периферии онимического поля: к ядру относятся антропонимы, не требующие апеллятивного сопровождения (*Иванов* при сомнительном *человек Иванов), к периферии же — онимы, для которых функционирование в составе апеллятивно-онимического комплекса является обязательным (таковыми, например, являются названия органов печати, товарных марок, произведений искусства). **А. И. Грищенко** (Москва) в докладе «Ономастический статус этнонимов в свете антропологической концепции имени собственного» утверждает антропоцентричный характер любого имени собственного, в том числе этнонима как показателя самосознания народа.

Рассматривались проблемы функционирования имен собственных и ономастических образований в наивном языковом сознании. **М. Э. Рут** (Екатеринбург) в докладе «*Nomina sunt odiosa?* Об особенностях антропономинии в деревенской среде» говорит об устойчивом отказе от ономастической антропономинии (особенно обращений по имени) в деревенском микросоциуме,

свидетельствующем о «предпочтении» человека социального индивидууму и влекущем за собой использование богатого набора эквивалентов личного имени (*отец—мать, хозяин—хозяйка, матушка—старшой* и др. в семейном кругу, *председатель, агроном* и др. — в более широком). В докладе **Ю. А. Кривошаповой** (Екатеринбург) «*Питер* в русской народной языковой традиции» на основе анализа семантико-словообразовательных дериватов от топонима *Питер* (и, в меньшей степени, *Петербург, Петроград* и *Ленинград*) воссоздается образ города, закрепленный в народном сознании, по таким параметрам, как локативная характеристика, социальный состав населения и материальная культура. **Е. Д. Казакова** (Екатеринбург) в докладе «Топонимия в метаязыковом осмыслении диалектоносителей» на примере метаязыковых высказываний жителей Русского Севера и Верхнего Поволжья показывает, как воспринимаются наивным языковым сознанием различные компоненты номинативной ситуации, в которой создаются топонимы (субъект, объект, адресат и результат номинации).

В докладе **Л. А. Феоктистовой** и **Д. В. Спиридонова** (Екатеринбург) «К сопоставительному изучению семантических дериватов личного имени: рус. *Иван*, польск. *Jan*, фр. *Jean*», посвященном апеллятивизации культурно маркированного в русском языке личного имени Иван и его польских и французских коррелятов, выявляются тематические сферы («человек», «животные», «растения», «культура» и др.), по которым идет распределение значений анализируемых отыменных производных (наиболее заполненной оказывается сфера отрицательных характеристик человека), а также исследуются мотивы семантической деривации (например, названия растений рус. *иванова голова* 'клевер средний', польск. *ser-*

duszka jasia 'дицентра великолепная' связываются с образом святого Иоанна Крестителя, ко дню памяти которого приурочивается сбор этих трав).

Вопросы изучения топонимической семантики были поставлены в докладе **К. А. Гейна** (Екатеринбург) «Топонимическая идеография в контрастивном аспекте (на материале микротопонимии Бабаевского района Вологодской области)», в котором сопоставляются идеографические сетки топонимии двух микротерриторий — Володинского и Пяозерского сельсоветов Бабаевского района (в первом преобладает русское население, во втором — вепское).

Когнитивный подход к рассмотрению имен собственных представлен **В. В. Алпатовым** (Москва) в докладе «Комплексная модель мотивации топонимов» и **И. А. Кюршуновой** (Петрозаводск) в докладе «Когнитивный потенциал региональной антропонимической системы (по материалам памятников письменности средневековой Карелии)». В. В. Алпатов говорит о необходимости систематизации сведений о мотивации топонимов. Модель такой систематизации — триада «объект именованности» — «признак» (именем чего номинируется объект) — «предикат» (связь между объектом и признаком). Специфику топонимической мотивации выявляет выбор предиката, обусловленный осмыслением человеком места в качестве концепта (с точки зрения «качества», «количества», «границы», «владельца», «жителя» и др.). И. А. Кюршунова указывает на различия в объеме «когнитивного ресурса» у разных классов антропонимов — календарных и некалендарных личных имен и восходящих к ним единиц. Наиболее информативны некалендарные личные имена, которые позволяют восстановить комплекс семейных ценностей прошлого. По данным, представленным в документах Карелии XV—XVII вв., особую

значимость имели имена, указывающие порядок рождения и отношение родителей к ребенку.

Проблемы литературной ономастики рассматривались **А. А. Фоминым** (Екатеринбург) в докладе «Квадратура круга семьи Карениных: об ассоциативном потенциале двух фамилий главной героини» и **К. И. Барановой** (Екатеринбург) в докладе «Мифонимы и концептуальный план текста (на материале рассказа Т. Н. Толстой «Любишь — не любишь»)». А. А. Фомин обнаруживает противопоставленные символические смыслы, стоящие за фамилиями *Облонская* и *Каренина*. Эти смыслы моделируют в тексте романа разнополярность супругов Карениных. К. И. Баранова рассматривает поэтонимы *Змей*, *Сухой*, *Индрик*, *Хиздрик*, *Глаза*, представленные в рассказе Т. Толстой. Эти поэтонимы (за счет семантики соответствующих онимам апеллятивов, образующих ими ассоциативных рядов и др.) вовлечены в реализацию мотива страха перед чужим и враждебным миром, центрального для рассказа.

В докладе «Антропонимы в тюремно-воровской песне начала XX в.» **М. Л. Лурье** (Санкт-Петербург) анализирует функционирование антропонимов в текстах тюремного и криминального фольклора, выделяя различные модели использования антропонимов: наделение героя произвольным именем в обобщенной сюжетно-персонажной ситуации; употребление личных имен в нарицательных значениях; употребление антропонимов (фамилий или прозвищ) для именованности максимально индивидуализированных персонажей.

К современным процессам в ономастической системе обратились **И. А. Седакова** (Москва) и **М. В. Ахметова** (Москва). В докладе «Ономастика и аксиология в политике: русская зима 2011—2012 и болгарское лето 2012» И. А. Седакова рассматривает исполь-

зование онимов (имен главных общественных и политических деятелей России и Болгарии, а также топонимов, называющих места собраний противостоящих партий) в идеологических оценках общественно-политических событий, которое вскрывает большой аксиологический потенциал собственного имени, используемый в политических целях. М. В. Ахметова в докладе «Прецедентные онимы в неофициальной топонимии» анализирует конструирование неофициальных ойконимов по образам уже существующих (например, *Лос-Ангельск* ‘Архангельск’ от *Лос-Анджелес*) и делает вывод о том, что мотивационная связь между ними, как правило, не только семантическая, но и формальная (фонетическая).

О. С. Смирнова (Екатеринбург) в докладе «О принципах номинации линейных объектов малого российского города и деревни», следуя классификации Т. В. Шмелевой, подразделяет топонимы сухоложского городского округа на семантические, т. е. содержащие информацию об объекте (ул. *Набережная*, ул. *Лесопильная*), и семиотические, аккумулирующие сведения об обществе (ул. *Ленина*, ул. *Пролетарская*), и делает вывод об анализируемой системе как типичной для российской топонимии.

Прагматический аспект бытования имен собственных был освещен в докладе **С. О. Горяева** (Екатеринбург) «Антропонимические модели в эрго- и прагмонимии». К вопросам функционирования прагмонимии обратилась также **Т. П. Романова** (Самара) в докладе «Тестирование эффективности рекламного имени», которая предложила модель оценки коммуникативной состоятельности коммерческого онима, включающую анализ его коммерческого послания, стилистический анализ и выявление его культурного контекста.

Этимологическое направление конференции было открыто докладом

М. Белетич и **А. Ломы** (Белград, Сербия) «Сон, смерть, судьба (наблюдения над праслав. **mora*, **mara*)», который посвящен древнейшим мифологическим лексемам с основными значениями ‘ночное удушье, кошмар’ (**mora*), ‘привидение, призрак, сновидение, греза, мечта’ (**mara*). Докладчики указали, что в поисках дальнейших этимологических связей для этих слов нельзя выстроить между и.-е. **mer-* ‘умирать’ и **mer(H₂)-* ‘растирать, тереть’: обе формы надо рассматривать вместе, но, по меньшей мере, на трех различных диахронных срезах; более того, возможно возведение рассматриваемых имен из третьего корня — **(s)mer-* ‘наделить долей, судьбой’. **Л. В. Куркина** (Москва) в докладе «Реконструкция значения в контексте древних реалий» продемонстрировала на примере славянской земледельческой лексики необходимость изучения не только лингвистических данных о слове, но также и отраженных в нем культурно-исторических обстоятельств. Так, именно внеязыковой фактор стал решающим при восстановлении исходных семантических различий глаголов **orati* и **paxati* с общим значением ‘пахать’: чтобы реконструировать значения ‘чертить по земле’ (для **orati*) и ‘отметать землю’ (для **paxati*) потребовалось обращение к внешнему виду и характеру действия орудий, сменявших друг друга на земельном поле (рала и сохи).

В докладе **А. В. Тихомировой** (Екатеринбург) «Семантическая структура образований на *ряс-* в русском языке (на славянском фоне)» выявлены основные направления развития семантики в гнезде **res-* (связанного с **red-* ‘украшать’, ‘нанизывать’), что позволяет решать вопрос о возможности или невозможности включения в это гнездо фонетически близких лексем (*орясить*, *ряснуть* ‘ударить кого-л.’, *рясина*, *орясина* ‘большая палка, дубина’).

В докладе **Л. П. Дроновой** (Томск) «Роль этимологии в современной научной парадигме» представлена попытка ответить с точки зрения актуальной научной парадигмы на вопрос о месте этимологии среди других наук, о методах и задачах этимологии в исторической перспективе и современном научном контексте.

В ряде докладов были обнародованы результаты конкретных этимологических исследований, посвященных отдельным словам. Так, **И. Янышкова** (Брно, Чешская Республика) в докладе «К названиям хвоста в старославянском языке» производит этимологический анализ пяти наименований хвоста, зафиксированных в старославянских памятниках (*opашь*, *ošibь*, *ošesь*, *chobotь* и *trьbь/trьbь*). В докладе **Ю. А. Готлан** (Томск) «Ареально-генетические связи рус. диал. *шароватъ*» прослежен путь заимствования через польский из немецкого двух глаголов — рус. диал. *шароватъ* ‘чистить’ и рус. *шуроватъ* ‘перемешивать горящее топливо’ и их дальнейшее взаимовлияние. Доклад **Л. И. Шелеповой** (Барнаул) «От *околѣтки* до *икалѣтки*: к этимологии диалектных слов на Алтае» основан на выявлении вторичных фонетических и семантических изменений, которым подвергаются русские диалектные слова в Алтайском регионе, а также их причин (к примеру, алт. *икалѣтка* ‘занавеска с кружевами’ является переформлением широко распространенного диал. *околѣтка* ‘кружевная полоса, кружево подзора’). **И. В. Васильева** (Москва) в докладе «Взаимодействие производных от глаголов *мести* и *мять* в русских диалектах» указывает на возможные причины контаминации производных от данных глаголов.

Традиционным, но неизменно важным является учет данных фонетики при разработке конкретных этимологических версий. **М. Фурлан** (Люблина,

Словения) в докладе «Праиндоевропейский корень **H₂emg'h-* ‘вязать’ в славянской лексике (к проблеме относительной хронологии славянского чередования **(v)oz-/*(v)ez-* ‘вязать’)» представила версию о данном чередовании как об индоевропейском наследии, а не собственно славянской инновации. В докладе **Л. П. Михайловой** (Петрозаводск) «К этимологии слов с предкорневым компонентом *ва-* (*váǵalь*, *váima*, *vá-kora*)» с опорой на существующие в русских говорах фонетические процессы выявляется цепь фонетико-акцентологических преобразований, согласно которым компонент *ва-* присутствует в словах с исконным начальным *о-* (что утверждает протетический характер *в*).

Ряд докладов был посвящен взаимодействию русского и финно-угорских языков. К этой проблематике обратились **Н. В. Кабинина** (Екатеринбург), **О. В. Мищенко** (Екатеринбург), **С. А. Мызников** (Санкт-Петербург), **Я. Саарикиви** (Хельсинки, Финляндия). В докладе Н. В. Кабининой «К этимологии беломорского *ягра* ‘отмель’» выдвигается гипотеза о происхождении рус. *ягра* / *агра* / *егра* из восточносамских форм типа **iärv(a)*, **jara*, **jerva*, **ierva* ‘морской отлив, убывающая вода’ (при этом отраженные в лексике и топонимии Русского Севера основы *ягр-* ‘озеро’ и *ягр-* ‘отмель’ генетически не связаны); данная этимология (по пути заимствования позволяет проследить одно из направлений движения саамского этноса (из Фенноскандии непосредственно в Беломорье). О. В. Мищенко в докладе «К этимологии сев.-рус. *талая морошка*» на основании сравнительного анализа семантической организации русского и финно-угорского словообразовательных гнезд ‘таять / талый’ доказывает, что сев.-рус. *талики́*, *талая морошка* ‘спелая морошка’ является семантической калькой финно-угорских языковых единиц. С. А. Мызников в докладе «Прибалтий-

ско-финская и пермская субстратные зоны: проблемы выявления и разграничения» решает проблемы этимологии путем сопоставления ареалов распространения прибалтийско-финских и коми заимствований в русском языке. Указывается, что в ряде случаев автохтонные субстратные ареалы весьма сложно выделить из-за вхождения некоторых слов в общенародный русский язык и широкого их распространения (ср., например, лексему *кóртома* 'аренда, плата за наем чего-л.', имеющую коми происхождение, которая включена в словари литературного языка). Кроме того, строгое ареальное разграничение затрудняется наложением друг на друга зон бытования прибалтийско-финской и коми лексики. В докладе Я. Саарикиви «Финно-угорская карта дославянской России (европейская часть)» производится реконструкция исторического распространения различных финно-угорских языковых групп, в ходе которой идет поиск лексических и фонетических критериев, разграничивающих ближайшие группы языков. Результаты реконструкции оформляются в виде карт, показывающих ареалы разных языковых групп, в частности, праязыков финно-угорской языковой семьи (прасаамского, прамордовского, прамарийского, прапермского и др.).

К другой контактологической линии — славяно-тюркской — обратилась **С. Петрович** (Белград, Сербия). В докладе «О значении изучения турцизмов довуковского периода (на материале публикации «Стари српски записи и натписи» Любомира Стояновича)» рассматриваются турцизмы, фигурирующие в указанном памятнике, но не зафиксированные в существующих лексикографических источниках; автор утверждает необходимость выявления турцизмов в памятниках довуковского периода для установления их самых ранних письменных фиксаций, а также определения

логики их семантического развития и фонетических преобразований.

В докладе **Ж. Ж. Варбот** «Словообразовательно-этимологические заметки к материалам "Словаря региональной лексики Крайнего Северо-Востока России" Г. В. Зотова» показана необходимость учета данных словообразования и этимологии при представлении материала в словаре. Докладчица представила этимологический комментарий к некоторым описываемым в словаре лексемам (например, *разланный* 'широкий', *муть* 'колотить'), отмечая в лексике Крайнего Северо-Востока как отражение широко распространенных в русских говорах фонетических преобразований, так и сохранение архаических черт. Кроме того, в докладе выявлены предположительно некорректно восстановленные лексикографом формы, в частности, инфинитивы *чувáться* и *погить* вместо *чувáниться* (соотнесимого с *чваниться*) и *погáнуть*. Вопросы лексикографии рассматривались также **Я. Влаич-Попович** (Белград, Сербия). В докладе «Диалектная лексика в кратком этимологическом словаре сербского языка» был представлен опыт подготовки однотомного сербского этимологического словаря, в который его авторы широко включают диалектную лексику. Докладчица остановилась на типах рассматриваемых диалектизмов и способах их подачи в словарной статье.

В докладе **В. В. Напольских** (Ижевск) «"Список народов Германика" — готский итинерарий IV в.» предложена новая интерпретация фрагмента из «Геттики» Иордана, содержащего ряд древнейших этнонимов. Подвергнув их этимологическому анализу (например, *Miscar-* — та же основа, что в рус. *Мещера*; *Vas* — готская адаптация названия *vensov* (*vepsā) и др.), автор приходит к заключению, что «Список» представляет собой описание волжского пути готов из Балтики в

Крым, причем версия об отражении «Списком» названий реальных народов, покоренных готами, вероятно, является домыслом историков Аблабия или Иордана, неверно интерпретировавших готский источник.

Заключительным этапом конференции стало заседание этимологической комиссии при Международном комитете славистов. Материалы конференции

вошли в изданный к ее началу сборник, куда включено более 170 текстов (по количеству первоначально присланных работ): **Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Материалы II междунар. науч. конф., Екатеринбург, 7—11 сентября 2012 г. (в 2 ч.)** — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012.

Е. О. Борисова, В. С. Кучко

Хроника IV Международной научной конференции «Актуальные проблемы русской диалектологии»

27—28 октября в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН состоялась IV Международная конференция «Актуальные проблемы русской диалектологии», организованная отделом диалектологии и лингвогеографии ИРЯ РАН. С докладами на двух пленарных и шести секционных заседаниях выступили российские ученые из Благовещенска, Вологды, Воронежа, Костромы, Магадана, Москвы, Набережных Челнов, Орла, Петрозаводска, Петропавловска-Камчатского, Ростова-на-Дону, Санкт-Петербурга, Ставрополя, Томска, Тюмени, Ярославля, Читы и зарубежные коллеги из Латвии, Норвегии, Украины, США. Всего был прочитан 51 доклад.

На конференции работало четыре секции, на которых обсуждались актуальные вопросы диалектной фонетики, грамматики и лексикологии, а также проблемы изучения языковой личности и наивной картины мира.

На **пленарных заседаниях** было сделано 13 докладов. Выступление **Л. Э. Калнынь** (Москва) касалось вариативности в диалекте на уровне фонетики. Автор показала, что в основе вариативности могут лежать как процессы, происходящие в говоре в настоящее время, так и фонетические изменения, хронологически достаточно

отдаленные. Во втором случае вариативность воспринимается как непоследовательность реализации определенного фонетического изменения. Это положение было проиллюстрировано примерами из украинских говоров.

В докладе **П. Е. Гриценко** (Украина, Киев) «Диалектное явление на осях пространства и времени: модель и корреляции» в очередной раз прозвучала важная идея хронотопоизоглоссирования, то есть отражения на картах атласа не только географической характеристики явления, но и его эволюционной составляющей.

Е. А. Нефёдова (Москва) говорила о специфике функционирования в говоре общерусского слова и методах его лексикографического описания. Автор указала, что семантика общерусских слов в диалектном словаре должна быть представлена во всей совокупности значений, в том числе совпадающих с литературным языком. В качестве примера были приведены лексикографические портреты слов *грех* и *ветер*, содержащиеся в Архангельском областном словаре.

В совместном докладе **Л. Л. Касаткина** и **Р. Ф. Касаткиной** (Москва) на основании сравнительного анализа диалектизмов в первом и четвертом изданиях сказки «Конёк-горбунок» приво-
дились доказательства того, что авто-

ром первого издания сказки был не П. П. Ершов, как принято считать, а А. С. Пушкин.

О. Г. Гецова (Москва) рассказала об истории создания Архангельского областного словаря и уделила особое внимание спорным моментам словарной работы, в частности принципам подачи синонимов в диалектном словаре.

Е. В. Иванцова (Томск) сообщила о завершении масштабного проекта по созданию «Полного словаря диалектной языковой личности» (Томск: Изд-во Томского ун-та. 2006—2012. Т. 1—4). Составителями разработана теоретическая концепция полного толкового идиолектного словаря и методика фиксации спонтанного дискурса носителей говора. Данный лексикографический труд вносит вклад в развитие как традиционных областей лингвистики (диалектологии, лексикографии), так и новых (лингвоперсонологии).

В докладе **Л. Ю. Зориной** (Вологда) были подведены итоги и намечены перспективы дальнейшей работы над составлением и пополнением дифференциального толкового Словаря вологодских говоров (Вологда: Изд-во ВГПУ. 1983—2007. Вып. 1—12).

С. А. Мызников (Санкт-Петербург) обосновал необходимость учитывать данные этимологии при изучении трансформационных изменений диалектного слова. Докладчик отметил, что преобразование формы слова особенно характерно для единиц иноязычного происхождения; при этом субстратное слово характеризуется большей близостью к этимону по своей форме и семантике, нежели традиционные заимствования.

На заключительном пленарном заседании **Т. Ю. Игнатович** (Чита) прочла доклад «Современное состояние и основные тенденции развития говоров севернорусского генезиса на территории Восточного Забайкалья», в котором

описала сохранившиеся в говорах материнские фонетические и морфологические диалектные различия и выявила факторы, которые обуславливают разную динамику их нивелирования.

В докладе **Е. А. Оглезневой** (Благовещенск) была рассмотрена языковая ситуация на Дальнем Востоке, в частности говорилось об эволюции различных форм (литературной и диалектной) русского, украинского и белорусского языков, бытующих на этой территории с середины XIX века.

О. Е. Кармакова и **И. А. Букринская** (Москва) в совместном докладе «Диалект — региолект — региональный вариант литературного языка» обратились к проблеме стратифицирования различных вариантов регионально окрашенной речи, которая формируется в малых городах России в результате интерференции диалекта и литературного языка.

С. К. Пожарицкая (Москва) исследовала словообразование наречий, соотносительных с формами творительного падежа имени существительного, на материале Деулинского словаря. Она отметила наличие большого количества синонимичных аффиксов, сочетающихся с одной основой (при этом в числе наиболее активных суффиксов были названы *-ом*, *-ой*, *-ма*), а также указала на высокую частотность наречных форм, образованных от глагола с помощью редупликации (*бегма бежит*), которые усиливают семантику глагольного корня и входят в состав сложного предиката.

В докладе **Н. В. Лабунец** (Тюмень) рассматривалась проблема множественности этимологических интерпретаций. На примере географического термина *марай* были проанализированы возможности этимологизации лексики, бытующей в условиях длительных лингвоэтнических контактов русских старожилов с тоболо-иртышскими татарами и южными (иртышскими) хантами.

На заседании секции **фонетики** прозвучало 14 докладов. В выступлении **О. Б. Йокоямы** (США, Лос-Анджелес) на материале писем, написанных в XIX в. крестьянами Среднего Прикамья, обосновывалась принципиальная возможность определить акцентно выделенные слова во фразах, доступных исследователю лишь в письменном виде.

В докладе **Д. М. Савинова** (Москва) была продемонстрирована взаимозависимость ритмической организации фонетического слова и типов предупредительного вокализма в южнорусских говорах.

С. В. Дьяченко и **И. И. Исаев** (Москва) представили опыт удачного использования одного из современных методов сбора диалектного фонетического материала и продемонстрировали видеозаписи рабочего процесса.

Н. А. Архипенко (Ростов-на-Дону) описала систему безударного вокализма одного донского говора.

А. А. Лопухина (Москва) в своем выступлении проследила эволюцию некоторых элементов фонетической системы шенкурского диалекта (современный Шенкурский район Архангельской области) на материале деловых рукописей XVII века и записей устной речи, осуществленных В. Мансиккой в 1910 г. и экспедициями филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова в 1974—1975 гг.

А. Д. Черенкова (Воронеж) выделила несколько субэтнических образований русских на территории Воронежской области (*талага́и, цукáны, собственно русские и óкальцы*) и перечислила характерные черты переселенческого говора воронежских цуканов, отличающие его от диалектов коренного населения области.

В докладе **И. И. Исаева** (Москва) «Инструментальное исследование редукции безударных гласных в ярославском говоре» были предложены результаты исследования архаического слоя говора села Овьинощи.

Е. П. Андреева (Вологда) на материале лексики, обозначающей в вологодских говорах звуки неживой природы, сопоставила семантические и акустические характеристики звукоподражаний в диалекте и литературном языке.

В докладе **С. В. Дьяченко** (Москва) говорилось о путях сохранения семифонемного вокализма в современных южнорусских говорах. На примере трёх архаических воронежских говоров было показано, что различие семи фонем устойчиво в том случае, если говор характеризуется широким артикуляционным пространством и сохраняет противопоставление дифтонгов и монофтонгов.

Е. В. Корпечкова (Москва) представила описание вокализма одного южнорусского говора с семью фонемами под ударением, архаическим аканьем и обоянским яканьем, рассмотрела случаи отступления от этих типов вокализма и сделала вывод об отсутствии прямой зависимости предупредительного гласного от качества ударного.

В докладе **А. А. Соколянского** (Магадан) «Соканье в говорах крайнего северо-востока России» высказано предположение, что возникновение «соканья» в говорах связано не только с иноязычным влиянием, как это принято считать, но и с особенностями реализации категории твердости-мягкости.

Доклад **Т. Н. Коробейниковой** (Москва) был посвящен эволюции индивидуальной фонетической системы. Анализ записей речи одного и того же носителя говора д. Южаки Верхнекамского района Кировской области, сделанных с интервалом в 10 лет, показал, что система вокализма претерпела изменения, касающиеся формантных характеристик ударных и безударных гласных.

М. Н. Ткачук (Украина, Киев) описала специфику функционирования говоров Чернобыльской зоны, носители которых после аварии на ЧАЭС в 1986 г. были расселены по другим ре-

гионам Украины и Беларуси. Она проанализировала изменения на уровне фонетики и лексики, происходящие в этих говорах под воздействием других диалектов и литературного языка.

Н. В. Удалов (Набережные Челны) рассказал о работе по восстановлению и оцифровке материалов диалектологических экспедиций Казанского университета 60—80-х гг. XX в. и создании электронной картотеки звучащих текстов.

На заседании секции **грамматики** было прочитано 6 докладов. **В. А. За-кревская** (Тюмень) на материале архангельских говоров рассмотрела некоторые синтаксические средства выражения категории аспектуальности, а именно употребление в одном контексте глаголов совершенного и несовершенного вида в качестве однородных сказуемых. Подобный феномен, по мнению докладчика, характерен для устной речи и отражает стремление говорящего более ёмко и образно описать ситуацию.

В докладе **Е. Е. Королёвой** (Латвия, Даугавпилс) «Междометия в говорах старообрядцев Латгалии» анализировались производные составные междометия с опорными компонентами, служащими наименованиями Бога и Богородицы. Была дана семантическая классификация междометий и прослежено сохранение их живой связи с вокативами, в частности приводились примеры, отражающие промежуточные стадии перехода вокативов в междометия и наоборот. Автор пришла к выводу, что данный разряд междометий служит метатекстовым показателем этноконфессиональной принадлежности говорящего.

Г. С. Кобирилка (Украина, Киев) рассказала об употреблении полных и кратких местоименных форм в юго-западных говорах украинского языка. Автор отметила, что разные формы местоимений в указанных говорах функ-

ционируют как лексико-семантические и функционально-синтаксические варианты. Краткие формы (энклитики), при-мыкающие к полнударному слову, нейтральны; полные формы, образующие самостоятельное фонетическое слово, используются, когда нужно выделить субъект, и выполняют, таким образом, экспрессивно-выделительную функцию.

А. А. Колесников (Украина, Киев) исследовал морфологические особенности украинских переселенческих говоров междуречья Днестра и Дуная, функционирующих в окружении говоров русского, румынского, болгарского и гагаузского языков. Эти говоры не образуют сплошного массива и являются мозаичными. Докладчиком была предложена методика их описания, в основе которой лежит диалектная текстогрaфия и дифференцированный подход к каждой частной диалектной системе.

Доклад **Н. В. Марковой** (Петроводск) был посвящен функционированию глагольных словосочетаний с генитивными и номинативными формами прямого объекта в частной диалектной системе д. Кузаранда Медвежьегогорского района республики Карелия. Был сделан вывод о нейтрализации данных противопоставленных диалектных различий в избранном говоре.

А. В. Малышева (Москва) на материале архангельских говоров проследила динамику изменений в области беспредложного объектного управления глаголов восприятия и выявила грамматические и семантические факторы, препятствующие замене архаической генитивной формы на аккузативную.

На заседаниях секции **лексикологии** было заслушано 12 докладов. В сообщении **И. Б. Качинской** (Москва) «Прадедки и прадедки: восходящее и нисходящее родство в архангельских говорах» рассматривались лексемы, обслуживающие имена родства в третьем-пятом коленах; были продемонстри-

рованы различные словообразовательные и синтаксические модели номинации.

О. А. Глущенко (Петропавловск-Камчатский) в докладе «Топонимика Камчатки как источник этнокультурной информации» проанализировала систему гидронимов Быстринского района Камчатки, уделив особое внимание продуктивным принципам их номинации на территории русско-эвенского культурно-бытового двуязычия.

Л. Ю. Астахина (Москва) прочитала доклад «Об одном старинном обозначении сельскохозяйственного процесса», в котором на материале памятников письменности XVII в. и современных диалектов рассматривается семантика и употребление ушедшего термина *лукать*, обозначающего процесс обработки невейной ржи.

Е. В. Колосько (Санкт-Петербург) посвятила свое выступление вопросам заимствования лексики из французского языка и функционированию заимствованных слов в русских говорах.

М. М. Кондратенко (Ярославль) поделился опытом исследования понятия «время» в различных диалектных системах с точки зрения принципов номинации. Материалом послужили лексические данные периферийных говоров северо-востока, северо-запада и юга Славии: ярославских, нижнелужицких и родопских.

М. С. Каргышева (Москва) представила описание семантической структуры общерусского слова *волок* в архангельских говорах.

А. Б. Коканова (Москва) проанализировала семантику лексемы *мёртвый* в архангельских говорах и показала, что в значениях, совпадающих с литературным языком, это слово имеет иную, более широкую сочетаемость.

И. В. Желябова (Ставрополь) обратилась к семантическим и культурологическим аспектам исследования рыбо-

ловецкой лексики в говорах казаков-некрасовцев.

В докладе **Н. Г. Ильинской** (Петропавловск-Камчатский), посвященном семантическим отношениям в пределах родо-видовой группы «названия лососевых пород рыб» в говорах камчадалов, была охарактеризована языковая и социокультурная ситуация на территориях проживания коренного русскоязычного населения Камчатки.

М. А. Карпун (Ростов-на-Дону) на материале донских говоров изложила свои наблюдения над диалектными фразеологизмами, в состав которых входит фитоним.

Н. С. Ганцовская (Кострома) посвятила выступление памяти исследователя поунженских диалектов А. В. Громова, подробно остановившись на анализе двух его работ: «Словарь. Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже» (Кострома: Инфопресс. 2012) и «Жгонский язык: Словарь лексики пимокатов Макарьевского, Мантуровского и Нейского районов Костромской области» (М.: Энциклопедия российских деревень. 2000).

Г. Д. Неганова (Кострома) на материале «Краткого словаря народного говора Мантуровского района Костромской области» описала ландшафтную лексику Костромского Заволжья, уделив особое внимание терминам *выберье* и *оборыш*, обозначающим места сбора ягод в лесу.

Заседание секции «Языковая личность и наивная картина мира» открылась докладом **Л. Г. Гынгазовой** (Томск), в котором рассматривалась метафора в дискурсе языковой личности диалектоносителя. Автор определяла приоритетные типы метафорических моделей, отражающих когнитивную специфику восприятия мира.

Т. П. Лёнгрен (Норвегия, Тромсё) в докладе «Наивная диалектология как источник познания языковой личности

информанта» поделилась результатами изучения переписки участников одного из Интернет-форумов, составляющих словарь говора своего посёлка.

И. А. Букринская и **О. Е. Кармакова** (Москва) рассказали о функционировании и семантике глагольных лексем со значением 'исполнять похоронный плач, причитать' в русских говорах в сравнении с другими восточнославянскими языками. В докладе была выявлена специфика русских номинаций и описана территория их бытования.

С. М. Белякова (Тюмень) на материале тюменских говоров изучила образный потенциал диалектной речи. Она отметила необходимость выделения денотативных сфер, обладающих соответствующей аттракцией, и исследовала сферу «человек vs. вещь».

В. В. Леснова (Украина, Луганск) говорила об особенностях выражения лингвистической категории оценки в диалектной речи и привела примеры из украинских говоров, иллюстрирующие употребление оценочных средств на разных языковых уровнях — фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом.

В. М. Грязнова (Ставрополь) выявила специфику архаических фонетических, морфологических и лексических черт говора казаков-некрасовцев.

Тезисы докладов, прозвучавших на конференции, опубликованы в сборнике: **Актуальные проблемы русской диалектологии: Тезисы докладов Международной конференции 27-28 октября 2012 г. М., 2012.**

А. В. Малышева

Отчеты о диалектологических экспедициях Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН в 2012 г.

В 2012 г. состоялось 9 экспедиций Института по изучению говоров русского языка. Работа проводилась в рамках проекта «Полевые исследования русских говоров России и зарубежья» (руководитель Л. Л. Касаткин), поддержанного грантом РГНФ № 12-04-18015. Экспедиции работали в Белгородской, Владимирской, Вологодской, Воронежской, Кировской, Ростовской областях, на Дальнем Востоке, а также в Эстонии и на Украине. В некоторых из них приняли участие исследователи из других российских и зарубежных научных центров: Института славяноведения РАН, РГГУ, Московского государственного областного педагогического университета, Южного федерального университета (Ростов), Вологодского и Воронежского государственных педагогических университетов, Тартуского университета (Эстония) и Университета г. Бохума

(Германия). Результатом полевой работы стали аудиозаписи диалектной речи продолжительностью свыше 250 часов.

Ниже публикуются отчеты о шести экспедициях 2012 года¹. Общая редакция отчетов осуществлена А. В. Тер-Аванесовой.

Экспедиция в Ростовскую область

В Ростовской области 5—13 июня 2012 г. Л. Л. Касаткиным вместе с профессором из Германии Кр. Саппоком и диалектологами из ростовского Южного федерального университета кандидатом филол. наук доцентом Н. А. Архипенко и её аспирантками Н. С. Поповой

¹ Авторы сердечно благодарят А. К. Петрову за ценные советы и замечания, которые помогли значительно улучшить содержание настоящей публикации.

и М. А. Карпун в Усть-Донецком р-не (станции Кочетовская, Мелиховская, Нижнекундрюченская, Раздорская и хуторы Апаринский, Ешеулов, Каныгин) и Константиновском р-не (хуторы Верхнепотапов, Нижнекалинов) было записано на диктофоны 43 часа диалектной речи от представителей старшего поколения.

У этих информантов отмечены следующие диалектные черты разной степени сохранности.

Фонетика

В области гласных

Диссимилятивное аканье жиздринского типа, при котором на месте /о/ и /а/ после твёрдых согласных в 1-м предударном слоге перед всеми ударными гласными, кроме [а], произносится открытый гласный [ǎ], а перед ударным [а] — [э], иногда [ы] или средний между ними гласный; в других предударных слогах, кроме неприкрытого слога, обычен [э] (возможно различие [э] перед [э] ([ы]) по длительности и интенсивности, например: *настрǎпал'илс'и* — [ǎ]₁ 104 мс, 67,13 дБ; [э]₂ 50 мс, 61,41 дБ; [а] 148 мс, 76,98 дБ; [ǎ] 109 мс, 64,49 дБ; *пǎдышлǎ* [ǎ] 59 мс, 72,03 дБ; [ы] 58 мс, 70,07 дБ; [ǎ] 133 мс, 76,61 дБ), реже [а] (*старǎжǎ, пǎ палм'ишǎч'ку*), [э] (*зǎб'ир'от', пǎддǎват'*); в заударных слогах обычен [э] (*п'ир'ижǎхлǎ, х'утǎрǎ*), в неконечных слогах и конечном закрытом слоге иногда [ы] (*рǎдыснǎ, ц'ыл'ǎлыс'а*), в конечном открытом слоге иногда [а] (*м'ишǎч'ка, к'идǎйуца*).

Эпентеза гласного в сочетании согласных: *пǎсалǎмиш'кǎм, пǎнǎрǎв'илǎс'.*

Диереза с возможной последующей вставкой в другом месте гласного: *п'ер(е)в'ин'ч'ǎл'ис', пǎн'ир(е)н'ислǎ, п'ир'(е)м'ан'ил'и; пǎ кǎрǎват'ǎх лǎз'ил'и.*

Диссимилятивное яканье донского типа (в хут. Верхнепотапове со следами суджанского).

В хут. Нижнекалинове сильное аканье и ассимилятивно-сильное (ассими-

лятивно-диссимилятивное) яканье оrehовского/новосёлковского типа.

В области согласных

Фонема /у/, представленная в сильной позиции звуком [у] и в слабой — [х]: *уǎлǎднǎ, уǎлызǎ, руун'ǎ, с'н'ех.*

На месте /в/ перед гласным обычно [в], но рядом с [о], [у] может быть [w] (*wот, нарwут', буwǎит'*); перед глухим согласным иногда [в] (*вс'у, д'ǎвк'и, д'иш'и'онка*); в начале слова перед согласным [у] (*уз'илǎ, укл'уш'ил, у рукǎх*), в середине слова перед согласным и в конце слова [ǎ] (*рǎзǎурнǎб'ǎк'и, слǎу*).

На месте [в'] возможен [ǎ]: *д'ǎц'к'и, с'в'икрǎца.*

На месте /у/ возможен [в]: *вǎжǎхл'и, и вǎж'х' д'ǎвǎш'кǎ рǎд'илǎс'.*

Протетический [в] перед /о/, /у/: *в'утк'и.*

Замены фонем /ф/, /ф': *хвǎтǎ, хвǎиш'ис'ты, кух'ǎйк'у, мǎт'ых'вǎ* (МТФ), *плат'хǎрмы, т'ил'ихǎны, т'ухл'и, Х'в'ил'а.*

Протетический [у] перед группой согласных с первым [в]: *увз'ǎт', ув бǎлку.*

Протетический [и] (после твёрдого согласного предшествующего слова возможны [ǎ] и [ы]) перед группой согласных в начале слова: *ирǎват', ишл'и, анǎ иззǎд'и м'ин'ǎ, сын ыз'д'ǎлǎл, из'з'ирнǎм, ик н'ǎй, јазык пр'ил'ип ыг зу-бǎм, а также ад'ин ц'кǎ дǎнам'.*

На месте ч' — [ш']: *уш'ǎба, нош'.*

Твёрдые шипящие в соответствии с долгими мягкими: *ишш'иш'ǎк, ишш'иш'ǎ, з барш'ǎм; дǎжж'ык'и, ижж'ǎй, пр'ишж'жǎит'.*

Мягкий [к'] после парных мягких согласных и /ј/: *Мар'ус'к'а, н'ǎн'к'а, дǎй-к'а, хǎз'ǎйк'а, шǎйк'у.* После [ш'] ([ч']) [к] твёрдый: *кǎш'кǎ, мǎлаш'кǎ, м'ишǎч'ка, јǎйч'кǎ.*

Прогрессивная ассимиляция [ј] и возможное стяжение одинаковых согласных: *б'ил'л'ǎ, с сǎл'л'у, к Вас'ил'л'ивым, плǎт'т'у, нǎч'ч'у, ас'ан'н'у, ǎс'ин'у.*

Выпадение [ј] между гласными, возможная следующая прогрессивная ас-

симиляция гласных и их стяжение, чаще в безударном окончании прилагательных: *дароуэу; зэлэтиа, кэкиа, тэкиа, д'элэ харошэа, крунэа, сэмэа улавна, нош' м'эс'ишна, друубэ; н'и знэу, н'и знэу, думуут' (-ају-).*

Твёрдые губные на конце слова: *л'убоў.*

Твёрдый [р] в соответствии с мягким [р'] и мягкий [р'] в соответствии с твёрдым [р]: *прыуатоўл'у, прыкат'ил'и, прихад'ил, пришла, абрэзэт',— р'уба, аткр'итэ, ув кар'итэх, прэур'изут'.*

Твёрдый [в] в соответствии с мягким [в'] в словах: *вышн'а, вышн'овый.*

Мягкие [д'], [р'] в соответствии с твёрдыми в слове *д'ур'к'а.*

Сочетание [мн] на месте [вн]: *дамно, уамно, ромный, сламно.*

Особенности ударения: *пэлыса — нолэсу, валк'и, пэунала (ж. р.), былó.*

Морфология

Существительные

Согласование по ж. роду существительных исконно ср. рода: *вот кэкиа кэл'исó; шла к'ино, сонцэ п'акуч'ие была, ана дэрэуайа м'аса, з'ирно эту; на этэй м'эс'т'и школа.*

В единственном числе у существительных I склонения в Р. п. окончание -е: *у мајой кум'э, ат таск'э, у мам'и, с работ'и; м'эн'ишэй с'истр'э сын (или Д. п.?).*

В Д. и П. пп. отмечено окончание -ы: *з бабы, к Л'убы; — бываит' у цэрквы.*

Существительные III склонения в П. п. ед. ч. имеют ударное окончание -е: *у үр'из'э, у шырс'т'э, пэ с'т'ип'э.*

У существительного *мать* в В. п. форма *мат'ир'у.*

В Р-В. п. мн. числа у существительных м. рода окончание -ох: *быкóх уз'ила, у н'эмцэу был'и лóшэд'и.*

Прилагательные

Твёрдый [к] в конце основы перед /и/ окончания: *рускэи (И. п. мн. ч.).*

Мягкий согласный в конце основы кратких предикативных прилагательных во мн. ч.: *в'инэват'и.*

У притяжательных прилагательных суффикс -ин- примыкает к основе на твёрдый согласный: *бабын муш, Шурын д'ет, мамынэвэ бра́та.*

Местоимения

Формы Р. и В. пп. ед. ч.: *м'ин'э, т'иб'э, с'иб'э.*

У указательных местоимений *йэ́тот, йэ́нтот* твёрдая основа во мн. ч.: *јэты, јэтых, јэтым'и, па этыу жыл'эзныу дароуэх, јэнты.*

Глаголы

Выравнивание основы в форме 1-го лица ед. ч. по согласному в других формах: *л'ит'у, ск'ип'ат'у, ууас'т'у, аттус'т'у.*

В окончании 3-го лица -т'/: *н'и-с'от', насут', л'ат'ит', л'ижат'.*

Отсутствие согласного в безударном окончании 3-го л. ед. ч.: *пријэд'и, фс'о знэйэ, он уавор'а.*

Общее спряжение глаголов с безударными окончаниями и форма 3-го л. мн. числа с окончанием -ут': *ход'ут'.*

Постфикс возвратных глаголов после согласного -с'и, -сы: *бойс'и, пап'орс'и, пэсад'имс'и, пэдымалсы, рууалсы; в форме 2-го л. ед. ч. -с'с'и: вóз'ис'с'и, дапрóс'ис'с'и, п'ич'ос'с'и.*

Инфинитивы на -сти без конечного гласного: *в'ес'т', н'ес'т', пр'ив'эс'т', спас'т'.*

У глагола *идти* и однокоренных инфинитив образуется с дополнительным -ть: *ит'ит', уйт'ит'.*

Давнопрошедшее время: *ја сэмá была аддэхалэ.*

Деепричастия с суффиксом -вши от возвратных глаголов: *прис'эла ад'эфшы.*

Формы глагола *катить* с ударным [о] в корне: *кóт'им, кóт'ут'.*

Наречия

В значении 'где' часто выступает *ид'э: Ср'ид'и там он хутэрэ || ид'э*

сáмэа збой наро́ду фс'иу́да́ буwáит';
Иде́ эна́ пэбыла́ то там уш д'э́лэт'
н'эч'ивэ.

Вдвајо́х, утрајо́х.

Частицы, союзы, предлоги

Частица *чи* (*ш'и*) и разделительный союз *чи... чи* (*ш'и... ш'и*): *хэд' бы (о)на прын'исла́ бы ш'и полстэ́кан'ч'икэ ш'и; ад'н'и́ там у was ан'и́ || ч'и жы́зы; ш'и х каму́ ујэхэ́лэ || ш'и за́муш бы́шла.*

Предлог *за* с Р. п. имени в значении 'о (об)': *ан'и́ в нас спра́шэвэл'и зэ н'иво́ | за́ этэ́вэ па́рн'а; спэм'ина́йу харо́шэа за н'их.*

Предлог *кругом* с Р. п. имени в значении 'вокруг': *Хажу́ кружо́м сваво́ с'и́ла.*

Предлог *с* на месте *из*: *ана́ с Масквы́, ушла́ з до́му.*

Предлог *по* с П. п. имени: *б'эу́эит' па́ л'уд'а́х, па́ уэра́х кэтал'ис', па́ р'эл'сэх ышо́л, хажу́ па́ вс'эу́ бал'н'и́цэх.*

Синтаксис

Предикативное употребление деепричастий: *Та́к он ы пау'ип ил'и б'эз в'ис't'и прэпа́ушы.*

Л. Л. Касаткин

Экспедиция в село Роговатое Старооскольского района Белгородской области

В июне 2012 г. группа сотрудников отдела диалектологии и лингвгеографии ИРЯ РАН (С. В. Дьяченко, И. И. Исаев, О. Е. Кармакова, А. В. Малышева, А. В. Тер-Аванесова) работала в селе Роговатое (местное название *Рогова́тка*, *Рогова́товка*) Старооскольского р-на Белгородской области, собирая материал для монографического описания говора этого села. Архив пополнен на 86 часов аудиозаписей и 10 часов видеозаписей.

Фонетика

Г л а с н ы е

Под ударением в говоре различается семь гласных фонем. В области среднего подъема противопоставлены фонемы /ъ/ и /e/, /ω/ и /o/. Фонема /ъ/ реализуется дифтонгом [иъ] или монофтонгом [ъ]: *сас'иъткэйу*, *в л'ъс'и*, /e/ — монофтонгом [e]: *р'ив'ъ*; /ω/ — дифтонгом [уо] или монофтонгом [о]: *давнуъ*, *рэскало́лэ*, /o/ — монофтонгом [o]: *до́мэ*.

Гласные фонемы непереднего ряда после мягких согласных представлены дифтонгами (и полифтонгами) [иа]/[еа], [ио], [иуо], [иу]: *л'и́а́жэ*, *л'и́о́х*, *с'е́а́ду*, *т'и́уъ́ткэ*, *нэм'е́ал'и́у*.

В позиции 1-го предударного слога после твердых согласных архаическое диссимилятивное аканье. В соответствии с фонемами неверхнего подъема выступает три позиционно распределенных аллофона: [а] «открытый» (перед ударным слогом с гласными верхнего или верхне-среднего подъёмов: *бал'и́т'*, *балу́ит'*, *бал'иъ́т'*, *баруъ́лс'и*); [а]² «закрытый и задний» (перед ударным слогом, содержащим /a/: *ба́л'и́а́т'*, *ба́л'а́кэт'*, но встречается и перед ударным слогом с монофтонгами среднего подъема); [э] (преобладает перед слогом с ударными гласными среднего подъема: *па́ сто́*; *кэн'ъ́ц*, но встречается и перед ударным гласным нижнего подъема: *уэра́*). Звук [а] «закрытый» отличается от [а] «открытого» меньшей длительностью, меньшей интенсивностью и тембром: его F1 650—750 Гц, тогда как [а] «открытый» имеет F1 750—850 Гц. Аллофон [э] имеет F1 450—600 Гц, меньшую длительность и интенсивность, чем оба *а*. Звук [а] отмечен в частотных словах перед ударными гласными верхнего подъёма: *та́ды́* (возможно, обусловлен аллегровым произношением). В случае, когда [э] в первом предударном слоге

² Ниже этот звук обозначается также символом [а].

находится в соседстве с губными, заднеязычными согласными или [л], он может приобретать огубленность и сдвигаться в задний ряд: з бэ^онтам'и, пэ^опэн'а, у лэ^огá, дрóвá/дрáвá.

В 1-м предударном слоге после мягких согласных архаическое яканье. Фонемы неверхнего подъема нейтрализуются в одном из трех позиционно распределенных аллофонов: дифтонге [éa]/[iá] (перед ударными гласными верхнего и средне-среднего подъема: куз'н'эа-цубэа, у с'т'эан'иэ, пэнэпр'эадут'), монофтонге [e] (перед ударным гласным [a], реже [o]): ум'еплá, дв'енáциэт', н'ич'еуб) и [и] (перед ударными [e], [o], редко перед [a]: н'ик'э, св'икрòв'и, н'ит'òрк'и, вр'им'ánч'к'у).

Во 2-м предударном слоге после твёрдых согласных фонемы неверхнего подъема совпадают в аллофонах [á] либо [э], распределенных в зависимости от качества гласного первого предударного слога. Если в первом предударном слоге — [a], то во втором предударном обычно [э]: трэктар'ист, рэзр'ад'ила, пэстар'эл'и, гэвар'у, рэзв'арн'улэс' (примеров много); крайне редко в этой позиции встречается [á]: захат'элэс', пэуан'у. Если в первом предударном слоге — не [a] (а звуки [э], [e], [и], [ы] или [у]), то в предшествующем ему второму предударном возможен [á]: пэ-рэс'атэ, нар'ежál'ис'а, нэуэвар'ивэат', наклэд'э, Рауэватка, сэб'ир'эи, сэб'и-рáиши (в неприкрытом слоге: ал'л'инóй, апэлзэт', аснавát'). Однако в этой позиции встречается и [э]: рэскэпál'и, у гэрэдáх, зэрэбáтэвэт', пэмэуáйут', сэб'ир'э, нэ с'иб'э. Тем самым, диссимлятивный принцип распределения аллофонов гласных фонем неверхнего подъема довольно отчетливо виден во 2-м предударном слоге после твердых согласных.

Во 2-м предударном слоге после мягких согласных фонемы неверхнего подъема нейтрализуются как в [и]:

н'ир'ис'эр'ут'; н'ир'естáл, д'ир'ев'иáн-ных; р'им'аслуд, с н'ис'ат'и (с пятидесяти), н'ир'агón'иши, так и в [e]: н'етухá, н'едэл'òкá, н'е стáл'и, н'е пэн'áл, зв'ерабóй, м'етрэвэл'и и м'етрэвэл'ины (прозвища по фамилии футболиста С. Метревели). Имеющиеся примеры показывают, что выбор между [и] и [e] во втором предударном слоге не зависит от качества гласного последующего слога и может быть обусловлен твердостью/мягкостью следующего согласного: [и] выступает перед мягкими, [e] — перед твердыми согласными.

В заударных конечных открытых слогах после твёрдых согласных фонемы неверхнего подъема совпадают в аллофоне [á], реже — в [э]: мнóгá, н'едэл'òкá, прáвдá, куп'ила, старáуá ас-кóлэ, хáткэ, дáжáркэ, дэл'òкэ. После мягких согласных различаются [á], [e] и [и]: хм'ил'евáйá, н'ад'эл'á, прáвнуч'к'á — из мáмынэй хáт'е, пр'ид'е, дáйд'эт'е, у рáстóв'е, óс'ин'и. Как видно из примеров, в рассматриваемой позиции в звуке [e] совпали рефлекс *e и *э (или: фонемы /e/ и /ɛ/); [á] является рефлексом *'a (и репрезентантом фонемы /a/). Вопрос о различении рефлексов *i, *e, *э в заударных позициях нуждается в дальнейшем изучении.

В закрытых заударных слогах и в неконечных заударных открытых слогах после твёрдых согласных фонемы неверхнего подъема совпадают в [э]: зэрэ-бáтэвэт', хóлдэна, р'áдшикэм, утэч'ик, реже в [á]: тр'áнкáйу, аддыхáл; после мягких согласных — в [и], реже в [e]: утэч'ик, к'ин'иши, выжм'иши — нáл'еи, выв'елэ.

Согласные

Говору свойственна оппозиция согласных по твердости/мягкости. Пары по твердости/мягкости образуют фонемы /б/—/б'/, /п/—/п'/, /м/—/м'/, /в/—/в'/, /д/—/д'/, /т/—/т'/, /з/—/з'/, /с/—/с'/, /н/—/н'/, /р/—/р'/, /л/—/л'/, непарными являются «мягкие» фонемы /ч'/, /ш'/, /ж'/,

«твердые» /ц/, /ж/, /ш/, /ш:/, /ж:/, /хв/, заднеязычные /к/, /г/, /х/. Фонемный статус /ш:/, /ш:/, /ж:/ (*ш':о* наряду с *ш:о* 'что', *ш':áст'йе*, *иш:у́*, *пэд д'бж:эм*) может быть подвергнут сомнению (бифонемные сочетания?). Фонемы /хв/, /хв'/ (соответствие лит. /ф/, /ф'/: *Хв'иодэр*, *Хвэм'ина́*, *хв'орт-хв'окус*; *гархв'инат* 'рафинад', *Хв'ил'а*, перед согласным [х]: *Хралубва*) встречаются в заимствованных словах.

Наличие парных по твердости/мягкости согласных фонем доказывается прежде всего различием твердых и мягких парных фонем на конце слова. Наличие мягких губных фонем характеризует говор как восточнорусский. Вхождение /в/ и /в'/ в класс сонорных (представлены звонкими аллофонами на конце слова и перед глухими согласными у одних информантов, со случаями оглушения — у других информантов) и регулярный характер фонем /хв/, /хв'/ напротив, указывает на юго-западный тип консонантизма.

Специфику говора составляют собственно фонетические характеристики оппозиции твердых и мягких согласных. Для их изучения собран материал по специальной программе (минимальные пары в изолированном употреблении были прочитаны несколькими информантами), он дополнен примерами из записей спонтанной речи.

«Твердые» губные и переднеязычные согласные являются веляризованными. «Мягкие» палатализованы в разной степени, в зависимости от фонетической позиции, места и способа образования согласного. Ниже приводятся результаты слухового и инструментального исследования «твердых» и «мягких» согласных звуков в позиции конца слова.

Переднеязычные зубные (информантам для прочтения предлагались пары слов *лаз — пролазь*, *раз — карась*, *пят — пять*, *сон — сонь*, *кон — конь*). Твердые переднеязычные в конце слова интен-

сивнее, чем палатализованные, а не в конце слова менее интенсивны, чем палатализованные. В конце слова контраст шумных [с] — [с'] и [т] — [т'] по интенсивности менее выражен, чем контраст сонорных [н] — [н'].

В парах *дал — даль*, *стал — сталь* противопоставлены веляризованный и палатализованный боковые [л] — [л'], тогда как в парах *угол — уголь*, *уголок — уголёк*, *уголка — уголька* представлена оппозиция среднего и палатализованного боковых: *дал*, *стал*; *у́гал* — *у́гал'*, *у́гал'ок* (в текстах встречается также *у́гал'ок*) — *у́гал'и́ок*, *у́гал'ка* — *у́гал'ке́а*. Эта система подобна литературной и диалектной украинской и западнорусским диалектным системам, в которых [w], продолжение лабиовелярного *l, выступает на конце форм прош. времени м. рода и в рефлексах восточнославянских сочетаний *tьlt, тогда как в прочих позициях твердый веляризованный [л] (или средний [l]) противопоставлен палатализованному [л'], ср. укр. *дав*, *ж'овтий* — *даль*, *в'угол*, *в'угла* — *в'у́гиль*, *в'у́гля*, *в'у́галья*.

Дрожащие [р] — [р'] противопоставлены в конце слова (пары *дар — царь*, *вар — варь*, *пар — парь*), но при быстром темпе речи контраст [р] — [р'] ослабевает. Лексикализованное отверждение *р*: *р'ы́га*, *к'ры́нка*.

Губные. Губно-губные [п] — [п'] в парах *цеп — цепь*, *краб — грабь* и губно-зубные в парах *у́став — ставь*, *сплав — сплавь* имеют выраженный контраст по степени смягчения. Звонкость [в], [в'] на конце слова сохраняется последовательно. Возможно частичное ([в^ф], [в'^ф]) и даже полное ([ф], [ф']) оглушение при быстром темпе речи: *ста́ф' сэмау́нэ буты́лку мн'э*; *йа́ н'и па́цм'у́ этэт спла́ф//*; *ну д'и́ев^фкэ́ йэз' д'и́ев^фкэ//*. Оглушению конечного губного согласного способствует следующий глухой шумный согласный или положение в конце фразы перед паузой.

Шипящие могут быть на слух твердыми и нетвердыми: *пэшан'ицэ; ус'о ш'рукáм'и д'иелэл'и; н'амнуош'кэ патубл'шы; палубэ'ут'; ш'оп калэсók н'и астáлс'и; хэраш'уо; м'аш'куоф'тады мálэ б'ылэ; а т'ы стáиш'! б'иеш'! патрус'иш'! пэл'ад'иш'!, ап'ád' б'иеш'! кáстр'ику в'итр'ихн'иш'! ап'ád' б'иеш'.*

Твердые и мягкие согласные в сочетаниях CV. Твердые (непалатализованные) согласные звуки сочетаются с гласными непереднего ряда: *тут, ты, там, кто, т'уот* — и в этих сочетаниях практически неотличимы от твердых согласных в конце слова (они представляют твердые фонемы). Палатализованные согласные звуки сочетаются с [и], в том числе с [и]-образным началом дифтонга: *т'ихый, т'иела* 'тело', *т'иане* 'тянет', *д'иужэ* 'дуже, очень', *т'иуотка, т'иорла; т'иаплуб, д'иреш* 'дерёшь'. В позиции перед гласным [и] выступают парные и непарные мягкие фонемы и (непарные) заднеязычные фонемы, ср.: Р. п. *нау'и, Р. п. с нау'ие, Вáск'иу, Вáск'иа, уул'кио́м* и т. п. Согласные перед [и] представлены аллофонами разной степени палатализованности; аллофоны тех же степеней палатализованности встречаются в позиции конца слова.

«Мягкий слог» может быть сформирован сочетанием:

а) мягкого согласного и переднего гласного ([т'и]),

б) мягкого согласного и непереднего гласного ([т'ы]),

в) твердого или «среднего» согласного и гласного переднего ряда ([ти]/[ти]). В целом относительно слабо палатализованными в позиции перед [и] являются парные по твердости/мягкости зубные и заднеязычные, в целом сильнее палатализуются губные, только палатализованным перед [и] является [л'].

Перед [е] различного происхождения выступают невелиризованные твердые или «полумягкие» варианты парных по твердости/мягкости фонем: *митеш* 'ме-

тешь', *рэстэ* 'растёт', *теклá, хубоде* 'ходит'; ярче всего это проявляется в [I]: *леч', лей, лелá, ллед'иа* 'глядя, смотря', 3 ед. *к'уо́леá* 'колет'. Слабо палатализуются заднеязычные: *п'икé, л'иáуе*, довольно сильно палатализуются губные: *п'ей, б'ей*, 3 ед. *л'уов'еá* (от 'ловить'), ж. р. *м'елá* (от 'мести'). Перед [е] непарные твердые не смягчаются (*шей, шейá*), непарные мягкие не отвердевают (*ч'ей*). Фонологическая интерпретация парных согласных перед [е] в силу такой дистрибуции затруднительна.

Согласные *к, г, х* палатализуются после гласных переднего ряда, а также парных и непарных мягких согласных фонем (*Вáск'еá, д'иэвэч'к'иу*).

Сочетания *вн* заменяются на *мн*: *уамнуо́, мн. ч. ууо́мны*; такая же ассимиляция в нижнедонских казачьих говорах, по описанию Л. Л. Касаткина [Касаткин 2000].

Морфология

Существительные. В I склонении в ед. числе единые окончания для всех типов основ представлены в И., В., Т., Р. без предлогов, «счетной форме», Д. п. В Р. с предлогами и М. п., в том числе при предлоге *по*, противопоставлены твердая, мягкая и «заднеязычная» разновидности I склонения.

И. п.: *-/a/ — трэвá, цыг'лнвá; пауубо́да, халст'ина, хата; земл'иá; циéв'ка, судáрка; ун'уч'ич'кеá стáриш'ийá, ун'уч'иш'ке* (аналогия с *ун'уч'ич'кеá?*), *Витк'еá, Вáск'еá*³;

³ В разделе «Морфология» принимается упрощенная транскрипция, главная особенность которой состоит в принципе обозначения мягкости (палатализованности) согласных. Палатализованность [л'] и [ч'] обозначена апострофом всюду; палатализованность парных по твердости/мягкости и заднеязычных согласных обозначена только на конце слова и перед согласными, а перед гласными переднего ряда не обозначается.

В. п.: *-/y/* — за *γрупу*, *уw аптэку*, *нітку* вложывэли в *уўолку*, *пэнібэву*, *кадўшкы*, *рубáху*, *снаху́*, на *пэнсийу*, *ты́сич'у* *двие́сти*, *эту* *прия́жу*; на *струдо́йкуу*, на *тра́ву*, *ха́ту* *мамыну*, *се́м'іу*, *w* *зе́мл'іу* (2x), *t* *у́отку* *Ниўру*, *a* *зіму* *хо́ладна* нам;

Т. п.: *-/yой/* (~ *-/yойу/*) — с *ваду́ой*, *нау́ой*, *судіу́ой*, *зе́мл'у́ой* *присы́пэл'и*, *сас'іе́ткэ́йу*, *у́арму́ошкэ́йу*, *тр'а́пкэ́йу*, нареч. *мину́тэ́йу* 'тут же, мигом';

Р. п. без предлогов: *-/и/* — *ни* *тра́вы*, *прóвэды* *ру́скэй* *зими́*, *нал'іу́т' вады́*, *ніка́к не* *на́йдут'* *рабу́оты*; *у́екта́р* *зе́мл'і́*;

«счётная форма»: *-/и/* — *три́ ка-ру́бы*, *па́лтары́* *ты́сич'и*;

Д. п.: *-/и/* — *се́астры́*, *ма́мы*, *снахи́*, *Рэ́ула́тки* *на́шэй* *л'іе́т* *ч'аты́риста* *з* *у́акэм*, *шес'* *л'іе́т* *диéвэч'ки* *и* *дэ́сит'* *л'іе́т* *диéвэч'ки*, *уну́ч'ки* *три́цэт'* *л'іе́т*;

Р. п. с предлогами: *-/ие/* в твердой, мягкой, «задненебной» ударных разновидностях, в твердой безударной разновидности I склонения, *-/и/* в твердой, мягкой, «задненебной» безударной разновидностях (в «задненебной» ударной разновидности *-/и/* только у «городского» имени собственного) — у *твэ́йэй* *жани́е* (2x); *ис* *халстíни́е* (4x), у *вэ́рбы*, *из* *ма́мынэй* *ха́ти́е*; *ад* *зе́мл'і́е* *аш* *пэ́дніа́л'і́с'*; у *То́ни*; *ушо́л* *ат* *п'э́рвэй* *снахи́е*, у *Кл'іу́кі*; у *па́дру́шкі*, у *Ни́ус'ки*, у *Ни́урки*, *збо́ку* *ха́тки*;

М. п.: *-/ие/* в твердой, мягкой ударной разновидностях, твердой безударной разновидности; *-/и/* в мягкой ударной, «задненебной» разновидностях склонения — *w* *Ма́скві́е*, *на* *ва́йні́е*; *на* *маши́не*, у *приру́оде* 'в родне', *рука́w* (дымоход) у *ха́теа*; у *ле́асну́ой* *бал'ні́це*; *на* *зе́мл'і́е*, *w* *зе́мл'і́*; *на* *нау'і́*; *w* *упа́ко́wкы*, у *си́риотки*, *w* *палу́о́ски*; также с предлогом *по*: *па* *ха́теа*, *уч'і́тил'ница* *па* *му́зыки*.

Звательная форма имеет нулевое окончание: *Ка́т'!* *Ду́с'!* *Та́н'к'!*

Мн. ч. И. п. *диéвкы*, Р. п. *дэ́сит'* *эти́х* *ка́псу́л*, Д. п. *диéвкэм*, *диéвэч'к'ьм*, Т. п. *з* *диéвкэ́ми* *же* *с* *уну́ч'к'ьми*.

I склонение в говоре Роговатки, таким образом, имеет твердую и мягкую/«задненебную» разновидности, наиболее последовательно противопоставленные в М. п. ед. числа. Различия «ударных» и «безударных» разновидностей склонения на имеющемся материале отчетливо не видно (однако это различие очевидно в Тв. ед. ч.: ударная флексия односложна, безударная — двусложна, см. материал выше). В целом парадигма I склонения, несомненно, относится к юго-западному «деснинскому» типу, см. [ДАРЯ, т. 2, карты 1, 2] (показана только твердая разновидность склонения) и очень близка к системе говора с Огорь Жиздринского р-на Калужской обл. [Бромлей, Булатова 1972: 360—367]. На «деснинский» тип прежде всего указывают: окончание Д. ед. *-/и/*; тенденция к синкретизму Р., Д., М. пп. в мягкой (и «задненебной») разновидности склонения по окончанию *-/и/*, как в белорусском языке; управление *по* М. падежом. Отметим сходство роговатовской системы I склонения с системами в казачьих говорах Нижнего Дона — см. выше отчет Л. Л. Касаткина об экспедиции в Ростовскую область.

В форме Т. п. ед. ч. фонема */yо/* распространилась в мягкий тип склонения, с последствиями для вокализма 1-го предударного слога.

Об ударении существительных I склонения и «огласовке» основ, содержащих *o, см. отчет об экспедициях 2010 г. [Тер-Аванесова 2011].

II склонение существительных имеет следующие особенности. Основы, оканчивающиеся на задненебный, присоединяют окончание *-/y/* в М. ед.: у *ста́ка́нч'і́ку*, у *хэ́латку́*, образуя отдельный подтип II склонения; в Р. п. представлены окончания *-/y/* и *-/a/*, употребление

которых регулируется семантическими и морфонологическими правилами; предлог *по* управляет М. падежом, что у слов подвижной акцентной парадигмы приводит к акцентной кривой следующего вида: И. *бас*, Р. *ба́за*, *ба́зу*, Д. *γ ба́зу*, М. *нэ базу́*, *пэ базу́*, Т. *ба́зэм*, И. мн. *базы́* ('загон для скота'); форма И. п. мн. ч. *саси́деѡа* (окончание *-e/ < -*e*, как в говоре с. Огорь).

III склонение имеет «основной» подтип (**i*-основы ж. рода) и подтип *мать*, *дочь* (**r*-основы). В подтипе *мать*, *дочь* в Р., Д., М. пп. сохраняются окончания праславянского склонения основ на согласный:

Ед. ч. И. п. *-0*: *до́лжнѡст'*, Р. п. *-и/*: *ат пѡач'ѡ*, *до́ смирти*, *о́сини*, М. п. *-ие/?*: *у Патудане*, *жы́зне*;

Ед. ч. И. п. *-0*: *ма́т'*, *до́ч'*, Р.-В. п. *-e/?*: *у (на) ма́тиреѡа*, Д. п. *-и/*: *ма́тири*, Т. п. *-ѡу/*: *с ма́тир'ѡу-то*, М. п. *-e/?*: *ма́тире*, И. мн. *-ѡа/*: *длч'ѡр'ѡа*.

«Основной подтип» III склонения наиболее близок твердой безударной разновидности I склонения. Сохранение окончаний древнего склонения основ на согласный в парадигме слов *мать*, *дочь* (прежде всего окончание *-e/* в Р.-В. ед.: *ма́тиреѡа*) свойственно деснинским и южной части орловских говоров [ДАРЯ, т. 2, карты 9, 32].

Глагол

У глаголов с ударными окончаниями различаются два типа спряжения; все глаголы с безударными окончаниями презенса спрягаются по I спряжению («общее» спряжение в терминологии С. В. Бромлей). I и II спряжения различаются не только тематическими гласными, но и наличием/отсутствием *-т'/* в формах 3 лица; в этом отношении говор Роговатки отличается от юго-западных говоров, в большинстве которых *-т'/* присутствует в обоих спряжениях в 3 лице (например, в говоре с. Огорь [Бромлей, Булатова 1972: 387—396], и

подобен говорам Верхнего и Среднего Дона [ДАРЯ, т. 2, карты 79—81], а также донским казачьим говорам, см. отчет Л. Л. Касаткина выше. Особенность, свойственная юго-западным и донским говорам и представленная в Роговатке, — отсутствие перехода *e* в *o* перед твердыми согласными в ударных флексиях I спряжения.

Чередования согласных при образовании формы 1 л. ед. ч. глаголов II спряжения, а также «общего» — исконно *i*-спряжения: *ꙋледиꙋ* ~ *ꙋлежу́* — являются факультативными.

I спряжение (ударные окончания).

1 ед. *-y/*: *зꙋреабꙋ́*, *неѡсꙋ́*, *кладꙋ́*, 2 ед. *-еш/*: *нисѡш*, *кладѡш*, 3 ед. *-e/*: *зꙋрибѡ́*, *нисѡ́*, 1 мн. *-ем/*: *нисѡ́м*, *-ѡте/*: *нисѡ́те*, 3 мн. *-yт'/*: *неѡсꙋ́т'*.

II спряжение (ударные окончания).

1 ед. *-y/*: *астужꙋ́*, *ꙋаниꙋ́*, 2 ед. *-иш/*: *ꙋудꙋ́ш*, 3 ед. *-ит'/*: *ꙋреамꙋ́т'*, 3 мн. *-ат'/* ~ *-а/*: *висѡ́т'*; *сидꙋ́ѡ*.

I спряжение (безударные окончания).

или «общее» спряжение. (а) Исконно глаголы *e*-спряжения. 2 ед. *-еш/*: *пѡпрѡ́бѡш*, *приказꙋ́ш*, *каркѡш*, 3 ед. *-e/*: *далбѡ́ѡе*, *клиѡꙋкѡ́ѡе*, 3 мн. *-yт'/*: *мешиѡ́ꙋт'*, *брѡшꙋ́т'*. (б) Исконно глаголы *i*-спряжения — 1 ед. *-y/*: *скꙋрꙋ́ѡꙋ* 'крить', 2 ед. *мꙋч'исси*, 3 ед. *-e/*: *зꙋлѡ́зѡа*, *лꙋѡ́меѡа*, 1 мн. *-ем/*: *тꙋѡ́ч'им*, *пꙋꙋѡ́ним*, 3 мн. *-yт'/*: *ꙋѡ́ꙋт'*, *сꙋѡ́ꙋт'*.

Формы возвратной частицы. После гласного возвратная частица представлена морфами *-с'/* или *-с'а/*: *мѡѡꙋс'*, *мѡѡꙋсѡ́а*; после согласного */л/*, */м/*, */й/*, */ш/* она имеет состав *-си/*: *мѡ́лси*, *мѡ́мси*, *пѡкѡ́йси*, в сочетании с флексией 2 л. ед. ч.: *мꙋч'исси*. В сочетании с флексией 3 лица: *бꙋѡ́ниꙋцѡ́а*, *станꙋѡ́виꙋцѡ́а*. Под ударением возвратная частица не встречается.

В прошедшем времени у тематических глаголов праславянской акцентной парадигмы с представлена подвижностью ударения смежного типа: *пꙋꙋнлѡ́а*, *пꙋꙋнлѡ́а*, *пꙋꙋнлѡ́а*, *ꙋнлѡ́си*; *пѡдн'елѡ́а*, *ни пѡнлѡ́а*,

пэдніа́л, пэдніа́лси, пэдніа́ли, пэдніа́л-л'ис', пэдніа́лис', пэдніа́тыйе. В этом отношении говор Роговатки отличается от юго-западных говоров, в частности от говора с. Огорь, где представлена система типа ж. р. *оддала́ — набра́ла* [Бромлей, Булатова 1972: 397—398] и совпадает с юго-восточными говорами типа с. Деулина [там же: 441—444].

С говором Деулина описываемый говор объединяется колонным накоренным ударением форм презенса глаголов типа *ковать, клевать*: *күйу, күйиш; пл'уййу, пл'уййиш; кл'уййу, кл'уййиш* и др.

Суффиксы инфинитива — *-т'* или *-ч'* (у тематических глаголов с корнями, оканчивающимися на заднеязычные): *нест', леч', хадит'*.

В качестве иллюстрации этой краткой характеристике образования глагольных форм приведем фрагмент словарика тематических глаголов с формами их спряжения. Формы, содержащиеся в словаре, также иллюстрируют сложную систему вокализма говора: они показывают автоматический характер диссимилятивного аканья/яканья в этом морфологическом классе (независимость «огласовок» от морфологических позиций). К тому же словарь в известной мере характеризует лексический состав говора: он получен путем прямого опроса информанта о наличии/отсутствии в говоре производных глагольных основ праславянского лексического фонда. Большинство славянских основ производных тематических глаголов в говоре употребляется; некоторые из них оказались неизвестны информантке; третья она охарактеризовала как «литературные» или как не употребительные в исконном слое говора и подобрала им «местные» эквиваленты.

Тематические глаголы в говоре Роговатки (фрагмент словарика)

биечь прош. *биэх, биёула.*

брать 3 ед. *сабирэ, ж. р. зэбрлá.*

быть ср. р. *дóжжу не́ былá.*

весть инф. *привéст'.*

гнать инф. *унáт',* 1 ед. *уаниу́ кэу́ улёди́а,* 3 ед. *прау́о́неа́ кару́о́ву,* 1 мн. *пау́о́ним кару́о́в,* м. р. *плу́на́л, уна́лси,* ж. р. *пэу́нлá,* мн. ч. *плу́на́л'и.*

*гнесть *не зна́йу:* <в Роговатке говорят> *на́дэ пэла́жы́т' ка́мин'.*

*гнить (знает, но в Роговатке это слово не употребляется): *приéт', усцу́о саприéла́* (картошка, дом...).

гресть инф. *зурéст', урэст',* 1 ед. *зуреа́бу,* 3 ед. *зурибе́,* 3 мн. *зуреа́бу́т',* м. р. *зуре́оп,* ж. р. *зуреб́лá,* мн. ч. *зуреа́бли́,* прич. *зуриби́о́нэ усцу́о.*

гриеть инф. *уриéт' во́ду,* 1 ед. *уриéйу,* 3 ед. *уриéя,* 1 мн. *уриéим,* 2 мн. *уриéитеа́,* ж. р. *сауриéла́.*

грызть инф. *уры́с'т' жмы́х ис пэ́тсо́лнух,* 1 ед. *урызу́,* 2 ед. *урызéи,* 1 мн. *ни урызéм,* ж. р. *уры́зла́ уархвинáт* (орехи, семечки — *тач'ит'*).

дать 3 мн. *прада́йу́т',* ж. р. *эддлá,* *паддáлá зáмуш.*

диеть 1 ед. *надиéну,* ж. р. *диéла, надиéла.*

драть инф. *дра́т',* 1 ед. *абдеа́ру́,* 3 ед. *абдирé,* ж. р. *абэдрлá,* мн. ч. *эвэ́ц дра́ли, абдрáл'и,* повел. *абдерí.*

дуть инф. *ду́т',* 1 ед. *паду́йу,* ж. р. *паду́ла.*

жечь ж. р. *пра́жжу́лá.*

жить 1 мн. *жывéм.*

жмать мн. ч. *прижма́л'и.*

идти́ть 2 ед. *пáйдéш,* 3 ед. *л'ибó кэка́йэ зáмуш неа́ вйáдéа,* 3 мн. *не нáйдут'.*

имиеть ж. р. *имиéла́ йа пра́ва* (официальн.).

-йать 3 ед. *вэ́змé, ни пáймé ма́и слэ́вá, ни́удие́ вот та́к ни блáкэ́йут',* м. р. *ни плни́а́л, пэдни́а́лси, пэдни́а́л,* ж. р. *пэднелá,* мн. ч. *пэдни́а́л'и, пэдни́а́л'ис',* прич. *пэдни́а́тыйе,* повел. *пэднимí минé!*

3 ед. *пады́мициэ́.*

йиеть ж. р. *йиéла.*

-ймать 1 ед. *плймáйу ку́рицу,* 3 ед. *ана́ и ру́скэ́й йазы́к ни пэ́нимáйе,* ж. р. *плймáла.*

каяться инф. *кайцэ*, повел. *ты пакэйси, хот' каму-йтэ скажы прáвду*.

класть инф. *клáс'т'*, *на́дэ наклáс'т'*, 1 ед. *на́кладу́*, 2 ед. *на́кладэши*, 3 ед. *на́кладэ*, ж. р. *на́клáла*, мн. ч. *на́клáл'и*.

клевать 1 ед. *неа́ кл'у́йу*, 3 ед. *ку́ра кл'у́йе*.

клясть инф. *кл'у́ас'т'*, 1 ед. *прэ́-кл'у́ану́*, *кл'у́ану́*, 2 ед. *кл'у́инэши*, 3 ед. *о́н мине́ кл'у́инэ́*, *прэ́кл'у́ина́йэ*, м. р. *кл'у́иал*, ж. р. *кл'у́иáла*.

колу́ть 'укалывать, прокалывать' инф. *калу́от'*, 2 ед. *у́леди́*, *наку́ол'иши но́уу*, м. р. *калу́ол*, *на́калу́ол*, ж. р. *на́калу́ола*, прич. *усцу́о́ иску́о́лэна*. В значении 'рубить, колоть' — редко, обычно *рубít' дрэ́ва́*.

крыть инф. *кры́т'*, 1 ед. *кро́йу*, ж. р. *накры́ла хату́*. В значении 'закрыть, затворить; запереть' не употребляется, ср. *за́луши́т'* 'закрыть на засов'.

лаять инф. *ла́йэт'* (новое, раньше не употребляли этого слова); обычно: *са́бака у́а́вкэла*, *у́а́вкэ́йе*.

лгать инф. *лгу́т'* (новое, раньше не употребляли этого слова); обычно: *ни бра́ашы́*, *бре́шыши*.

лечь инф. *леч'*, 1 ед. *л'у́а́жу*, *ле́а́жу*, м. р. *л'у́ох*, ж. р. *ле́ау́ла́*, мн. ч. *л'у́аул'у́*, 3 ед. *л'у́а́жа* и *л'у́а́жы́т'*.

лиезть инф. *л'у́ес'т'*, 2 ед. *л'у́езиши*, ж. р. *нал'у́езла*, *зал'у́езла*.

лить инф. *л'ит'*, повел. *на́ле́й*, 1 ед. *нал'у́у́*, 3 ед. *нал'у́йэ́*, *пирл'у́йэ́*, 3 мн. *нал'у́ут'*, м. р. *нал'у́л*, *пире́ал'у́л*, ж. р. *нал'у́ла́*, *пир'л'у́ла́*, мн. ч. *нал'у́л'и*.

*маяться инф. *ма́йцэ́ ни́ет*: *му́-ч'ис'с'и*.

месть 2 ед. *митэ́ш*.

молу́ть инф. *малу́от'*, 1 ед. *на́меа́-л'у́у́*, 3 ед. *на́мел'а́*, 3 мн. *на́мел'ут'*, м. р. *(с)малу́ол*, ж. р. *(с)малу́ола*, прич. *на́му́о́лэна*.

му́очь 1 ед. *мау́у́*, ж. р. *ни́ мау́ла́*.

мыть инф. *мы́т'*, *мы́цэ́* 'мыть; мыться; стирать', 1 ед. *мо́йус'*, *мо́йусе*, 3 ед. *мо́йа*, 3 мн. *мо́йу́цэ́*.

мять инф. *ми́ат'*, 2 ед. *па́мне́ш*, 3 мн. *памну́т'*, м. р. *пáмиáл*, ж. р. *пáмиáла(се)*, мн. ч. *пáмиáли*, повел. *на́мни́ картóи́шку*.

нести инф. *не́ст'*, 1 ед. *прине́асу́*, 3 ед. *нисе́*, *принисе́*, 3 мн. *прине́асу́т'*, ж. р. *принесла́*, *атнесла́*, м. р. *прини́о́с*.

ныть инф. *ны́т'*, повел. *ни́ но́й*, *хва́теа хны́кэ́т'*.

ора́ть инф. *ара́т'* (редко, обычно: *ни́ крич'у́*).

пасть инф. *па́ст'*, 1 мн. *паде́м*. Раньше не говорили *упа́сть*, обычно: ж. р. *уби́лэс'*, *свал'у́лэс'*, м. р. *свал'у́лси́ хл'у́еп*.

печь инф. *печ'*, 1 ед. *пе́аку́*, ж. р. *пекла́*.

переть инф. (не говорят), м. р. *припи́ор* 'притащить', но обычно употребляется *при́теа́ну́л*. В значении 'запереть(ся) на замок/засов' не употребляется: *за́луши́с'*, *за́крóйси*, *замкни́с'*.

полу́оть инф. *палу́от'*, 1 ед. *пал'у́у́*, 3 ед. *пу́ол'еа́*, 3 мн. *пу́ол'ут'*, прич. *не́пу́о́лэна*.

приеть инф. *при́ет'*, ср. р. *усцу́о́ са́прие́ла* 'гнить'.

рвать инф. *рва́т'*, 3 ед. *рвэ́*, 3 мн. *нарву́т'*, прич. *на́рва́ты́йе*.

ревнеть инф. *ре́ави́ет'*, 3 ед. *ривэ́*.

-речь 1 ед. *за́реа́ку́с'* 'чо-н' *ди́елэт'* 'дать зарок'; 1 ед. *абре́аку́с'* 'в це́ркву́ *схадит'*, *пайду́ абру́ок свóй испóлнйу́* 'дать зарок, обет', ж. р. *за́реклáс'* *бэ́ла-кэ́т'*; *абреклáсеа́*.

*ри́еять *ри́еит'* *ни́ет*: *рэз'вевáи́цэ́* (о флаге, ленте).

руо́сть инф. *руо́ст'*, 1 ед. *расту́у́*, 3 ед. *расте́*, 3 мн. *расту́т'*, м. р. *руос*, ж. р. *рэсла́*, *вы́рэсла*, мн. ч. *расл'у́*, *вы́рэсл'и*.

сне́ять 3 ед. *па́шани́ца си́еи́цэ́*.

*сми́еть *сми́ет'* (редко, обычно: — *у́леади́ неа́ зду́мáй так ди́елэт'*).

(у)снуть 2 ед. *усне́ш*.

стать повел. *устава́й!* — *у́а́с уста́ну* (1 ед.).

стеречь инф. *стире́ч'* *кару́о́в* 'пас-ти', 1 ед. *стире́ау́у́*, 1 мн. *стири́у́ем*, ж. р. *стире́у́ла́*, мн. ч. *стире́ау́л'у́*.

твэ́сть 'цвести' инф. *твэ́с'т'*, 3 ед. *твиге́*, 3 мн. *тв'у́а́ту́т'*, *твэ́ату́т'*,

м. р. *зэтвiо́л*, ж. р. *зэтвелá*, мн. ч. *твѐа-ты зэтвѐал'и*.

чвѐрснуть 'черстветь' м. р. *зэч'вио́рс*, ч'вио́рстэй.

Синтаксис

В рамках изучения синтаксиса начато выявление особенностей глагольного управления. Многие общерусские глаголы в говоре Роговатого демонстрируют иные способы оформления актантов, чем в литературном языке, например возможно употребление другой падежной формы: *фсем уважáйе, этим уважáй*⁴ (Д. п. в соответствии с В. п. литературного языка), беспредложной конструкции в соответствии с предложной: *вѐрьте Бóгу; у менѐ ничегó не балѐла и ничѐм я не жалѐвалась; тáх-тá менѐ эти таблѐтки пэвлияли; бáбушкэ дѐдушкэ чѐрис плетѐнь глядѐла; дѐфки, глянѐте менѐ; использование иного предлога, чем в литературном языке: даг дóсе (до сих пор) смею́цэ з менѐ (т. е. надо мной); ой, мáм, из нiх дѐти смею́цэ; ну, смея́лись из нáс, эпáрывались с сме́ху; жанiлся за дѐфку за Рáйкю; а он ужэ нэ бáбушке был прэсвáтэн; чиблѐтики-тэ нэ за штэ (не на что) былэ пэкупáть; тэдбi пря́нцэф, канфѐт нэ былэ нигдѐ, нэ за штэ былэ брáть и др.*

В говоре Роговатого зафиксированы конструкции с двойным винительным: *Менѐ вóт нявѐску фсѐ заву́ть*. Наблюдается экспансия аккузатива при достигательных и возвратных глаголах: *Я баю́сь вóду. Этэт прáзник бэя́цэ фсѐ. Ждáли-ждáли эти блинi; более широкое, чем в литературном языке, употребление количественного генитива при глаголах несовершенного вида: Крóшши хлеп и иѐши мэлáкá. Сýпу вáм с утрá варю́? Ну, чястүшэж сэчиняю́, у меня́*

их вон скóлькэ. Усѐ, пэшла́ муки сэйитъ. А штó, вы чяю фперѐт пѐте? Бяжы́ть кóрму дэвáть.

Отмечены особенности управления предикативных наречий: *Надѐнь два рукэвá — ниудóбнэ эт сямьiй* (перед семьей), предлогов: *Рáз былэ при нáших мáтерей, бáбушэж, и мý прэдэлжáим бэя́цэ; Карáулкэ былэ збóку цэ́ркви; збóку хáте; збóку хáтки.*

В говоре, как и ожидается на этой территории, имеются двойные предлоги, которые употребляются в пространственных конструкциях с Т. п.: *пэ-нат стóлбэм*; более широко, чем в литературном языке, употребляется предлог *с* в конструкциях с разным значением: *сэ Стáрэгэ Аскóлу; кэгдá с мэгáзину прiдиши; тепѐря мы навóдим с кiльки.*

Широко распространено предложно-падежное сочетание **в + П. п. мн. ч.** с разными значениями — множественного субъекта: *Ни у кагó ва фсѐх дѐфкэж* (в соответствии с литературным **из + Р. п. мн. ч.**); субъекта состояния: *А у кагó туд дѐнги у бáпкэж? У дитя́ж былi стру́пы пэ гáлавѐ; объектно-определятельным: У нѐмцэж рабóтáйе* (в соответствии с лит. **у + Р. п.**); со значением предикативного признака: *Жанiх был у зáрэбэткэж, нэ Кэвкáс иѐзьдили* (в соответствии с лит. **на + П. п.**).

Характерно удвоение предлогов: *ро-су́ эту выжымáют в этэт у бурáк; у Любáшкинэй у сястрѐ на канцү; пэ рáзным пэ сѐлэм рáзнэй нэвáнийэ; с этэй с Аннэю* и др.

Употребляются различные инфинитивные конструкции, не свойственные литературному языку: *Мáмы скóрэ прихадiть, скарѐй гóлэвы чѐшым. Тэдá нэ былэ этих пэтэф-тэ сэчиня́ть, а усѐ сáми сэчиня́ли, усие пиѐсни, усие сáми. Тáм мóжнэ сэ́рцу былэ рэзэрвáцэ. Да гдѐ ш у вáс глóтке не зэбалѐть? А картóхи ужэ ры́ть (уже пора копать) и др.*

Отмечены случаи предикативного употребления деепричастных форм: *Да*

⁴ Здесь и далее в разделе «Синтаксис» примеры даются в упрощенной транскрипции, приближенной к орфографической записи.

ночь не сна́вши, да све́ту не́ была. Мы́ же́ десви́тильнэ па́гншы; в качестве именной части составного сказуемого могут использоваться формы полных страдательных причастий: Бы́л у няго́ там ку́ринь спра́влинэй. У на́з где ма́мэ ма́я рэдна́йэ пэхэра́нэ́нэйэ, ста́йтэ то́пэ́ль; встречаются глагольные конструкции с субъектным генитивом: Да́, и та́к кро́ви лило́сь.

Если в роли подлежащего выступает существительное, обозначающее совокупность, или количественно-именное сочетание, сказуемое употребляется в форме мн. ч.: *Уся́ сяло́ вы́хаді́ли. Збі́ліся наро́т в ла́у. Пазбі́лись ту́да наро́ду стра́сьць. Мо́ре слёс вы́шли.*

Регулярно встречается форма давно-прошедшего времени: *А ту́т бы́ла на́зыва́лася про́шва. Па́то́м бы́ла сто́йка на́зыва́лася. А і́м бы́л ве́нец на́зыва́лсе. Та́м у ні́х ка́пту́нкі бы́ли га́рэлі. Чы́я Ва́рюшкэ́ бы́ла жы́ла — Ма́кэ́лева. Я бы́ла вы́учі́лася.*

Широко употребляются частицы *было* и *есть* при глаголах настоящего или будущего времени для обозначения повторяющегося действия в прошлом или регулярного, повторяющегося действия в настоящем (в соответствии с литературными частицами *бывало*, *бывает*): *И во́д бы́ла бэ́гэши, што́б он пе́ча́ть па́ста́вил. На́режа́лись, тры́пкэю́ бы́ла мэ́та́лись. А і́е́сьць с хрэ́нам де́лаю́т ква́с. Ма́ма́кэ, а і́е́сьць ма́мэ заву́т. Ни́ка́гдэ́ і́х не э́бжа́ла, а і́е́зь жму́ть, не да́ю́ць <денег>. Частица *было* при глаголах прошедшего времени обозначает, как и в литературном языке, что действие началось или предполагалось, но было прервано или не завершилось: *Ані́ сва́дьбы а́быгрыва́ць бы́ла устро́ілісь па́дрэба́тыва́ць. Бы́ла на́с увязлі́ <с госпиталем>, а мы́ не па́шлі́ бо́льша́ ту́да. Мы́ э́днаво́ <тракториста> бы́ла взы́ли за 30 ты́сичь, о́н пэ́ травэ́ и папэ́р и пэ́загубі́л на́м ку́чо тра́вы.**

Одной из задач проведенной экспедиции было установление репертуара

служебных слов (прежде всего союзов и частиц) в говоре, изучение их семантики и функционирования в составе предложения. Зафиксированы характерная для соседних с Украиной говоров частица *чи* с вопросительным или модальным значением: *Адну́ скрі́пку купі́ли чу́ за тры́цэ́ць ты́сичь. І́де́ ж э́тэ́, чу́ на́ кану́. Вы́ чу́ ны́нчы ка́пу́сту ру́бите, мы́ за ка́чэры́шкэ́мі прі́шлі. Во́т я́ не зна́ю, ца́с чу́ сла́ма́лі <хату>. Пла́тыя́ ма́я ле́жа́ла гдэ́-та́, чу́ на́ ла́фке; разделительные союзы *чи*, *ай*: *э́на́ у на́с тры́ дня́ чу́ ча́тыре жы́ла; Гдэ́ у ме́ня де́фкі уну́чыкі, чу́ уйе́хэ́ли, чу́ не́?; А́й крап? <поправляет себя, сначала не так прочла>; причинный союз *что*: *К ча́му э́ту ко́су бы́ю́т? — Што́ по́сле Тро́іцы на́чина́йце́ ка́зьба́; условный союз *кубы́* ‘если бы’: *Ві́ць ку́бы́ схва́ті́лсе, да во́т та́к. Мне ку́бы́ во́т вы жы́лі фсе́ ле́та. Да э́на́ мо́жэ́ не пэ́німа́йце, ку́ба́ э́на́ услыха́ла; вопросительный союз *не то... не то*: *Ну́, не зна́ю, не то́ я сма́гу, не то́ не́т; союзное слово *какой* в значении ‘который’: *Гдэ́ на́бра́ць <денег на обучение> э́таму́, ка́ко́й па́лучы́йт ня́ць ты́сичь? и др.******

Характерно нанизывание частиц, которые контаминируются друг с другом и образуют целые комплексы: *Да во́т то́-та́, то́-та́-та́ <для выражения согласия>; Па́нела́? — По́няла. — Ну́ во́т ы́ та́к <ср. также: ну́ и во́т тебе́ та́х-та́ — для выражения удовлетворения, подтверждения>; ср. в наречных выражениях: *Ты не та́х-та́ бро́сил. Ты не та́х-та́ де́ржы́ш, ну́-ка́ вэ́т та́к, ну́-ка́, вэ́т та́к! Та́х-та́ лежа́л бля́стэ́л, ані́ фсе́ удивля́лися та́х-та́. Гла́диши, во́т та́к во́, вы́гребі́ши. Из э́тэй во́лны че́са́ли во́т та́х-та́ во́, рука́мі. Сучі́ли во́т та́х-та́ во́, пэ́ тро́шке на́біра́ли. Па́тста́вкэ́ бэ́ла́йэ та́рго́ва́йэ, во́т та́х-та́ во́т-та́ во́. Мы́ та́м, во́на́ во́н <показывает рукой>. Две́рь-та́ во́т э́на во́т.**

С. В. Дьяченко, И. И. Исаев,
А. В. Малышева, А. В. Тер-Аванесова

**Экспедиция в село Краснолипые
Репьёвского района
Воронежской области**

В июне 2012 г. сотрудники ИРЯ РАН И. И. Исаев и С. В. Дьяченко, преподаватели Воронежского государственного педагогического университета (ВГПУ) А. Д. Черенкова и О. А. Слюсарева, студенты ВГПУ А. П. Колесникова, Д. И. Изюм, Ю. А. Корелова работали в селе Краснолипые Репьёвского р-на Воронежской области. Целью экспедиции было изучение фонетики говора, территориально и структурно близкого говору с. Роговатое, и сбор материала по программе Лексического атласа русских народных говоров (ЛАРНГ). Сделано 40 часов аудиозаписей и 5 часов видеозаписей.

Село расположено на западе Воронежской области в 26 км к востоку от с. Роговатое. До 1928 г. оба села входили в Нижнедевицкий уезд Воронежской губернии. В 1928 г. Краснолипые было отнесено к Репьёвскому р-ну, Роговатое — к Шаталовскому р-ну Воронежской области (в составе Шаталовского р-на Роговатое в 1954 г. отошло к Белгородской области, с 1963 г. оно относится к Старооскольскому району Белгородской области, с 2007 г. — к Старооскольскому городскому округу).

В языковом и этнографическом отношении Краснолипые и Роговатое чрезвычайно близки. Обращает на себя внимание сходство в деталях народной духовной и материальной культуры: например, в обоих селах существует обычай *жечь пурину* (солону) на Рождество и на Крещение и таким образом греть ноги умершим родителям, имеется оригинальное блюдо — лапша-*кátанка* (пшено, закатанное в тесто, высушенное и затем сваренное в бульоне). С другой стороны, по данным этнографических экспедиций Старооскольского краеведческого музея, Роговатое

резко отличается от других сел и территорий в составе нынешней Белгородской области.

Фонетика

Говору с. Краснолипые свойственна архаическая фонетико-фонологическая система: семифонемный вокализм с различением под ударением четырех ступеней подъема гласных фонем, в первом предударном слоге — архаический тип диссимилятивного вокализма, слабая палатализованность («полумягкость») репрезентантов парных мягких согласных фонем.

Вокализм

В говоре противопоставлены ударные гласные фонемы верхне-среднего и среднего подъёмов. Фонемы /ѣ/ и /ѡ/ обычно представлены дифтонгами [иѣ] и [уѡ], реже монофтонгами верхне-среднего подъёма [e], [o]: *з д'иѣдам, нав'ѣс, пѣдарубжн'ик, в'адрѡ*; репрезентантами фонем /e/ и /o/ обычно бывают монофтонги среднего подъёма [e] и [o]: *д'ер'ѣв'иш, пѣ-д'ир'ив'ѣнск'и, нѡг'и, сѡнцѣ*. Исторически фонема /ѣ/ в большинстве случаев восходит к *ѣ, фонема /e/ — к *e, *ь. Фонемы /o/ и /ѡ/ в исконных словах и древнейших (не позднее древнерусского периода) заимствованиях распределены по правилу, сформулированному Л. Л. Васильевым и А. А. Шахматовым [Васильев 1929; Шахматов 1914] (или: в соответствии с «великорусским принципом» [Зализняк 1985: 173—178]). В говорах Краснолипыя и Роговатого имеются одинаковые регулярные отклонения от правила Васильева—Шахматова, как в отдельных формах (например, /o/ в окончании Р. ед. м. р. местоимений: *тѣѡ, ч'игѡ, н'игѡ*, /ѡ/ в корнях форм Р. мн. существительных I склонения: *блудѡх, жуѡн, сл'уѡс*), так и в классах форм (например, /ѡ/ в корнях форм презенса *i*-глаголов — каузативов и деноминативов: 2 ед. *судѡриш, муѡч'иш, плудѡтиш* 'платишь',

субдиши ‘садишь’, *тубдиши* ‘тащишь’ и др.) и в отдельных лексемах (*многэ*). Эти отклонения представляют собой диалектные различия в распределении двух фонем «типа о», точную географическую привязку которых еще предстоит установить.

В 1-м предударном слоге представлена система диссимилятивного аканья/яканья архаического типа. Перед ударными гласными фонемами верхнего и верхне-среднего подъёмов выступает репрезентант фонем неверхнего подъёма [a] после твёрдых и после мягких согласных: *уарик’и́*, *злату́йу*, *у уарик’и́е*, *с вадóй*, *в’анк’и́*, *ч’ир’ату́шкэ*, *п’ир’ату́оп’иши*, *в’аз’д’и́е*. Перед ударными гласными среднего и нижнего подъёмов — [э] после твёрдых согласных: *грэч’е́й*, *мэлэд’о́ш*, *кэбаро́шка* ‘верхняя часть спины’, *кэрч’а́шка* ‘глиняный кувшин’; [е], редко [и] после мягких согласных: *б’ер’е́м*, *пл’ет’н’о́м*, *у н’еу́о*, *нэв’елá*, — *кр’исто́м*, *кр’иши’и’о́нэй*, *ч’итв’е́рх*. Тот же набор аллофонов гласных фонем первого предударного слога представлен и в говоре Роговатого, однако в Роговатом [е] и [и] позиционно распределены (правда, у части информантов распределены не строго). Качество аллофонов после мягких согласных не позволяет отнести систему Краснолипья, как и систему Роговатого, к какому-либо из традиционно выделяемых типов архаического диссимилятивного яканья (законскому или обоянскому).

Вокализм 2-го и 3-го предударных слогов. После твёрдых согласных фонемы неверхнего подъёма совпадают в звуке [э] независимо от того, какой звук находится в следующем предударном слоге: *сэбражэ́*, *нэр’ад’и́л*, *пэд нав’э́с*, *пэшану́о*, *кэл’есо́м*, *нэв’елá*, *пэкупáйу*, *зэл’ивáйу*, *нэ үлэсá*.

После мягких согласных фонемы неверхнего подъёма совпадают в кратком звуке [и] независимо от качества глас-

ного в следующем слоге, за исключением случаев с отрицательной частицей *не*, в которой произносится гласный [е]: *ч’илав’и́екэ*, *з’имл’енóй*, — *н’ебэл’шóй*, *н’е сэбражэ́*.

В заударных слогах после твёрдых согласных фонемы неверхнего подъёма нейтрализуются в звуке [э]: *сас’э́ткэ*, *з’д’э́дэм*, *кátанку*, *пэ-цыркóвнэму-тэ*, *у энтэй* *у стáрэй шкóл’и*, после мягких согласных — обычно в кратком звуке [и], но в некоторых случаях в звуке [е]: *стáр’ин’к’и́й*, *два м’э́с’и́цэ*, *у мáт’и-р’ин*, — *выл’езлэ*, *в’ид’елэ*, *пóм’ер*, *аб’ийед’эн’и́е*.

Консонантизм

Фрикативный [γ], в слабой позиции оглушается в [x]: *йеу́о*, *у мэрэз’и́н’и*, — *ч’ит’в’е́рх*, *с’т’ер’о́х*.

Фонема /в/ реализуется перед гласными и звонкими согласными звуком [в], перед глухими согласными и в позиции конца слова — [ў]: *вóр’им*, *вр’е́м’а*, *карóў*; в начале слова — [у] слоговым перед согласным, [ув] — перед гласным: *у хáт’и*, *уку́снэй*, *ув’áр’иши*.

Долгие твёрдые шипящие наряду с мягкими: *иши́о*, *шишэ́нá*, *ише́кá* и *и’и’и’екá*.

Ассимилятивное смягчение [к] после мягких согласных: *Мару́с’к’ь*, *нэ эт’их’и́о́лэч’к’ьх*.

«Полумягкие» и твердые зубные в соответствии с мягкими зубными фонемами фиксируются преимущественно в конце слова: *мáт* (мать), *кáмин* (камень), и перед согласным: *кóлк’э* (Колька).

Распределение вариантов /л/ и /л’/. Практически во всех позициях /л/ и /л’/ различаются как [л] и [л’] соответственно. /л/: *пэдвáл*, *буды́лэ* ‘ветка, прут, палка’, *буды́лкэ*, *пэшлá*, *бэлэу́ан*, *вóлэс*, *бýлк’и*, в том числе в *тыт: *талкл’и́*; /л’/: *у ку́л’м’и́е* (в Кульме), *пэмал’э-н’ич’к’у*, *зд’э́лэл’и*, *палу́бл’и*. В различных позициях представлено четыре аллофона: [л’] (палатализованный),

[ɫ] (средний), [л] (непалатализованный веляризованный), [ʏ]. Аллофон твердой боковой фонемы /л/ — [ʏ] выступает в конце слова в формах глаголов прош. времени м. р.: *н'е пр'иѣхаѷ, вз'аѷ, выхад'иѷ* (что показано на рассматриваемой территории в [ДАРЯ, т. 1, карта 61]). В этой же позиции отмечены сильно вокализованный [ɫ]: *пашо́л, купи́л, надѣе́л* и [л]: *ми́л*. Варьирование трех звукотипов в данной позиции означает нестабильность подсистемы латеральных и показывает направление изменения этого звена системы согласных.

В соответствии с /л'/ перед /к/ (которая представлена палатализованным [к']) выступает средний [ɫ]: *ко́лк'э* (Колька). Ср. выше в с. Роговатом: *васкеа* (Васька) — [с] невеляризованный твердый в соответствии с /с'/ перед /к/.

Лексика

Цель группы ВГПУ заключалась в сборе материала по программе ЛАРНГ. Собран материал по темам: «лексика природы» (зафиксированы диалектные лексемы *скат* 'крутой склон оврага', *изва́л* 'пологий склон оврага', *запогодь* 'переход от плохой погоды к хорошей', *вискорня́к* 'корни выкорчеванного дерева', *пересу́шь* 'сухое дерево', *дрязг* 'хворост', *толокóльник* 'молодой лес разных пород', *заростéль* 'густые заросли кустарника', *дубро́вник* 'лиственный лес', *редкодуб* 'редкий лес'), «трудовая деятельность» (*кля́вкать* 'полоть тяпкой' и др.), «одежда» (*подста́вка* 'нижняя юбка', *покро́мка* 'женский нарядно украшенный пояс'), «головные уборы и украшения» (*ба́ба* 'нарядный головной убор, украшенный бисером', *соро́ка* 'нарядный головной убор, украшенный бисером и разноцветными шерстяными кисточками', *снѣзки* 'бусы'). Ответы на вопросы по указанным темам программы ЛАРНГ содержат как диалектизмы (их около четверти от общего объема собранного материала),

так и лексику литературного языка, просторечную и разговорную.

С. В. Дьяченко, И. И. Исаев,
А. Д. Черенкова

Экспедиция в село Татарово Муромского района Владимирской области

9—23 ноября 2012 г. состоялась экспедиция в село Татарово Муромского р-на Владимирской области, в которой приняли участие С. В. Дьяченко, И. И. Исаев, Е. В. Корпечкова и А. В. Малышева. Эта поездка продолжает серию экспедиций по сбору материала в восточных среднерусских говорах. Прежде записи велись в Гусь-Хрустальном и Меленковском р-нах Владимирской области (см.: [Исаев 2004; 2007; 2010; Дьяченко, Исаев 2011]) и в Спас-Клепиковском р-не Рязанской области.

Татарово расположено в 40 км к северу от Мурома на границе с Вязниковским р-ном Владимирской обл. Впервые говор Татарова был обследован в 1948 г. Муромским учительским институтом по Программе собирания сведений для составления Диалектологического атласа русского языка (руководитель В. И. Тагунова). В 70-е гг. в селе работала экспедиция Владимирского государственного педагогического института им. П. И. Лебедева-Полянского (руководитель Р. С. Овчинникова). В работе [Тагунова 2005] содержится подробное описание фонетики и грамматики муромских говоров. Архив пополнен на 24 часа аудиозаписей и 4 часа видеозаписей.

Фонетика

Г л а с н ы е

Под ударением этимологические *e* и *ě*, *o* и *ω* в говоре не различаются.

Безударный вокализм после твёрдых согласных характеризуется неполным оканьем: в 1-м предударном слоге глас-

ные фонемы неверхнего подъёма различаются как [а] и [о]: *травá, копнá*; в нескольких примерах отмечен [о] на месте *а: *сожáлэ, зохóд'ит, от устонофк'и*; в одном примере встретился [ы] в соответствии с /о/ (из *ь): *отым'-с'т'íла*.

В других предударных слогах, за исключением неприкрытого 2-го предударного, и заударных слогах происходит нейтрализация фонем /а/ и /о/ в аллофоне [э]: *рэд'илáс', маши́нэм'и, остáлэс'*. В неприкрытом втором предударном слоге на месте *о представлен [у]: *утошлá, упорóжн'илс'а, уб'и-жáит, убл'ен'íл'ис', удб'ерут*; реже встречаются примеры с [о] в этой позиции: *об'езнóжьлá, об'азáтнэ, отоб'рál'и*.

В конечном слоге синтагмы (как закрытом, так и открытом) произносится гласный [а] полного образования: *шубá сошýта, онá вóстр'ин'ка, Му́рам, тóрак, со́дац, я́блэк, óс'ипаф, в гóрат, спóнсэраф*.

Во 2-м предударном слоге отмечена редукция до нуля: *тпорóм, тполóк, пс'ид'ím, н'ирсуд'íла, бэрновáл'и, плот'э́нцэ*, при этом может появляться вставной [э] в предшествующем слоге, если после него следует плавный: *кэлдовáйа*. Аналогичный пример *кэрвát'* встречается во многих южнорусских говорах с диссимилятивным вокализмом, например, в Воронежской и Белгородской областях. Отмечен также в говорах Нижнего Дона (см. в отчете Л. Л. Касаткина выше). В редких случаях до нуля редуцируется заударный [у]: *д'э́тикэ* 'дедушка' (возможно, это имеет место в определенном круге лексики, ср.: *мáтшика, бáт'и́ка* у старшего поколения носителей говора Пустошей Шатурского р-на Московской обл., по многим признакам «муромского»). В примере *д'э́тикэ* интересно оглушение *д* перед *и*, ставших соседними после выпадения гласного.

После мягких согласных в 1-м предударном слоге также различаются фонемы неверхнего подъёма: /о/ — *бэ́жовáцэ, н'оклá, св'оду́, выл'отáит, нэч'о-вáл'и, т'омнó, зэп'орлá*; /е/ — *пэ с'т'енáм-т'и, уб'ежáл'и, д'ет'и́шк'и, утр'езáши, удб'ерут*; /а/ — *нэч'алóс', яч'м'én', с'р'иб'ат'и́шкэм'и*.

В данной позиции в соответствии с /о/ имеет место вариативность [е] и [о]: *с'м'отáну* и *с'м'етáны-т'и, пэм'орлá* и *ум'ерлá, р'обро́* и *р'ебро́*. Такая вариативность свойственна только рефлексам *е и *ь, но не *э. Напомним, что наиболее последовательное совпадение рефлексов *е, *ь, *э в первом предударном слоге в [о] перед твердыми согласными и в [е] — перед мягкими характерно именно для муромских говоров.

После отвердевших шипящих и *ц* в 1-м предударном слоге фонемы неверхнего подъёма различаются, при этом на месте *е перед твердыми согласными наблюдается [е], [о] и [ы]: *лэ́шад'и́ныца, жал'эл'и, ржанóци, жонá, т'и́жолó, тэ́нцевáл'и, шы́стóвэ, жы́лáйушигэ*.

С о г л а с н ы е

В системе согласных последовательно противопоставлены парные по глухости/звонкости согласные фонемы (в том числе /в/ — /ф/; кроме сонантов) и по твердости/мягкости (в том числе губные). В говоре мягкий [ч'], твердые [ш:] [ж:], [ц]. Говору свойствен [г] взрывной; звук [γ] встречается в отдельных словах, заимствованных из церковнославянского (*γоспóт', боγ, блáγо*).

Материалы ДАРЯ по обследованным муромским и меленковским говорам содержат примеры неоглушения звонких шумных в позиции конца слова. В некоторых говорах этой территории (иногда в тех же населенных пунктах, где отсутствует оглушение звонких шумных на конце) отмечалась дополнительная палатальная артикуляция у мягких переднеязычных.

Палатальных *t, d, c, z, n, l* в говоре не отмечено. Изредка (в словах *плуг, усад* и под.) отмечается звонкий согласный в конце слова, сопровождаемый кратким редуцированным гласным «призвук» *плуг^з, усад^з (усад^д был), сруб^б*; возможно, это следы прежнего отсутствия оглушения шумных на конце слова.

Морфология

В области морфологии в обследованном говоре отмечены следующие черты.

Существительные

У существительных ж. р. III скл. в П. п. встречается окончание *-е/:* *ф п 'е-ч 'ё, на лэиад 'ё*. Продуктивна флексия *-у* в форме Р. и П. пп. существительных м. р.: *о́кляд до́му, из ма́тер 'и́алу, в до́му, в г 'ипсу́*. Шире, чем в литературном языке, представлено безударное окончание *-и/ (-[ы] // -[и])* в форме И.(В.) п. мн. ч.; оно имеется у существительных ср. рода, у *pluralia tantum* морфологически среднего рода, в типе *ребёнок/ребя́та* (все — с безударными окончаниями И.(В.) п. мн. ч.): *бр 'овны, в 'ёдры, ворóты, внуч 'аты, т 'ел 'аты, масл 'аты, р 'еб 'аты*; существительное *пальто* склоняется и также имеет в форме И.(В.) п. мн. ч. окончание *-и/:* *пальты*. Широко употребляется флексия Р. п. мн. ч. существительных ж., ср. и м. р. *-ов/:* *мол 'итваф, ко́мнатэф, 'избаф, фа́бр 'икаф, назва́н 'ииф, 'и́адрэф, д 'елóф, муж'и́оф, ба́гач 'оф*. В Т. п. мн. ч. распространена ударная флексия *-а́ми/:* *с св 'ин 'и́ами, с п 'ес 'н 'и́м 'и, ко́пна́м 'и, пал 'и́ам 'и, ко́са́м 'и, д 'ет 'и́м 'и*; в безударном положении у основ на заднеязычные представлена флексия *-ими/:* *с д 'ефч 'о́нк 'и́м 'и, с коку́рк 'и́м 'и* (от *коку́рка* 'выпечное изделие').

Существительное *мышь* относится в говоре к м. р.; субстантивированные прилагательные с разными значениями (например, обозначающие людей опре-

деленного возраста) — обычно к ср. р.: *тако́ ма́л 'ин 'кэ, шэс 'т 'ил 'ётн 'и́е* (о ребенке); *кто́-н 'ит ' та́ма пэ́жыло́йэ* (кто-нибудь из пожилых); *оз 'и́ма́йэ пло́хойэ*. Наблюдаются колебания в роде у некоторых существительных: так, параллельно употребляются слова *плуг, усад, ва́ленок* (м. р.) и *плу́га, уса́да, ва́ленка* (ж. р.).

Местоимения и прилагательные

В начале форм косвенных падежей местоимений *он, она́, оно́, оне́* обычно отсутствует согласный *н* после предлога: *у 'його́, к 'йому́, у 'и́х*; зафиксирована форма Р. п. местоимения *она́: у 'и́и*.

Ниже приводятся парадигмы форм словоизменения неличных местоимений, прилагательных (в том числе субстантивированных) и «местоименных прилагательных» *како́й, тако́й*, построенные на основании имеющегося материала.

В говоре имеются своеобразные местоименный и адъективный типы склонения, яркой общей чертой которых является омонимия форм Т. и П. п. ед. ч. м. и ср. рода: *-им/* в адъективном типе и мягком местоименном, *-ем/* в твердом местоименном типе (видимо, как результат влияния литературного языка отмечено также окончание П. п. *-ом/*). Слова *оди́н, тако́й, како́й* часть форм проводят по адъективному, часть — по местоименному типу склонения.

К адъективному склонению относятся полные прилагательные и некоторые местоименные прилагательные (*дру́гой*); формы местоимения *оди́н*, которые содержат *-[ы]*. Парадигма адъективного склонения (диагностические формы) приводится в реконструированном виде:

Ед. ч.

И. *-ой/:* **малодо́й, уб 'ита́й, дру́гой, Го́р 'к 'и́й, с 'эл 'ск 'и́й*;

Р. *-ово/:* **малодо́ва, Го́р 'кэ́ва*;

Т. *-им/:* **малодо́йм, Го́р 'к 'и́йм, одны́йм*;

П. -/им/: *малоды́м, в Гóр'к'им, в од-ны́м (-/ом/: в другóм, в э́тэм — возможно, заимствовано из литературного языка).

Мн. ч.

И. -/ие/ (-/и/ вследствие стяжения): *малоды́е, гóр'к'ийе, да́л'ны-ти; -/и/: одны́;

Р. -/их/: *малоды́х, гóр'к'их, одны́х.

Как и в литературном языке, местоименному склонению свойственно: 1) нулевое окончание в И. п. ед. ч. м. р., односложные окончания — в формах И. и В. п. ед. ч. ж. и ср. р., И.(В.) п. мн. ч.; 2) ударение на 2-м слоге окончаний в форме Р. и Д. п. ед. ч. м.-ср. р. местоимений подвижной акцентной парадигмы. В говоре показателем местоименного склонения является также 3) -/е/- в Т., П. п. ед. ч. и в формах мн. числа.

С учетом форм прямых падежей, Р. и Д. пп. ед. ч. м. и ср. р. к местоименному склонению относятся *тот, этот, весь, что, кто*, дефектная парадигма *он (она, оно, онё)*. Все они к тому же имеют в известных окончаниях -/е/. *Одін* и дефектная парадигма *его* по формам прямых падежей и Р. п. ед. ч. м. р. относятся к местоименному склонению, но в известных окончаниях имеют -/и/.

Можно предложить такое описание системы: *его* представляет мягкий вариант местоименного склонения, в то время как *тот, весь, что, кто, он* — твердый ударный вариант, *этот* — твердый безударный вариант местоименного склонения, фонетически выводимый из ударного варианта; *одін* в прямых падежах всех родов, Р., Д. пп. м. и ср. р. ед. ч. склоняется по местоименному, а в прочих формах — по адъективному типу склонения.

Ниже приводится парадигма местоименного склонения (диагностические формы):

Ед.ч.

И. -/0/: *тот, он, в'ес', э́тэт; од'ин;*
-/о/: *кто, что* (-/ой/: *такóй*);

Р. -/ово/: *товó; йовó, фс'овó, э́тэвэ; удновó; такóвэ;*

Т. -/ем/: *с т'ем, с ч'ем, э́т'им; -/им/* (мягк. вариант): *с н'им;*

П. -/ем/: *ф т'ем, (в э́т'им); -/им/* (мягк. вариант): *в н'им* (исключение: *в э́тэм*; или здесь -/ом/ под влиянием нормы, или -/ым/, как в адъективном склонении).

Т., П. -/им/ ~ -/ем/: *так'им, как'им, так'эм, как'эм.*

Мн.ч.

И. -/е/: *т'е, он'е, вс'е (э́т'и);*

/ийе/ (-/и/) ~ -/ее/ (-/е/): *как'ийе (как'и), так'ийе (так'и), так'еи (так'е);*

Р. -/ех/: *т'ех, (э́т'их), -/их/* (мягк. вариант): *йих, у н'их.*

-/их/ ~ -/ех/: *так'их, как'их, так'эх, как'эх.*

Отмечены особые склоняемые формы притяжательного местоимения *их*: *их (их дом), іха (э́тэ вот ііха бы́лэ; доч' іха); іхова (у м'ен'а́ получ'а́иц:э луч' іиэ іхэва), іхову (по іхэву гэво-р'іл'и).*

Широко распространены стяженные окончания прилагательных: *д'ёр'евэ кудр'авэ; мука́ кукуру́знэ, ст'екл'анна́ кр'инка, машы́нэ гáзэва, фс'ó бы́лэ гл'и-н'анэ, л'ётн'е вр'эм'а, офч'инку хорó-ишэн'ку, и местоимений: так'е́ был'и цэ́фк'и, так'и́ делá* и др.

Числительные

В составных числительных часто склоняется только последняя часть: *Жы́лá она́ до сто́ н'е то́ ч'итыр'óх, н'е то́ шыс'т'и́ л'ёт.* Вместо формы Р. п. может употребляться форма И.(В.) п.: *А хóлэдэ бы́лэ до вэс'емна́цэт' гρά́дусаф.*

Глаголы

Глаголы II спряжения обобщают в форме 3-го л. мн. ч. безударное окончание -/ут/: *ход'ут, л'уб'ут, пр'иход'ут, охóт'уц:э, ув'óз'ут, брóс'ут, прóс'ут.* Согласный с постфикса твердый: *этпро-с'илас, род'ил'ис, бой'ис, дэ́трон'у́лас,*

д'эн'есса. Широко употребляются стяженные формы: в'эиэм, взд'умат, поб'ал'иват, зав'ортывам, вы'мыш, бол'эт, пороб'отут, му'ч'уц:э.

К особенностям словообразования глаголов следует отнести активное употребление суффикса -ну- в сочетании с широким кругом глагольных основ: ступн'уть, складн'уть, вспомян'уть, трясн'уть, а также префикса вз-: взойт'и, вз'эхать (на месте литературного в-).

Качественные наречия часто имеют ударный суффикс -о: тонк'о, ч'ист'о, в'ис'ел'о (но: вы'сакэ, тонкэ-натонкэ 'очень тонко').

Синтаксис

Синтаксис говора характеризуется широким распространением склоняемой согласованной постпозитивной частицы -от (-то), присоединяемой к собственным и нарицательным существительным. Ед. ч. И. п.: сн'эг-эд' был, уш' н'е помн'у; сыр-эт' как'ой, и'ёл'и' мы; з'эташиш'л' т'ожэ' б'ык-эт; с'элэ, вы'б'илэ' там' и'йх, эт'эт' сн'эг-эт; как' о'бон' -эт' н' и'р' и'махн'от; Р. п.: работ'ы-т'и' полно', эт'эй' см'ет'аны-т'и'; у' Мар'ус'и' Р'азанк'и-т'и' сын; н'е' былэ' сн'эг-у; Д. п.: сн'ох'э-т'и' н'и' по-н'рав'илэс, нэ' д'ер'евн'и-т'и', В. п.: ст'ан-ц'ью-ту, Р'ому-ту, п'ес'н'у-ту, в'эту' ст'орану-ту, в'оду-ту, в'эт'эт' л'од-эт; на' К'расну-ту' Г'орку; Т. п.: с' Л'он'и'й-т'и'; П. п.: на' Ук'раин'и-т'и', ф' кан-т'ор'и-т'и'; на' пож'ар'и-т'и', ф' с'ерван-т'и-т'и', в' и'йун'и-т'и', а также к отсубстантивному наречию: вниз'у-ту.

При любых формах мн. ч. существительных и прилагательных употребляется форма частицы -ти. И. п.: ж'эн-и'и' и'ны-т'и', ф'абр'ик'и-т'и', р'ук'и-т'и', н'ог'и-т'и', пол'ы-т'и', работн'ик'и-т'и', сос'еды-т'и', лапш'инн'ик'и-т'и'; л'ос'и-т'и', род'ител'и-т'и', дом'а-т'и', п'алот'енцэ-т'и', бр'овнэ-т'и'; малод'ыйи-т'и' б'ыл'и', м'ан'ин'к'и-т'и', поре'ц'к'и-т'и' и' луг'а, Р. п.: кор'оф-т'и', изб'эф-т'и', б'ык'оф-т'и', хал'атэф-т'и', ох'отн'икэф-

т'и'; В. п.: в'дал'ны-т'и' луг'а; Д. п.: м'ан'ин'к'им-т'и'; Т. п.: ног'ам'и-т'и', П. п.: в'луг'ах-т'и', в'носк'ах-т'и'. В единичных случаях -ти присоединяется к наречиям (р'ан'ишэ-т'и') и глаголам (ж'ыл'и-т'и').

При этом широко употребляется также несогласованная постпозитивная частица -то, которая может присоединяться к любой знаменательной части речи: з'емл'а-тэ, сол'ому-тэ, сл'ифк'и-тэ; нар'от-тэ, ск'от-тэ, н'е' в'эт'эм' дом'и-тэ, в'потп'ол'и'и-тэ, брат'и'а-тэ; м'ат'э-тэ; как'и-тэ' год'а, л'етам-тэ и др.

Более активно, чем в литературном языке, употребляется Р. п. вместо В. п. при переходном глаголе: П'эл'и', н'эл'и', п'эл'и', п'ес'ин' зн'аим, мн'огэ'и' з'эбы-в'аим, в частности при глаголе несовершенного вида в актуально-длительном значении (см.: [Падучева 1996: 182—191]): В'од' бл'ин'оф'н'еку'. Широко распространён Д. п. со значением принадлежности: Б'ылэ' мн'е' д'ен' р'ожд'ен'и'я. К'ак' и'ему' ф'ам'ил'и'я-тэ, в'од' заб'ылэ. Бр'ат' в'от' м'а'йему' св'окру.

Зафиксированы следующие особенности предложного и беспредложного управления глаголов: Д'олгэ' бол'эл', т'ак'ы' ум'ер'од' бык'а (из-за быка). Ф'т'орку' н'эт' и'рал'и' (на тёрке). О'на' и'ему' (его) ц'ап' за' н'ал'иц-тэ (змея). И'а' ф'ч'ера'т'еб'а' сл'ед'илэ. М'ен'а' два' р'ас'вэров'ал'и' (т. е. обворовывали) цыг'ан'и-тэ и др. Предлог сквозь управляет Р. п.: скв'ос'оч'к'оф.

Названия животных и насекомых, подобно неодушевленным существительным, имеют форму В. п. мн. ч., совпадающую с И. п. мн. ч.: Выр'аши'и' и'вэл'эт'и'пч'олы. В'Нул'и'о'фцы'д'ерж'ал'и'.

Отмечена конструкция с предикативным наречием надо в сочетании с формой И. п.: Н'е'надэ'уш'он'и'нам, по-л'ат'и-т'и'.

В качестве именной части составного сказуемого используются формы полных страдательных причастий, при-

чем эта черта встречается у представителей как старшего, так и среднего поколения: *Потом брэд был, он вот тожэ уб йтай. С'еч'ас с'эл'ск'ий тур'изм распрэстран'онэй. Ун'ейо пэвноч'н'ик пэвр'ежд'онэй* был. И пал'ицтэ *разрубл'иннэй*, и вал'инкэ-та *разрубл'инэ. У нас од'ин дом был покрыйтэй* ч'ир'еп'ицэй *нашэй. Фс'о болотэ зал'итойе водой.*

Достаточно частотны формы давно-прошедшего времени: *У м'ен'а Л'он'а был тогдэ сйэхэл. Да пошт'и штэ и зафклубы фс'э был'и пр'им'ирл'и. С'естра была в Герман'и жыла. Ун'их был тожэ п'ервый сын пог'ип. У м'ен'а н'э былэ выв'ихэф-тэ пр'и н'ей, когдэ она жыла-тэ была. Йа была раббэтэлэ, тожэ иез'д'ил'и. С'остра в'алэ тожэ была пэлот'енцэ-т'и.*

В говоре встречаются разделительный союз *ли...ли*: *Врэд'и каг гр'ип л'и, ч'евó л'и былэ у н'ей. Фс'акэй фс'ач'инэй наб'ил'и бóч'ку, ванну л'и, кад'ушку л'и; Н'е знáйу вóт, нэн'алэ л'и (...), н'эт л'и?; разделительный союз ай: *Скóл'кэ-тэ н'е помн'у, нав'эрнэ гóт ай' двá. Скóл'кэ к'илóм'итрэф' Ожгэвэ, п'ат' ай' бóл'иэ?; двойной соединительный союз что...то и (в соответствии с литературным как...так и): *Штó взо́слы, тó и мы: малот'ил'и пэ з'имám рóш.***

Широко употребляется слово *чай* в функции вводного слова со значением 'наверное', 'кажется': *Там скóл'кэ, дв'э, ч'ай, дв'э кровáт'и, двá д'ивáна. А с'евóдн'а какóй д'эн'? — С'евóдн'а, ч'ай, пэн'ед'эл'н'ик. Ну, штó этэ, фс'о, ч'ай, пэсвежэйе буд'ет. Ч'ай, бóл'иэ н'и к кому' не пойд'от'и. Ч'ай, этэ мой внуч'йтк'и и модально-вопросительной частицы: *Бáбушкэ, ч'ай, нárэч'ку дáш мн'э?; в ситуации переспроса: Т'от'и Зóин дом-тэ какóй? — Ч'ай?**

Лексика

В области лексики и семантики в говоре отмечены следующие особенно-

сти. Глагол *стать* имеет значения 'появиться': *Т'еп'эр'ич'и стáлэ л'есоп'илкэ-тэ у нас, пэдновл'айут. Тут уш у мат'ер'ей наших стáл'и д'эн'э'и-тэ. Тут стáлэ продл'онкэ. Ну, стáл'и жáлэбы, н'ивозмóжна. Он жэн'илсэ, у нас иш'и'о стáлэ с'естра, 'наступить': *Т'еп'эр'стáрэс'т'стáлэ.* В соответствии с наречием *зачем* литературного языка в говоре с. Татарово употребляются две лексемы: *накой* 'для чего, для какой надобности': *Йа уш стáрэ, накой мн'э и пошто* 'с какой целью': *Ф сов'эт ход'илэ пошто-тэ. Зáфтрэ ф сов'эт — Пошто?**

С. В. Дьяченко, И. И. Исаев,
А. В. Малышева

Экспедиция в Тарногский район Вологодской области

С 3 по 12 августа 2012 г. в Тарногском районе Вологодской области проводилась экспедиция, в которой приняли участие И. И. Исаев (ИРЯ РАН), Л. Ю. Зорина, С. В. Шильниковская (Вологодский государственный педагогический университет, ниже ВГПУ), О. В. Никитин (Московский государственный областной педагогический университет).

Говоры Тарногского района Вологодской области с давних пор привлекали внимание исследователей. Известны этнографические работы М. Б. Едемского [Едемский 1906; 1907; 1912; 1915], в которых серьезное внимание уделялось народному языку; в середине XX века появились работы А. А. Угрюмова [Угрюмов 1992]; живой интерес проявляла к тарногским материалам фольклорист М. А. Вавилова [Вавилова 2000]. В последние годы вопросами диалектной лексики занимается тарногский краевед А. В. Ламов [Ламов 2008; 2010].

В 1956 г. тарногские говоры обследовались по программе ДАРЯ, а в конце 1980-х гг. сотрудники ИРЯ РАН И. А. Бу-

кринская, Е. Г. Бурова, Н. Л. Голубева, О. Е. Кармакова, Н. Н. Пшеничнова, О. Г. Ровнова, А. В. Тер-Аванесова, С. Г. Саркисян, Е. В. Щигель, а также С. Л. Николаев собирали материал в д. Шевелевская Тарногского р-на, что отражено в публикациях [Голубева 1991; Голубева, Ровнова 1991; Ровнова 1991; Букринская 1994; АССЯ 1994]. Многочисленные экспедиции ВГПУ в сёла Илезский Погост, Красное, деревни Власевская, Погоняевская, Раменье, Слуда, Тюприха, Шалимовская и др. были нацелены на сбор материала для «Словаря вологодских говоров» [СВГ].

Экспедиция 2012 г. проходила в нескольких населенных пунктах, входящих в состав Верховского и бывшего Озерского (теперь Тарногского) сельских поселений. В Верховском сельском поселении прежде жили старообрядцы. Сейчас количество староверов невелико, но память о конфессиональной принадлежности родителей и дедов сохраняется.

Архив диалектных материалов пополнен на 36 часов аудиозаписей и 13,5 часов видеозаписей.

Фонетика

Фонетические системы Озёрок и Верховья во многом совпадают. Основной комплекс черт, характеризующих Вологодскую группу говоров Северного наречия, в речи представителей старшего поколения выдерживается последовательно.

Вокализм

В говоре пятифонемный вокализм. Имеется фонема /o/ < *o, *ъ. В редких случаях на месте *ѣ перед твердыми согласными выступает дифтонг [иѐ] (в л'иѐс), чаще — монофтонг среднего подъема переднего ряда [е] или монофтонг средне-верхнего подъема [ѐ]; на месте *ѣ перед мягкими согласными наряду с перечисленными е-образными звуками выступает [и].

В соответствии с е < *ѣ и а между мягкими согласными произносятся [и] и [е]: *засв'ит'им* (засветим), *с'ѣд'им* (сядем).

В говоре полное оканье: *повод'иц:ы-то* (*повод'иться* 'посидеть с детьми в няньках'), *по комсомол'ской, дав'ал'и, закрыв'ал'и, зароб'ила, з:акрышкой, короб'а*. Отмечены отдельные отклонения от этой системы: *н'и пэгл'анулас'*.

В 1-м предударном слоге мягких согласных противопоставлены три гласных: [и], [е], [а]. Предударный [а] является реализацией фонемы /a/ (*стойак'и, н'и пэгл'анулас'*) наряду с [е] и [и]: *н'ет'и* (пяти), *до д'ис'ит'и-то*.

Произношение гласных [е] и [и] не связано с твердостью/мягкостью последующего согласного. [е]: *д'ер'эвн'и, р'еб'оноч'кам'и, сп'ерва, ф ст'епановской-то, пл'ет'оны, поп'ек'ал'и* (пекли), *л'ет'ал'и, н'ев'ел'ик, сп'ерва дак, пр'ив'ел'а, пойев'ил'ис'*. [и]: *до с'им'и, по м'ин'а, на тр'исту, с'изон'ик'и да, св'изл'и* (отвезли), *н'ид'ел'а, пр'ит'ш'идат'ел'ем, до д'ис'ит'и-то, н'ис'т'ип'и* (от *пестёр* 'запечная корзина'), *с'в'ит'ло*. Возможно, гласный [и] выступает в качестве «агрессивного» варианта и расширяет свое присутствие в различных позициях.

Консонантизм

Переднеязычные фрикативные образуют пару веляризованный [с] — палатальный [с'] (так же [з]—[з']): *в оз'орках, з'д'ис', корз'ины, род'илас'е, прит'сидат'ел'ем*. Мягкие ден- тальные смычные являются палатализованными, неаффрицированными. Палатальные («шепелявые») [с'] и [з'] характерны для говора Озёрок и не отмечены в Верховье.

В говоре имеются аллофоны боковых фонем [л'], [л], [л], [љ]. Следующие примеры показывают, что старая система [л'] : [л] / [љ] (соответственно /л' / /л/) в говоре разрушается: *пог'лажу, положу, был'а, род'илас'е; бол'но, был'и, до кол'ена*. В соответствии с /л/ отме-

чены аллофоны [в] и даже [ф] (перед глухими согласными), ср. наряду с *быў*, *б'ес ст'окоў* примеры *быв*, *загул'ав дак*, *быво* и *над'евафс'и*, *завязывафс'и*, которые свидетельствуют о постепенном включении /л/ в чередование по глухости/звонкости.

Исконно в говоре была одна мягкая зубная аффриката /ц/ ([ц^ʰ], [ц^{ʰʰ}]). Мягкое цоканье в «младшей норме» модернизировано до различения двух аффрикат: свистящей /ц/ (как правило, твёрдый [ц]) и шипящей /ч/ (вариативно твёрдый [ч] или мягкий [ч^ʰ]). Примеры: *бчэн'*, *лучына*, *мелоч'*, *ч'эл'ит'* ('дети'); а также полумягкий [ч^ʰ]: *в зобэнич ках*.

Фрагмент текста иллюстрирует некоторые особенности «старшей нормы» говора: *прихожы/ в'ид'орко поставл'у с п'ит'йом/ ф кормушыц'ку положы корм'инк'у/ поглажу/ поговор'у с'' йей/ сажус'' вот ы нац'инайу говор'ит''// сажуз' дойд' было// стои корм'иниц'а корбушкэ/ н'е бойс'и т'ит'иц'нава дроц'эн'йэ/ подойн'иц'но огорц'эн'йэ/ ног'и н'е подымай/ хвостом н'е махай/ молоц'кó фс'о ондавай/ стои горой/ молокó т'ек'и р'екой*.

Лексика

Л. Ю. Зорина особое внимание уделила функционированию в Тарногских говорах коммуникативной категории вежливости. Собранный материал демонстрирует широкий спектр средств выражения данной категории: комплиментарные обращения, формулы приветствия, благодарности, устойчивые формулы поминания усопших, многочисленные специализированные благопожелания и проч., что свидетельствует о чрезвычайной детализации данной категории в языке и культуре северного региона. Спектр благопожеланий очень широк, например: *Белó мьить (коло-тить, полоскать, стирать)*⁵ — гово-

рят тому, кто занимается полосканием белья; *Лебеди летят!* — тому, кто моет полы в доме; *Кузов шерсти!* — тому, кто стрижёт овцу; *Сто локот на пришивцу!* — тому, кто занимается ткачеством; *Крепка бы пива вам!* — тому, кто варит домашнее пиво; *Мясо — сахар!* — тому, кто режет скотину на мясо; *Мор на виэй!* — тому, кого застали в момент борьбы с педикулёзом, и т. д. Благопожелания фиксируются обычно в диалогических единствах, ср.: *Мясо — сахар! — Цанай горстью!*; *Белó полоскать! — Спасибо!* Перечисленные выше стереотипные формулы нередко употребляются наряду с самыми общими пожеланиями добра, успеха, удачи, такими как *Бог на помощь!* *Труд на пользу!* [Зорина 2012, 2012а, 2012б].

Продолжался сбор диалектной лексики для СВГ, в частности были обнаружены диалектные слова, ранее не отмеченные в вологодских говорах, например: *подворова* 'огород' (*Раньше подворовой* называли, а сейчас — огород), а также новые значения уже известных слов, например у глагола *напоточить* 'собрать в какую-либо ёмкость воду, стекающую с крыши во время дождя' зафиксировано новое значение 'набрать с помощью насоса, накачать' (*Она и воды напоточила илангом. Сосёдке-то напоточу и отнесу канистру*). Пристальное внимание уделялось лексике, характеризующей человека: *Я хожу старухю, некрасивою ряхою; Я не странь был, передовик вездё. Да я гоорю, что я не странь, не лотя!; Пока молцю! Немко!*

Для описания диалектной лексики фиксировались расширенные связные контексты, например: *Кто Богу молице, тот всегда не прикинёт нишших. А я говорю, Господь людеи написал: «Идёт прохожий — он к тебе зайдёт. Ты ево не оскорби и не обругай. Напой, накорми и скажи: “Иди с Богом по своей дорожке!”».* *Это сказано в книге, как надо с целовеком. Нельзя ево*

⁵ Ниже в данном отчете примеры даются в записи, приближенной к орфографической.

обругать да, нельзя шо не дать ему мило... От себя оторви да дай. Всё чисто в книгах пишеце (А. Ф. Попова, д. Великая).

Л. Ю. Зорина, И. И. Исаев

Экспедиция в Верхнекамский район Кировской области

С 8 по 18 марта 2012 г. Т. Н. Коробейниковой была проведена диалектологическая экспедиция в села Кай и Пушья и деревню Южаки Верхнекамского района Кировской области с тем, чтобы собрать материал для исследования эволюции вокалической системы.

Верхнекамский район находится на северо-востоке Кировской области. На севере он граничит с республикой Коми, на востоке — с Пермской областью. На территории района имеется несколько более мелких сельских поселений. Село Кай — центр кайского сельского поселения, расположено в 89 км от районного центра — г. Кирса. Село Пушья и деревня Южаки также входят в кайское поселение. По данным последней переписи в Кае проживает 200 человек, в селе Пушья — 139 человек, в деревне Южаки — 52 человека. Девятилетняя школа есть только в Кае, на момент экспедиции там училось 46 детей, также в селе есть медпункт, клуб, библиотека, музей, магазин, действует кооперативное хозяйство. В Южаках и Пушье инфраструктура почти не развита.

Цель экспедиции — записать спонтанную речь местных жителей, принадлежащих к разным возрастным группам, и провести исследование по специальной программе с тем, чтобы описать вокалическую систему кайского говора на основе анализа речи нескольких поколений, изучить и системно представить протекающие в говоре активные фонетические процессы. Было сделано 40 аудиозаписей общей длительностью 34 часа. В зависимости от возраста ин-

формантов записи распределились следующим образом: старшее поколение (70—95 лет) — 16 дикторов, среднее поколение (35—55 лет) — 9 дикторов, младшее поколение (от 13 до 22 лет) — 15 дикторов. Информанты имеют разный уровень образования: от малограмотных пожилых людей до работников клуба и библиотеки, получивших высшее образование в областном центре — городе Кирове. Поскольку на данном этапе исследования в речи жителей Кая, Пушья и Южаков различий в характере диалектных черт не выявлено, мы считаем, что указанным населенным пунктам свойствен единый говор.

Фонетика

Г л а с н ы е

Кайский говор в своей архаичной разновидности сохраняет противопоставление четырех ступеней подъема и семи гласных фонем. В нем различаются две фонемы верхне-среднего подъема /ѣ/, /ѡ/ и две фонемы среднего подъема /е/, /о/. Исторически /ѣ/ < *ĕ, /е/ < *e, *ь; фонемы /ѡ/ и /о/ распределены в соответствии с «великорусским» принципом [Зализняк 1985: 173—178].

В инновативных идиолектах происходит вторичное перераспределение исконных репрезентантов двух фонем «типа е» и двух фонем «типа о» относительно фонетического окружения, что приводит к утрате соответствующих фонемных противопоставлений.

В говоре в целом отмечается последовательное различие фонем /е/ и /ѣ/ в ударной позиции. В архаичных идиолектах /ѣ/ в позиции С'ГС чаще всего реализуется звуком верхне-среднего подъема [e̞], в позиции С'ГС' — звуком [и], на месте /е/ в тех же условиях отмечается звук среднего подъема [e]: *т'ĕсто* — *от'ĕс''*, *нов'ѳр'ила* — *дв'ѳр'*, *ѳѳс'т'* (от *есть* — 'принимать пищу') — *ѳѳс'т'* (3 ед. от 'быть').

В инновативных идиолектах звуки [e̞] и [e] в большинстве случаев распе-

деляются позиционно: их вариативность на месте обеих фонем обусловлена качеством последующего согласного. Звук [e] среднего подъема в позиции после палатализованного согласного перед непалатализованным отмечается как на месте *e и *ь: *кр'эст, кон'эшно, от'эц, п'эръвѣ, з'эмл'и*; так и на месте *ѣ: *б'ѣгал, в л'ѣс, д'ѣлат', л'ѣтом, ч'ѣлов'ѣк*. Между палатализованными согласными на месте *e и *ь чаще всего выступает верхне-средний [e]: *в'ес'эл'је, дв'ѣр', д'ѣн'ок, д'ѣс'ат', д'ет'ѣј, зап'ер'ѣт', д'ѣр'ево*; реже [и]: *дв'ѣр'*; те же звуки в большинстве случаев выступают на месте *ѣ: *бол'ѣс', ол'ѣт'е, вм'ѣс'т'е; в'ѣт'ер, востр'ѣт'ила, д'ѣт'и, забол'ѣл'и*.

Таким образом, можно утверждать, что в инновативных системах произошло совпадение рефлексов *e, *ь, *ѣ в одной фонеме, представленной аллофонами разного качества в зависимости от консонантного контекста. В то же время в отдельных примерах аллофоны этой обобщенной фонемы чередуются по модели, характерной для /ѣ/ в архаичных индивидуальных системах: *д'ѣтск'иј — д'ѣт'и, дв'ѣрка — дв'ѣр'*.

Фонемы /o/ и /ω/ в говоре также противопоставлены непоследовательно. В архаичных идиолектах фонемы /o/ и /ω/ различаются: на месте /o/ выступает звук среднего подъема [o], на месте /ω/ — верхне-средний [ɔ]: *злѣј* (Т. п. ед. ч. ж. р.) — *Лѣјно, в сырѣј* (П. п. ед. ч. ж. р.) — *открѣј, дворѣф — св'екрѣф, такѣј* (Т. п. ед. ч. ж. р.) — *ногѣј* (Т. п. ед. ч.). Как видно из приведенных примеров, распределение двух фонем «типа о» имеет в кайском говоре севернорусские диалектные особенности: /o/ выступает во флексии существительных I склонения Т. п. ед. ч., /ω/ — в адъективной флексии Т. п. ед. ч. ж. р. [Зализняк 1985: 174—176], а также в Р. п. ед. ч. ж. рода.

В инновативных системах звуки [o] и [ɔ] перестают встречаться в одной позиции, их произношение обуславлива-

ется контекстом. Звук [ɔ] выступает после [л], губных и заднеязычных как на месте */ω/ (< *o «под восходящим ударением»): *шагѣв, лѣтку, скѣт, стар'и-кѣф, холѣднѣј*, так и на месте */o/: *хѣлод, такѣј* (И. п. м. р. ед. ч.), *за с'елѣм*; после переднеязычных согласных [o] отмечается на месте */ω/: *ворѣна, ссѣра, нѣшка*; и на месте */o/: *тѣжэ, дѣрого, дѣлг'иј*. Это свидетельствует о том, что [o] и [ɔ], находясь в дополнительном распределении, представляют одну фонему.

В архаичных идиолектах в позиции между мягкими согласными на месте фонемы /a/ возможно произношение как звука [a], так и звука [e]: *п'ѣт', гул'ѣт', разм'ѣт'; гон'ѣт', он'ѣт', заготовл'ѣт'*. Возможны чередования в одной морфеме: *гон'ѣл — гон'ѣт', заготовл'ѣл — заготовл'ѣт'*.

Согласные

В области согласных отмечается произношение непалатализованных губных и переднеязычных на месте палатализованных согласных литературного языка:

— перед гласными: *р'ебѣта, тѣга, рѣдом, вмѣст'е, т'ел'евѣзор, пѣт', т'епѣр', д'ерѣвн'а*;

— на конце слова перед паузой: *т'еп'ѣр, п'исѣт, с'ѣм, цѣп* (цепь), *дв'ѣр, св'екрѣф, д'ѣлат*;

— перед некоторыми согласными: *гѣрком, вѣсмѣм, тѣнше*.

Однако во всех указанных позициях также встречаются палатализованные звуки, что говорит о нестабильном противопоставлении согласных по твёрдости/мягкости.

В говоре сохраняются следы противопоставления согласных по напряжённости/ненапряжённости [Касаткин 1999: 227—264], о чём свидетельствуют следующие черты.

Глухие смычные согласные на конце слова часто произносятся с придыха-

нием: *хóд'ит^с, вáр'ит^с, ту'т^с, тáк^с, сун^с, дáк^с*.

Фонема /р/ имеет широкий спектр реализаций: на её месте возможен напряжённый многоударный звук [р̥̆]: *п̆р̆р̆ы́гам, п̆р̆р̆ы́шла, б̆р̆р̆а́га, ста́р̆р̆ишый*; одноударный [р]: *на́ра, брós'ил, ра́ма*; ненапряжённый щелевой [ɹ]: *п̆л̆а́вда, до́логу, По́льши* (название реки).

На месте фонем /б/ и /б'/ отмечается губно-губной плоскощелевой звук [β]: *на бы́ках, рабóта, овь́ч'но, вэр'óm*.

Наблюдается произношение глухих [т] и [т'] на месте звонких [д] и [д'] в интервокальном положении и в начале слова: *нар'áты, трук, та* (да), *хот'ыл'и*.

Фонема /л/ в архаическом слое говора имеет широкий спектр реализаций. После согласного перед гласным в большинстве случаев выступает [л]: *плóхо, упл̆ыл, ушл̆а*; в отдельных идиолектах в этой позиции наряду с [л] встречается альвеолярный [l]: *в̆ы́шла, наул̆а, плам'ыл'и*. В интервокальной позиции выступает либо зубной [л]: *ход'ыла, молот'ылок, ч'улóк*; либо [w], [ʃ]: *уб'ы́во, моу́окó*. На конце слова и перед согласными фонему /л/ представляет звук [ʃ]: *пошóу, стóу, забол'ёу, бу́ку, с пáукој*. На месте /л'/ выступает звук [л']: *ходыл'и, сол', бол'ны́е, пл'асал'и*.

Говоры северо-востока Кировской области были описаны как «чокающие», в которых на месте аффрикаты /ч/ произносится звук [ч'], а на месте /ц/ — более задний неоднородный звук [ч^д] [Макарова 1973: 48—52]. Сделанные записи подтверждают это наблюдение лишь отчасти. На месте /ч/ выступает не только звук [ч']: *ч'áj, гор'áч'иј, в́рач', ч'áсто*; но и [ц]: *в́ал'еноц'к'и, пр'áц'ет* (прячет); а также палатальный [с'']: *дóс'', пóс''та*. На месте /ц/ возможен не только [ч^д]: *л'ýс'нич^д'а, огурч^д'и*, но и [ц]: *цэ́на, цэ́ркоф, л'ицó*; а на конце слова — [с'']:

от'эс'', кон'эс'', м'эс'ас''. Приведённые примеры свидетельствуют о нерегулярном различении аффрикат в говоре.

На месте /ш/ и /ж/ произносятся непалатализованные звуки [ш] и [ж]: *прошóл, рáниэ, ши́л'и, б'эжы́т, полóжыл, жы́с'*. В архаичных идиолектах имеется фонема /ш': *еш:ó, отомш:у, в'эш:ы*. В инновативных индивидуальных системах в тех же словах варьируют звуки [ш:] и [ш']': *еш:ó, отомш:у и отомш':у, в'эш:ы и в'эш':и*.

Морфология

Существительные в Т. п. мн. ч. имеют окончание *-ам'и*: *ногáм'и, рукáм'и, пáпам'и, св'ин':ам'и, óвцам'и, т'áт'ам'и* — и *-им'а, -ым'а*: *старухым'а, д'евч'óнк'им'а, т'óлк'им'а, корóвым'а*. Окончание *-ам'и* может быть как ударным, так и безударным; окончания *-им'а, -ым'а* у существительных бывают только безударными и имеют тенденцию присоединяться к основам на заднеязычный согласный.

Прилагательные в Т. п. мн. ч. имеют как ударные, так и безударные флексии *-ым'а, -им'а*: *стáрым'а старухым'а, молодым'а девч'óнк'им'а*. Однако более частотна у прилагательных флексия *-ам'и*; по нашим наблюдениям, *-им'а, -ым'а* имеют тенденцию присоединяться к прилагательным, которые согласуются с существительными, оканчивающимися в Т. мн. на *-им'а, -ым'а*.

Существительные III склонения в ед. ч. Д., Р. и П. пп., как правило, имеют окончание *-и*: *сол'и, шáл'и, с'эт'и*, но есть редкие примеры с окончанием *-е* в П. п.: *в гр'ез'э*; у слова с двусложной основой и подвижным ударением *лóшадь* в Д. и П. пп. встречается не только окончание *-и*, но и *-е*: *на лóшад'и и на лóшад'э, к лóшад'и и к лóшад'э*.

Слово *путь* может склоняться как существительные женского рода и иметь при себе согласованные формы

ж. рода: *но́ва пу́т', свойéј пу́т'ју, на на́шэј пу́т'и*, но может и, как в литературном языке, быть морфологически и синтаксически м. рода: *э́тот пу́т', друг'и́м пу́т'о́м*.

Прилагательные в формах ж. и ср. р. ед. ч. И. и В. пп., а также прилагательные в И. и В. пп. мн. ч. чаще всего имеют двусложные окончания: *бол'ша́ја с'емја́, колхо́зноје по́л'е, ста́ришују с'естру́, бол'шо́је с'ело́, л'есны́је ор'ех'и, дл'и́ныје рукава́*. Однако нередко встречаются слова, окончания которых в указанных формах вследствие выпадения интервокального [j] и стяжения стали односложными: *ста́ра избá, ма́ла з'емл'а́, бол'шо́ го́р'е, но́ва до́рога, бол'шу́ ша́н'гу, ста́ро в'есло́, до́бры л'у́д'и, то́лсты итаны́*.

Форма сравнительной степени прилагательных и наречий в большинстве идиолектов образуется либо с помощью суффиксов *-aj* и *-aje*: *в'ес'ел'áј, ско́р'áје, см'ел'áје, бо́ч'áје*, либо *-ше, -е*: *дл'и́н'иш'э, т'ажэ́л'ишэ́, вы́шэ, то́н'ишэ*. В то же время встречаются примеры с суффиксами *-ej* и *-eje*: *бы́стр'эј, умн'эје*, как в литературном языке.

В основах глаголов первого спряжения на заднеязычный отсутствует чередование к||ч', г||ж, в большинстве случаев во всех формах сохраняются заднеязычные [к] и [г]: *п'еку́, п'екóши, п'екóм, тку́, ткóши, ткóм, жгу́, жгóши, л'эгу́, л'эго́ши, л'эго́м*; но есть примеры с чередованиями к||к' г||г': *п'еку́, п'ек'óши, п'ек'óм, жгу́, жг'óши, жг'óм*. Встречаются возвратные глаголы с суффиксом *-с'а* на месте литературного суффикса *-с'*: *нач'алáс'а, помы́лас'а, отстр'áпáлас'а, брал'и́с'а*.

Отмечены случаи употребления форм давнопрошедшего времени: *зап'и́сывал'и был'и, во́йна нач'алáс' была́*.

Синтаксис

Яркой синтаксической особенностью кайского говора является пропуск пред-

лога *в*: *жыл Го́р'ком, во́йна со́рок п'э́рвом нач'алáс'а, была́ огород'е*.

Распространены предложно-падежные сочетания **по + В. п.** с объектно-целевым значением: *пр'и́ехал'и по н'э́ј, пошла́ по кн'и́г'и, по́ду по корóву*.

Предлог *во́зле* употребляется с В. п.: *л'áгу во́зл'е п'э́ч'ку, ход'и́л'и во́зл'е д'ер'э́вн'у, насл'и́с'а во́зл'е р'э́ч'ку*.

Зафиксированы глагольные конструкции с субъектным генитивом: *ја́гот было́ в э́том году́, д'и́ч'и-то было́ ран'ишэ́, хл'э́ба на стол'э́ л'э́жыт*.

В говоре имеется постпозитивная склоняемая частица *-то* с усилительно-выделительным значением. В говоре зафиксированы ее формы *-то, -от, -та, -те, -ти, -ту*. Распространена также несклоняемая частица *-то*, которая может присоединяться к любой части речи: *дрова́-то, во́йна-то, с'елó-то, он-то, ход'и́т'-то, б'еру́т-то, п'э́рвыј-то, ран'ишэ́-то*.

Распространены неопределённые местоимения с постфиксом (восходящим к сочетанию частиц) *-кос'а*, близким по значению литературному постфиксу *-то*: *ч'о́-кос'а, гд'э́-кос'а, како́-кос'а, како́-кос'а*. Наряду с постфиксом *-кос'а* выступают постфиксы (постпозитивные частицы) *-ко* и *-ка*: *ч'о́-ко, гд'э́-ко, ка-ко́-ка*.

Представители архаического слоя говора употребляют вопросительную частицу *-на*: *ч'о́-на там најд'óши, гдэ́-на спат' б́уд'ет'е, ка́к-на јэхат'-то*.

Лексика

В речи информантов встречаются лексические диалектизмы: *бори́нка* 'небольшой участок земли, заросший хвойным лесом'; *вихля́ч* 'тазобедренный сустав'; *ло́поть* 'вид одежды'; *ма́сь-ка* — 'ягнёнок, маленькая овечка'; *ре́-хать* 'реветь, кричать'; *ша́ньга* 'открытый пирог с ягодами или картофелем'.

Т. Н. Коробейникова

Литература

- АССЯ 1994 — В. А. Дыбо, Г. И. Замятина, С. Л. Николаев. Основы славянской акцентологии. Акцентологический словарь. М., 1994.
- Бромлей, Булатова 1972 — С. В. Бромлей, Л. Н. Булатова. Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.
- Букринская 1994 — И. А. Букринская. Собираемые формы с суффиксом *-*ьj* в восточнославянских говорах // Проблемы сучасної ареалогії. Київ, 1994. С. 199—207.
- Вавилова 2000 — М. А. Вавилова. Из истории Вологодского краеведения (М. Б. Едемский. 1870—1933) // Вологда: краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2000. С. 576—591.
- Васильев 1929 — Л. Л. Васильев. О значении каморы в древнерусских памятниках XVI—XVII вв. К вопросу о произношении звука *o* в великорусском наречии. Л., 1929.
- Голубева 1991 — Н. Л. Голубева. О частицах ВОТ, НУ, ДА в положении между высказываниями // Современные русские говоры. М., 1991. С. 132—134.
- Голубева, Ровнова 1991 — Н. Л. Голубева, О. Г. Ровнова. Средства усиления отрицания в одном севернорусском говоре // Современные процессы в русских народных говорах. Саратов, 1991. С. 45—58.
- ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка. Вып. 1. Фонетика. М., 1986. Вып. 2. Морфология. М., 1988.
- Дьяченко, Исаев 2011 — С. В. Дьяченко, И. И. Исаев. Экспедиции во Владимирскую, Воронежскую, Рязанскую, Тамбовскую и Ярославскую области // Русский язык в научном освещении, № 1 (21). М., 2011. С. 285—289.
- Едемский — М. Б. Едемский. Загадки в Кокшенье // Живая старина, 1906. *Он же*. Прозвища в Кокшенье // Живая старина, 1907. *Он же*. Свадьба в Кокшенье // Живая старина, 1907. *Он же*. Семнадцать сказок Тотемского уезда // Живая старина, 1912. *Он же*. О крестьянских постройках на Севере России // Живая старина, 1915.
- Зализняк 1985 — А. А. Зализняк. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- Зорина 2012 — Л. Ю. Зорина. Вологодские диалектные благопожелания в контексте традиционной народной культуры. Вологда, 2012.
- Зорина 2012а — Л. Ю. Зорина. Из наблюдений над средствами реализации категории вежливости в говорах Тарногского района Вологодской области // Е. Н. Ильина, Г. В. Судяков (ред.). Слово и текст в культурном сознании эпохи. Сборник научных трудов. Ч. 10. Вологда, 2012. С. 203—210.
- Зорина 2012б — Л. Ю. Зорина. Материалы для наблюдений над реализацией коммуникативной категории вежливости в вологодской деревенской глубинке // Е. Н. Ильина (ред.). Народная речь Вологодского края: материалы по русской диалектологии. Вологда, 2012. С. 34—69.
- Исаев 2004 — И. И. Исаев. Исследование процессов развития в вокализме одного владимирского говора (статистический анализ фактов междиалектного взаимодействия, отраженных в динамической синхронии) // Материалы и исследования по русской диалектологии. II (VIII). М., 2004. С. 58—69.
- Исаев 2007 — И. И. Исаев. Особенности артикуляционной базы некоторых севернорусских говоров. Тезисы доклада на международной конференции «Фонетика сегодня». М., 2007. С. 86—87.
- Исаев 2010 — И. И. Исаев. Некоторые аспекты изучения артикуляционной базы, сегментной и суперсегментной фонетики владимирских говоров // Основные тенденции развития русского языка: лингвофилологический аспект. Сборник материалов международной научной конференции / Отв. ред. А. С. Малахов. Владимир, ВГГУ, 2010. С. 30—42.
- Касаткин 1999 — Л. Л. Касаткин. Русская литературная и диалектная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.
- Касаткин 2000 — Л. Л. Касаткин. Донские казачьи говоры // Слово в тексте и

- словаре. Сб. статей к 70-летию Ю. Д. Апресяна. М., 2000.
- Ламов 2008 — В. Ю. Л а м о в. Родные слова, или побоем по-нашему // Вологда, 2008, № 4. С. 210—222.
- Ламов 2010 — В. Ю. Л а м о в. Говорок журавельной сторонки (рукопись: Тарнога, 2010. 48 с.).
- Макарова 1973 — Л. Н. М а к а р о в а. К истории аффрикат в русском языке (на материале кировских говоров) // Вопросы языкознания. 1973. № 1. С. 27—55.
- Падучева 1996 — Е. В. П а д у ч е в а. Семантические исследования. М., 1996.
- Ровнова 1991 — О. Г. Р о в н о в а. Многократные глаголы в одном вологодском говоре // Современные русские говоры. М., 1991. С. 94—104.
- СВГ — Т. Г. П а н и к а р о в с к а я (ред.). Словарь вологодских говоров. Вып. 1—6. Л. Ю. З о р и н а (ред.). Вып. 7—12. Вологда, 1983—2007.
- Тагунова 2005 — В. И. Т а г у н о в а. Муромские говоры. Лингвистическое наследие В. И. Тагуновой: материалы для лингвоязыковедческой работы студентов-филологов и учителей русского языка и литературы. Владимир, 2005. С. 23—52.
- Тер-Аванесова 2011 — А. В. Т е р - А в а - н е с о в а. Экспедиции в Липецкую, Белгородскую и Владимирскую области // Русский язык в научном освещении. 2011. №1 (21). С. 289—292.
- Угрюмов 1992 — А. А. У г р ю м о в. Кокшеньга: историко-этнографические очерки. Архангельск, 1992.
- Шахматов 1914 — А. А. Ш а х м а т о в. Описание Лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии // Известия ОРЯС. 1913. СПб., 1914. Т. 18, кн. 4. С. 171—220.

РЕЦЕНЗИИ

**Перспектив Активнoгo словаря русскoгo языкa /
Отв. ред. Ю. Д. Апресян. —
М.: «Языкa славянскoй культуры», 2010. — 779 с.**

Замысел и концепция Активнoгo словаря (далее АС) русскoгo языкa принадлежат акад. Ю. Д. Апресяну; рецензируемая книга создана коллективом авторов под его руководством и редакцией. Объемистый том включает теоретическое введение (автор Ю. Д. Апресян), подробную инструкцию по составлению словарных статей (автор Ю. Д. Апресян), образцы словарных статей, объединенных в 11 разделов (авторы В. Ю. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, И. В. Галактионова, М. Я. Гловинская, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Птенцова, А. В. Санников, Е. В. Урысон), словник АС, насчитывающий около 12 000 единиц (вокабул) и составленный совместными усилиями всех участников проекта.

Планируемый АС является словарем нового типа, создаваемым на новейшей теоретической базе лингвистики (семантика, синтаксис, теория лексических функций, лексическая просодия, системная лексикография), с ориентацией на самый широкий круг источников и с использованием современных технологий. Все особенности нового словаря авторы определили термином «активный», вынесенным в его название. Что же понимается под этим термином? Во Введении сообщается, что в истории европейской лексикографии первыми и наиболее распространенными, сохранившими свое значение до нашего времени, были словари пассивного типа, предназначенные для воспринимающих язык (слушателей и читателей) и облег-

чающие им понимание «трудных» слов. В отличие от них активные словари, возникшие в начале XX века, «предназначены для того, чтобы обеспечить нужды говорения, или, более широко, нужды производства текстов» (с. 18). Во Введении дается краткий обзор основных европейских словарей активного типа (английских, французских, немецких, русских), многие из которых носили экспериментальный или учебный характер или предназначались для иностранцев. Другое возможное понимание термина «активный» — ориентация словаря на наиболее активную (употребительную) часть лексики: «Основная формула пассивного словаря — много слов, минимальная информация о каждом слове, достаточная для его понимания в произвольном контексте. Основная формула активного словаря — существенно меньше слов, но по возможности полная информация о каждом слове, необходимая для его правильного употребления в собственной речи говорящего» (с. 19). Оба эти понимания термина «активный» предусмотрены концепцией АС.

Остается вопрос о том, кому должен быть адресован такого рода словарь, кто именно и с какой целью будет к нему обращаться. Предполагается, что пользоваться словарем будут прежде всего носители русского языка, поэтому «язык описания должен быть доступен для широкого круга пользователей, в том числе для тех, кто не имеет филологического образования» (с. 30). Од-

нако если обращение к традиционному толковому словарю пассивного типа естественно как для носителя русского языка, встретившегося с незнакомым словом или непривычным употреблением слова, так и для иностранца, обучающегося русскому языку, то к АС скорее обратится обучающийся русскому языку иностранец, которому необходимо узнать, как то или иное слово употребляется (применительно к каким ситуациям и реалиям окружающего мира), с какими словами оно сочетается, какого управления требует и т. д., или редактор, который должен проверить, правильно ли употреблено то или иное слово в каком-то реальном тексте, наконец, исследователь, которого интересует устройство языка, — чем носитель русского языка, который усваивает способы употребления слова и его типичные контексты стихийно, в процессе естественного овладения языком. В самом деле, говорящему на русском языке в его речевой практике вряд ли необходимо знание о полной структуре многозначного слова, о соотношении между его разными значениями (лексемами), о его грамматических характеристиках, ведь он пользуется «готовыми» конструкциями, применимыми к той или иной ситуации и содержащими слово в нужном значении. Употребляя слово *карта*, носитель русского языка не будет сверяться со словарем, он естественно скажет и *карта России*, и *значки на карте*, и *ходить с козырной карты* или *пойти козырным тузом*, так же, как в шахматной игре он, в отличие от иностранца, будет знать, что надо сказать *пойти конем*, но не *с коня*. АС предлагаемого типа моделирует это естественное владение языком и в перспективе может быть использован для автоматического порождения правильного текста на русском языке. Поэтому, как кажется, АС служит в большей степени теоретическим целям описания струк-

туры и механизмов русского языка, чем практическим целям построения текстов носителями языка. Для носителя русского языка и для иностранца цель обращения к словарю будет разной: для первого скорее контроль, для второго — обучение.

Теоретическая концепция лексикографии нового типа, положенная в основу АС, разработана акад. Ю. Д. Апресяном, она опробована и усовершенствована в многочисленных предшествующих работах самого Ю. Д. Апресяна (начиная с «Лексической семантики» 1974 г.) и в трудах других представителей Московской семантической школы; ее наиболее полная версия представлена в «Новом объяснительном словаре синонимов» [НОСС], где нашли воплощение ее главные принципы — интегральность, т. е. согласованность лексики и грамматики, системность, предполагающая отражение парадигматических связей слова с другими словами и единообразное представление однотипных (в семантическом отношении) групп лексики, и полнота, т. е. исчерпывающая характеристика всех семантических и грамматических свойств слова, необходимых для его правильного употребления. Концептуально (в некоторых случаях и практически) АС является прямым продолжением словаря синонимов с тем отличием, что в нем объектом описания являются не синонимические ряды, составленные отдельными лексемами многозначных слов (лексема в концепции этой школы — слово в одном из его значений), а «парадигматические ряды» лексем в рамках отдельных многозначных слов (вокабул); сами же принципы толкований и описания синтаксических, прагматических, парадигматических (системных) свойств лексем остаются неизменными. Таким образом, если в НОСС воплощалась теория синонимии московской семантической школы и предлагалась практическая лексикогра-

фическая разработка на ее основе большого числа синонимических рядов, то в АС должна воплотиться теория многозначности, на основе которой будет создано лексикографическое представление русской «активной» лексики. Проблеме лексической многозначности в последние годы посвящены многие специальные исследования (см. прежде всего [Падучева 2004, Кустова 2004, Зализняк Анна 2006]), результаты которых в полной мере учтены в проспекте АС.

Независимо от того, какая теоретическая задача оказывается доминирующей в лексикографическом проекте такого масштаба — разработка проблемы синонимии в НОСС или проблемы полисемии в АС, в любом случае первоначальной и первостепенной задачей с необходимостью становится выделение лексем из всего набора характерных употреблений слова, установление их иерархии, создание полного лексикографического портрета отдельной лексемы, включающего ее толкование, определение ее релевантных грамматических, синтаксических и прочих свойств. В случае АС, помимо общей теории московской семантической школы, необходимы более узкие, специальные исследования семантической организации отдельных групп и рядов лексики и уточнение на конкретном материале некоторых исходных понятий, таких, как лексикографический тип, семантический класс, тематический (таксономический класс), семантическое поле и другие группировки лексем. Многие из этих и более частных вопросов теории в той или иной степени освещаются в рецензируемом томе.

Содержание тома не ограничивается традиционными разделами, предусмотренными жанром проспекта (изложение концепции проектируемого словаря, образцы словарных статей, составленных по декларируемым принципам, и проект словника), оно далеко выходит

за рамки жанра. Проспект АС содержит очень важные для общей концепции системной лексикографии теоретические разработки отдельных тематических групп лексики и некоторых общих вопросов семантической структуры языка.

Уже сама группировка конкретных словарных статей, помещенных в книгу, отражает системный способ работы над словарем: статьи объединены в группы по тематическому или иному системному принципу, каждой группе статей предпослано теоретическое введение, посвященное способам концептуализации действительности, характерным для соответствующей группы лексики, и выделяющее релевантные для данной группы признаки, лежащие в основе противопоставлений или иных соотношений отдельных слов и лексем. Например, в разделе, трактующем поле 'пространство', 'время' и 'причина' (автор — О. Ю. Богуславская), дается общая характеристика наречий с пространственной, временной и причинной семантикой, характерных для них типов многозначности; в пространственной зоне выделяются локативные, направительные наречия и наречия со значением величины расстояния (для каждой группы определяются существенные семантические признаки и свойства); описывается структура многозначности существительных, обозначающих отрезки времени, и т. д. В разделе, посвященном словам со значением речевых актов (автор — М. Я. Гловинская), выделяются семантические признаки, релевантные для этой лексики, дается общая характеристика ее семантической структуры, описывается характерная для нее регулярная многозначность, мотивируется способ лексикографического представления слов, обозначающих речевые акты, и лишь затем приводятся относящиеся к этому полю словарные статьи: *вразумить, грозить, доказать, донести, заявлять, клясться, назидать*.

ние, наказ, наказать, наставление, наставлять, нравоучение, поучать, обещать, объявлять, осуждать, подтверждать, подтвердиться, просить, ругать, сулить, убедить, угрожать, урок, учить. Т. В. Крылова подробно исследует структуру многозначности прилагательных и глаголов, входящих в семантическое поле «высокая и низкая температура», предлагает разбиение прилагательных на несколько групп на основе релевантных семантических признаков, описывает регулярные метафорические переносы у прилагательных, определяет семантическое соотношение прилагательных и глаголов в исследуемом поле, реконструирует особенности восприятия температуры, отражаемые языком. В разделе о лексике памяти (автор — Б. Л. Иомдин) словарным статьям предшествует введение, воссоздающее языковой образ памяти, описывается актантная структура соответствующих слов, затрагивается проблема контролируемости, рассматривается место памяти среди других ментальных сфер.

Некоторые разделы книги поднимают общие категориальные вопросы семантики. Так, в разделе, написанном Е. Э. Бабаевой, обсуждается проблема антонимии и согласованного описания антонимов на материале прилагательных *правый—левый, простой—сложный, легкий—трудный, легкий—тяжелый, сырой—сухой* и др. А. В. Птенцова уточняет понятие контролируемости (намеренности) действий, анализируя глаголы, относящихся к полям ‘звук голоса’, ‘отсутствие звука’, ‘наличие—отсутствие света’. И. В. Галактионова большое внимание уделяет типам регулярной многозначности (на материале ме-реологической лексики, обозначающей составные части и границы объектов). Е. В. Урысон рассматривает проблему фокуса внимания говорящего, сдвига семантического акцента и их роли в

структуре полисемии на материале двух тематических групп: слов со значением ‘часть населенного пункта’ (*улица, площадь, переулок, проспект, бульвар*) и слов со значением ‘осадки’ (*снег, дождь, град, осадки, изморось и морось, снегопад и ливень*); следующие за общей характеристикой каждой группы словарные статьи основаны на выводах о семантической структуре всей группы.

В каждом таком «введении» к словарным статьям содержится немало ценных наблюдений теоретического характера, существенных не только для описания данного класса слов, но и для общей семантики. Так, в статье Е. В. Урысон вводятся понятия: *семантический класс* (совокупность слов, имеющих общую логическую «вершину толкования»), например, каждый из членов класса «атмосферные осадки» включает значение ‘падение на землю из облаков таких-то частиц’), *логическая структура полисемии* (иерархия значений, отражающая логику развития значений слова, но не обязательно совпадающая с исторической последовательностью семантической деривации), *обобщенная схема значения* (характерный для всего класса упорядоченный набор значений, исходя из которого составляется схема многозначности конкретного представителя класса), *модификация значения* (семантика, не достигающая уровня значения, но вписывающаяся в структуру полисемии, — в дополнение к понятиям *значение* и *употребление*). Эти понятия могут быть полезны для дальнейшего изучения полисемии как семантической категории. Все такого рода наблюдения, дополнения и уточнения, сделанные на материале ограниченных лексических или семантических групп, безусловно, приближают нас к созданию общей «грамматики смыслов».

Объект (единица) описания в АС — отдельное слово (вокабула), в большинстве случаев состоящее из ряда лексем.

Каждая словарная статья, посвященная многозначному слову, включает несколько построенных по единой схеме самостоятельных под-статей, относящихся к каждой лексеме, и вынесенного в начало статьи синописа, дающего схематическое представление о структуре многозначности слова и соотношении выделенных лексем и их блоков друг с другом. Как выделение самостоятельных лексем из множества контекстов, в которых употребляется слово, так и их группировка в блоки, базируются на строгих правилах, сформулированных в инструкции: два употребления слова считаются принадлежащими разным лексемам, если они различаются по каким-то из фонетических, морфологических, синтаксических, комбинаторных, семантических, коммуникативно-просодических и прагматических признаков и при этом не могут быть получены друг из друга с помощью простого правила (с. 70); группировка лексем в блоки производится по принципу их семантической близости, а иерархия блоков зависит не только от степени близости и характера соотношения значений (например, метафорические значения, естественно, отделяются от «прямых» и составляют особые лексемы), но и от «активности» соответствующих значений в современном языке и полноты грамматических форм и семантических связей лексемы.

Понятно, что даже строгое соблюдение этих правил не гарантирует полной объективности и окончательности решений, тем более, что принимаемые авторами трактовки не могут и не должны мотивироваться в словаре (в некоторых случаях они косвенно мотивируются во вводной статье, см. выше). В самом деле, «близость значений» не может быть точно измерена, поэтому в каких-то случаях предлагаемая в статьях группировка лексем кажется неоправданной или вызывает вопросы. О том, насколько

решения такого рода условны (не единственны и не окончательны), можно судить по следующему факту. В инструкции дается в качестве примера синопис многозначного слова ПРАВДА (с. 80), который насчитывает 8 блоков, объединяющих 12 лексем, а в соответствующей словарной статье (с. 170, автор В. Ю. Апресян) предлагается другая структура — 4 блока, включающих 9 лексем; при этом одна и та же лексема объединяется с разными другими лексемами, например, лексема «соответствие изображения действительности» (*художественная правда*) в первом случае включается в блок 2 и объединяется с лексемой «соответствие чувств и поступков этическому идеалу» (*жить в правде*), а во втором случае — в блок 1 и объединяется с лексемами «то, что имеет место в действительности» (*узнать правду*) и «высказывание, соответствующее действительности» (*чистая правда*).

Если мы обратимся к статье ЛЕГКИЙ (с. 238—243, автор Е. Э. Бабаева), то обнаружим список из 26 лексем, выделенных очень детально и охватывающих практически все возможные употребления этого слова. Естественно, что в каждом конкретном сочетании: *легкий чемодан, легкая походка, легкая артиллерия, легкая задача, нелегкий разговор, легкая одежда, легкая музыка, легкий успех* и т. д. значение прилагательного будет различно. Но как сгруппировать эти частные значения (употребления) в блоки, по какому принципу? В статье они группируются в 7 блоков, однако объяснения этому решению, т. е. выделению именно этих семи «крупных» значений и распределению выделенных лексем по этим семи блокам, в статье не дается. Кроме того, приведенный список не сообщает «активному пользователю», может ли быть легким что-нибудь еще, кроме перечисленного, и если нет, то почему, и к

каким вообще предметным именам (классам имен) это прилагательное применимо. Наконец, в некоторых случаях логика соотношения лексем требует более сложной структуры, чем принятая в АС двухступенчатая.

В данном случае, как кажется, самое грубое членение семантического спектра *легкого* обнаруживает 3 основных сферы (блока) значений. Семантическим ядром первого блока является физическое понятие веса, реального или воображаемого (условно 1.1). К нему примыкают два блока — «метонимический» и «метафорический». Метонимический охватывает все значения, относящиеся к походке, полету, маневренности и т. д., потому что это свойство вытекает из физической легкости (малого веса): легкие предметы движутся свободнее, чем тяжелые (1.2.). Метафорическое значение меняет в прототипическом значении физический вес (массу) на абстрактное «содержание»: *легкий разговор, чтиво, музыка* (последнее с более специализированным значением) и т. д.; близким было бы *несерьезный* или *неглубокий* (1.3.). Ядром второго, совсем другого, не физического значения является свойство, относящееся к сфере усилий, труда, муки, стараний, преодоления препятствий: 2.1. условно — ‘не требующий больших усилий’ (*легкая задача, музыкальная пьеса; легкий человек, ребенок, легкая нажива, добыча* и т. п.); 2.2. ‘лишенный препятствий, преград’ (*легкое дыхание, легкая жизнь*). Наконец, третья сфера связана с понятием степени: ‘небольшой, слабый, малый’ (*легкий ветерок, грусть, наказание, болезнь, флирт, завтрак* и т. д.). Эти три главных сферы связаны между собой по-разному: если третью сферу можно воспринимать как семантически производную от первой, прототипической (их объединяет признак «малый, слабый»), то вторая сфера по отношению к прототипической оказы-

вается более автономной. Даже если внутри выделенных значений производить еще дополнительные разграничения, все равно логика трехчленного деления сохранит свою значимость. И именно такая логика, как кажется, должна быть прежде всего сообщена пользователю АС.

В некоторых статьях остается непонятным принцип предпочтения одних семантических различий другим. Так, если мы захотим систематизировать значения слова *немного*, то обнаружим, что все его употребления различаются по следующим двум группам признаков: 1) по характеру значения — оно может иметь значение меры (‘мало, недостаточно’) и значение ‘неопределенного (малого) количества’, ср. *денег осталось совсем немного* и — *добавьте немного воды*; 2) по принадлежности к определенной денотативной сфере: оно может относиться к физическим объектам (предметам, людям и др.), ко времени, к пространству, к степени (интенсивности). Значения этих двух признаков сочетаются друг с другом. Какой из признаков следует считать основным, а какой второстепенным? Первый признак носит чисто семантический характер (ср. различие толкований), а второй указывает на денотативную область (предметы, время, пространство, степень). Автор статьи НЕМНОГО (В. Ю. Апресян) считает релевантным «денотативный» признак и нерелевантным — «семантический»: 1.1. «количество объектов» (*немного денег, друзей*), 1.2. «время» (*немного подождать, немного раньше*), 1.3. «пространство» (*немного подвинуть, немного пройти*); 2. «степень» (*немного тише, немного играет на скрипке*), причем отмечается, что во всех трех первых лексемах в зависимости от фразового ударения значение может быть как ‘мало’, так и ‘некоторое количество’ (при этом приводимые иллюстрации, синонимы, антонимы и де-

риваты относятся только к значению ‘некоторое количество’). В то же время для *немного* 2 временные и пространственные денотативные области не разграничиваются, хотя они здесь также представлены, ср. *немного позже, немного дальше*.

Кажется более логичным решением сначала выделить на семантическом основании два блока лексем: 1. со значением ‘некоторое количество’ и 2. со значением ‘мало’, а затем в каждом блоке выделить предметные, временные, пространственные значения и значение степени: 1.1. *немного воды*; 1.2. *немного подождать*; 1.3. *немного пройти*; 1.4. *немного тише, немного говорит по-французски*; 2.1. *денег совсем немного*; 2.2. *времени совсем немного, пройти совсем немного*. Лексемы первого блока, обозначающие ‘некоторое количество’, но относящиеся к разным денотативным сферам (при этом необходимо учесть, что различия пространства, времени и степени формируют регулярную многозначность), как кажется, ближе друг к другу (они относятся к разным денотативным сферам, но имеют одно значение), чем 1.2. и 2.2., относящиеся к одной денотативной сфере, но имеющие разные значения. В пользу такой трактовки говорит также соотношение наречия *немного* с прилагательным *немногий* только в значении ‘мало’ (*Немногие люди на это согласятся = мало кто*), но не ‘некоторое количество’ (**допустил немногие ошибки*). Ср. также *ненамного* с просодическим выделением как дериват от *немного* только в значении ‘мало’. Хорошо известно, что просодические различия (наличие или отсутствие главного фразового ударения) нередко выступают в функции семантических маркеров, ср. *разный* под ударением в значении ‘неодинаковый’ (*Это совершенно разные вещи*) и без ударения — ‘какой-то, некоторый’ (*Ходят тут разные люди*);

свой под ударением в значении ‘собственный, отдельный, индивидуальный’ (*Он не согласился и предложил свое решение*) и без ударения — в значении принадлежности (*Позаботься о своем здоровье*) и т. п. Заметим еще, что в описании близкого к *немного* наречия *мало* (с. 186—188) мы встречаемся с другой трактовкой: хотя *мало* тоже может относиться и к предметной сфере (*мало грибов*), и ко времени (*мало спал*), и к пространству (*мало прошел*), эти значения не выделяются в качестве отдельных лексем, а все включаются в одну лексему *мало* 1; особую лексему составляет только *мало* в значении степени: *мало образованный, менее интересный*; отдельный «блок» образует *мало* 3 в предикативном употреблении: *этого ему мало*.

Эти примеры показывают, что, несмотря на строгие правила и единые принципы толкования лексем, принятые в АС, у авторов остается достаточная свобода в толковании лексемы (в зависимости от выбора доминирующего признака) и структурировании полного семантического спектра многозначного слова.

Значение принципа системности в лексикографии ярко продемонстрировано в НОСС и других (как теоретических, так и практических) работах московской семантической школы. В НОСС «системным» был уже сам объект описания, выделенный на основе парадигматических отношений лексем (синонимические ряды). В АС системные партнеры (синонимы, антонимы, конверсивы, аналоги и др.), как и иллюстрации и фразеология, приводятся в специальных зонах словарных статей, посвященных каждой лексеме. Но принцип системности проявляется и во многих других параметрах лексикографического представления в АС, прежде всего в способе толкования и группировки лексем.

Само понятие поля, используемое в рецензируемом труде, — это, конечно, элемент системного подхода, но к сожалению, оно не получило более строгого определения. В книге поля выделяются на разных основаниях и в разном «масштабе» (ср.: ‘соответствие и несоответствие действительности’, ‘малое количество и степень’, ‘уступительность’, ‘организация’, ‘пространство’, ‘время’, ‘причина’, ‘нападение и защита’, ‘высокая и низкая температура’, ‘личность’, ‘жалость’, ‘звуки голоса’, ‘отсутствие звука’, ‘наличие—отсутствие света’, ‘постройки’, ‘позор’, ‘мебель’, ‘певческие голоса’); они служат лишь условным обозначением описываемой денотативной сферы, наравне с «лексическим» обозначением подобных сфер (ср. «мереологическая лексика», «ментальная лексика» и др.). Очень важным представляется также используемое в книге понятие «лексический мир слова», включающее лексику, отражающую все экстралингвистически и культурно значимые связи слова, например, для ПЧЕЛЫ — *рой, пасека, улей, воск, мед, жало, пчеловодство, пчеловод, пыльца, взятка, нектар, дымарь* (с. 102).

В отличие от этих связей, проецируемых на внеязыковую действительность и мотивируемых ею, но получающих разнообразные «отклики» и в языке, собственно языковые связи слова непосредственно отражаются на семантических свойствах соответствующих слов (лексем). Кроме «горизонтальных» семантических связей лексемы с лексемами других слов (синонимами, антонимами, конверсивами, аналогами и т. п.), в словаре, вероятно, следовало бы учесть и «вертикальные» семантические связи, существующие между словами (лексемами), находящимися в отношении семантической деривации, в том числе и со словами одного словообразовательного-этимологического гнезда. Покажем

важность учета этих связей для системного лексикографического представления на примере слов, относящихся к полю ‘жалость’.

В разделе, посвященном полю ‘жалость’ (с. 607—618, автор И. Б. Левонтина), рассматриваются слова *жалость, жалеть, жаль, жалко, жалкий, сожалеть*, относящиеся к одному словообразовательному (этимологическому) гнезду, а также слова *сочувствие, сострадание, сочувствовать, сердобольный, милосердие*, являющиеся синонимами к некоторым из лексем гнезда ‘жалеть’. Очевидно, что гнездо ‘жалеть’ отличается не только этимологическим и словообразовательным единством, но и семантической общностью, т. е. образует своего рода «семантическое гнездо», ибо входящие в него слова оказываются семантическими дериватами глагола ‘жалеть’, который и в словообразовательном, и в семантическом отношении является «вершиной» этого гнезда. В самом деле, *жаль, жалко* обозначают состояние того, кто *жалеет* (я *жалею* > мне *жаль, жалко*); *жалость, сожаление* — чувство, испытываемое человеком, который *жалеет*; *жалкий* — тот, кого *жалеют*. Эта семантическая зависимость от мотивирующего (в семантическом смысле) слова должна учитываться в дефинициях его (семантических) дериватов.

У глагола *жалеть* в книге выделено 4 значения (лексемы), сгруппированные в два блока: 1.1. ‘жалеть (больного ребенка)’, далее здесь условно: ‘сочувствовать’; 1.2. ‘жалеть (о прошлом, о том, что не пришел, и т. п.)’, условно: ‘горевать’, 2.1. ‘жалеть (машину, мать)’, условно: ‘щадить, беречь’ и 2.2. ‘жалеть (денег, времени)’, условно: ‘скупиться’. Эти лексемы различаются также управлением: 1.1. жалеть *кого*, 1.2. жалеть *о чем*, жалеть, *что...*, 2.1. жалеть *кого, что*, 2.1. жалеть *чего*. Мне кажется, что эти четыре значения выделены совер-

шенно справедливо, хотя их группировка нуждается в обосновании, особенно на фоне дефиниций других слов этого гнезда, где эти же значения и нумеруются, и группируются иначе. Исходя из интуитивно ощущаемой близости выделенных лексем, легче было бы, как кажется, обосновать такую группировку: 1. 'сочувствовать', 2. 'горевать', 3.1. 'щадить, беречь', 3.2. 'скупиться'.

У слова *жаль* выделено три значения (лексем): 1.1. (<'сочувствовать'), 1.2. (<'щадить, беречь'), 2. (<'горевать'). Такое решение вызывает несколько возражений. Во-первых, значение 1.2., производное от 'щадить, беречь' здесь объединяется в одном блоке со значением 1.1., производным от 'сочувствовать', тогда как в глаголе *жалеть* соответствующие лексем 'сочувствовать' и 'щадить, беречь' отнесены к разным блокам (1 и 2); во-вторых, к разным блокам также отнесены лексем с семантикой 'горевать' (у глагола это 1.2., здесь это 2.) Наконец, здесь вообще не отмечено *жаль* от *жалеть* 2.2. 'скупиться', хотя, как кажется, такое значение вполне возможно: *Ему просто жаль денег (времени)*.

В слове *жалко* выделены три значения, которые распределены тоже иначе, чем в глаголе: 1.1. (<'сочувствовать'), 1.2. (<'скупиться'), 2. (<'горевать'); четвертое значение ('щадить, беречь') здесь не отмечено, хотя оно тоже, кажется, возможно: *Ей было жалко новых туфель, поэтому она старательно обходила лужи*. Слову *жалость* приписывается только два значения, производные соответственно от 'сочувствовать' (*жалость к кому*) и 'огорчаться' (*жалость, что...*), однако они квалифицированы иначе (1. и 2.), чем у глагола (соответственно 1.1. и 1.2.). Наконец, слово *сожаление* имеет лишь одно значение, которое производно от *сожалеть*, восходящего в свою очередь к *жалеть* в значении 'горевать', а прила-

гательное *жалкий*, помимо «унаследованного» от глагола *жалеть* в значении 'сочувствовать' ('такой, кого жалеют'), имеет «дальнейшее» деривационное значений 'незначительный, убогий, мизерный'.

Таким образом, толкования слов, связанных отношением семантической деривации, и группировка их значений должны быть каким-то образом согласованы друг с другом. Для активного словаря этот принцип представляется очень важным, и в некоторых статьях он соблюдается, например, во Введении синопсис статьи Выход выглядит следующим образом: 1.1 от *выйти* 1.1; 1.2 от *выйти* 1.2; 1.3 'выход на сцену' (театр.); 1.4 'место, через которое выходят'; 2 от *выйти* 2.1; 3.1 от *выйти* 3.1; 3.2 от *выйти* 3.2; 3.3 'способ преодоления трудности' (найти выход из положения); 4 от *выйти* 5; 5 от *выйти* 6; 6 от *выйти* 7; 7. 'обнажение горных пород' (с. 70). А в приводимом там же синопсисе статьи БОРЬБА никакой отсылки к глаголу *бороться* не дается, хотя все лексем существительного семантически производны от глагола. Точно так же дефиниции лексем наречия *чисто* могли бы быть более ясными и логичными, если бы учитывалась их семантическая производность от соответствующих лексем прилагательного *чистый*. Подобных примеров можно было бы привести немало.

Поскольку «главным средством определения степени семантической близости лексем друг к другу и, следовательно, средством их упорядочения в структуре словарной статьи слова являются толкования» (с. 72), к толкованиям предъявляются особые требования. Принципы толкования, которыми руководствуются авторы, должны быть понятны пользователям словаря. Однако в некоторых случаях предлагаемые дефиниции слишком абстрактны. Например, лексеме *легкий* 4.1. дается тол-

кование 'такой, нормальному ходу которого ничто не мешает' (*легкая беседа*), причем точно так же формулируется значение лексемы *легкий* 4.2. (*легкая беседа, нелегкий разговор*); лексема *тяжелый* 8.1. толкуется так: 'важность которого больше важности другого однотипного объекта' (*тяжелое ранение, преступление, оскорбление* и т. п.), *тяжелый* 8.2. — 'связанный с плохим физическим и/или эмоциональным состоянием', *тяжкий* 4.1. — 'такой, находясь в котором, человек должен прилагать большие усилия для сохранения возможности нормального существования или функционирования' (*тяжкие обстоятельства*). Очевидно, что такие дефиниции не идентифицируют толкуемого слова и могут быть применены ко многим другим словам (лексемам), не говоря уже о том, что они «плохо читаются».

Оценивая труд такого масштаба и такой теоретической и практической значимости, не хочется говорить о мелких недочетах, непоследовательностях, технических погрешностях, опечатках и т. п. Они неизбежны, и их в книге немного. Главным вопросом и главной трудностью остаются принципы выделения и упорядочения лексем многозначного слова, а также формулы толкований. В какой мере здесь возможны унифицированные правила? Всегда ли, например, должны учитываться случаи регулярной многозначности на основе метонимии, такие как контейнер—содержимое, граница—пространство, очерченное границей, точка—отрезок, примыкающий к ней, и т. п.? Например, в статьях об «учреждениях» для слов типа *школа, детский сад, больница* не учитываются значения 'здание (школы, детского сада, больницы)', ср. *ремонт школы, крыша школы, строительство школы* и т. п.; в статьях о слове *конец* не различаются «точечные» и «протяженные» временные значения (ср. *билет*

действителен до конца года и позвоните в конце месяца). Всегда ли для предикатной лексики разными значениями (лексемами) следует считать такие, в которых любой из актантов (субъект, объект, инструмент, средство и т. д.) отличается своим таксономическим классом (денотативной сферой) или сам предикат различен по своему фундаментальному классу (например, *защитить* как действие и как свойство)? Таких общих вопросов, относящихся к сфере «грамматики смыслов», остается еще немало.

Высказанные выше сомнения и вопросы содержательного свойства, возможно, в каких-то случаях объясняются тем, что рецензент недостаточно овладел метаязыком и теорией московской семантической школы, но ведь АС, по заявлению его создателей, адресован не столько специалистам, сколько широкому кругу пользователей, значит, такие «некомпетентные» вопросы правомерны.

Перспектив АС производит впечатление прежде всего грандиозностью самого замысла, предусматривающего интегральное описание активной русской лексики во всей полноте характеристик каждого слова (семантических, грамматических, просодических и др.) и с учетом всех его системных связей, а также тщательностью проработки не только общей концепции, но и отдельных фрагментов лексической системы и ряда тематических групп лексики, что позволяет внести существенные дополнения и уточнения в имеющиеся представления о семантических механизмах, регулярных отношениях и правилах, определяющих реальное употребление слов в русском языке. Вместе с тем, практика лексикографической работы постоянно ставит перед авторами новые теоретические вопросы, и каждая новая словарная статья не только совершенствует аппарат исследования, но и выяв-

ляет новые грани, параметры и измерения лексической системы языка, требующие изучения, и приближает нас к построению общей «грамматики смыслов».

Л и т е р а т у р а

Зализняк Анна 2006 — Анна А. Зализняк. Многочисленность в языке и способы ее представления. М., 2006.

Кустова 2004 — Г. И. Кустова. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.

НОСС — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим руководством акад. Ю. Д. Апресяна. 2-е изд., испр. и доп. М.; Вена, 2004.

Падучева 2004 — Е. В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.

С. М. Толстая

А. П. Майоров. Словарь русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье. — М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011. — 584 с.

Рецензируемое издание (далее Словарь) представляет собой авторский лексикографический труд, посвященный варианту русского языка XVIII столетия, бытовавшему на огромном пространстве Российского государства (современные территории Иркутской и Читинской областей, Республики Бурятия и Республики Саха-Якутия). Основными источниками Словаря послужили памятники деловой письменности из собраний Государственных архивов Иркутской и Читинской области, Национального архива Республики Бурятия и Российского государственного архива древних актов. Используются также печатные издания материалов по данному региону: книги 1755—1794 гг. и опубликованные архивные документы, в том числе введенные в научный оборот при непосредственном участии автора-составителя Словаря¹. Всего описано около 8000 лексических единиц; соответствующий словник поме-

щен отдельно на с. 537—570. Приложение (с. 571—583) содержит репродукции рукописей, образительные материалы, фотографии.

Как подчеркивается во Введении, основной задачей при составлении настоящего регионального исторического Словаря являлось выявление генетически разнородных слов, которые приобрели в забайкальском региолекте особые свойства в плане выражения и содержания. В соответствии с историко-дифференциальным принципом отбора лексики в Словарь вошли слова, общепотребительные только для русского языка XVIII века, и собственно региональная лексика; ограничения в отборе тех или иных слов связаны также с ображениями объема.

Согласно критериям автора, славянизмы в Словаре представлены, во-первых, лексикой, отсутствующей в «Словаре русского языка XVIII века», во-вторых, словами, которые демонстрируют семантические отличия от тех же лексических единиц литературного языка, в-третьих, архаичными книжно-литературными формами, функционировавшими в исследуемом регионе

¹ Памятники забайкальской деловой письменности XVIII века / Под ред. А. П. Майорова. Сост. А. П. Майоров, С. В. Русанова. Улан-Удэ, 2005.

дольше и активнее, чем в Центральной России. Из европейских заимствований предпочтение в Словаре отдается тем, у которых в письменных памятниках Восточной Сибири и Забайкалья отмечены семантические и формальные особенности.

Осуществить отбор в соответствии с данными критериями на практике оказывается весьма нелегко уже потому, что академический «Словарь русского языка XVIII века» (далее Сл. XVIII) далек от завершения (в 1992—2007 гг. состоялось 17 выпусков: *A — Открыть*; выпуски 18—19: *Открытие — Плангерд* изданы одновременно со Словарем А. П. Майорова и в списке литературы отсутствуют). Использовалась ли автором картотека Сл. XVIII, из Введения неясно. Руководствуясь указанными принципами, можно не соглашаться, например, с включением в Словарь статей **ПАКИ, УМЕРТВИЕ**: первое слово (наречие, союз, частица) вполне употребительно в течение всего XVIII столетия, см. [Сл. XVIII, вып. 18: 176—177]; второе встретилось нам в документе середины XIX века, не имеющем отношения к Сибири: в фонде Курской духовной консистории имеется опись 1859—1861 гг., в которой под номером 544 значится заведенное дело «О смерти дьячка Николая Четверикова» и под номером 54 (в числе рассмотренных дел) — «О скоропостижном умерт. дьячка Четверикова» [ГАКО].

Наиболее интересную часть Словаря составляет, безусловно, разговорная лексика. Здесь различаются лексические единицы общеупотребительные и региональные; последние принадлежат к двум типам: слова в основном северно-русского происхождения, как правило, общесибирские, и заимствования из языков коренного населения Сибири, характерные только для узуса русского языка забайкальского и якутского регионов. Идентификация этой лексики

осуществлялась по данным региональных исторических и областных словарей, историко-лингвистическим исследованиям, материалам письменных памятников Русского Севера, этимологическим словарям. Соответствующие ссылки на опубликованные труды включены в словарные статьи. Описание некоторых лексем сопровождается также комментариями исторического характера.

Собранные и описанные в Словаре лексемы детально отражают специфику региона и быт его населения, разнообразные явления местной экономической, церковной и частной жизни. Читатель найдет многочисленные наименования животных и их мастей, одежды и тканей, растений, жилищ, хозяйственных построек, средств передвижения, ремесленную и строительную терминологию, названия посуды, кушаний, напитков и многое другое. Интересны, среди прочих, композиты *однособольник, троесобольник, пятисобольник* 'тот, кто платит ясак в размере соответственно одного, трех, пяти соболей', *срошноработник*, он же *строшной* 'человек, работающий по найму определенный срок', *винтерквартирование* 'расположение воинских частей на зимнюю стоянку', *просфиропекатель, полусорочкины* 'три недели после чьей-то смерти, а также поминки по умершему ежегодно', *двоезванец* 'тот, кто незаконно присваивает себе второе имя', производные прилагательные *калмыковатой* 'похожий на калмыка; монголо-видный', *прикалмаковатый* 'имеющий во внешности незначительные азиатские черты', *капиталистой* 'владеющий большим капиталом, состоятельный', *подкомандующий* 'подчиненный', *природной* 'такой, где родился (о городе и т. п.), родной', *рукотерней* 'предназначенный для вытирания рук'... Особый пласт Словаря составляют устойчивые словосочетания и фразеологиз-

мы; в числе региональных идиом отметим *блудное воровство* ‘супружеская неверность’, *братское вино* ‘слабоалкогольный напиток из коровьего молока’ (о *братской* см. ниже), *русское вино* ‘хлебная водка’, *круглой лес* ‘лесоматериал, брёвна’, *пускать палы* ‘жечь костры из прошлогодней травы, ботвы и т. п.’, *перепоручен в шестаке (шестаком)* ‘о вторичном поручительстве круговой порукой за беглого группой из шести ссыльнокаторжных лиц’. Списки такого рода можно продолжать и продолжать. Большинство вошедших в Словарь лексем вводится в научный оборот впервые, поскольку лексический состав архивных рукописей, использованных в качестве источников, ранее не исследовался. В этом заключается важная и неоспоримая заслуга автора.

Принимая принципы А. П. Майорова относительно отбора лексики, в отдельных случаях мы всё же считаем допустимым и отклонения от них. Ограничимся одним примером. В Словаре есть статья **НЕТЕЛЬЦА** ‘молодая, еще не телившаяся корова; нетель’ с примерами, датированными 1707 и 1729 годами, и остается пожалеть, что нет статьи, посвященной производящему существительному *нетель*, *-и* (оно входит в лексический фонд современного русского языка). О бытовании *нетель* в региональном узусе свидетельствует целый ряд источников, в частности, документ 1735 года (статья **ПОДРОСТОК** ‘молодое животное’) и приходо-расходная книга Троицкого Селенгинского монастыря (1761 г.), фрагмент которой помещен в Приложении в качестве образца скорописи: *Пала нетель двух лѣтъ пестрая* (с. 577). Вместе с тем в литературном языке, по данным [Сл. XVIII 15: 93], *нетель* фиксируется лишь в конце века в «Словаре Академии Российской» [САР 1794: 91].

Структура словарной статьи, разработанная автором, вполне компактна.

Заголовочное слово и его варианты даются в исходной форме, приводятся косвенные словоформы, грамматические пометы. В связи с последними нельзя не отметить неудачную трактовку в Словаре половинных числительных. Судя по иллюстративному материалу, формы типа *полпята* ‘четыре с половиной’ употребляются при существительных мужского рода, а соответствующие формы на *-ы* — при словах женского рода (примеров среднего рода в этих статьях не находим, но хотелось бы по возможности видеть и их). Ср.: *полпята мсца* (1739 г.), *одинь рубль тритцеть одинь алтынъ полпяты денги*, *полшеста аршина дабы* (1710 г.), *полшесты лошки стьмени рѣпного* (1762 г.), *в полсема и в семь вериков* (1740 .), *дров полсема сажени* (1737 г.), *за полвосма дни*, *за полосма мсца* (1733 г.), *откупной суммы по полосмы денги с рубля* (1777 г.), *за полдевета дни*, *гороху полдесята пуда*, *полдвенацата дни*, *полтринацата дни* (1733 г.). Противопоставление словоформ мужского и среднего родов (*-а*) форме женского рода (*-ы*) описано, в частности, в [Соколов 1834: 638]: **Полчетвергѧ**. Числ. мн. въ ж. *Полчетверты*. Три съ половиною. *Полчетверта рубля*, *ведра*. *Полчетверты кружки*, *бочки*.

Исследованные памятники деловой письменности, очевидно, не акцентуированы, поэтому сведения об ударении отсутствуют и в Словаре. В отдельных словоформах ударный слог маркируется диграфом *io* (*деріова*, *дупліо*, *полдіон*, *тіолка*, *хліобалная* и др.), который сохраняется автором при цитировании примеров и обычно передается буквой *ë* в современной орфографической записи заглавного слова. Для условно-правильного прочтения редких и трудных слов желательно было бы добавить необходимые параллели, как это сделано спорадически, например, в статье **МОЗЕЛЕННОЙ**, *-ая*, *-ое* ‘темно-зеленого цве-

та' — Ср. *муззелень в СРНГ, вып. 18, 337*. Аналогичным образом в статьях **ПОМОТЧИ** 'оказать помощь; помочь', **ПЕЩИСЯ** 'заботиться о ком-, чём-л., печься' уместно привести церковнославянские *помощи, пещиса*, а в статье **АБШИТ** 'отпускное свидетельство' в помету Ср. *абшид в Сл. XVIII, вып. 1, 11* внести знак ударения в соответствии с этим источником (*абшид*). Для рассмотренных выше половинных числительных возможна ссылка на словарь П. Соколова [Соколов 1834] и на «Российскую грамматику» А. А. Барсова, в одном из списков которой снабжены знаком вариации следующие формы: *полчетверта, полята, полиеста, полсема, полосма, полдевята, полдесята, полдвадцата, полтретья* [Барсов 1981: 507]. Читателю, безусловно, будут полезны акцентологические указания к автхтонным заимствованиям, ср. *алакша, амчурь, бурчин, бурюмы, каренга (каралга), олбок, олочи, тайша, терлик (тырлик, тырлык), туйба, хана* и др. То же касается, впрочем, и некоторых исконных слов. Так, для прилагательного *панской* (*чулки вяски паньской, чулки вязаные панские*) ориентиром в действительности служит малоизвестный поэтический материал первой половины XIX века: *в панском ряду; чулки, товар панской* [Еськова 2008: 497]. Другим примером этого рода является идиома *под образ займа* 'в долг, займа; заимообразно' при заглавном слове *займ* (с. 148 Словаря). Исходная односложная форма, ныне бытующая в качестве ненормативной, автором не иллюстрируется и противоречит данным акцентуированных источников и поэзии: *Заёмъ* или *Заёмъ*, Просто же *Заёмъ*, йма [САР 1790: 964], *заём, займа* [Еськова 2008: 111].

Материалы памятников цитируются выборочно, в хронологической последовательности, с указанием даты (1700—1799 вместо ожидаемых край-

них дат 1701—1800). Содержание цитат по достоинству оценят и специалисты-лингвисты, историки, этнографы, и широкий круг лиц, интересующихся историей русского языка и Сибирью. В некоторых статьях (**ДОЕЗД**, **ОРДЕР (ОРДИР)**, **ПАРОЛЬ (ПОРОЛЬ)** и др.) при цитировании сохраняются даже структурные особенности документа (заголовки на отдельной строке, табличная форма). Остается, однако, пожалеть, что в адресе рукописных примеров нет номера листа, что не указаны индекс частотности заглавного слова и дата первой фиксации. Некоторые приблизительные сведения о времени функционирования того или иного слова внимательный читатель сможет почерпнуть из разных словарных статей путем сплошного просмотра. Например, яркое и высокочастотное *братской (брацкой)* 'бурятский; бурят' проиллюстрировано в соответствующей статье всего четырьмя примерами 1767—1795 годов; в одном из них (1791 г.), кстати, содержится любопытное народно-этимологическое объяснение этой формы и литературное соответствие *буряты*. Среди многочисленных цитат в других статьях Словаря обнаруживаются фиксации 1720—1750-х годов, наконец в статье **ЛЮДИ** находим оба орфографических варианта под 1707 годом: *брацкие люди, братцких людей*, а в статье **БОЙ** — под 1706-м: *братцкого ясачного мужика, про брацких же мужиков...* Более того, в статьях **БУРХАН** и **ЦУГУЦУН** встречаем однокоренную форму, нигде специально не учтенную: *За 5 связокъ цугуцуновъ... кои поставляют брацки пред своихъ бурхановъ...* (1786 г.); аналогично и в статье **ПОВЕРСТАТЬСЯ**: *И в то же время те ж брацки ехали...* (1793 г.).

А. П. Майоров уделяет внимание теоретическим проблемам, связанным с описанием значений слов, подчеркивая, что вопрос достоверности толкования

является «наболевшей и трудноразрешимой проблемой» в связи со специфической словарной составом письменных памятников, слабой доказательной силой контекстов (с. 9). Недостаточно надежные толкования в Словаре сопровождаются знаком вопроса; введена особая помета *Знач.?* для семантически темных слов. В этом нам видится один из важных стимулов для дальнейших разысканий и последующего переиздания рецензируемого труда.

Относительно некоторых случаев, вызвавших сомнения автора, мы можем предложить свои соображения. Так, в статье **ВИКТОРИАЛЬНЫЙ** единственный пример *Куплено на ви́кториальный день то есть на день Андрея Первозванного <...> вина простого четверть ведра* (1765 г.) противоречит дефиниции сочетания *викториальные дни*, помещенной в [Сл. XVIII 3: 161]: «дни, в которые совершались молебны в память одержанных побед». Экскурс в историю придворных гражданских празднеств приводит к выводу, что в документе далекого от столицы Селенгинского Троицкого монастыря допущена неточность: день Андрея Первозванного 30 ноября с Петровских времён отмечался при дворе как «торжество Кавалеров Российских» (награжденных орденом святого апостола Андрея), то есть *праздник кавалерский*; последнее словосочетание зафиксировано в [Сл. XVIII 9: 187] в двух примерах. Викториальных дней к 1725 году насчитывалось всего восемь (семь побед и заключение Ништадтского мира), цикл этих ежегодных военных праздников открывался 27 июня воспоминанием о Полтавской битве и завершался 16 октября (битва при Калише). В течение XVIII столетия состав «статских» торжественных дней менялся, но 30 ноября оставалось праздником орденским.

В статье **ХЕРУФЬ**, -и, ж. в контексте *Выдано иконописцу <...> за написан-*

ие имъ своимъ материаломъ в стѣй монастырь одной херуфи по договору денегъ десять рублей (1797 г.), мы полагаем, речь идет о хоругви для того же Троицкого монастыря. Характерно, что при формальном сближении со словом *херувим* исходные грамматические характеристики не изменились. Какой сюжет был изображен на данной хоругви (Святая Троица в виде трех ангелов?), остается всё же загадкой.

Статья **ХАРТУЖНОЙ** (с пометой *Знач.?*) содержит два однотипных примера (1709, 1743 гг.): в обоих случаях фигурирует *бумага хартужная*, измеренная в дестах. Поскольку десть писчей бумаги составляла 24 листа [Сл. XVIII 6: 113], сам контекст *Восем дестей дватцат[ь] листов бумаги хартужной* наводит на мысль, что данная бумага намного толще обычной. Соответствующее словосочетание находим в [Сл. XVIII 9: 267]: *Каргузная бумага 'толстая, оберточная бумага, картон (для коробок, переплетов и т. п.)'*. На сибирской почве прилагательное *картужной* подверглось адаптации, вполне типичной для заимствований, ср. статьи **КВАРТИРОВАТЬ (ХВАРТИРОВАТЬ)**, **ХАБОРЖЕЙ** 'каборжий', **ХАЛЮНОЙ (КАЛЮНОЙ)**, **ХАПТАГАЙ (ХОБТАГАЙ, КАПТАГАЙ)**; в связи с -жн- ср. **БУМАЖНОЙ (ГУМАЖНОЙ)**.

Высказанными выше замечаниями не исчерпываются причины, по которым мы рекомендовали бы автору доработать свое произведение, безусловно, ценное, полезное, оригинальное. В отдельных случаях налицо и досадные лягуны. Так, в одном из источников Словаря в числе наименований лыжных креплений фигурируют ремни, называемые «промышленными людьми» *оттугами* [Крашенинников 1755: 244]; ср. в этой связи [Сл. XVIII, вып. 18: 117]. Название другой детали креплений, фиксируемое в книге С. П. Крашенинникова [Там же] в акцентуированной

форме *кухтоны*, в Словарь вошло без знака ударения. Об этнониме *брацки* см. выше; здесь же заметим, что иллюстративный материал статьи **ОГАРКИВАТЬ**: *И как онья руски (...)* уехали... (1785 г.) — свидетельствует о необходимости создать также статью **РУСКИ**. В словнике (с. 551) имеется форма *найм*, тогда как в основной части Словаря соответствующая статья отсутствует. Требуются изменения и в составе примеров; в частности, нет на своем месте иллюстрации употребления варианта *финивт* (она обнаруживается в статье **ЯБЛОКО**); в статье **ОТЫМАТЬ** 'разводить силой (дерущихся), разнимать' цитата, датированная 1767 годом, в действительности иллюстрирует обычное значение 'взять у кого-н. силой'. Совершенно избыточны отсылочные пометы, приводящие читателя не к словарным статьям, а к другим отсылкам. Помимо алфавитного, весьма желателен и обратный словник. Особый раздел Словаря могли бы составить имена собственные, представленные пока, кажется, лишь двумя статьями: **РУСЬ** 'наименование в XVIII в. сибиряками европейской части Российской империи', **ДАУРЫ** 'название забайкальской территории, населенной ранее даурами'.

Сознавая, что дальнейшая судьба рецензируемого Словаря всецело нахо-

дится в руках уважаемого автора, пожелаем ему сил для осуществления нового издания, исправленного и дополненного.

Источники

Барсов 1981 — «Российская грамматика» А. А. Барсова. М., 1981.

ГАКО — Государственный архив Курской области, ф. 20, оп. 2, № 307.

Еськова 2008 — Н. А. Еськова. Нормы русского литературного языка XVIII—XIX веков: Ударение. Грамматические формы. Варианты слов. Словарь. Пояснительные статьи. М., 2008.

Крашенинников 1755 — Описание земли Камчатки, сочиненное Степаном Крашенинниковым, Академии Наук Профессором. Т. 1. СПб., 1755.

САР 1790, 1794 — Словарь Академии Российской. Ч. II. СПб., 1790. Ч. VI. СПб., 1794.

Сл. XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1—19. СПб., 1992—2011.

Соколов 1834 — Общий церковно-славяно-русский словарь, или Собрание речений... составленное П... С... Ч. II. СПб., 1834.

И. А. Корнилова

ОБЗОРЫ

В. Л. Васильев. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. — 813 с.

Книга В. Л. Васильева, являющаяся синтезом и переработкой многочисленных предшествующих трудов автора о топонимии Новгородской земли, содержит анализ обширного комплекса проблем и фактических данных, относящихся к этой теме.

Монография открывается кратким Предисловием и далее Введением, содержащим культурно-историческую и диалектологическую характеристику Новгородского региона, на фоне которой обсуждается проблема происхождения новгородско-псковского (древненовгородского) диалекта. Согласно автору, анализ топонимических архаизмов Новгородской земли наряду с другими лингвистическими данными не подтверждает сепаратного западнославяно-новгородского (кривичского) родства и свидетельствует скорее в пользу прихода славян на Новгородскую землю со Среднего Поднепровья.

Под архаической топонимией понимается топонимия, «... преобладающим свойством которой является непродуктивность структуры с точки зрения изменившихся особенностей современного языка (диалекта)» (стр. 47).

Книга включает также 10 глав, указатели литературы и источников, 16 карт и индекс исследованных топонимов. Названия глав: 1. Проблематика изучения славянской топонимической архаики; 2. Йотово-посессивная топонимия на базе личных имен; 3. Этимологическая и этноисторическая разработка топонимии с элементами *-гощ-/гост-*; 4. Деантропонимная топонимия на *-ичи/-ицы, -ица, -ец*; 5. Архаическая топонимия с *-ов-/ев-, -ин-* суффиксацией;

6. Топонимия, равная личным именам; 7. Очерки деапеллятивной топонимической архаики (анализ топооснов); 8. Деапеллятивные топонимы-архаизмы в рамках редких структурных моделей; 9. Некоторые аспекты славяно-балтийского пересечения в новгородской топонимии; 10. Итоги лингвистического анализа славянской топонимической архаики Новгородской земли.

Выводы автора строятся на анализе большого корпуса разнообразных источников, в числе которых Новгородские писцовые книги конца XV — XVI вв., списки населенных мест Новгородской губернии XX в., материалы берестяных грамот Новгорода и Старой Руссы. Привлекается топонимический материал писцовых описаний новгородских городов, собраний старорусских актов, летописей, таможенных книг, географических описаний и иных историко-географических трудов. Кроме того, используются обширный круг источников по апеллятивной лексике, особенно диалектной, и этимологическая литература.

Некоторые из результатов исследования, изложенных в 10-й главе («ономастические обобщения» и «этноисторические заключения»):

— обнаружены и охарактеризованы различные модели и типы славянских архаичных названий в Новгородском регионе (в частности, во всех ее разновидностях описана йотово-посессивная модель), в том числе особенности антропонимической и апеллятивной лексики, мотивировавшей топонимы;

— реконструирована и описана ставшая неупотребительной к XVI в. древненовгородская антропонимическая система, отложившаяся в архаичной топонимии Новгородской земли и находящая параллели в средневековой западно-славянской и словенской письменности. Анализ топонимии позволил выявить немало личных имен, не обнаруженных в письменных памятниках (*Аноромирь / *Андромгърь*, *Въховидь / *Въсвидь и т. п.);

— установлен обширный круг апеллативов и апеллативных топооснов, употребительных в средневековых новгородских говорах и отразившихся в топонимии, но впоследствии забытых: *волынь* (*Волын-*, *Вольш-*, *Волун-*) ‘холм’, *водось* и *водосьсь* (*Водос-*) ‘пойма, сырое место’, *вълма* (*Волм-*) ‘ивовый кустарник’, *зеремя* (*Зерем-*) ‘бобровая заграда’ и проч. Осуществлен подробный анализ топооснов с установлением их первичной семантики, ареала и фонетической эволюции. Многие топонимические архаизмы возникли через непосредственную онимизацию апеллативов-существительных (*Волынь*, *Зерема* и т. д.) и апеллативов-прилагательных (*Бологое*, *Врево* и др.);

— получены значительные данные по исторической диалектологии Новгородской земли, особенно по исторической фонетике, в частности, примеры отражения в топонимах древненовгородского развития сочетаний гласных с плавными типа *TorT* > *Trot* (*Дрогину* / *Дорогину*, *Клодыни*), *Tert* > *TreT* (*Требутици* / *Теребутица*), *TъrT* > *TъrT* (*Дретенно*, *Мроткино*, *Прохово*, *Прошнево*, *Слопско* при *Солна*), *TъrT* > *TъrT* (*Боротно*, *Мородкино*, *Мороткино*, *Перетно*, *Смередье*, *Черенчицы*) и примеры отсутствия эффекта второй и третьей палатализаций (*Вховеж*, *Погвизд*, *Гвездено*, *Скир* / *Щир*).

Книгу завершают этноисторические заключения, согласно которым анализ

архаической новгородской топонимии и ее лингвоисторических связей не подтверждает гипотезу о западном пути славян в Ильменско-Псковские земли, а именно, из Повисленья с пересечением областей, заселенных балтами. Констатируется множество древних сходений с украинской Волынью и Галицией: галицко-волынские земли выглядят как область исходных связей, либо как «транзитная» область новгородско-западнорусских и/или новгородско-южнославянских параллелей. Многочисленные новгородско-южнославянские топонимические изоглоссы без участия или при малом участии западных славян свидетельствуют против балтийско-славянского, северно-лехитского генезиса диалекта центральных районов Новгородской земли, в том числе, видимо, и северно-кривичских, псковских. «Межславянские связи новгородской топонимической архаики и диалектной лексики предполагают южный путь проникновения ранних славян в Ильменско-Волховский бассейн» (стр. 680).

Множество топонимических архаизмов праславянского возраста в Новгородской земле (в частности, самый плотный в Славии ареал топонимов со вторым компонентом *-гост-/гоуц-*) могут рассматриваться как свидетельство того, что славяне появились в этом регионе не позднее 3-й четверти I тысячелетия до н. э. и некоторое время оставались относительно обособленными.

Анализ топонимов позволяет констатировать, что в Ильмень-Волховском бассейне и на будущих Псковских землях славяне контактировали не только с древнефинским, но и с балтийским населением. На это указывают, в частности, славянские метонимические кальки балтийских названий, например, гидроним *Хохулька* (название речки, впадающей в озеро Ильмень), букв. ‘выходящей в озеро Ильмень’). Несколько севернее Хохульки, в дельте Мсты, есть река (протока) *Кар-*

мяная (*Кормяная, Кармяная*), название которой может быть субстратным балтийским элементом, связанным с литов. *kurtėnas* 'выхухоль'. Гидроним *Хохулька* может быть калькой с балтийского (стр. 620).

Книга представляет интерес для филологов, историков, краеведов и всех интересующихся историей русского и других славянских языков, Новгородской земли и Российского государства.

А. Е. Аникин